

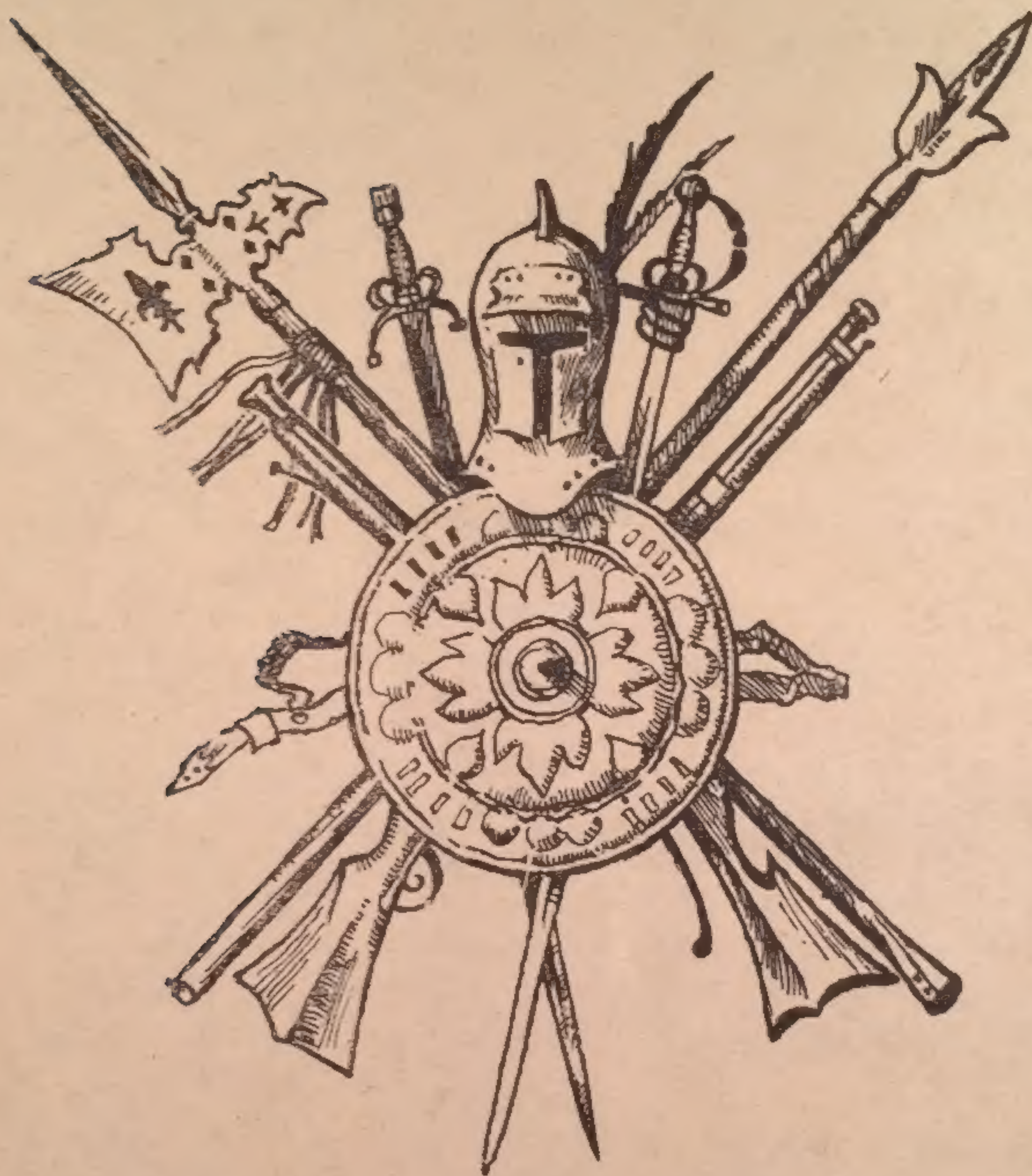
В. ВЛАДИМИРОВ

**ПОСЛЕДНИЙ
КОНСУЛ**

Д

В. ВЛАДИМИРОВ

ПОСЛЕДНИЙ КОНСУЛ

*Исторический
роман*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1967

P 2
B 57

Издание второе

Рисунки И. Кускова

7—6—3

Е
милли
ду в д
мать
бил и
сделал
царил
Ст
сты Б
певец
дотова
Не
ситета
вольце
войне
всю ж
Я л
годах.
вся Мо
С каж
много

О Г Л А В Л Е Н И Е

Об авторе этой книги	3	Глава XXII. Дождь	148
Глава I. Солдат	7	Глава XXIII. Заступница	157
Глава II. Святой отец	14	Глава XXIV. Допрос	164
Глава III. Консул	21	Глава XXV. Ключи	171
Глава IV. Виноград	25	Глава XXVI. Двойник	179
Глава V. «Как нельзя кстати!»	32	Глава XXVII. Кувшин	186
Глава VI. «Золотой баран»	40	Глава XXVIII. Святая ночь	191
Глава VII. Человек с распоротым животом	45	Глава XXIX. «Купец из Бергамо»	198
Глава VIII. Куст можжевельника	52	Глава XXX. Торжественное шествие	207
Глава IX. Круглый погреб	62	Глава XXXI. Казнь	212
Глава X. Философия мессера Джорджио	65	Глава XXXII. В пещере	217
Глава XI. Последние указания	72	Глава XXXIII. «Письма к Луцилию»	224
Глава XII. Ветер	77	Глава XXXIV. Лев и голуби	231
Глава XIII. Башня Румбальдо	84	Глава XXXV. Крыса	237
Глава XIV. Клубок разматывается	92	Глава XXXVI. Серый плащ	244
Глава XV. Неприятный разговор	97	Глава XXXVII. Прощанье	256
Глава XVI. Охота	102	Глава XXXVIII. Бегство	265
Глава XVII. Письмо	110	Глава XXXIX. Синдик	277
Глава XVIII. Скрутки продолжает рассказывать	121	Глава XL. Война мыслей	285
Глава XIX. Клятва гибеллина	129	Глава XLI. Разгаданное намерение	294
Глава XX. Неурочный доклад	135	Глава XLII. Одиночество	302
Глава XXI. Три исповеди	143	Глава XLIII. Последние дни Солдаи	309
		Глава XLIV. Гвидо	321
		Послесловие	333

Д л я с р е д н е г о и с т а р ш е г о в о з р а с т а

Владимиров Владимир Николаевич. ПОСЛЕДНИЙ КОНСУЛ
Исторический роман

Ответственный редактор Г. А. Дубровская. Художественный редактор Н. Г. Холодовская.
Технический редактор Г. А. Подольная. Корректоры Э. Л. Лофенфельд и С. П. Мосейчук.
Сдано в набор 11-IV 1967 г. Подписано к печати 5-VII 1967 г. Формат 60 × 90^{1/16}. Печ. л. 21.
Уч.-изд. л. 21,79. Тираж 50 000 экз. ТП 1967 № 457. Цена 75 коп. на бум. № 2.
Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР.
Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 556.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Владимиров — это псевдоним писателя. Настоящая его фамилия — Долгоруков. Владимир Николаевич родился в 1893 году в дворянской семье. Он рано лишился отца; его воспитывала мать — женщина большого ума и передовых взглядов. Сын любил и почитал ее всячески, он всегда говорил, что именно она сделала его человеком. Это был один из немногих домов, где царил дух истинной культуры.

Старинный московский особняк нередко посещали артисты Большого и Малого театров и прежде всего знаменитый певец Л. В. Собинов и не менее знаменитая артистка Г. Н. Федотова.

Не закончив юридического факультета Московского университета, Владимир Николаевич в 1915 году ушел на фронт добровольцем. «Защищать родину от немцев», — как говорил он. На войне его тяжело контузило. От этой контузии он потом страдал всю жизнь.

Я лично помню Владимира Николаевича уже позднее, в 20-х годах. Он был режиссером детских домашних спектаклей. Тогда вся Москва ставила и играла. Он очень любил возиться с детьми. С каждым юным актером он добросовестно проходил его роль, много раз заставлял повторять реплики.

Мне — тринадцатилетнему мальчику — очень нравилось, что взрослый дядя, да еще писатель, говорит со мной совершенно серьезно, обращается на «вы».

Хорошо запомнились его высокая, сутуловатая фигура, красивое лицо с небольшими усиками, сдержанная манера разговора.

Как-то он читал детям свою повесть «Две дороги» — о двух друзьях-мальчиках.

Мы гордились — писатель читает свое произведение нам, детям, и очень серьезно спрашивает: каково наше мнение? Что нам нравится, а что не нравится?

Уже будучи взрослым, я изредка встречал Владимира Николаевича. Меня всегда поражала его удивительная память и большая всесторонняя культура. Он знал и помнил буквально все, мог ответить на любой вопрос из любой отрасли знаний. Владимир Николаевич считал своим долгом делиться всем, что он знает, и делал это очень охотно. Остроумный рассказчик, он сам никогда не улыбался, даже когда рассказывал что-нибудь очень смешное.

Работал он над своими произведениями медленно, тщательно проверяя каждый факт, каждую дату. Не менее тщательно оттачивал каждую фразу.

Для серии «Жизнь замечательных людей» Владимир Николаевич писал о капитане Куке. Несколько лет подряд он собирал материалы; хорошо зная несколько иностранных языков, он прочел все, что было когда-либо написано о великом путешественнике, старался раздобыть подлинные документы. И только когда больше собирать материалы было неоткуда, он приступил к работе над самой книгой.

Когда она вышла в свет, какие-то критики приняли книгу неблагоприятно. Владимир Николаевич послал ее на суд Горькому.

Алексей Максимович прочел книгу, похвалил и в письме посоветовал не обращать внимания на уколы тех, кто, не замечая главного, с ехидным удовольствием выискивает мелкие огрехи.

В той же серии ЖЗЛ вышла книга Владимировой о В. Франк-лине.

Во время Отечественной войны он — больной после своей старой контузии — жил в эвакуации. Тяжело переживая наши неудачи первых месяцев, он страдал, что не может из-за болезни опять взяться за винтовку.

После войны я изредка встречался с Владимиром Николаевичем. Иным людям казалось, что он очень замкнутый, суровый человек — он редко покидал свой дом.

Конечно, ему очень мешала все увеличивающаяся глухота. Но эта замкнутость была только кажущаяся. В одном из уголков старой Москвы на обширном дворе Молочного переулкa, позади Зачатьевского монастыря, его знали и любили все мальчишки. С ними он всегда находил интересные темы для серьезных разговоров. И не только мальчишки; нередко его можно было видеть беседующим со стариками и старушками о самых разнообразных вещах. В своей многонаселенной квартире он деликатностью и вежливостью обезоруживал даже самых сварливых жильцов.

Состояние здоровья его ухудшалось, работать ему становилось все труднее и труднее, но он ни на один день не прекращал ее.

В это время он работал над книгой для Детгиза «Последний консул». Это несомненно его лучшее произведение. Роман рассказывает о малоизвестных даже специалистам исторических фактах — о трагической судьбе генуэзских колоний в Крыму, отрезанных от метрополии после взятия Константинополя турками.

Не буду передавать содержания повести. Читатель с несомненным интересом познакомится с ней.

У Владимира Николаевича есть еще одна книга для детей — «Повесть о школяре Иве». Действие ее происходит во Франции XIII века. Рыцари там изображаются совсем не такими, как у Вальтера Скотта — «без страха и упрека», а жестокими, вероломными, грубыми деспотами. Владимир Николаевич считал, что нельзя идеализировать и приукрашивать исторические факты, нужно описывать жизнь такую, какая она была на самом деле.

Когда я сам стал писать, то неизменно посылал Владимиру Николаевичу свои книги. Некоторое время спустя я получал

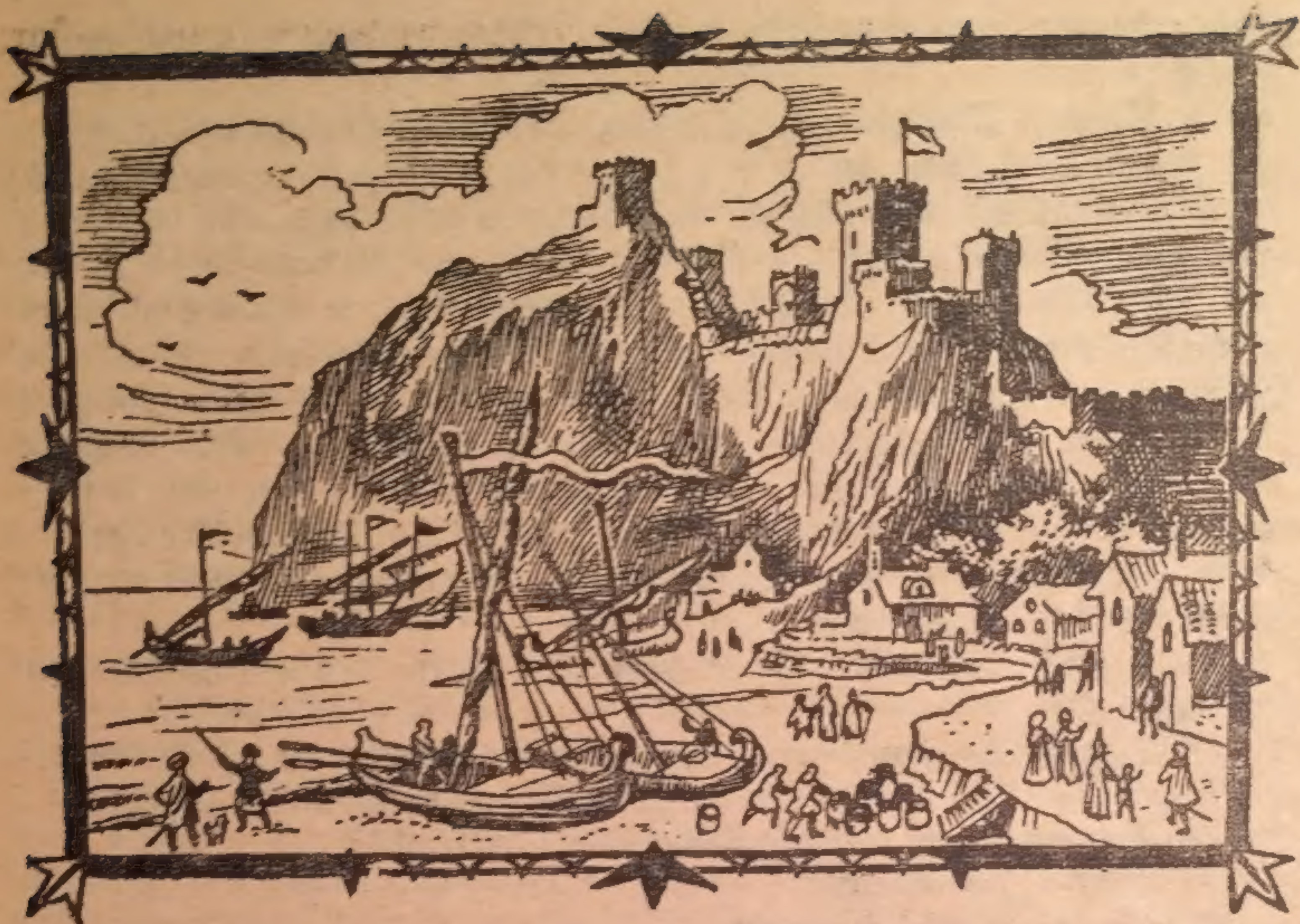
от него длинные письма с подробным разбором моих работ; в отдельном перечне он указывал недостатки: страница такая-то — неверен эпитет, корявая фраза, неточное выражение...

Я всегда бывал благодарен Владимиру Николаевичу за его доброжелательность и внимание.

Когда же я ему послал свою последнюю повесть, он мне ответил, что, к сожалению, плохо себя чувствует, но когда поправится, то непременно пришлет мне подробное письмо.

Увы, я так и не дождался этого письма. В июле 1966 года после тяжелой болезни Владимир Николаевич скончался.

С. Голицын

Глава I

СОЛДАТ

— Я видел его, мессер Джорджио, вот так, как вижу вас... Было уже совсем темно, и в первое мгновение я, конечно, принял его за человека, но каков был мой ужас, когда я понял, что это он! О мессер Джорджио, вы не можете себе представить, какой он был страшный! Я бросился бежать. Не помню, как я добрался до дому. Очнулся я только сегодня утром, и оказалось, что я всю ночь просидел у стола.

— Вы хотите уверить меня, Никколо, что видели самого...

— Молчите, молчите, мессер Джорджио, умоляю вас именем вашего патрона и нашего святого покровителя! Заклинаю вас не осквернять уст ваших проклятым именем врага рода человеческого!

— Я с удовольствием поверил бы всей этой вашей истории с мессером... не буду, не буду... с удовольствием поверил бы, случись все это в другом конце города, но недалеко от башни Румбальдо стоит харчевня, а в ней слишком много бочек с ви-

ном: они отравляют воздух вокруг и пьют всякого, кто попадет в те места.

— Мессер Джорджио, как вам не стыдно смеяться и подозревать меня в пьянстве и тем более во лжи! Вы отлично знаете, что я, может быть, реже всех позволяю себе выпить, что если я и бываю когда-нибудь в «Золотом баране», то только по делам службы, что могут засвидетельствовать все, и, наконец, лета мои уже не те, чтоб я стал плести конунственные небылицы ради смеха. Уверяю вас, мессер Джорджио, я слишком добрый христианин и преданный сын церкви, чтобы шутить такими вещами. Если вам угодно будет отпустить меня раньше, я тотчас же побегу исповедоваться капеллану¹ и буду просить доложить обо всем его преподобию. Я до сих пор дрожу при мысли об этой ужасной встрече...

— Давайте-ка, что у вас там еще есть для сегодняшнего доклада?

— Ведомость портовых пошлин с примечанием о венецианской галере «Сан-Марко», не внесшей установленную плату.

— Мы послали извещение об этом в Кафу?

— Уже более месяца.

— Отлично, продолжаем.

— Затем разные счета: вот счет работ в замке Святого Креста, за починку стены у башни Флиско, у башни Румбальдо... Ох, да простит мне святая мадонна прегрешения мои!..

— Опять?.. Ах, Никколо, боюсь, что с вашими разговорами я опоздаю в замок!

— Сейчас, сейчас... Вот счета приема мессера советника Уберто Скварчафико. Вот тут на отдельном листке — вы просили отметить — благодарность синдику² мессеру Скали за прекращение дела...

— Помню, помню. Дальше.

— Воск для капеллы³, столяру на шкаф в доме помощника капитана, починка четырех балестр⁴ и чапа для воды в главной караульне...

— Отлично. Это всё?

— Всё.

— Прекрасно, Никколо. Я иду в замок, а вы ступайте к капеллану и попросите его дать вам верное средство. Я знаю, у него есть такой порошок, которым он каждый вечер обильно

¹ Капеллан — священник при домовой или замковой часовне.

² Синдик — государственный чиновник.

³ Капелла — часовня.

⁴ Балестра — большой металлический лук с вращающейся ручкой для натягивания тетивы.

обсыпает свою постель. Он говорит, что это от клопов, — не верьте, Никколо, это от чертей!.. Прощайте!

Когда дверь захлопнулась, еще было слышно, как смеялся мессер Джорджио.

«Беспечная молодость!» — подумал Никколо, глубоко вздохнув, и начал поспешно убирать в шкаф толстые счетоводные книги в кожаных переплетах, линейку, медную чернильницу, пергамент, свернутый в трубку, и длинные ножницы. На простом деревянном столе осталось только несколько гусиных перьев и баночка с морским песком.

Пять лет, как Никколо Тербини служил писмоводителем в канцелярии консула Светлейшей Генуэзской республики в городе Солдае. И пять лет каждое утро, после передачи дел секретарю консула, он шел на прогулку в город и в порт. А вечером он заходил в харчевню «Золотого барана» выпить кружку-другую красного вина, а главное, послушать рассказы о родных местах.

На этот раз порядок, такой привычный в течение этих пяти лет, нарушился вдруг самым странным и весьма неприятным образом, и Никколо принужден был, наскоро убрав свои книги, так же наскоро причесать гребнем свои длинные седые волосы, редкой бахромой окружавшие его совсем лысую голову с одутловатым, морщинистым, безбровым лицом и носом цвета спелой сливы, надеть мягкую суконную шапочку, одернуть свою длиннополюю одежду и направить быстрые шаги не к главным воротам, а в противоположную сторону, к дому капеллана — отца Бартоломео, домового священника консула и духовника всех служащих консульского управления.

Солище сентябрьского полдня слепило, отражаясь в плитах белого камня, устилавших все широкое пространство двора крепости.

На башне консульского замка колыхалось знамя с красным крестом на серебряном поле — гербом Генуэзской республики.

Во все стороны разбросаны были малые и большие дома, склады, погреба, водоемы, конюшни и всякие другие постройки, окруженные поясом высоких стен с башнями.

Возле караульни, у главных ворот, с двух сторон которых возвышаются две четырехугольные, сложенные из обтесанного камня башни с зубчатыми, из бойниц, парапетам и узкими амбразурами в стенах, собралось несколько солдат.

— ...Так ты говоришь, что они привязали его к столбу на площади? А потом?

— Потом бросили в погреб и заперли там. И все это только за то, что он полел свой огород, не спросив разрешения да Гуаско.

— Эти синьоры дождутся того, что крестьяне их самих привяжут к столбам.

— Как бы не так! Да у них свои вооруженные стражники, из греков. Они, слышно, и консула не хотят слушать: по дороге в Скуто расставили рогатки, поставили своих людей. Попробуй-ка сунься! Им там каждая тропинка известна — так тебя закрутят, что и не выберешься.

— Что же смотрят в Кафе?

— Э, да там сидит один из братьев да Гуаско — у них своя фактория — и золотит понемножку карманы синьоров синдиксов и советников.

— Верно ты говоришь, Пьетро, верно! Помните, с месяц тому назад приезжал советник правителя, Скварчафико, все по тому же делу. Мне говорил один из замка: Скварчафико уговаривал консула миром покончить с да Гуаско и отказаться от того, что он написал в бумаге сперва в Кафу, а потом протекторам — в Геную. Консул отказал наотрез. Видно, советнику тоже перепадают золотые флорины, это ты верно говоришь, Пьетро.

— Так же верно, Луиджи, как то, что у нас с тобой было по бабушке! — смеясь, ответил молодой рослый солдат, похлопав товарища по плечу. — А помнишь, в Кафе синьорам побилкам чуть было не влетело уже изрядно?

— Как же, помню. Об этом много толковали.

— А у нас тут, в Солдае? Как наши городские ремесленники поднимались, помнишь? А чего они добились камнями да палками? Перехватывали их всех, перевешали, на пытках замучили... Да что и говорить, вот уж скоро пять лет, как все опять по-старому пошло.

— Золото кому хочешь глотку заткнет! Разве только, что наш консул потише прежнего...

— А что толку? Кому от этого легче? Крестьянам, горожанам или нам, что ли? Кому?

Разговор был прерван звуками барабана. Солдаты поспешили в караульную, откуда вышли в блестящих круглых шлемах, с пиками в руках, затягивая короткие суконные кафтаны широкими ремнями поясов с висящими на них тяжелыми мечами, и, поднявшись на башни, разошлись по стенам.

Солдат Пьетро должен был сменить товарища, стоявшего в карауло на западной угловой башне. По стене он дошел до пятой угловой башни на крутом обрыве над морем. Внизу виднелась дорога в порт, слышался шум воды у плотины главных водоемов, крики погонщиков выючных ослов и гомон на площади у складов для товаров приезжих купцов. Стена сходила вниз, к портовой башне и плотине, шла мимо храма Двенадцати Апостолов и, поднявшись на противоположную скалу, вилась по ее отвесу до самой вершины. В другую сторону она круто

поднималась по скале до четырехугольной башни замка святого Ильи, венчавшей крепость.

Пьетро поднялся к месту своего поста и, сменив товарища, стал ходить на башне, вглядываясь в голубую даль гор и моря. Начиналось то благодатное время, когда склоны гор, желтевшие все лето выжженными солнцем кустарниками и травой, начинают зеленеть от осенних дождей и свежести ветра и покрываются цветами, словно вернулась весна. На севере в солнечной дымке высился шатер горы Святого Георгия и расстилались долины с фруктовыми садами и виноградниками, белыми минаретов и грифельными кровлями монастырских башен. Ближе отлогими взгорьями поднималась и округлялась вершинами гора Горячих Источников. По зеленеющим холмам медленно двигались стада овец, дороги пылили вслед тянувшимся к стенам городских предместий повозкам и вьючным караванам. Пестрые одежды горожан мелькали между зеленью. Из-за тополей выглядывали крыши домов, приворотные башни восточного предместья, его извилистые, узкие уллицы и площади, широкий купол мечети и башни церквей. Серебряным поясом охватывал крепостные стены ров, наполненный водой.

Не всегда этот город звался Солдайей, об этом Пьетро знал. В харчевне монах-старик рассказывал, что в стародавние времена жили тут греки и город звали Сугдейя. Потом много столетий владели им люди северные — русы, что ли. Они звали это место Сурож. Потом на них пошли войной татары и прогнали их в горы, а город и берег весь забрали себе и называли Су-Даг. А Солдайей прозвали его венецианские купцы лет тому с двести. Затем генуэзские галеры разбили галеры венецианцев и прогнали их из города, а название его оставили.

Темной громадой, словно легший в воду огромный зверь, сипел на востоке мыс Меганом. На западе гордо вздымалась Соколиная гора с одинокими, напоминавшими итальянские пицци соснами, корявыми стволами уцепившимися за голые скалы неприступных круч, с огромными камнями, сползшими к самому берегу и заросшими дубовым лесом. Над скалистой вершиной медленными кругами парили грифы. Причудливые очертания каменных нагромождений окаймлял зеленеющий полукруг лазоревой бухты, и далеко-далеко сливались с небом призрачные очертания гор.

А впереди сверкала на солнце беспредельная даль Великого моря¹. Легкий ветер чуть рябил поверхность воды и чертил на ней то светлые, то темные полосы. Волны мерно набегали на берег, закругляя белые гребни. Чайки кружили над портом, и черные спины нырявших дельфинов провожали выходящую

¹ Так итальянцы называли Черное море.

в море галеру. Надулись ветром треугольные ярко-оранжевые паруса, засверкали брызги от взмахов весел, и, поблескивая медью пушек и цепями якорей, оставляя за собой широкую дорогу, корабль уходил на юго-запад.

Глядя ему вслед, Пьетро думал о своей далекой родине...

Круглым сиротой рос он в семье своего дяди — портового грузчика, тяжелым трудом зарабатывавшего гроши. Тетка, сварливая женщина, еле успевавшая с хозяйством, предоставляла Пьетро самому себе. Иногда по несколько дней подряд проводил он на улице, чаще всего — в порту. Там было шумно и весело. Приходили и уходили торговые корабли, военные галеры и рыбачьи суда. Кишела пестрая, разноплеменная толпа.

В этом непрестанном круговороте рос Пьетро, и, когда почувствовал, что стал достаточно взрослым, чтобы зарабатывать себе на жизнь, он, не сказав никому ни слова, ушел от дяди и нанялся матросом на торговое судно, уходившее в Кафу. Там Пьетро услышал, что нанимают генуэзцев в крепость Солдайю. Он явился к помощнику капитана, набравшему солдат, и через несколько дней был уже в крепости.

Шесть лет прошло с тех пор. Жизнь в крепости шла строго, раз и навсегда установленным порядком. Солдатам было запрещено бывать в Кафе, за стены крепости они могли выходить только по очереди. А после захода солнца мост поднимали, железные ворота опускались, и никто, начиная с самого консула, не имел права провести ночь вне крепости.

За один год постиг Пьетро всю несложную солдатскую науку, быстро усвоив правила владения пикой, стальной балестрой и мечом. Подолгу стоял он в карауле на крепостных стенах, а если оказывался свободным днем, шел в город, в харчевню «Золотого барана». Слушая там рассказы старых матросов, побывавших во всех морях, видавших богатства и чудеса далеких стран, участвовавших не раз в схватках с разбойничьими кораблями, Пьетро завидовал их жизни, полной приключений и неожиданностей. Он мечтал о том, как, дослужив установленный договором срок, вернется в Геную и оттуда, нанявшись на корабль, уплывет в неведомые заокеанские страны. Но с каждым годом казалось, что время тянется все медленнее, и все невыносимее становилась жизнь в мрачных стенах крепости и тяжелая караульная служба при суровой и несправедливой требовательности начальников и скудном содержании, ухудшавшемся из года в год.

Вот почему всякий раз, когда Пьетро приходилось быть в карауле на вершине скалы, он часами глядел в морскую даль, мечтая о новой жизни; и вот почему и на этот раз он не отрывал взгляда от уходившей галеры, пока она не обратилась в чуть заметную точку.

Пьетро думал о своей далекой родине...

Глава II

СВЯТОЙ ОТЕЦ

Рука Никколо дрожала, когда протягивалась к железному молоточку на дубовой двери домика капеллана.

Никколо показалось, что прошло очень много времени, пока послышался звук отодвигаемого засова. Тогда Никколо быстрым движением снял с головы шапочку. Дверь медленно отворилась. После яркого света трудно было разглядеть, кто стоит за ней.

Вместе с прохладой пахнуло в лицо запахом розового масла, дерева и старых книг.

— Мир вам, сын мой, войдите, — раздался ласковый, знакомый голос отца Бартоломео. — Мартино куда-то запропастился, и я заставил вас долго ждать, простите меня, сын мой. Войдите.

Никколо почувствовал, что губы его совершенно сухи, а язык не может повернуться. Он пробормотал что-то невнятное и, нагнувшись, точно боясь удариться головой о притолоку двери, которая, кстати сказать, была гораздо выше его, прошел в следующую комнату.

Комната капеллана была большая, с двумя узкими окнами с частыми железными решетками, тень от которых, вытянувшись, падала на каменный пол. Брусчатый потолок делал комнату еще темнее.

Наружностью капеллан очень мало походил на служителя церкви, и, если бы не черная священническая сутана, обтягивавшая полную фигуру, и не руки, всегда молитвенно сложенные на груди, его скорее можно было бы принять за купца или сановника. К тому же совсем лысая голова лишала его тонзуры¹ — этого самого верного признака духовных особ. С круглым, бритым, краснощеким лицом, украшенным мясистым носом, покоящимся на толстых, выпяченных губах, маленькими бесцветными глазками, мягкими оттопыренными ушами и складкой на широкой красной шее, со всеми признаками человека, любящего хорошо поесть, выпить и мало утруждать себя какой бы то ни было работой, отец Бартоломео обладал признаком, отличавшим его от других людей. Это были его руки. Они были несоразмерно маленькие, с тонкими, почти детскими пальчиками, очень белые и гладкие.

С приятнейшей улыбкой капеллан усадил сопротивляв-

¹ Тонзура — у католических духовных лиц выстриженное в форме кружка место на макушке.

шегося Никколо в высокое кресло перед столом, где лежали книги и свитки пергамента, а сам сел в кресло спиной к свету и, держа, по обыкновению, руки на груди и поглаживая одной другую, начал расспрашивать о причинах столь неожиданного посещения.

Со всеми подробностями рассказал Никколо о своей страшной встрече. Его голос дрожал, и глаза наполнились слезами. Он умолял отца Бартоломео принять его исповедь и допустить великого грешника к принятию святого причастия. Он готов был нести какое угодно покаяние, наложенное на него святой церковью, лишь бы оградить себя от козней дьявола и спасти свою душу.

Никколо кончил говорить. Капеллан, опершись подбородком на руки, молчал. Над его головой на стене висело темное железное распятие.

Никколо чувствовал, как ноги его дрожат. Он только теперь заметил, что уронил на пол свою шапочку, которую все время мямл в руках. Он встал, поднял ее, но не решился снова сесть. Свет из окна мешал видеть лицо священника, и от этого Никколо было еще страшнее. Он слышал, как отец Бартоломео читал молитву, но, плохо зная латинский язык, не мог ничего понять. И только на последние знакомые слова: «In nomine Patris et Filii et Spiriti santi»¹ он робко ответил: «Amen»² и перекрестился.

Капеллан глубоко вздохнул.

— Да, сын мой, все рассказанное вами достойно сугубого внимания. Бес силен и страшен, и сети его расставлены повсюду. Вам хорошо известно, сын мой, что ожидает грешника. Как это ни странно, как раз перед вашим приходом я читал об этом, и вот посмотрите, что изображает та страница, на которой вы меня остановили.

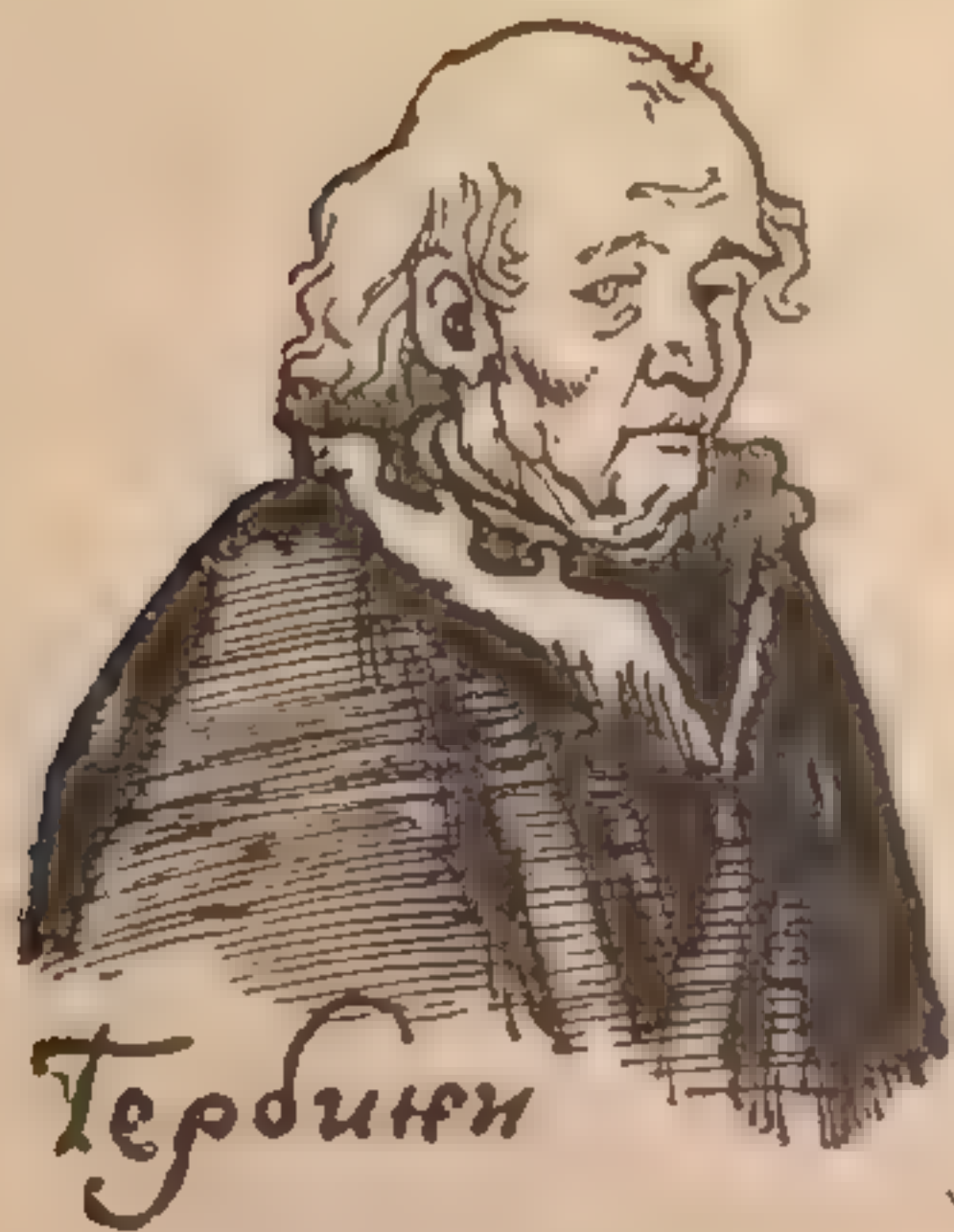
С этими словами капеллан встал и взял стоявшую на деревянной подставке большую книгу, страницы которой в несколь-

Отец
Бартоломео

¹ «Во имя отца, и сына, и святого духа» (лат.).

² «Аминь» (лат.).

ких местах были переложены ремешками и лентами. Открыв книгу, отец Бартоломео положил ее на стол и своей маленькой белой рукой бережно разгладил пожелтевший пергамент:

— Посмотрите.

Никколо подошел ближе и испуганно моргающими глазами смотрел на пестрый рисунок, занимавший всю страницу. С высоких темных скал чудовищные, безобразные существа со звериными мордами, рогами, когтистыми лапами, колючими крыльями летучих мышей и длинными хвостами

бросали голых людей в кипящее смоляное море. Среди хаоса нагроможденных камней черти всех видов — козлоногие, с птичьими, рыбьими, кошачьими и прочими страшными мордами, гигантские крылатые змеи и ящерицы острыми клыками раздирали грешников. Повсюду были расставлены орудия пытки: колеса для четвертования, огромные раскаленные вилы и крюки. Клубы густого черного дыма поднимались к пылавшему небу, в котором носились тучи безобразных крылатых существ. Всматриваясь в картину, Никколо чувствовал, как капли холодного пота покрывают его лоб и часто колотится сердце.

— Я вовсе не хочу пугать вас, — сказал капеллан, усаживаясь в кресло и вертя в руках щипчики для снятия нагара со свечей. — Не падайте духом, сын мой! Не войдя в непосредственное сношение с нечистой силой, вы не совершили греха и лишь осквернили душу свою лицемерием беса. Ваша исповедь и святое причастие очистят вас от скверны и умиротворят дух ваш.

Радость, охватившая Никколо при этих словах, разрешила накопившееся волнение. Не в силах сдерживаться более, он упал на колени и, всхлипывая, прижался губами к руке священника.

Другая рука капеллана ласково провела по голове старика.

— Встаньте, сын мой, давайте, не теряя времени, обсудим некоторые важные стороны этого печального случая... Встаньте скорее, успокойтесь... Сядьте вот туда, и давайте поговорим.

Никколо поднялся и, продолжая еще всхлипывать, уселся на скамью.

— Ну вот, отлично, сын мой. Теперь скажите мне, твердо ли вы уверены, что видели его именно против башни Румбальдо?

— Совершенно,— прошептал Никколо.

— Уверены ли вы, что это не мог быть просто случайный прохожий?

— О, вполне уверен! Дорога каменная, а я не слышал шагов. Он появился сразу, точно вырос из-под земли, и я разглядел рога на его голове.

— Не помните ли вы, какого он был роста?

— Роста он был обыкновенного. Но когда он удалялся, мне показалось, что он хромает.

Капеллан закрыл глаза и, помолчав немного, продолжал:

— Часто ли вы бываете около того места и в какое время?

— Я прохожу там почти ежедневно, совершая свою обычную дневную прогулку, а вчера случайно задержался в порту до сумерек. Это было время смены караулов перед самым закрытием ворот: я слышал барабан и колокол.

Отец Бартоломео снова на мгновение закрыл глаза, потом встал и начал ходить по комнате. Никколо тоже встал.

— Мне кажется, что я теперь знаю все, что нужно...— Отец Бартоломео остановился у аналая.— Ступайте с миром, сын мой,— сказал он улыбаясь.— Да будет с вами благословение святой девы!

Никколо поспешно подошел, набожно сложив руки для принятия благословения.

Маленькая белая рука начертила над его склоненной головой знак креста, и священник пробормотал слова молитвы.

— Амен! — шепнул в ответ Никколо, целуя руку духовника и пятась к выходу.

— Вы отлично понимаете, сын мой, что все рассказанное вами мне, вашему духовному отцу, не должно стать достоянием суетной молвы беспечных людей, хотя бы и близких вам... Да, кстати, разыщите-ка этого лентяя Мартино и прикажите ему скорее идти сюда.

Эти последние слова отец Бартоломео сказал уже тогда, когда Никколо стоял на залитой солнцем мостовой, все еще держа в руках свою шапочку и низко кланяясь.

Никколо сразу не мог прийти в себя. Яркий свет солнца слепил глаза, и голова немного кружилась, но он чувствовал, точно тяжелый камень свалился с его плеч, душа освободилась от тяжелой обузы.

Мартино болтал с конюхами у конюшен; выслушав Никколо, он опрометью бросился к дому капеллана.

...Проводив Никколо, священник стал опять ходить взад и вперед по комнате. Он хмурил брови, закусывал губу, видимо что-то обдумывая. Руки он держал в карманах сутаны.

Услыхав цоканье конских копыт, он подошел к окну. Четы-

ре конных оргузия¹ крупной рысью проехали по направлению к замку. Из конюшни конюхи выводили белую лошадь консула и несколько других лошадей. К дому что есть духу бежал Мартино, и его длинные волосы развеялись во все стороны. Через минуту, получив приказание капеллана, он с такой же быстротой понесся обратно и на этот раз вернулся в сопровождении человека.

Среднего роста, очень широкий в плечах, с глубоко посаженной большой головой и прихрамывающий на одну ногу, этот человек поражал уродливостью своего лица. Широкое и плоское, с приплюснутым носом, оно было обезображено родимым пятном, занимавшим половину лба и верх щеки. Серые глаза и сжатые тонкие губы хитро усмехались. Длинные, прямые черные волосы были гладко зачесаны за уши. На нем был темно-фиолетовый короткий плащ, из-под которого виднелся узкий черный камзол, черное трико, плотно обтягивающее ноги, и мягкие, с узкими, длинными носками черные туфли. Точно приплясывая и смеясь, он быстро взобрался по каменным ступеням.

Согласно «Уставу для генуэзских колоний в Великом море», изданному в 1449 году генуэзским правительством, в штате консульского управления крепости Солдайи числился «цирюльник, знающий хирургию». Вот таким-то цирюльником и был хромой Родольфо, уже несколько лет успешно скобливший тучные подбородки и подстригавший волосы знатных сановников, пускавший кровь и размещавший пиявок по жирным спинам и животам чиновников Светлейшей республики.

Родольфо слыл в крепости чудным малым, остряком, сопровождавшим свою работу веселыми шутками и рассказами, знавшим все, что делается не только в самой крепости, но и в окрестностях и даже в Кафе. Низшие служащие недолюбливали «хромонового дьявола», всегда тершегося в замке, всячески сторонились его и в присутствии Родольфо предпочитали молчать. Некоторые суеверные даже уверяли, что встреча с ним после заката солнца приносит несчастье. Никто толком не знал, откуда он родом и какова была его жизнь раньше, и ходили слухи о его познаниях в чародействе и сношении с бесами.

Когда капеллан убедился, что дверь за Родольфо плотно закрылась, он спросил:

— Ответ есть?

— Еще бы! — усмехнулся Родольфо, бесцеремонно садясь в кресло.

— Какой же?

— Благоприятный.

¹ Оргузи — наемная конная стража из монголов.

— Они согласны на наши условия?

— Вполне.

— День?

— Вы хотите сказать — ночь?

— Ну, разумеется. Когда?

— Об этом сообщат.

— Отлично... Теперь слушай меня внимательно. Я хочу рассказать тебе новость, о которой ты, вероятно, ничего не знаешь.

— Таких новостей не бывает!

— Посмотрим... Молчи!

Капеллан подошел к двери и прислушался, потом продолжал шепотом:

— В крепости есть человек, который вчера вечером видел против башни Румбальдо таинственную фигуру, появившуюся неизвестно откуда...

— ...и признал в этой фигуре самого дьявола, — перебил Родольфо, подражая шепоту капеллана.

— Откуда ты это знаешь?

Цирюльник расхохотался:

— Я же вам сказал, что нет такой новости, о которой я не слышал бы.

— Значит, ты знаешь этого человека?

— Кому же не известен благочестивейший сын церкви мессер Никколо Тербини!

— Он успел разболтать тебе эту новость?!

— Клянусь святой Агнессой Кафской, я не встречал его вот уже три дня.

— В таком случае?..

— В таком случае цирюльник Родольфо знает все, даже то, в чем признаются на исповеди мессеру капеллану.

Отец Бартоломео развел руками:

— Ну, знаешь, я не удивляюсь, что Никколо признал в тебе дьявола!

— Почему бы вам, святой отец, не явиться этому доброму праведнику когда-нибудь в сумерках, чтобы дать ему возможность лицезреть светлый лик архангела?

Родольфо покатился со смеху, а капеллан в волнении заходил взад и вперед.

— Ты становишься дерзок! Смотри, брат, как бы твой смех не довел тебя до беды!

— Имея такого защитника, как вы, мне некого бояться.

— Да, но если этот защитник откажется тебя защищать?

— Этого он не сделает — попросту оттого, что, если он откажется меня защищать...

— Довольно! — резко перебил капеллан, ударив рукой по

столу.— Довольно пустой болтовни! Надо постараться, чтобы вся эта глупая история с Никколо не вызвала каких-нибудь ненужных догадок, а главное, надо теперь быть очень осторожными... Ты знаешь, что в случае удачи синьоры да Гуаско в долгу не останутся и ты получишь столько золотых флоринов, что они не уместятся на двух ослах. Ты вернешься домой богатым, и все красивейшие девушки Генуи захотят быть твоими невестами. Что касается самого Никколо, я о нем позабочусь... Теперь ступай.

С этими словами капеллан прошел за занавесь в другую комнату.

Будто не слыша последних слов, Родольфо продолжал сидеть в кресле. Выражение его лица вдруг изменилось и стало сосредоточенно-серьезно. Неподвижными глазами он смотрел на железное распятие, потом провел рукой по лбу и, вскочив с кресла, громко рассмеялся.

— Ты все еще здесь? — раздался из-за занавеси голос капеллана.— Что случилось?

— О, ровно ничего! Я вспомнил лицо этого бедного Никколо... До свиданья, мессер капеллан, и, надеюсь, до скорого!

Продолжая смеяться, Родольфо вышел из комнаты.

Капеллан слышал, как он крикнул Мартино:

— Как тебе не стыдно прислуживать святому человеку и быть похожим на беса! Приходи, я обстригу тебе твои космы!

— Бездельник! — проворчал капеллан, выходя из-за занавеси и протягивая руки к четкам, висевшим на краю полки с книгами, на которой стояли стеклянный кувшин, несколько кубков и большие песочные часы.

В это время раздался звук трубы. С караульной башни главных ворот давали знать о выезде консула.

...Проводив исчезнувшие в морской дали паруса, солдат Пьетро перевел взгляд на крепость. Он видел, как письмоводитель консульской канцелярии стоял у крыльца дома капеллана и низко кланялся, как слуга капеллана бежал от конюшни к дому и обратно во второй двор, как в сопровождении цирюльника он вошел в дом и как вели лошадей к замку.

«Уж не случилось ли чего-нибудь? — подумал Пьетро.— Почему это Мартино так разбежался? Не к добру и этот хромой пройдоха путается. Ишь приплясывает, дьявол!.. Куда это консул собрался? Давно он не выезжал — видно, далеко, если оргузиев берет с собой!»

Белый откормленный жеребец горячился и топтался на месте, удерживаемый двумя конюхами. На нем были пестрый чепрак, седло, покрытое голубой тканью, ремни на груди и крупе, широкие, отделанные шелком и золотом поводья и медная пряжка, сдерживавшая коротко подвязанный хвост.

Оруженосец, встав на одно колено, придерживал стремя, когда его господин садился на лошадь. Консул был одет в ярко-зеленый плащ, подбитый горностаем, с золотой цепью на шее и коротким мечом у пояса. Расшитая серебром полоса темно-синего бархата круглой, плоской шляпы спускалась на плечо. Блестели длинные золоченые шпоры и стремяна. Сдерживаемая сильной рукой, лошадь выгнула дугой шею. Разноцветные ленточки, вплетенные в гриву, развевались по ветру.

Большая гладкошерстая охотничья собака с громким лаем вертелась впереди, прыгая к морде лошади.

За консулом ехали оруженосец, секретарь, помощник капитана и четыре оргузия с копьями и щитами.

На башне главных ворот в руке солдата блеснула труба. Раздавшийся сигнал заставил выстроиться караул у предмостного укрепления.

До слуха Пьетро допелся топот копыт, гулкий под сводом ворот и приглушенный — на мосту. Проходившие по улице горожане сняли шапки и низко поклонились. Долго еще вилась между зеленью пыль, поднятая с дороги.

Глава III КОНСУЛ

Солнце зашло за гору Горячих Источников. Только слабый отблеск его розовел на верхней башне. Звон церковного колокола уныло разносился в сумерках, сливаясь с гортанными выкриками муэдзина. Барабан звал к смене караулов. Гремя цепями, поднялся мост, и железные ворота тяжело опустились, закрыв вход до утра. В окнах задрожал свет. В разных концах двора слышался скрип запираемых дверей, лязг задвигаемых засовов, звук удалявшихся шагов.

Когда сумрак окутал крепость, затрещали цикады; неясные шорохи слышались в сухих травах и между камней; пронеслись летучие мыши. Из города доносился лай собак и чей-то далекий окрик. Со стороны порта звенела веселая хоровая песня. Ветерок, тянувшийся от гор, нес с собой запах леса и дыма.

В одной из комнат консульского замка за столом сидели двое. В высоком медном подсвечнике горели восковые свечи. На бархатной скатерти были разбросаны листы бумаги и книги. Один из сидящих наклонился над листом, слышалось поскрипывание пера. Другой, откинувшись на спинку кресла, перелистывал толстую книгу, лежащую у него на коленях. На полу, у ног сидящего в кресле, лежала охотничья собака, уткнув морду между вытянутыми лапами.

Колеблющиеся тени дожились на высокий камин, на фреску высокого свода и, ломаясь, расплывались в темных углах комнаты. В нише стены выстроились на полках кожаные корешки книг.

Писавший положил перо, обсыпал бумагу песком и, отряхнув, протянул ее сидящему в кресле. Тот прочитал ее про себя.

— Отлично, — сказал он. — Вы дадите переписать и завтра же отправите в Кафу. Не забудьте проставить статьи устава.

Секретарь, поклонившись, ушел. За тяжелой, окованной железом дверью шаги его мгновенно стихли. Слышно было, как потрескивают свечи.

Консул положил книгу на стол. Закрыв глаза, он сидел неподвижно, точно дремал. Длинные белые волосы, закрывавшие уши, спускались на черный бархат платья. Бледное, изрезанное морщинами, худое лицо старика сохраняло строгую правильность черт. Глубокая складка легла меж седых бровей.

Четыре года Кристофоро ди Негро был консулом Солдайи. Преданный Республике, ревностный блюститель буквы закона, точный исполнитель предписаний высшей власти, строгий к себе самому и своим подчиненным, он в течение четырех лет вел борьбу с беззакониями кафских чиновников и произволом крупных землевладельцев.

Более чем за сто лет существования генуэзской колонии Солдайи ди Негро был первым консулом, не сменившимся через год, как того требовало первоначальное постановление правительства. Причиной этого было завоевание турками Константинополя и закрытие ими пролива Геллеспонта¹ для свободного плавания. С 1453 года колонии были отданы на откуп банку святого Георгия и с этого же времени стали постепенно терять свое значение. На долю ди Негро выпала трудная задача поддерживать авторитет власти представителя Светлейшей Генуэзской республики.

Взятки, подкупы, доносы, распущенность и продажность, царившие в Кафе, неуверенность действий Попечительного Восточного комитета в Генуе, комиссии, вырабатывающие все новые и новые уставы, сокращение средств, отпускаемых банком, недостаток в продовольствии и оборонительных средствах, двойственное поведение татарского хана, занскивавшего у турок, постоянные угрозы турецкого султана Магомета — все это вело к скорому и ужасному крушению векового здания. Богатейшие порты Таны, Воспоро, Кафы, Чембалло² — великий,

¹ Геллеспонт — древнее название Дарданелльского пролива (Дарданеллы).

² Тана — Азов, Воспоро — Керчь, Кафа — Феодосия, Чембалло — Балаклава.

древнейший путь богатства и славы обращался в место нищеты и позора сильного государства. Бесчисленные торговые корабли генуэзцев, полные до краев индийскими алмазами, цейлонскими перлами, слоновой костью, китайскими шелками, драгоценнейшим деревом, зерном и невольниками, пряностями и благовониями Востока, обратились в жалкие барки и манерны, развозившие ничтожные грузы по портам Великого моря. Прорывавшиеся через проливы галеры подвергались беззастенчивому обстрелу турецких пушек. Свободные от века генуэзцы превращались в морских разбойников.

Крестьяне, населявшие горы Газарии, были отданы на произвол землевладельцев. Эти люди считали себя полными хозяевами, не подчиняясь законам Республики, вводили свои собственные законы, ловко пользуясь продажностью чиновников и полной забитостью населения.

Братья да Гуаско — так звали землевладельцев, имевших огромное количество земли в колонии Солдайе, — дошли до того, что водрузили в своем поместье, в Скуто, виселицу как знак своей безграничной власти.

«Все крестьяне солдайской колонии, — писал ди Негро в одном из своих писем в Кафу, — ими поработены. Бедняки принуждены бесплатно обрабатывать сады и поля Гуаско. Насилие доведено до того, что несчастные не могут нигде, кроме садов Гуаско, ни разводить, ни полоть, ни обрабатывать виноград без разрешения. В противном случае братья требуют с них дань...»

Да Гуаско старались восстановить крестьян против консула, отговаривали их выполнять государственные повинности, переманивали к себе на работу и всячески препятствовали проведению консульских распоряжений. Вот почему консул накануне и отправился в деревню Караган, чтобы лично уговорить крестьян, по наущению да Гуаско отказавшихся внести мирскую подать.

Годы давали себя знать. Одиноким в жизни, ди Негро был одинок и в своей служебной деятельности. Никто из его подчиненных не поднялся выше среднего уровня мелкого чиновника, пробивавшего себе дорогу заискиваниями и лестью. В глазах своих подчиненных он был требовательным и строгим начальником, во мнении вышестоящих — нежелательным в их кругу законником и опасным соперником, в глазах равных — нелюбимым и гордым.

Сознавая всю трудность создавшегося положения, предвидя надвигавшуюся беду, ди Негро тем не менее самоотверженно охранял устой вверенной ему власти, и ничто не могло надломить его сильной воли. Как кормчий, управляющий кораблем, ди Негро сделает все, чтобы спасти его, проведя в бурю меж смертоносных скал; а если ветер и вода окажутся сильнее, он

Сантинелли

не выпустит руля из рук до последней минуты и погибнет вместе с разбитым кораблем!

Каждый новый день приносил новые заботы. О себе думать было некогда, а пора бы вернуться на родину и уйти на покой.

В редкие вечера, когда ди Негро оставался один, избавленный почему-либо от присутствия секретаря или членов Попечительного комитета, он думал о далекой любимой Генуе. Доживет ли он до дня своего возвращения? Увидит ли ласковое море Италии?

Такие вечера были лучшим отдыхом. Мысли уносились далеко от неприятной действительности, и благодетельный сон смыкал веки.

Так было и в этот вечер, когда, отпустив секретаря, ди Негро задремал в кресле. Он не слы-

шал, как отворилась дверь и слуга поставил на стол блюдо с жареной дичью, другое — с грушами и виноградом, как подал прибор: две оловянные тарелки, два ножа, серебряную вилку и позолоченный кубок с вином. И только когда собака встала и, положив свою морду хозяину на колено, ткнула его в руку холодным носом, он вздрогнул и проснулся. Спросив слугу, не ждет ли кто-нибудь, он начал есть.

Собака сидела у его ног и смотрела умными желтыми глазами то в лицо хозяину, то на его руки, режущие кушанье или протягивающиеся за кубком. Получив наконец свою порцию, она благодарно повиляла хвостом и отправилась в угол, откуда раздавался хруст костей.

Поужинав и отпустив слугу, ди Негро снова откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Мысли опять унеслись к родной Генуе и, как всегда, тотчас были погашены другими — о текущих служебных делах, о необходимости во что бы то ни стало бороться до конца за славу Республики, отстаивать ее права и законы.

Дерзость братьев да Гуаско растет с каждым днем, ободряемая поведением кафских синдигов, продавшихся синьорам Скуто. Судя по сведениям, сообщенным приставом Сантинелли, эта дерзость начинает переходить допустимые границы: вра-

ги Республики и его, консула Солдайн, от угроз переходят к действиям, влекущим за собой весьма опасные последствия. Неспроста же такой опытный человек, как Саптинелли, стал связывать проски да Гуаско с брожением среди солдайских ремесленников и, еще того хуже, с тайной деятельностью лазутчиков турецкого султана и кознями татар. Исполнить свой священный долг, довести свое дело до конца — вот о чем надо думать сейчас, ни о чем другом!..

Стук в дверь заставил открыть глаза и выпрямиться.

— Войдите!

В дверях появился слуга:

— Ваша милость, мессер Саптинелли просит разрешения видеть вас по срочному делу.

— Пусть войдет.

Глава IV

ВИНОГРАД

Солнце пекло, и можно было подумать, что вернулся июль. Но стоило только выйти из крепости на главную улицу предместья, чтобы убедиться в наступлении самой настоящей осени. На головах встречных крестьян, на высоких двухколесных повозках, запряженных волами, на спинах ослов, на земле у каменных оград — всюду виднелись корзины, полные яблоками, грушами, айвой, сливами, виноградом. Больше всего — виноградом. Запыхавшиеся от беготни дети держали в руках большие зеленые гроздья и жадно жевали, раздувая щеки, вымазанные сладким, душистым соком. Прохожие говорили о садах, о винограде, о вине, о ценах на фрукты.

Вся окрестность Солдайн, тихая летом, шумела разноплеменным говором и скрипом колес. Груды яблок в садах, согретые солнцем, наполняли воздух пряным ароматом. Белые рубашки садоводов мелькали среди зелени. В виноградниках оживление, громче говор, шум от работы у таранов — деревянных чанов для выжимки винограда. Надо снестись выжать сок из теплых, прогретых солнцем ягод. Такой сок будет лучше бродить, и вино будет крепче и душистее. Солдайские виноделы, греки, итальянцы, истари славились своим искусством далеко за пределами своей страны.

Самое обширное и шумное из предместий Солдайн — восточное. Там главная улица, широкая базарная площадь, мечеть и католический собор, лучшие каменные дома купцов-богатеев. За его воротами — дороги на Кафу и Лушту.

Из калитки широких деревянных ворот купеческого дома вышел цирюльник Родольфо. В руке он держал небольшой, око-

ванный медью ларец. Щуря глаза от яркого раннего солнечного утра, он оглядел улицу и, надвинув на лоб рогатую шапку, заковылял вдоль высокого каменного забора купеческой усадьбы, потом повернул в узкую улицу.

Выступы вторых этажей деревянных домов закрывали свет. В застоявшемся воздухе пахло дымом жаровен, сыростью подвалов, затхлостью не прогреваемого солнцем жилища. Из раскрытых настежь дверей тянуло чесноком, перепрелыми овощами, загнивающей рыбой. У порогов дверей сидели старухи, в грязной пыли возились чумазные полуголые дети. Из домов и дворов доносилось постукивание молотков по железу, визг пилы, поскрипывание гончарных кругов, сип кузнечного меха, гулкие удары тяжелого молота, звон молотков по камню. Над дверями и калитками висели на крюках железные вывески с изображением молотка, колеса, бочки, наковальни, корзины, пожниц и других орудий или изделий различных ремесел.

Улица поворачивала то в одну, то в другую сторону и вела к горе Горячих Источников, упираясь тупиком в ее скалистое предгорье. В этом своем конце улица расплзалась ветхими, покосившимися лачугами, с крышами из кукурузных стеблей, прижатых камнями, и становилась просторной и светлой. За лачугами зеленели сады, виноградники и голубели скалы.

Родольфо остановился и, щурясь от солнца, снова оглядел улицу. Навстречу ему бежала вприпрыжку, пыля босыми ногами и хлопая в ладошки, девочка лет десяти, простоволосая, в изодранном длинном платице. Запыхавшись, она сообщила Родольфо, что ее отец дома и братья тоже. На дочернем загорелом лице девочки радостно лучились большие карие глаза и сверкали белые зубы. На одном ухе поблескивало медное колечко серьги.

— ...Я работаю с Игнацио в винограднике,— тараторила девочка, идя рядом с цирюльником.— Я вас оттуда и увидела, вон с той скалы, видите?

— Очень хорошо... А вот, когда ты смотрела на меня со скалы, не видела ли ты, что кто-нибудь идет за мной следом?

— Нет, никого, никого не было.

— Так вот что, Симонетта: я пойду к твоему отцу, а ты побудь пока здесь, на улице, да хорошенько смотри, не идет ли кто. Если увидишь, тотчас же беги к нам сказать. Поняла?

— Поняла.

Родольфо наклонился к девочке и, погрозив ей пальцем, сказал:

— Это так надо, Симонетта, непременно надо. Поняла?

— Да, да... Знаю... знаю...

Симонетта

— Смотри же!

И Родольфо быстро пошел к одному из последних домов улицы, над дверью которого висела вывеска с изображенным на ней глиняным кувшином.

Пройдя темные сени и комнату с земляным полом, с высоким очагом, Родольфо вышел во дворик. В его глубине под навесом сидел, работая у гончарного круга, хозяин дома, широкоплечий мужчина лет пятидесяти, с густыми вьющимися волосами, перехваченными ремешком. Левой рукой он вертел горизонтальный круг, правой формовал кувшин, накладывая спиралью жгуты глиняного теста и обтачивая поверхность изделия деревянным ножом.

Увидав Родольфо, он отнял руки от круга и, ножом снимая глину с пальцев, пошел ему навстречу.

Уберто Сивелли был давнишним жителем Солдайи; с цирюльником Родольфо он подружился еще тогда, когда тот приехал вместе с новым консулом. Уберто поставлял посуду комендантской поварне в крепости, цирюльник и заказал ему тогда банки и кувшины для своих лечебных настоев. С этого и началась их дружба; сейчас ей пошел пятый год.

— Здравствуй! А где же моя коза? Она, как всегда, помчалась тебя встречать, — сказал Уберто.

— Я оставил ее на улице: пусть поглядит там.

— А что, разве?..

— Вчера ходил один. Я замечал его и раньше то в «Золотом баране», то на улицах. А сегодня другой... вот сейчас проводил меня до дома купца Парчелли. Когда я вышел, его уже не было. Может быть, спрятался.

Они подошли к навесу, где старший сын Уберто проверял на полках готовые изделия; он пробовал нажимом пальца, засохла ли глина кувшинов, мисок и горшков, стоявших на нижней полке, или ударял палочкой стоявшие на верхней — звенят ли. Марко унаследовал отцовскую сноровку мастерства и способность угадывать качество глины и степень примеси в ней песка, древесных опилок или золы.

Поздоровавшись с Родольфо, Марко отошел к круглой яме с видневшимся из нее сводчатым кирпичным перекрытием гон-

чарного горна. Над ямой змейкой тянулся дымок от сырых дров, заложенных в топку.

— Марко, — сказал гончар, — мы пройдем в виноградник, а в случае, если кто-нибудь придет ко мне, удержи его здесь и скажи, что я сейчас приду.

Густая, пропизанная солнцем, яркая листва лоз уходила рядами вверх по каменистому склону холма. На вытоптанной площадке стоял по пояс в высоком круглом деревянном чане, в белой рубаше с закатанными до плеч рукавами, с непокрытой головой, второй сын Уберто — Игнацио и мят босыми ногами виноградные грозди. Из отверстия внизу чана сочился в деревянное ведро мутно-желтоватый сок, над ведром висел рой ос.

Увидав отца и цирюльника, Игнацио остановился и, прикрыв глаза от солнца, крикнул:

— А где Симонетта? Не могу я один и давить виноград и таскать ведро!

Уберто махнул ему рукой.

— Сейчас придет, подожди!.. Сядем здесь, — сказал он, указывая Родольфо на большой камень.

— Слежка усилилась, — сказал Родольфо. — Наше счастье, что эти молодчики настолько глупы, что их сразу замечаешь. Однако надо предупредить наших друзей — пусть и они будут осторожны. Надо принять срочные меры, чтобы сбить молодчиков приставы с наших следов. Пристав, наверно, решил приготовить консулу неожиданный подарок...

— А не думаешь ли ты, что он делает это с благословения консула и даже по его приказу?

— Опять ты за старое, Уберто! Сколько раз в течение этих двух лет я говорил тебе и до сих пор не ошибался...

— ...что консул ди Негро хороший человек! — с усмешкой перебил его гончар.

— Вовсе не это! А что он такой человек, который не только не мешает нам, но, наоборот, помогает... Да, да, не смейся, именно помогает!

— Чем же? Тем разве, что за эти годы перевешал и пересажал в погреб и крестьян и нашего брата на пятерых мешье, чем его предшественник?

— И этим тоже. И тем, что он не заодно с синьорами да Гуаско, как были все прежние консулы, и борется с их жестокостью...

— Борется чем? Гусиными перьями да бумагой!

— Чем бы ни боролся — он не с ними.

— Хорошо. А почему он не противится несправедливости в управлении нашими городскими делами? От всех нас, от «малого народа», как нас называют, выбирают в комитет двух человек, да и то ищут выбрать кого побогаче, поговорчивее.

Сидят там эти выборные, хлопают глазами, а консульские секретари и помощники да смотрители расправляются с нами как хотят: дерут с нас последнее и за работы в крепости, и за содержание ночных сторожей. А налоги, а штрафы задушили совсем! Где же тут твой «справедливый» консул?..

— Пстой, пстой, Уберто! Не горячись и выслушай меня. Я вовсе не хочу прощать консулу его несправедливостей, но для успеха нашего дела нам надо временно быть заодно с консулом в его борьбе с братьями да Гуаско, мешая выполнению их замыслов. И никто не должен знать об этом, даже сам консул. В чем состоят эти их замыслы, я расскажу тебе потом. — Родольфо хлопнул рукой по своему ларцу: — Мои ножницы и бритвы открывают мне двери и к консулу с его помощниками и к нашим городским толстосумам, а хорошая работа цирюльника приводит в хорошее настроение и располагает к откровенным разговорам. Вот почему я и займусь синьорами да Гуаско, а пока что...

— Что ты хочешь делать? Один?

— Потом, потом... Главное для тебя вот что: предупреди всех. Все, что нужно будет сообщить друг другу, будем передавать через твоих сыновей на площади, у твоего товара. Я больше ходить сюда не буду. Жди, пока не дам тебе знать, когда...

Калитка хлопнула о забор. Родольфо и Уберто обернулись — к ним бежала Симонетта. Подбежав, она быстро зашептала:

— Отец, там пришел... спрашивает тебя... длинный синьор с большой книгой!

— С книгой?

— Да. Он там говорит с Марко...

Родольфо встал:

— Я не хочу попадаться ему на глаза. Это, наверно, кто-нибудь из крепости. Я выйду оттуда... Пойдем, Симонетта, ты закроешь за мной.

И Родольфо быстро пошел в глубь виноградника.

«Надо бы все-таки узнать, кто это пожаловал к Уберто», — подумал он и, когда прощался с девочкой, громко сказал:

— Скажи отцу, что я буду на базаре через два дня.

Уберто пошел к дому. Навстречу ему из калитки появились двое: один, высокий и худой, был в плаще и широкополой шляпе, другой, толстый, маленького роста, — в белой рубахе. Первый широко шагал длинными, худыми, как у цапли, ногами, гордо подняв голову с острым носом и гусиным пером за ухом. Из-под плаща виднелась толстая книга. Второй, в феске на круглой голове, с синевой плохо выбритых щек, семенил рядом на кривых ножках, путаясь в широких шароварах, перевязанных внизу, у войлочных туфель. В первом легко было узнать чиновника-генуэзца, во втором — грека-переводчика консуль-

ского управления. Коверкая итальянский язык, он крикнул Уберто:

— Ты, что ли, хозяин виноградника?

— И.

Чиновник зашагал к тарану, грек и Уберто пошли за ним.

Увидев их, Игнацио сел на край чана. Симонетта с ведром в руке испуганно смотрела на длинноногого человека. Он молча оглядывал таран, поводя носом, словно обнюхивая все вокруг, потом закинул полу своего плаща на плечо, поставил ногу в красном чулке и мягкой туфле на камень, раскрыл на колене книгу, взял из-за уха перо и обмакнул его в железную чернильницу, висевшую на поясе. С пренебрежительной улыбкой, гнуся, он спросил Уберто:

— Почему ты пользовался водой для твоего виноградника по в очередь, установленную правилами? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Ты знаешь, что подлежишь штрафу, каковой внести обязан в течение трех дней. Как тебя звать?

— Почему не в очередь?! — крикнул Игнацио. — Откуда это вы взяли? Мы знаем нашу очередь и исполняем по правилам!

— Это нам только что подтвердил ваш сосед, — сказал переводчик.

— Старый грек — врун и собака! — горячился Игнацио. — Грек весной украл у нас шесть кустов, мы тогда жаловались на него. Нам ничего не вернули... Он вор и собака!

— Замолчи! — закричал чиновник.

— Не обращайтесь внимания, мессер смотритель, — сказал переводчик. — Они в вечной ссоре с соседом.

— Как тебя звать? — снова спросил смотритель и, получив ответ, заскрипел пером по странице книги.

Игнацио не вытерпел. Он выскочил из чана и, подбежав к переводчику, крикнул:

— Ты сам грек и за своего стоишь! Он украл наши кусты, и он же пожаловался на нас. Он хочет взять все кусты. А ты скажи, сколько с него за это получишь? Мы не должны платить! Понял? И не заплатим!

Игнацио, грозя кулаком, наступал на грека. Тот втянул голову в плечи и спрятался за смотрителя.

— Замолчи! — прикрикнул смотритель и, сняв ногу с камня, захлопнул книгу. — Вот что, парень, я приказываю тебе явиться к начальнику караула восточных ворот. Если ты этого не сделаешь, тебя возьмут силой. А ты, — обратился он к Уберто, — внесешь штраф, иначе будешь арестован.

Смотритель повернулся и зашагал к калитке.словно тряпье на огородном пугале, болтался плащ на его узких плечах, и, словно разжиревшая собачонка, крутился у него под ногами толстый грек.

Игнацио, грозя кулаком, наступал на грека.

— Черти проклятые! — кричал им вслед Игнацио. — Попадись ты мне, жирный кабан, я тебе голову отверну!

— Перестань, Игнацио, — строго сказал Уберто. — Криком не возьмешь.

— Никуда я не пойду! Пусть вяжут, пусть бросают в погреб. Не пойду! — не унимался Игнацио. — А ты что глаза вытаращила?! — крикнул он Симонетте. — Живое ведро подставляй!

И, вскочив снова в тарапан, он так сильно замесил ногами, что брызги полетели высоко вверх.

Глава V

«КАК НЕЛЬЗЯ КСТАТИ!»

По узкой каменистой дороге, петлявшей по склону предгорья, между виноградниками и садами, мимо сложенных из дикого камня низких лачуг и оград, увитых плющом, по жердям, перекинутым через быстрый ручей, журчащий между большими замшелыми камнями, Родольфо спустился в предместье и по глухой улочке вышел к соборной площади, залитой солнечным светом.

Слежка, о которой Родольфо рассказал гончару, беспокоила цпрюльника не на шутку: она могла сделать напрасными давние старания цпрюльника и его многочисленных друзей — солдатских ремесленников, задумавших, по примеру своих товарищей по ремеслу в Кафе и в Солдаие, продолжать борьбу «малого народа», как их называли знатные синьоры и купцы-богатеи, за свои права, за свободу и довести ее до желанной победы.

Пылкое сердце Родольфо, его острый ум, неумное желание добиться торжества справедливости выделяли его среди других. Но он не был только ремесленником, он был и служащим консульского управления, человеком, близким к консулу и к другим высоким чинам в крепости. Близок он был и к богатым купцам, то и дело звавшим его работать к ним в дома. Это переплетение связей и отношений осложняло и так сложную задачу его жизни.

Вот почему появление приставских соглядатаев обеспокоило Родольфо. И вот почему он решил тотчас пойти к одному из богатейших купцов Солдаии, одному из двух, выборных от горожан, членов Попечительного комитета — помощников консула по гражданскому управлению — и попытаться от него получить нужные сведения.

«А что, если старик прогонит меня, явившегося без зова?» —

с тревогой думал Родольфо, протягивая руку к дверному молотку дома купца.

Бернардо Квиниджи, давнишний житель Солдайи и владелец одного из самых больших домов на соборной площади, вел обширную торговлю. Склады его факторий в Солдаие, Лусте, Джалите, Горзувуме, Фори¹ были переполнены бархагом, шелком, камкой, греческим мылом, перцем, камфарой, ладаном, ревенём. Он продавал и менял эти товары на московские меха, кожи, сало, а к стати и на невольников, пригнанных татарами из набегов на русские и украинские земли. Кроме крупных сделок по купле-продаже, Квиниджи занимался ростовщичеством, давая деньги в долг под грабительские проценты и залог товаров, и беспощадно выжимал долги, бросая неимущих должников в тюрьмы, отправляя к позорным столбам, под плети палачей. Среди богатеев Солдайи Квиниджи считался наипервейшим и наиуважаемым.

В это погожее осеннее утро он был в самом отвратительном настроении. Да и как тут не быть в плохом настроении! Вчера приехавший из Джалиты, с фактории, приказчик рассказал о разбившейся в бурю о скалы галере с грузом дорогого восточного товара и участившихся слухах о появлении в море сарацинских военных галер. А тут еще заседание Попечительного комитета, на котором консульский пристав наговорил всяких страхов о якобы готовящемся бунте ремесленников. Правда, эта хитрая бестия старается хоть чем-нибудь оправдать свое беззаботное житье. Бездельник! Однако Квиниджи всю ночь спился бунт в 1470 году, когда ему чудом удалось спастись за стенами крепости. К счастью, вожаки этих негодяев были тогда вовремя перехвачены и повешены. Тогдашний консул изрядно пересажал народу по погребам и отдал на пытки. Пожалуй, кое-кто из уцелевших помнит это и побоится начинать сызнова.

Как ни старался утешить себя этим Квиниджи, но так и прокряхтел и проохал всю ночь, ворочаясь с боку на бок на своей широкой деревянной кровати. Он поднялся чуть свет с противным, горьким вкусом в пересохшем рту, с одышкой и болью в виске и, открыв ставню, тотчас захлопнул ее, разозлившись на сиявший за окном день, а главное, на «всякий сброд», спешивший со всех сторон к базару.

Накинув на плечи длиннополый ярко-фиолетовый халат, сунув ноги в красные сукоинные туфли, ежась от холода и громко зевая, он отшвырнул ногой упавшую с постели подушку и, сопя, тяжело плюхнулся на расшитое золотом бархатное сиденье дубового кресла с прихотливой резьбой. В эту минуту раз-

¹ Л у с т а — Алушта, Дж а л и т а — Ялта, Г о р з у в у м — Гурзуф, Ф о р и — Форос.

дался робкий стук в дверь, на который Квиниджи не ответил. Стук повторился.

— Ну? Кто там еще?.. — недовольно крикнул он.

— Мессере! — откликнулся неуверенный голос слуги. — Цирюльник Родольфо просит разрешения мессере...

Квиниджи поднялся и, подойдя к двери, открыл щелочку.

— Зови его! — сказал он слуге.

Через минуту все в комнате преобразилось. Ставни были распахнуты, и свет хлынул, заиграл на зеленом шелке полога кровати, на медной оковке сундука и на стекле пузатого венецианского графинчика с золотистым вином. Комната наполнилась болтовней Родольфо и хриплым смехом кунца, надевшего свой халат в рукава и позволившего цирюльнику уговорить себя побриться. Квиниджи не только не прогнал его, но даже обрадовался его приходу.

— Ты пришел как нельзя кстати! — воскликнул он, хлопая цирюльника по плечу. — У меня сегодня такое паршивое настроение. А ты, надеюсь, сумеешь меня развлечь?.. Хорошо. Давай побреемся, и наври мне что-нибудь повеселей.

— Чего не могу, того не могу, — возразил Родольфо.

— Чего не можешь? — удивился купец.

— Врать, ваша милость, не умею.

— Ну хорошо, хорошо, не обижайся и давай бриться.

«Паршивое настроение»! Отчего бы это?» — думал Родольфо, подобрав валявшуюся на полу подушку и бросая ее на постель.

— Я вижу, ваша милость действительно в плохом настроении, если вы бросили на пол подушку.

Купцу льстило, что цирюльник обращается к нему, называя «ваша милость». В Солдайо, пожалуй, говорят так одному только консулу.

Родольфо достал из своего ларца бритвенные принадлежности. Слуга принес кувшин с горячей водой. И мигом грудь и часть обширного живота кунца были покрыты салфеткой, а мыльная пена густым слоем покрыла его щеки и подбородок. Квиниджи платил мало, а бриться требовал тщательного, очень сложного из-за жирных складок его толстого, обрюзгшего лица. На этот раз для Родольфо это было только выгодно.

Закинув голову и упершись затылком о спинку кресла, Квиниджи старательно держал под своим подбородком медный тазик с выемкой на краю, а цирюльник осторожно, медленно приступил к бритью.

— Что послужило причиной вашего плохого настроения? — спросил он. — Уж не захворала ли мона Илария?

— Нет, моя дочь в наилучшем здоровье... Скажи, здоров ли

Квиниджи

мессер Джорджио Скампи? Что-то долго он у нас не был и вчера почему-то не пришел на заседание комитета.

— Он тоже в прекрасном здоровье... Вот завидный жених, не правда ли, ваша милость?

Квиниджи пробурчал что-то невнятное в ответ. Вероятно, ему не понравилась такая прозорливость цирюльника, и Родольфо поспешил замять этот разговор:

— Я видел, как ваша милость выходили вчера из замка Святого Креста, и мне показалось, что вы были в прекраснейшем настроении...

— Вот именно, это тебе «показалось».

— Вы так оживленно беседовали с мессером Дезидерио...

— «Оживленно»! — перебил Квиниджи. — Этот чертов пристав и испортил мне настроение!

— Мессер Дезидерио? — удивленно воскликнул Родольфо.

— Он самый!

— Помилуйте, ваша милость, такой во всех отношениях приятный человек...

— Кто? Сантинелли приятный?!

— И такой добросовестный к своим обязанностям...

— Добросовестный болван!

— Помилуйте! Я не знаю, что делал бы без него мессер консул, да и все мы в крепости пропали бы без этого усердного и бдительного человека.

— Бдительный дурак! — со злобой выкрикнул Квиниджи и так фыркнул носом, что пышно взбитая в тазике мыльная пена разлетелась в стороны. Он приподнял голову и отвел рукой руку цирюльника, держащую бритву: — Если бы ты только мог слышать, какого вздора он наговорил вчера в комитете! Сущий дурак!.. Я, конечно, не имею права разглашать секретные дела комитета...

Родольфо насторожился. А Квиниджи, видимо, спохватился, что зашел слишком далеко, и отпустил руку цирюльника, снова откинув голову:

— Расскажи ты что-нибудь, да повеселей!

— К великому моему огорчению, ваша милость, все мои веселые рассказы увяли. Сейчас осень. Их убило и мое настрое-

ние, которое не уступает вашему. Я, в свою очередь, не открою тайны, если расскажу вашей милости причину моего плохого настроения... Вам, конечно, известно, что я больше, чем кто-либо другой, могу слышать и видеть все, что происходит в замке Святого Креста, что я больше, чем кто-либо другой, близок к самому консулу и его секретарю, а значит, и к мессеру приставу. Вряд ли вы сомневаетесь в том, что я верный сын нашей Светлейшей республики и преданный слуга ее высоких представителей. Вы знаете также, что я покорнейший слуга таких почтенных и всеми уважаемых особ, как ваша милость...

Это высокопарное предисловие возымело нужное действие: Квиниджи прислушивался к словам Родольфо, внимательно тараща глаза. Продолжая медленно брить его, Родольфо говорил о том, как он обеспокоен слухами о намерении сарацин плыть к берегам Газарии и еще в большей степени встревожен дурными настроениями, нарастающими в простом народе. Настроениями, грозящими знатым и богатым людям.

— Да не покажется странным вашей милости, что я, простой ремесленник, болею душой за таких людей, как вы. Посудите сами, только глупцы могут желать вам зла. Что делали бы мы без вас? Где и как применили бы свое ремесло? Особенно мы, цирюльники. Крестьяне нас не зовут — они бреются и стригутся сами, ремесленники носят бороды и стригутся один раз в полгода, да к рождеству, к пасхе, ко дню святой троицы. Кому мы нужны, как не знатым и богатым людям, и кто нам нужен, как не знатные и богатые люди?..

Квиниджи утвердительно закрывал веки, не собираясь возражать. Так Родольфо довел разговор до якобы искусных мер, принимаемых приставом для подавления нарастающего бунта.

— Подумайте только, ваша милость, что вы и мы, верные нашему долгу, сделали бы при новой вспышке? В семидесятом году о сарацинах разговора не было, да и консул был иной человек...

— О, да!

— Дерзкие бунтари пользуются этим случаем... — Родольфо перевел дыхание и, оглянувшись на дверь, понизил голос: — ...и уверяю вас, ваша милость, что надо быть благодарным мессеру Дезидерио, так усердно вылавливающему негодяев!

— Ты прав, совершенно прав, — сказал купец, — а я рад, что не ошибся в тебе. Ты мне всегда казался добрым малым, а теперь вижу, что, кроме этого, ты еще и умен...

— О! Ваша милость, вы мне льстите!

— С какой стати мне льстить? Умен, потому что ты рассуждаешь умно: ни мы без вас, ни вы без нас обойтись не сможете.

Пусть что угодно болтают всякие там горячие головы, а все должно оставаться по-старому, иначе всему конец...

— Совершеннейшая истина!

Квиниджи выпрямился и поставил тазик на стол рядом с креслом.

— Как же иначе? — взволнованно продолжал он. — Ты посмотри только, чего все эти чертовы подмастерья добиваются! В мастерских бунтуют — требуют повышения платы за работу. Своих мастеров, которые их в люди вывели, хотят вон прогнать, а сами стать хозяевами. На что это похоже? Я тебя спрашиваю! Драки, крики, беспорядок — только и слышишь. А кто кричит больше всех? Лентяи, пьяницы. Почтенные мастера чем зарабатывали свои мастерские? Своим горбом или чужим? Я тебя спрашиваю!

— Безусловно, своим, — поспешил ответить Родольфо.

— Ну, вот видишь. А они, мошенники, чего хотят? Хорошо бы все эти бунты мастерскими и кончались, а то ведь нет. Им этого мало, давай выше лезть! Захотелось управлять городом, заседать в Попечительном комитете, в ко-ми-те-те! — Квиниджи даже поднял указательный палец. — Наравне с благородным консулом, со знатными и почтенными людьми! Ведь вот чего они, чертовы псы, добиваются... На что это похоже? Я тебя спрашиваю!

— Ни на что, ваша милость!

— С какой стати!.. — даже взвизгнул Квиниджи и рванул рукой салфетку. — Вообразить себе страшно: сидим за одним столом — консул, секретарь, я, — и вдруг рядом такая немытая рожа! Тьфу!.. Кто истинный оплот Светлейшей республики? Я тебя спрашиваю!

— Вы, ваша милость! — угодливо ответил цирюльник.

— Положим, не я один, конечно, но все мы, богатые и достойные люди, без которых вся эта вшивая погань сдохла бы с голоду. Как они не могут этого понять!

— Совершенно непонятно! — Родольфо пожал плечами и сокрушенно вздохнул.

— Какая бессмыслица! — не успокаивался купец. — Вечно пьяный, нечесаный, безграмотный болван и бунтовщик будет проверять поведение служащих консульского управления, будет проверять, правильные ли цены назначают торговцы на базаре или хорошо ли работает водопроводный мастер. А взыскание налогов и штрафов тоже будет устанавливать и проверять всякий проходимец... Бессмыслица или нет? Я тебя спрашиваю!

— Сущая бессмыслица, ваша милость! — подхватил цирюльник, но не мог отказать себе в небольшом удовольствии и прибавил: — Они еще, чего доброго, захотят проверить флорины и дукаты в сундуках вашей милости!

Квиниджи вскочил с кресла, сдернул с себя салфетку и, размахивая ею, закричал:

— В погреб! Голодом уморить! Четвертовать! Клянусь святой Агнессой, к черту под хвост проклятых негодяев!..

Салфетка полетела под ноги Родольфо, а Квиниджи, красный, тяжело переводя дыхание, упал в кресло. Цирюльник подобрал салфетку, встряхнул ее и бережно снова закрыл ею грудь и живот купца.

— Успокойтесь,— участливо сказал он.— Весь этот «малый народ» не стоит того, чтобы ваша милость портила свое здоровье из-за его бессмысленных требований.

— Ну вот, я рад, очень рад, что ты думаешь не так, как эти подлецы,— тяжело отдуваясь, сказал Квиниджи.

— Избави меня от этого святая мадонна! Я тоже очень рад, что ваша милость рады и согласны со мной...

— Не совсем, не совсем! — перебил Квиниджи.— Что же касается Сантинелли, ты совершенно неправ: он дурак!

— О! Ваша милость, уверяю вас...

— Слушай!! Хочешь, я тебе докажу, что ты неправ? До вчерашнего дня я еще мог думать, что пристав плут, как большинство его собратий, и все тут. Но со вчерашнего дня я убедился, что он еще и дурак, и очень опасный для нас дурак...

— О!..

— Да-да, именно опасный. Ты только послушай, что он нам вчера говорил... Во-первых, что у него есть неопровержимые доказательства, что «малый народ» Солдаин готовится к бунту... Предположим, что это так. Не в этом дело, а в том, что, когда консул спросил, какие меры он предпринял или предпримет, этот болван ответил, что он собирается на всякий случай перехватать десятка два ремесленников и еще каких-то там людей, которые будто подговаривают их на это...— Квиниджи говорил отрывисто, то и дело отдуваясь.— Ты понимаешь, какую глупость он затеял? Ты понимаешь, что, если бунт еще не начался, после таких арестов он начнется непременно? Ты понимаешь?! Это ясно всякому. И только такой дурак, как твой Сантинелли, мог выдумать нечто подобное!..

Родольфо терпеливо ждал: пусть развязавший язык купец расскажет побольше.

— Я помню, в семидесятом году тогда схватили вожakov, пытали, они и указали виновных. А это что ж такое! Хватать без всяких улик первых попавшихся...

— Вероятно, ему уже известны вожаки,— сказал Родольфо.

— В том-то и дело, что нет! Он только сказал, что он «кое-кого подозревает».

— А консул?

— Слава мадонне, по-видимому, он с ним пока не согласился, не стал обсуждать это дело в комитете. И правильно, а то, в случае чего, этот дурак все свалит на нас.

— Конечно.

Квиниджи, тяжело дыша, откинулся на спинку кресла и протянул руку за тазиком:

— Ты понимаешь теперь, что мне есть от чего быть в скверном настроении?

— Я должен успокоить вашу милость: со мною наши ремесленники всегда откровенны—они знают, что я их собрат... Родольфо снова оглянулся на дверь и занес лезвие в самое ухо кунца: — Я слежу за разговорами этих молодчиков... Вы, наверно, замечали, как я часто прохожу по базару или в дальние части предместья. Понятно вам?

Квиниджи подмигнул и утвердительно закивал головой.

— И пока что — никаких разговоров о бунте... Ваша милость, бритье закончено. Где ваше зеркало?

— Ах, Родольфо, не знаю куда девал! Верю тебе и так. И, довольно улыбаясь, старик стал проводить рукой по щекам и подбородку: — Недаром я говорил, что ты пришел сегодня кстати.

— Я рад, ваша милость, что хоть немного поправил ваше настроение.

— Совсем, Родольфо! Совсем!.. Но что я наделал! — Квиниджи ударил себя рукой по лбу. — Ведь я выдал тебе государственную тайну, хранить которую я присягал при вступлении в комитет! Клянись мне, Родольфо, что этот наш с тобой разговор умрет!

— Клянусь, ваша милость, клянусь глупостью мессера Дезидерио, в которую верю с сегодняшнего дня...

— Ага! — радостно закричал купец.

— ...клянусь, что никто никогда не узнает, что вы говорили мне сегодня, и, кроме того, я хочу принести вашей милости еще одну клятву...

— Ну, говори, говори!

Квиниджи поднялся с кресла и обнял цирюльника рукой за плечи.

— Клянусь мощами святых близнецов Гервасия и Протасия, — сказал Родольфо, — и обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы направить мессера Дезидерио Сантинелли, как говорится в священном писании, «на путь истины»!

Скрытая ирония этих слов осталась непонятой Квиниджи, и вместе с Родольфо они громко рассмеялись, довольные друг другом.

«ЗОЛОТОЙ БАРАН»

Пять лет прошло с тех пор, как искусная рука кузнеца Томазо, умевшая выковывать не только мечи и подковы или обручи на колеса и бочки, соорудила прекрасного, круторогого барана и вызолотила его так, что никакие силы природы не могли затмить его блеск. Маттео — хозяин харчевни, для которой и предназначалось это чудо мастерства, — вскоре умер. Пролетали бури, лили дожди, солнце сжигало травы, мороз убивал деревья, а баран все висел на своем крюке, такой же новый и блестящий, как и в первый день своего появления. Умирая, Маттео передал харчевню своей жене Джанинне, завещав как следует начищать вывеску накануне дня святого Георгия — патрона Республики — и мучеников Гervasия и Протасия — покровителей города. Джанинна бережно хранила завет мужа и два раза в год старательно терла и мыла золотого барана.

Матросы, солдаты и купцы любили заходить в харчевню пить вино, закусывать и, шутя с молодой хозяйкой, просиживали до позднего вечера. Даже строгие правила управления городом не мешали приставам или ночной страже заходить туда, а горожанина, задержанного патрулем на улице после захода солнца и доказавшего, что он идет из «Золотого барана», отпускали домой.

На всем побережье от Чембалло до Кафы харчевня «Золотого барана» славилась своим вином и кушаньями, и не было моряка или купца, которые не расхваливали бы всем и каждому расторопность, а главное, умение хозяйничать бойкой, радужной и всегда веселой Джанинны из Солдайи.

Всякая новость распространялась по предместьям с молниеносной быстротой, и их источником всегда был «Золотой баран». Там знали все подробности раньше, чем где-либо, и часто то, о чем говорили в «Золотом баране», только на следующий день доходило до консульского управления.

Уютно устроившись у самых козел с винными бочками, сидели письмоводитель консульской канцелярии и его приятель — смотритель водопроводов и вели беседу, потягивая вино из глиняных кружек. Выкрики одного из матросов, сидевших за столами, заставили их повернуть головы в его сторону.

— Что кричит этот парень? — спросил смотритель, выпрямляясь и поднимая свой птичий нос.

Без шляпы он был еще смешнее: длинная, худая шея, узкое, приплюснутое бритое лицо, сжатые губы, щурящиеся глазки и совершенно лысая голова придавали ему вид общипанной курицы.

— Ах, мессер Каструччо, охота вам слушать разговоры этих грубиянов! Ну что может сказать путного и не оскорбляющего слух простой матрос, да еще после кружки вина?

— О нет, Никколо, я очень ясно слышал, как он поносил консула и нас с вами.

— Успокойтесь, мессер Каструччо! Уверю вас, что это вам только послышалось.

— О нет, Никколо, я не ошибся: он именно поносил!

— Ну что же из этого? Я не вижу нужды вмешиваться в это дело. Вы отлично понимаете, как неосторожно иметь дело с пьяными матросами. Успокойтесь, мессер Каструччо, и обратим лучше наше внимание на этого прекрасного баранка, который, я полагаю, напрасно остывает на блюде. — Никколо ласково погладил смотрителя по руке: — Приступим.

Он начал резать баранину и раскладывать на тарелки. Его раскрасневшееся от вина лицо сияло улыбкой, и губы жевали в предвкушении соблазнительного кушанья, искусно приправленного жирной чесночной подливкой.

Уговоры друга и вид жареного мяса умилили пыл Каструччо, и он тоже с удовольствием стал есть.

Хозяйка харчевни ходила между столами, разносила кружки, тарелки с дичью, хлебом и овощами, разливала из бочек вино и покрикивала на помогавшего ей мальчика.

Кроме солдат, матросов и двух чиновников, в харчевне было еще довольно много народа.

В тот день пришли две большие торговые галеры из Ликостомо¹. Несколько купцов и капитаны кораблей разместились за столами. Потрескивающее пламя высокого очага бросало пятна на земляной пол и сидящих, и неуклюжие тени плясали по стенам и сводам потолка. Пахло жареным мясом, чесноком и вином.

Замолкнувшие было матросы снова громко зашумели, разогретые вином.

Каструччо снова заволновался. Ему не нравился этот гам пьяных людей. Он поминутно вскакивал, но рука Никколо каждый раз удерживала его за плечо. Совершенно размякший от вина, Никколо блаженно улыбался.

— Если нам только удастся вернуться в Геную, — говорил он, — я докажу вам, Каструччо, что такое дружба... если нам только удастся добраться до Генуи... Вы знаете, Каструччо, дружба — это самый великий дар, посланный нам небом. Клянусь святым Георгием и всеми святыми, это великий дар, посланный нам небом! Но я великий грешник... о, мессер Каструччо, вы не знаете, какой я великий грешник!..

¹ Ликостомо — Констанца, порт на Черноморском побережье.

На его глаза вдруг навернулись слезы, и он тихо заплакал, положив голову на плечо Каструччо.

— Перестаньте хныкать,— сказал смотритель.— Вы напоминаете мне старую бабу.

Он быстро отдернул плечо и отодвинулся в сторону. Несчастный Никколо повалился на скамейку и долго барахтался, пока снова не сел. Лицо его было совсем красное, глаза освели и веки слипались. Продолжая всхлипывать, он прислонился к стене, и голова его, помотавшись, опустилась на грудь.

Каструччо воспользовался этим, чтобы освидетельствовать карманы и кошель своего друга, и, найдя флорин, бросил его на стол, крикнув пробежавшему мальчику: «Эй, малый, нацедика нам еще вина!»

Франческино схватил на ходу кружки и нырнул под бочку.

...Пьетро не повезло в этот день: никто из матросов не мог рассказать ему про заокеанские страны; оказалось, что никто из них не плавал дальше Таны и в океан не выходил.

Пьетро пил мало, и среди охмелевших ему было скучно. Возвращаться в крепость не хотелось. Он вышел из харчевни и сел на лежавший у двери большой камень. Солнце красноватым светом осветило крепостную стену и стоящую напротив башню. Ветерок со стороны гавани доносил запах просмоленных снастей. Над головой поскрипывал, качаясь на крюке, золотой баран. Кругом никого не было.

Доносившиеся из харчевни веселые голоса и смех вызывали зависть. Даже эти моряки, не ходившие дальше Таны,— даже они во сто раз счастливее! Они переезжают с места на место, видят новых людей... Вот скоро наступит время северного ветра. Каково в карауле на стенах в непроглядные, дождливые ночи, когда ветер воет, свистит, словно хороводы бесов мчатся во мраке!.. Шесть зим прошло, осталось еще четыре... нет, меньше: он паялся в середине зимы. А раньше не уйдешь. Разве отсюда можно уйти!

Зубчатая, освещенная заходящим солнцем стена, ползущая вверх по скале, казалась громадным, ошетилившим хребет дра-

коном. Алое знамя на башне консульского замка трепетало, как окровавленный язык чудовища.

Звук шагов вывел Пьетро из задумчивости и заставил обернуться. По красной от солнца скале скользнула рогатая тень. Пьетро встал, чтобы спрятаться за угол дома, но было поздно: цирюльник Родольфо стоял рядом.

— Что, молодчик, — он хлопнул солдата по плечу, — любишь нашим чудовищем?

Пьетро отдернул плечо. «Колдун!» — промелькнуло в голове.

— Да, — продолжал цирюльник, — из его лап не скоро вырвешься... Потерпи, молодчик, не вечно тебе на стенах вороной торчать!

Противный, хриплый смех донесся из харчевни.

«Конечно, он колдун, — размышлял солдат. — Не знайся он с чертом, разве он догадался бы, о чем я думаю? Как бы со мной теперь чего не случилось!» И Пьетро невольно повел плечом, по которому его хлопнул цирюльник.

Новый взрыв хохота раздался снизу. Слышались выкрики колдуна. Хохот рос. К нему прибавились возгласы матросов, перешедшие в гиканье и свист. Из харчевни вышел, важно подняв свой птичий нос, смотритель водопроводов. Сквозь прищуренные веки он взглянул на солдата и, ворча себе под нос, зашагал, слегка покачиваясь на длинных ногах.

«Курица! Курица!..» — неслось ему вслед из харчевни.

Матрос с красным от вина лицом и взъерошенными рыжими волосами взбежал по лестнице за смотрителем. Джанинна вцепилась сзади и тянула матроса вниз.

— Замолчи, замолчи, негодный! — просила она.

Матрос умолк и, добродушно улынувшись Джанинне и чмокнув ее в шею, скатился вниз по лестнице в объятия товарищей. Джанинна, озабоченно сдвинув брови, смотрела вслед уходящему Каструччо.

— Слушай, Джанинна, — спросил Пьетро, — почему ты не отводишь этого хромоногого дьявола?

— Зачем?

Джанинна закинула руки за голову, пытаясь привести в порядок непослушные, выщипывая пряди черных волос, выбившиеся из-под положенных вокруг головы густых кос.

— Охота тебе поганить «Золотого барана» колдовской рожей! Как тебе самой-то не противно глядеть на этого цирюльника? Или хочешь, чтобы в консульском управлении знали подробно обо всем, что говорят в твоей харчевне?..

Джанинна звонко рассмеялась. Ее красивое смуглое лицо светилось белизной зубов и блеском больших темно-карих глаз.

— И ты за всеми? Видно, вы в крепости в каждом человеке колдуна да соглядатая видите!.. Да я знаю Родольфо, как самое

себя. Плюнь тому в глаза — да простит мне святой Гervasий! — кто скажет тебе, что Родольфо колдун или соглядатай. Да пошлет тебе святая дева половину, четверть такого благородства, какое в душе у Родольфо!

Пьетро недоверчиво качал головой.

— Кому, как не мне, — продолжала Джанинна, — знать про него? Маттео, мой покойный муж, считал его другом, а Маттео был слишком умен, чтобы водить дружбу с колдуном и проходимцем... Колдун!.. Колдун — потому что умен да знает тайны лечебных трав... Согодатай!.. Согодатай — потому что ровен со всеми и говорит всем и каждому правду в глаза!.. Ты, Пьетро, выкинь все это из головы да лучше слушай, что говорит Родольфо. Клянусь святым Протасием, он научит тебя лучше духовника!

Слова Джанинны были прерваны звуком колокола.

— «Ave Maria»¹, — прошептала она, крестясь, и поспешно сбежала вниз по лестнице.

Пьетро заглянул в харчевню. Цирюльник стоял на лавке и размахивал руками над поднявшимися к нему захмелевшими, красными лицами купцов. За ним на стене кривлялась огромная тень, рогатая от его шапки и крылатая от плаща. Пламя очага, вспыхивая, окрашивало красными отблесками безобразное лицо Родольфо.

«Настоящий бес!» — подумал Пьетро и медленно побрел в крепость.

Колокол заунывно звенел в синих сумерках.

— Ну, Джанинна, получай за всю братью! — Матрос высыпал на стол пригоршню серебряных монет. — Завтра с утра уходим... На обратном пути будем у тебя, если море того захочет. Прощай!

Матросы обступили хозяйку, смеявшуюся и отмахивавшуюся кулаками. Кричавший обнял ее за шею и чмокнул в щеку.

— Ну вас, греховодники! — крикнула Джанинна и вырвалась.

Топоча по лестнице, смеясь и напевая, шумной гурьбой матросы вышли из харчевни.

Бросив на стол золотые флорины, купцы со своими спутниками, пошатываясь, толкались у выхода. Франческино влез на бочку и зажигал висевший над ней фонарь.

У стола раздалось бормотанье. Никколо проснулся и заспанными, полуоткрытыми глазами беспокойно озирался. Он, видимо, никак не мог понять, где находится. Опираясь руками на стол, он старался подняться.

¹ Начальные слова католической молитвы богородице. В католических церквях три раза в день звонят в колокол, призывая к этой молитве.

— Мессер Никколо! — воскликнул цирюльник. — Слава пресвятой деве, вы пришли в себя!

Он поспешил к старику и подхватил его под руки, помогая встать. Никколо бормотал что-то бессвязное.

— Да-да-да, я понимаю... — уговаривал цирюльник. — Пойдемте скорее, а то поднимут мост... У меня для вас припасена прекрасная, очень голодная пиявка. Пойдемте, пойдемте, мессер Никколо... Джанинна, помоги же!

Общими усилиями Никколо был поставлен на ноги и кое-как выведен из харчевни.

Пьетро, выйдя на стену, чтобы идти в ночной караул, видел, как ковылял цирюльник, тащивший под руки письмоводителя.

«Он научит тебя лучше духовника», — вспомнились Пьетро слова Джанинны.

Глава VII

ЧЕЛОВЕК С РАСПОРОТЫМ ЖИВОТОМ

Пьетро не мог отделаться от мыслей, занимавших его с этого вечера.

Все время, пока Пьетро стоял в карауле, и потом, вернувшись в казарму, он думал о цирюльнике. Родольфо стал занимать его внимание больше, чем до этого времени, и он стал искать случая встретиться и поговорить с ним.

И случай этот представился скорее, чем Пьетро ожидал. Одни из его товарищей, солдат Гвидо, вернувшись из ночного караула, начал жаловаться на сильную головную боль и озноб.

Пьетро принес ему из караульной горячей похлебки и покрыл своим плащом. Но бедному Гвидо не стало от этого легче: он не спал всю ночь, дрожал, жаловался на боль в голове, ногах и груди и к утру стал метаться, крича, что он умирает. Пьетро уговаривал его лежать спокойно, покрывал теплее, принес свежей соломы и воды.

Целый день просидел Пьетро возле больного, а вечером, когда надо было снова идти в караул, он поручил Гвидо оставшимся и ушел. Когда он вернулся в казарму, вид больного напугал его. Все спали. Слабый свет мигавшего в плошке с маслом огонька еле освещал казарму. Сбросив плащ и стащив с себя одежду, Гвидо сидел на голых досках, прислонившись к холодной, сырой стене. На полу вокруг лежала разбросанная им солома. Все тело его дрожало. Слабым голосом он бормотал что-то и широко раскрытыми глазами смотрел в темноту.

Когда Пьетро подошел и заговорил с ним, Гвидо не обратил на него никакого внимания, точно ничего не видел и не слышал. Больших усилий стоило Пьетро снова уложить его и заставить не двигаться.

Пьетро и Гвидо

Когда в узком окне казармы показался белесый свет утра, Пьетро все еще сидел, держа руки больного. Только слабое дыхание поднимало его грудь. Жизнь еле теплилась в холодеющем теле.

Пьетро испугался, растолкал товарищей, и все обступили больного. Шепчась над ним, растерянно обсуждали, что делать.

— Начальник еще спит, — сказал один.

— Надо позвать капеллана, — сказал другой.

— Нет, — сказал Пьетро, — я знаю...

И он выбежал из казармы.

Пробежав мимо оружейных складов, он постучал в дверь небольшого

дома в глубине второго двора. За дверью послышались шаги, и заспанный голос спросил:

— Кто там?

— Откройте! По важному делу, — сказал Пьетро.

— Если по важному, то входите, — последовал ответ.

Пьетро вошел и затворил за собой дверь. В низкой сводчатой комнате он оказался лицом к лицу с цирюльником. Пьетро так торопился и так боялся отказа, что запутался в словах.

— Хорошо, — сказал Родольфо. — Из твоих объяснений я плохо понял, в чем дело, но раз кто-то сильно заболел, я должен ему помочь. Надеюсь, что ты ошибся и все это не страшно. Умереть, друг мой, не так просто... Иди скорее обратно. Я оденусь, возьму что нужно и приду.

Когда Пьетро вбежал в казарму, он услышал громкий голос начальника, кричавшего на солдат и топавшего ногами у самых нар, где лежал Гвидо. Увидав Пьетро, тот накинулся на него:

— А, умная голова! Не сказав ни слова, бежишь, как бешеный осел! Можно подумать, важное дело!.. Уж не сбегал ли ты, чего доброго, в замок?.. Где был?! Почему не сказал мне?! погоди ты у меня, будешь крыс кормить в яме! Чтоб тебе была плохая пасха, чертова плешь!..

Пьетро стоял молча и с испугом смотрел на лежащего.

Гвидо был неподвижен. Крики и топание не доходили до его сознания.

«Может быть, он уже умер?» — подумал Пьетро.

— Что же ты молчишь как рыба? — продолжал начальник. — С сегодняшней ночи — семь караулов не в очередь! Понял?! А этого, — он указал на больного, — вынести в круглую башню.

Солдаты бросились было исполнять приказание, но их остановил голос, раздавшийся у двери:

— Однако, мессер Раффанати, у вас прекрасный способ лечить больных! И я поспешу сообщить о нем мессеру консулу.

— А что же ты хочешь?! — закричал Раффанати. — Чтобы он сдох здесь? Я не позволю этого! В казарме не место трупам!

— Мессёре, — спокойно возразил Родольфо, — вы начальник над здоровыми людьми, ими вы можете распоряжаться, как того захотите, а над больными начальник — я и также могу делать с ними что захочу. Так гласят статьи устава Светлейшей республики, мессер Раффанати, и мы с вами не вправе их нарушать. Вы подумайте только, что скажет консул, узнав, что мы с вами уклонились от статей устава? Мой вам совет — успокойтесь, идите к себе, а я осмотрю больного.

Начальник злился. Но доводы цирюльника были настолько убедительны, что Раффанати решил сдаться и ушел ворча.

— Теперь все уйдите отсюда, — торопливо сказал Родольфо солдатам, глядевшим на него с суеверным страхом. — Только ты останешься, — показал он на Пьетро. — Принеси поскорее воды.

Когда Пьетро вернулся с кувшином в руках, цирюльник стоял на коленях возле нар и держал руку Гвидо. У ног больного лежало полотенце, несколько узко нарезанных полос белого полотна и какие-то странного вида блестящие ножи и тиски. На полу лежала раскрытая большая книга. Пожелтевшие листы были покрыты замысловатыми изображениями.

Поставив кувшин на пол, Пьетро опустился на колени рядом с цирюльником и

посмотрел ему в лицо. Оно показалось Пьетро совсем другим, чем всегда: безобразная улыбка, не покидавшая его, исчезла; брови напряженно сдвинулись, проведя глубокие складки на лбу; губы сжались, и глаза, полные заботы, смотрели на Гвидо.

— Он умрет? — прошептал Пьетро.

Родольфо ничего не ответил. Встав, он наклонился и приподнял веко больного. Потом, также молча, будто обдумывая что-то, окунул полотенце в воду, выжал в кувшине и положил на голову Гвидо. После этого он начал разбирать и осматривать свои ножи и несколько раз взглянул на открытые страницы книги.

Пьетро невольно перевел за ним свой взгляд и смотрел на непонятный и страшный рисунок. Голый человек стоял на двух рыбах. Его горло, грудь и живот были разрезаны вдоль, и видны были внутренности. От головы, ног, рук и боков тянулись широкие нити и соединяли их с изображениями людей и животных. Тут были и козел, и рак, и баран, и лев, и женщина, и воин, и младенцы. Один из рисунков изображал весы.

Сполоснув в кувшине нож, Родольфо обтер его и, держа в руке, опять посмотрел в книгу. Закрыв пальцем весы, он провел по нити, ведущей к внутренностям распоротого живота.

— Открой ему живот, — сказал цирюльник.

Пьетро не понял.

— Сними с него всё, — кивнул Родольфо на больного.

— Что вы хотите с ним делать? — испуганно прошептал Пьетро. Он думал, что Родольфо сейчас вспорет ножом живот несчастного.

— Скорей, скорей! — нетерпеливо приказывал Родольфо и сам стал стягивать с больного одежду. — Возьми вот ту миску и держи ее здесь.

Дрожащими руками Пьетро поднес глиняную миску к обнаженному животу Гвидо. Он чувствовал, как холодная дрожь пробежала по телу и в глазах пошли темные круги. Он хотел крикнуть и схватить ужасного «колдуна» за рукав.

Но было поздно, теплая струя брызнула ему на руку.

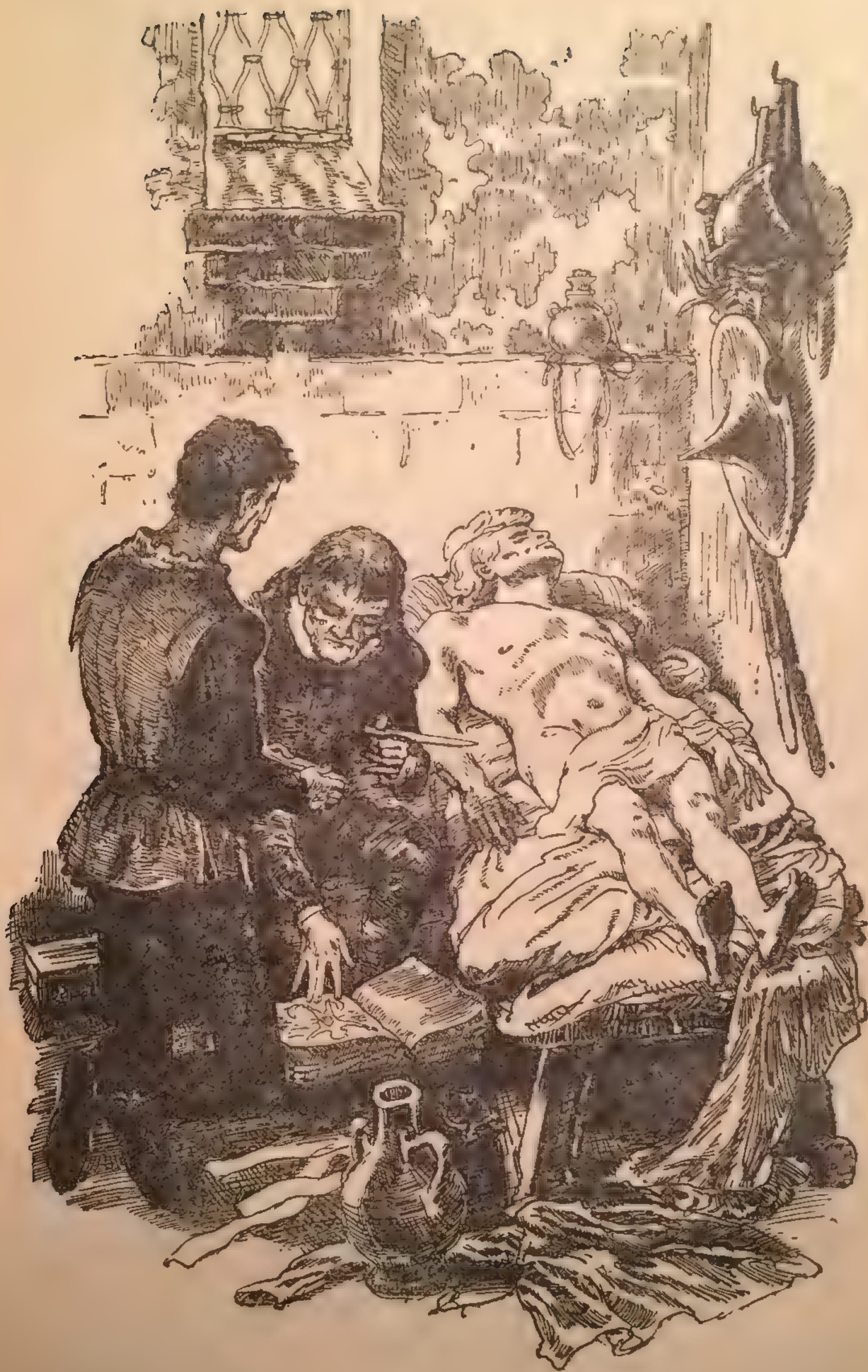
— Смотри, как держишь! — раздраженно шепнул Родольфо, не оборачиваясь.

Пьетро хотелось бросить все и бежать, звать на помощь...

— Вот и всё, — сказал спокойно Родольфо. — Подай мне тиски, воду и повязки.

Кровь больше не лилась. Пьетро исполнил приказание и испуганно взглянул на больного.

Гвидо продолжал лежать неподвижно. Вверху живота, с правой стороны, был виден небольшой надрез. Пальцами левой руки Родольфо крепко защемил над ним кожу. И когда Пьетро подал ему маленькие тиски, он ими заменил пальцы, туго

— Он умрет? — прошептал Пьетро.

закрутив винт. Обмыв кожу вокруг обреза, он велел приподнять больного и, туго обмотав его повязками, завязал концы крепким узлом.

— Теперь одень его потеплее... Вечером придешь ко мне, я дам отвару. Дашь ему выпить. Полотенце мочи водой и кладь ему на голову. А начальнику скажи, что я не велел трогать...

Родольфо собрал свои ножи, поднял книгу и ушел.

Сев на край нар, Пьетро смотрел на Гвидо. Лицо больного как будто оживало. Чуть заметная краска покрыла щеки, и углы рта слабо подергивались.

В дверях показались любопытные лица солдат.

— Жив? Умер? — шептали они. — Колдун ушел? Он вызывал беса? Какие заклинания говорил? Уморил, что ли, совсем?

Пьетро только махал на них рукой.

Целый день проспел он у ног больного, забыв и про еду и про то, что он не спал ночь, а скоро надо опять идти в караул. К счастью, в казарму никто не входил.

К вечеру Гвидо стал ровнее дышать. Пьетро побежал к цирюльнику и вернул с бутылкой какой-то горячей, сильно пахнувшей жидкости. Он налил немного в кружку и влил в рот Гвидо.

Скоро пришел и сам Родольфо. Он молча осмотрел больного, велел снова его раздеть, развязал повязки, снял тиски, снова завязал и сказал:

— Ты можешь спокойно идти в караул, ему гораздо лучше. Иди, я пока останусь здесь.

Раздался бой барабана. Пьетро надо было уходить.

Подойдя к двери, он оглянулся. Цирюльник подошел к подставке, на которой стояла плошка с маслом, и кремнем выбивал искру на фитиль.

Ночь была холодная и темная. Звезды точно ушли в глубь небосвода. Где-то далеко, во мраке, жалобно и жутко кричала сова.

Пьетро ходил взад и вперед, чтобы согреться. Он дошел до поворота стены и смотрел между зубцами на море. Оно лежало безмолвное, черным провалом, сливаясь с берегом и небом. Темные громады гор выросли и напозли ближе.

Нигде ни огонька, ни звука...

Пьетро плотнее завернулся в плащ и задремал. Смутные, бессвязные мысли путались в голове. Пьетро вздрагивал, просыпался, опять дремал...

Горластый петух крепостного птичника первый нарушил тишину, отвечая на перекличку своих городских собратьев. Еле заметно посветлел край неба. Тихий говор и шаги донеслись сверху. Предутренний караул собирался без барабана.

Товарищ пришел сменить Пьетро.

— Что Гвидо?..

— Поди полюбуйся.

Страх сжал сердце. Пьетро кинулся вниз.

На пороге казармы он с удивлением остановился...

В колеблющемся свете он различил фигуру цирюльника, наклонившегося над больным, и услышал голос Гвидо.

Пьетро бросился к нарам.

— А! Вот и отлично, — спокойным голосом сказал Родольфо. — А мы тебя тут дожидаемся... Спокойной ночи, или, пожалуй, спокойного утра. К вечеру я зайду еще раз. Если я потребуюсь раньше, позови меня.

Приветливо кивнув Гвидо, цирюльник быстро заковылял к выходу.

Пьетро смотрел ему вслед, потом, обернувшись к больному, сказал:

— Он спас тебе жизнь.

Сделав усилие, Гвидо проговорил слабым голосом:

— Он вовсе не колдун...

Родольфо приходил два раза в день и просигивал долго, беседуя и с больным и с Пьетро.

Солдаты прислушивались к тому, что говорил цирюльник, и с каждым разом убеждались, что он вовсе не такой, как они думали. Наоборот, Родольфо громко, не стесняясь даже сотника, говорил о недостатках управления краем, а один раз, в присутствии помощника коменданта, пришедшего осмотреть казарму, так ответил сопровождавшему его начальнику стражи, что все обомлели от испуга и восхищения.

Дело касалось сокращения довольствия солдат и содержания заключенных в погребах.

Когда начальник закричал, что цирюльнику нечего совать свой безобразный нос в дела, его не касающиеся, Родольфо, в свою очередь, повысил голос и, с побагровевшим родимым пятном на лице, с горящими глазами, наговорил в ответ такого, что помощник коменданта решил поскорее убраться.

— Недурно бы, мессер Раффанати, — крикнул вслед Родольфо, — восстановить в памяти статью устава, хотя бы вот эту: «Люди Солдайи должны быть свободны и никем не стесняемы»! А у нас заткнули глотку всему населению и теперь хотят и своих людей уморить с голоду за счет карманов и животов генеральных синдигов!

Солдаты удивлялись храбрости Родольфо и безнаказанности его выступлений. «Что там ни говори, а другого за это стали бы пытаться».

Но Пьетро, много беседовавший с Родольфо, хорошо понял, что все нелепые рассказы о колдовстве, бесах и двойственном поведении Родольфо в угоду начальникам были сущей выдумкой.

Родимое пятно Родольфо багровело, когда он говорил о чиновниках и духовенстве, о консуле Кафы, о крепостном канцеляне, о братьях да Гуаско. Но кого именно из них ненавидел он больше всех, угадать было нельзя, и Пьетро иногда казалось, что он сам преувеличивает степень ненависти Родольфо, увлеченный его остроумными и злыми речами.

Со своей стороны, Пьетро поведал «колдуну» свои мечты о возвращении на родину и плаваньи по океану и рассказал о своем невеселом детстве.

— Смотри, брат, — шутил выздоравливающий Гвидо, — как бы он тебя не женил на какой-нибудь ведьме! Кто его знает, может быть, он на нас с тобой нагнал колдовского тумана, а мы, как ослы, развесили уши?

Глава VIII

КУСТ МОЖЖЕВЕЛЬНИКА

О том, кто и зачем приходил из крепости к гончару и что его сына увели на следующий день в погреб, Родольфо узнал на базаре, куда Уберто выносил свой товар.

Возвращаясь с базара, Родольфо не пошел в крепость. От фонтана он повернул в улицу западного предместья, уводящую на холмы у подножия Соколиной горы. Там, за виноградниками и садами, начинались узкие горные тропы, терявшиеся в каменных осыпях и густых зарослях ставшего по земле можжевельника. Родольфо любил это тихое, безлюдное место, защищенное большими камнями и дубняком от солнца и ветра. Он нашел его, бродя в поисках лечебных трав.

После душного каменного мешка крепости, после пыльного солнцепека предместий, с их пазойливым криком базаров, тоскливостью набитых беднотой улиц, здесь, на этом клочке дикой, каменистой земли горного отрога, в терпком запахе засыхающих трав, в чуть заметно колеблющемся мареве над раскаленными солнцем камнями, в зеленоватой и прохладной тени деревьев, царило торжественное безмолвие. Как в волшебной стране, тропа, приводившая сюда, неожиданно упралась в высокий и широкий камень, густо заросший колючим кустарником, и, как в сказке, надо было смело преодолеть это препятствие — и тогда за камнем снова появлялась тропа, ведущая дальше в горы. Куда? К логову какого страшного дракона? К чудесам какого волшебного замка?

Родольфо хорошо знал, что чудес на свете не бывает, но каждый раз, когда приходил сюда, вспоминал сказку, которую рассказывала ему мать, о волшебной стране, куда после

долгих мучений пришел бедняк и разыскал там наконец свое счастье...

А он?

Родольфо сел на камень у развилки тропы. Это был изъеденный временем, зноем и стужей, дождями и ветрами, наполовину ушедший в землю обломок древней византийской церкви с изображением греческого креста. Густо разросшаяся орешника низко клонила ветки к самому камню. В трещине его усердно работали муравьи, длинной вереницей двигаясь взад и вперед — с земли на камень и обратно. Мох и трава пробивались из других трещин. Новая жизнь настойчиво завоевывала себе место на обломке ушедшей жизни.

Облокотившись о колени, склонив голову на руки, Родольфо погрузился в тревожное раздумье. Его плащ сполз с плеч на землю.

Не был ли арест сына гончара одним из узлов плетущейся приставом сети? Не начал ли мессер Дезидеро «хватать на всякий случай», как сказал купец Квиниджи?

«Надо во что бы то ни стало освободить Игнацио. Но как это сделать?» — думал Родольфо.

И мысли его снова и снова возвращались к самому главному, непрестанно тревожившему его вопросу, силясь разрешить который, он терялся в мучительных догадках: прав ли он по отношению к своим друзьям, идя на разрушение планов синьоров да Гуаско, направленных против консула? Большинство друзей не хотят понять, что для удачи их общего дела надо оберегать ди Негро, хотя бы потому, что он враг синьоров из Скуто, что, убрав его со своего пути, да Гуаско развяжут себе руки для тогда уже безудержной жестокости по отношению к крестьянам и ремесленникам. Вот и сейчас они хотят подослать в крепость убийцу... Он знает это от капеллана, продавшегося да Гуаско, и позволил завербовать себя для этого преступления, чтобы предотвратить его. Верно, что ди Негро упрямый законник, человек, готовый жестоко подавить малейшее отступление от статей устава. В случае восстания простого народа он, вероятно, попытается задушить его любыми средствами. Все это так. Однако сейчас он нужен для общего дела народа — Родольфо в этом убежден, и никакие доводы не заставят его переменить свое мнение.

«Только не давать сбить себя с намеченного пути», — думал Родольфо.

Вырвавшись из тумана, мысль заработала четко и быстро: «Да, а как же с освобождением Игнацио?»

Большая голова Родольфо склонилась ниже. Через минуту он вскинул голову вверх, встал, выпрямился и, накидывая на плечи фиолетовый плащ, громко сказал:

— Вот и прекрасно! Пусть синьоры назначают день!

Родольфо пробрался сквозь колючий кустарник у высокого камня и стал спускаться по тропе. От его тяжелой, хромающей походки мелкие камешки с шуршаньем катились вниз, опережая его. Родольфо не видел, что камешки бегут не только впереди его, но и догоняют сзади, катясь откуда-то сверху. Не видел он и того, что, когда он встал, громко заговорив сам с собою, и пошел, ветки орешины над камнем раздвинулись и между ними появилась человеческая голова в шляпе с широкими опущенными полями. На одно мгновение человек замер, прислушиваясь, потом снова исчез за ветками. И некому было предупредить Родольфо, что слова, сказанные им вслух, были кем-то подслушаны и что этот кто-то осторожно пробирается теперь вслед за ним, отчего и катятся сверху камешки.

Родольфо редко видел море, и вот сейчас, выйдя через можжевелевую рощу на площадку над глубоким обрывом, он увидел необозримую морскую ширь, раскинувшуюся на юг, восток и запад, увидел цепь скалистых бухт, вершины мысов и гор, уходящих в обе стороны призрачными громадами, то светлыми, то темными от плывущих теней облаков, от золотых и голубых отсветов моря.

Полной грудью вдыхал Родольфо живительный морской воздух, любясь ослепительной красотой моря и чарующей прелестью солдайской долины, широкими полосами густых садов и виноградников. Даже крепость с ее суровыми башнями и стенами казалась отсюда сказочным замком, таинственно парящим в золотой дымке.

Родольфо поднял руки, развел их и, глубоко вздохнув, воскликнул:

— Как хорошо!

К концу дня он пойдет в харчевню «Золотого барапа». Там соберутся его друзья. У каждого из них свое «хозяйство», как они условно называют круг людей, за которых каждый ручается и которыми должен руководить во время восстания. «Хозяйство» Паоло — рыбаки и охрана порта, старшего сына гончара — ремесленники западного предместья и охрана дороги на Скуто, Уберто — ремесленники восточного предместья и дороги на Кафу и Лусту. Родольфо взял на себя солдат и всех других обитателей крепости и все переговоры с консулом и начальниками. Много раз обо всем этом было переговорено, много раз обсуждено. Сумма последнего подсчета людей была внушительной: все ремесленные цехи готовы начать борьбу за свои права. Друзья торопят Родольфо, не зная о его решении разрушить коварные планы да Гуаско, — он из осторожности не хотел говорить об этом. Противоречия эти тревожили Родольфо, настоятельно требуя стойкого проявления воли.

Как только Родольфо сел у стола, к нему подошла Джани-на и, пристально взглядевшись в сидящих поодаль матросов, села рядом с ним.

— Только сейчас был тот, из Скуто, — шепнула она. — Не стал ждать. Торопился... Велел передать: «От сегодняшнего дня на седьмую ночь».

— Хорошо.

Ток воздуха, проникая в харчевню, покачивал горевший фонарь. Большой, тяжелый, он качался медленно и равномерно, и в такт ему ходили из стороны в сторону по сводам потолка тени от железной фонарной оковки.

Родольфо казалось, что те, что сидят за столами, и он сам плывут куда-то на корабле, укачиваемом волнами. Мужской голос в дальнем, темном углу пел тихую песню, и ритм ее мелодии совпадал с покачиванием теней. Все говорили тихо или молчали, прислушиваясь к заунывному напеву:

Горька моя жизнь на далекой чужбине,
Вдали от моей черноокой любимой,
Вдали от родного душе очага,
Где счастьем любовь молодая цвела.
О море родное, о берег счастливый!
О Лигурия, отчизна моя!
Борись, мое сердце, с невзгодой лютой,
Как борется кормчий со злой непогодой.
Пусть волны рокочут, пусть ветер ревет, —
Я с бурей справлюсь, мой челн доплывет!
О море родное, о берег счастливый!
О Лигурия, отчизна моя!..

Голос умолк, и на миг в харчевне наступила полнейшая тишина. Видимо, песня в душе всех всколыхнула самые сокровенные чувства и думы о далекой родине, о нелегкой борьбе за осуществление своих надежд.

Обо всем этом думал и Родольфо, слушая давно знакомую песню генуэзских матросов. И с этими мыслями пришла снова мысль о том, что, обнаружив замыслы шпионов да Гуаско, он должен пресечь их во что бы то ни стало: ведь от этого зависит восстание. С другой стороны, слежка пристава грозит провалом и вместе с тем заставляет быть сугубо осторожным, чтобы все не сорвалось.

Первым пришел рыбак Паоло. Как всегда, он добросовестно, по всем правилам, обменялся с цирюльником особым рукопожатием — условным знаком цеха корзищиков, к которому он был приписан когда-то в Генуе. Родольфо ценил этого молчаливого старика, скупно тратившего свою незамысловатую, но всегда вескую, убедительно верную и честную речь. Паоло отвечал ему тем же и, может быть, больше других понимал цирюльника,

Паоло

доверял ему и целиком оправдывал те его поступки, которые казались некоторым подозрительными.

Паоло спросил себе кружку вина и несколько минут отбивал молча. Потом, пододвинувшись совсем близко к цирюльнику, заговорил тихо:

— Меня, Родольфо, это... взяло сомнение... Слухи идут с моря.

— О чем слухи?

— Матросы с галер поговаривают... это... сарацины на нас собираются... Как там, в крепости, не слышать?

— Пока нет.

— А меня... и взяло сомне-

ние: как же нам быть с нашими-то делами? А то ведь получается вроде поздно об них думать-то...

— Пока ничего не слышно,— повторил Родольфо, решив до поры до времени не делиться ни с кем своими опасениями по поводу приближения турок, слухи о которых, он знал, растут в народе.

Паоло удовлетворился ответом цирюльника и снова замолчал.

По лестнице сходил Уберто с большой корзиной, наполненной глиняной посудой. За ним Марко. Следом сбежала Симонетта.

Войдя в харчевню, Уберто поставил корзину на конец одной из лавок у входной двери и выставил на стол кувшин, миску и кружку. Последняя своей глянцевитой новизной вызвала восторг одного из сидящих за столом. Симонетта тотчас поднесла ее, и тот погладил рукой изделие гончара, любясь им и прищелкивая языком, протянул девочке монету и перелил свое вино в новую кружку. Так с одной лавки на другую перепосил Уберто корзину, а Симонетта переставляла со стола на стол образцы товара. Дошла очередь и до стола, где сидели только Родольфо и Паоло. Когда Симонетта ставила около них посуду, Родольфо сказал ей:

— Выйди сейчас на улицу подальше и погляди, не идет ли человек, похожий на лягушку.

— Как — на лягушку?

Симонетта удивленно раскрыла глаза. Цирюльник всегда придумает что-нибудь смешное!

— Я не шучу, — сказал ей Родольфо. — Он в шляпе с боты-
шими опущенными полями, глаза у него раскосые, а носа со-
всем нет, как у лягушки. Увидишь — и беги скорей сюда, ска-
жи нам. Поняла?

Симонетта кивнула головой и убежала.

Уберто подсел к друзьям.

— До каких пор, Родольфо, мы будем откладывать? — спро-
сил он. — Ты не хочешь считаться с людьми, и это самое плохое.
Терпению их может прийти конец, тогда свою расправу они,
пожалуй, начнут с нас с тобой. Кожевники с нашей улицы гово-
рят: «Что это цирюльник Родольфо в крепости отсиживается?
Ждет, что ли, чтобы мы сами за ним пришли?» Да и не одни
кожевники — в других цехах тоже беспокойно. А мастера
разузнали про это и давай всякими сплетнями подмастерьев
своих сбивать с толку: «Вступая в цех, вы, мол, обещали вести
себя чинно, честно, клялись соблюдать цеховой устав, а теперь
какую-то смуту затеваете». Один мастер-портной угрожал, что
пойдет в крепость жаловаться, какие у него подмастерья слова
говорят и всякое такое... Ты знаешь, Родольфо, что я тебе до-
веряю, но сейчас прямо скажу, что ты поступаешь неверно.
Пока еще не поздно, брось свое упрямство, и давай-ка решим
скорей, какой день назначим. Ты нам говорил, что за тобой
всякие приставские «лягушки» ходят, а доберись они до тебя —
тогда уж нам плохо будет!

Уберто подвинул свою корзину поближе, оглянувшись и про-
должал:

— Я вовсе не за то, чтобы бросаться сломя голову, — не
подумай этого. Обсудить еще раз надо, проверить, без этого
нельзя. А своим «хозяйством» я могу похвалиться: парни все
как на подбор, весь принас готов — хоть сегодня выходи. А если,
как ты говорил, солдаты мешать не станут, а даже, может быть,
и помогут, тем лучше. В крепости будем — распорядимся живо.
У моего Марко тоже, знаю, дела неплохие... А у тебя как,
Паоло?

— Хвала мадонне!

— Вот видишь, Родольфо! Чего же медлить? Как думаешь,
прав я?

Родольфо ответил не сразу, видимо о чем-то напряженно
думая.

— Ты прав, — сказал он, — откладывать не следует. А зря
торопиться тоже нельзя... — И, подумав, прибавил: — Думаю,
что после праздника рождества...

На лестнице раздались голоса, топот ног, и в харчевню
вошли человек десять матросов. Шумной гурьбой они про-
шли к незанятым лавкам у стола, где сидели Родольфо и его
друзья.

Расторопный Франческино засновал от стола к бочкам, к очагу и обратно. Застучали кружки, задымились миски с чесночной похлебкой, кусками жареной баранины и вареной рыбой. Шум рассаживания и многоголосица сменились тихим говором, сопровождающим сосредоточенную еду.

— Пойдем пока поговорим,— сказал Уберто цирюльнику и рыбаку, кивнув головой на бочки — за ними была дверь в комнату Джанинны.— Марко, смотри за товаром.

Приезжие матросы отдавали должное вину солдайских виноградарей, славившемуся далеко за пределами Газарии. А радующие молодой черноглазой хозяйки харчевни заставляло матросов смеяться и балагурить, забывая на короткое время тяготы безрадостной корабельной неволи. Высоко и дружно поднимая кружки, они пили за здоровье Джанинны из Солдайн, за «Золотого барана» и клялись Бахусом и святым Эльмом, что нет лучшей харчевни на всех побережьях Великого моря.

Задремавший около своей корзины Марко был разбужен шепотом Симонетты:

— Где Родольфо? Где отец? «Лягушка» пришел!

— Там, у Джанинны.

Симонетта стремглав ринулась за бочки и тотчас вернулась с отцом, рыбаком и Родольфо.

— Джанинна, накорми девочку, она небось проголодалась,— сказал Родольфо подошедшей к ним хозяйке.

— Разложи-ка свой товар, Уберто... А тебе, хозяйка, наверно, понадобятся кувшины и кружки. Поторгуйся-ка с ним.— И Родольфо подмигнул Джанинне.

Та поняла, чего от нее хотят, и, отослав Симонетту к очагу, где орудовал Франческино, стала быстро вытаскивать из корзины гончара его изделия.

— Пойду пока сяду подальше,— сказал Родольфо.

Джанинна усердно рассматривала кувшин, щелкая его пальцем. Не поднимая головы, она сказала:

— Далеко не надо. Я кое-что придумала...— И, кивнув

в сторону шумевших матросов, прошептала: — С помощью таких молодцов, думаю, удастся... Вон он, пожаловал! — прервала она себя.

— Делай как лучше, — сказал Родольфо, — и поскорей. Хорошо бы до колокола.

И он отошел к матросам.

Джанинна разглядывала посуду и торговалась с Уберто, следя одним глазом за появившейся «лягушкой». Он шел вдоль стола медленно и пошатываясь — видно, где-то уже выпил. Из разодранного рукава грязной рубахи торчал костлявый локоть, одна штанина была засучена до колена, ноги босые. Он шел, приглядываясь к сидящим, и опустился на скамью рядом с Родольфо. Он не спросил себе ни вина, ни еды, положил локти на стол и, опустив голову, стал дремать.

Никто из сидящих рядом не обратил на него никакого внимания.

Джанинна пошла к себе в комнату взглянуть в окно — не темнеет ли? Погода стала пасмурной, вот-вот пойдет дождь. Ветер трепал листву молодой яблоньки.

«Скоро колокол», — подумала Джанинна и быстро вернулась в харчевню.

Она подошла к столу, где сидели матросы. Увидев ее, они наперебой стали приглашать ее выпить вместе с ними. Пришлось уступить. Франческино принес ей кружку вина. Джанинна села за стол, и началось чоканье. Матросы чуть было не подрались за честь выпить первому за здоровье хозяйки «Золотого барана».

— Да здравствует Джанинна из Солдайи! — кричали охрипшие голоса. — Да здравствует «Золотой баран»!

Родольфо видел, как Джанинна, закрыв уши ладонями от шума, говорила что-то матросу, как он, смеявшийся перед этим, вдруг насупил брови и недобрыми глазами взглянул в сторону «лягушки». Тот, несмотря на шум, продолжал дремать — сильно, должно быть, был пьян. Матрос сказал что-то на ухо двум своим товарищам, потом встал и, ударив кулаком по столу, крикнул:

— Э-эй, друзья! Говорю от имени хозяйки!

— Тише! Слушай! — закричали кругом.

— Друзья! Мы сидим — не видим, а на улице уже темнеть начинается. Не дожидаться же нам здесь городской стражи и подводить Джанинну! Поели, попили — пора и честь знать. Пора и на корабль, завтра чуть свет уходим в море... Забыли?

— Знаем! Что ты нас учить взялся! Верно он говорит! Пора на корабль! Пошли! Идем!..

Голоса благоразумных постепенно заглушили голоса немногих протестующих.

— Вот что еще, друзья! — продолжал матрос. — Наше дело морское, — когда мы теперь еще придем в Солдайю! Давайте-ка уйдем отсюда не просто, а торжественным шествием в честь «Золотого барана»! Пойдем в порт с песнями!

— С песнями! Пошли! Да здравствует «Золотой баран»! Пошли! — кричали матросы, поднимаясь из-за стола и толпясь у лестницы.

Поднялась веселая, шумная сутолока подвыпивших людей. С трудом налаживалась нестройная песня.

Опять послышался голос матроса, перекрывающий шум.

— Эй-эй!! А вот этого красавца, — он показал на раскосого незнакомца, — мы захватим с собой — не ночевать же ему здесь!.. Поднимай его! Поднимай!!

— Поднима-а-ай! — закричали вокруг, и десяток рук подхватили незнакомца.

Он не сопротивлялся — только мычал. Шляпа его упала, и лягушечья голова беспомощно болталась из стороны в сторону.

Родольфо видел, с какой злобой на лицах матросы поднимали к себе на плечи этого человека. Распоряжавшийся шествием матрос что-то сказал Франческино, тот убежал и принес ему веревку. Откуда-то появились два зажженных фонаря, и вся эта шумная ватага, медленно пошатываясь, поползла вверх по лестнице. Родольфо пошел за ней. Выйдя на улицу, он остановился, а толпа, все так же покачиваясь, уходила по направлению к порту.

Зазвонил колокол, смешав свой голос с песней. Было ветрено, моросил дождь, и в сумерках, теперь уже далеко, где-то у поворота к храму Двенадцати Апостолов, мелькали огоньки фонарей.

Когда вышли на дорогу, уходящую вниз, к порту, распоряжавшийся матрос приказал тем, что несли незнакомца, сойти с дороги в ложбинку, заросшую кустарником. Незнакомец продолжал спать. Его положили на землю, стянули с него штаны, связали ноги и руки веревкой и посадили в куст. Тут он замычал довольно громко.

Матрос наклонился к нему:

— Слушай, вонючий пес, если не подохнешь здесь, так чтобы духу твоего в Солдаие не было больше! Посмеешь остаться — будешь висеть на дереве или рыб кормить в море. Попял, бестия дьявола?!

В ответ незнакомец жалобно застонал.

Матросы ушли.

Стало почти совсем темно и тихо. Колокол и песня умолкли. Проходивший неподалеку ночной патруль из горожан слышал жалобный стон в ложбинке. Но кому же была охота идти туда

— Да здравствует Джанинна из Солдайи!

в такую темную, дождливую осеннюю ночь? А кроме того, шедший в патруле всеми уважаемый в предместье мастер, человек рассудительный и сведущий в колдовских делах, сказал, что такого рода стон — обычная хитрость сатаны, заманивающего верующих людей, и что благоразумнее повернуть обратно, не доходя до этого места. Патруль тотчас же это и сделал.

Куст, в который посадили незнакомца, оказался кустом можжевельника, чрезвычайно ветвистым, с множеством преострых колючек.

Глава IX

КРУГЛЫЙ ПОГРЕБ

Когда Игнацио отказался исполнить приказание смотрителя водопроводов — явиться к начальнику караула восточных ворот, двое солдат пришли в дом Уберто и увели его сына в крепость.

Солдаты вели его со связанными на спине руками по главной улице. Зрелище было слишком обычное, и никто из прохожих не обратил на это внимания. Пройдя через мост и главные ворота, солдаты привели арестованного к караульне. Один из солдат вошел в караульню и вернулся, гремя связкой ключей. Дальше пошли вдоль стены. Остановились перед низким каменным погребом. Звякнул замок, и железная дверь, поскрипывая, открыла узкий ступенчатый вход. Каменные плиты лестницы и стены были покрыты зеленой плесенью. Из темноты погреба пахнуло холодной и сырой затхлостью.

Один из солдат остался у двери, другой спустился вместе с Игнацио. На последней ступени солдат толкнул его в спину, а сам быстро вернулся наверх. Затем дверь захлопнулась, загремел засов, и наступила полная тьма и тишина.

Игнацио стоял неподвижно, потом бросился вверх по лестнице и с минуту бешено колотил руками в дверь. Крепкое, холодное железо молчало, как и все вокруг в этой могиле.

Игнацио сел на ступень и приложил ухо к двери. Ничего не было слышно. Он начал искать хоть какую-нибудь щелку, пропускающую свет, но не нашел; потом спустился вниз и вытянутыми руками стал ощупывать стены. Скользкие и холодные, они снова привели к лестнице. Погреб был круглый.

Ноги наткнулись на что-то. Игнацио нагнулся. Это была мокрая, сбившаяся в комок солома. Игнацио сел на самую верхнюю ступень лестницы, где было теплее, прислонился к двери и, опустив голову, закрыл лицо руками.

«Хорошо ли я сделал, что ослушался приказа? — думал он. — Если отец не раздобудет денег, его тоже схватят и тоже бросят в погреб».

Игнацио знал про жестокое обращение с заключенными. Знал, что никакие просьбы и обещания не помогут ему, а споры и жалобы поведут на пытки. Но знал он и то, что отец хотя и удерживал его от ссоры с греком-переводчиком, но в душе не осуждает его теперь. Да не только отец, а и брат Марко, и все друзья отца, и цирюльник Родольфо, и соседи, и все ремесленники солдайские, задушенные несправедливыми поборами и штрафами консульских чиновников. Крепость должна охранять город и горожан, положивших столько тяжелого труда на постройку ее башен и стен, а она, как страшный паук, своими отвратительными лапами-щупальцами оплетает паутиной все вокруг и жадно высасывает кровь из своих жертв. Но отец его и друзья встанут на защиту бедных людей и раздавят кровожадного паука.

«Что бы со мной ни случилось, никто не упрекнет меня в измене! Если мне суждено погибнуть, я умру спокойно».

Долго неподвижно сидел Игнацио, размышляя о своей печальной участи, пока не задремал. Внезапный удар в дверь заставил его вскочить и бежать в погреб.

Загремев, дверь впустила небольшой луч света, заслоненного человеческой тенью, потом снова закрылась. Но слабый красноватый свет остался, наполнив подземелье. По лестнице спускался человек, державший в руке качающийся фонарь.

Игнацио отступил к стене. Человек так близко поднес фонарь к его глазам, что Игнацио не мог разглядеть лица пришедшего. Он видел только колеблющееся пламя.

— Не бойся, это я! — торопливо шептал хорошо знакомый голос цирюльника Родольфо. — Каждый день в полдень тебе будут приносить воду и еду. Считай до седьмой ночи и молчи, о чем бы тебя ни спросили. На седьмую ночь будь готов. Что бы с тобой ни сделали, не сопротивляйся и молчи, не поднимай шума, — иначе погубишь и себя и отца. Ты понял меня?

— Да.

Продолжая высоко держать фонарь, Родольфо поднялся по лестнице и задул огонь. Загремел засов, и все стихло.

Долго стоял Игнацио у стены, размышляя о сказанном цирюльником. Холодная капля упала на лицо. Он хотел лечь на солому, но она была мокрая. Игнацио снова поднялся к двери. Мысли, мучительно неясные, тревожно путались, то пугая, то успокаивая... Утомление взяло верх, и он заснул.

Солнечный свет ворвался через открытую дверь, разбился о широкий свод и, не достигнув дна подземелья, разлился по камням лестницы.

Солдат принес кувшин с водой и немного вареных овощей, поставил все это на нижнюю ступень, посмотрел исподлобья на арестованного и ушел.

«Значит, полдень», — подумал Игнацио и, нащупав овощи, стал есть.

Благодатное ли действие сна, слова ли цирюльника успокоили Игнацио, но тревога прошлого вечера сменилась безразличным спокойствием. Даже пресные, чуть теплые овощи и тепловатая вода показались не такими противными.

Уйдет солнце, и настанет первая ночь. Надо терпеливо ждать и считать. Время доползет до седьмой ночи...

В этой плотно обитой камнем могиле не было никаких шорохов. Только когда умолк вечерний колокол, Игнацио услышал падение капли. Накануне она неслышно скатилась по его лицу, сегодня она разбилась о камень пола. После этой минуты наступила полная тишина, длившаяся много часов.

Напрасно напрягая слух, Игнацио слышал только биение своего сердца. Иногда ему казалось, что опять звонит колокол и назойливый звук мешает расслышать другое, потом снова наступала мертвая тишина. Игнацио ходил кругом, шаря руками по стене. Один раз, пропустив угол у лестницы, он ужаснулся: ему показалось, что стены сомкнулись и погребли его. Он заметался в страхе. Через мгновение он нашел лестницу и устыдился своего испуга.

На следующий день солдат пришел не один. За ним осторожно, боком, спускался старый человек, приподнимая полы длинной одежды. Под мышкой он держал большую, толстую книгу. На голове у него была круглая черная шапочка, за ухом торчало гусиное перо.

Солдат заставил Игнацио подойти ближе к лестнице. Старик раскрыл на колене книгу и, тыкая пером в чернильницу у пояса, заскрипел пером по бумаге. Снова пришлось рассказать, чей Игнацио сын, из какого дома и почему он не хотел исполнить приказание идти сторожить стены. На вопрос, знает ли он, что грозит ему, если выкуп не будет внесен, Игнацио ответил спокойно, что знает.

Старик, съежившись, быстро захлопнул книгу и боком стал взбираться по ступеням. Уже наверху он обернулся и погрозил Игнацио пальцем.

Солдат ткнул соломой ногой и ушел.

Опять все было как накануне: звонил колокол, упала капля. Пришла вторая ночь.

Игнацио впал в какое-то безразличное спокойствие. Образы отца, Марко, Симонетты возникали и тотчас расплывались как в тумане.

Солдат принес воду и еду и на этот раз, решив переменить прелую солому, несколько раз входил и выходил. Погреб наполнился свежестью воздуха. Игнацио казалось, что он пьет живительную воду горного источника. Клочок неба, видный че-

рез дверь, был серым, облака закрывали солнце. Погода изменилась.

Когда дверь закрылась, Игнацио почувствовал сильную слабость и головокружение. В глазах завертелись желтые круги. Потянувшись к кувшину, он почувствовал, что пол уходит из-под ног, а сам он летит в пропасть. Он опустился на солому и потерял сознание...

Обморок сменился полузабытьем. Пришедший на следующий день солдат должен был протянуть ему кувшин и заставить съесть овощи.

Игнацио понял, что с ним творится неладное. Ужасная мысль пронизала все его существо, в голове все спуталось и закружилось, как тогда, когда он потерял лестницу: он потерял счет ночам!

Глава X

ФИЛОСОФИЯ МЕССЕРА ДЖОРДЖИО

Джорджини Скампи только что минуло двадцать шесть лет, но он уже имел право гордиться успехами, достигнутыми им за свою короткую жизнь. Редко кто даже из нобилей получал в этом возрасте такое высокое и ответственное назначение. Правда, было бы во сто раз приятнее оставаться в Генуе, предаваясь развлечениям за счет отцовского кошелька, всегда полного золотыми флоринами и венецианскими дукатами, проводить время в беспечном проматывании крупнейшего из состояний, хватившего бы до старости, и, в крайнем случае, для поправки дел найти невесту с хорошим приданым. Разве не поступает так большинство молодежи? А разве апельсиновые сады и голубые воды залива у Сестри ди Леванте, где по берегу тянутся земли семьи Скампи, не привлекательнее угрюмых, скалистых берегов Газарии и всегда грохочущих холодных волн Великого моря? Разве не однообразна и не скучна серая жизнь крепости, без веселых друзей, шумных ночных кутежей, рыцарских поединков, среди грубых, нищих людей без рода и племени, случайно съехавшихся в погоне за счастьем?

Конечно, все это так. Но Джорджини был с детства рассудителен. Он воспитывался в строгих правилах богатой купеческой семьи, всегда помнящей, что ее родоначальником был всего-навсего бедный торговец шерстью, добившийся богатства, славы и почестей упорным трудом, разумным расчетом. Джорджини сизмальства впитал в себя незыблемую вековую мораль и если не был похож по внешности на торговца шерстью, то, во всяком случае, унаследовал его разумную расчетливость.

Семья Скампи была не из последних в плеяде богатейших

родов республики Генуи. Она насчитывала десятка два рыцарей-крестоносцев, доблестного полководца, отличившегося при взятии Константинополя, и одного дожа.

Дед Джорджо храбро дрался с венецианцами и всю свою жизнь отважно боролся, отстаивая честь и права рода. Позолоченная шпора, полученная им при посвящении в рыцари, и орден Розы, пожалованный самим папой, благоговейно хранились семьей. Мать — в родстве с семьями Дориа и Адорно, вождей гибеллинов¹, отец — один из влиятельных протекторов банка святого Георгия и владелец торговой флотилии.

Возникшее в XII веке Товарищество святого Георгия с 1408 года получило разрешение открыть банк. Являясь единственным двухсотлетним кредитором правительства, банк захватил в свои руки управление всеми государственными предприятиями и колониальными владениями Генуэзской республики. Он стал влиятельнейшим учреждением: содержал войска и флот, вел войны и заключал мирные и союзные договоры. Его исполнительной властью был совет протекторов, состоящий из восьми лиц, выбираемых из почетнейших и знатнейших граждан города Генуи, которым присваивался титул «светлость».

Все это, казалось бы, достаточно определило жизненный путь молодого Скампи. Поверхностно изучив юриспруденцию по «Декреталиям»², перелистав Тита Ливия, Проперция, Вергилия и Ювенала³, поскучав над трактатами отечественных гуманистов и заучив несколько стихов «Божественной комедии»⁴, достойный потомок знаменитых предков должен был либо кинуться в опасную пучину исконной борьбы партий, либо предаться покою безделья, роскоши и безумству порочных наслаждений.

Но Джорджо Скампи не сделал ни того, ни другого. Торговец шерстью победил в нем рыцаря и дворянина. Его расчет был точен и прост: имея богатого отца и знатную мать, надо использовать эти два преимущества. Пользуясь влиянием денег и знатности, быстрее соединить в своем лице все, что можно желать для полного счастья.

¹ Гибеллины и гвельфы — политические партии в Италии, возникшие в средние века и враждовавшие между собой. К гибеллинам принадлежала феодальная аристократия, к гвельфам — горожане, ремесленники и торговцы.

² «Декреталии» — сборник постановлений (декретов) римских пап.

³ Тит Ливий — знаменитый римский историк. Проперций Секст, Вергилий Публий Марон, Ювенал Деций Юний — римские поэты.

⁴ «Божественная комедия» — поэма великого итальянского поэта конца XIII и начала XIV века Данте Алигieri, сурово обличающего феодализм и папство.

Служба в Газарии была трудной, но имела неисчислимые преимущества. Она считалась лучшей школой, испытанием способностей, аттестатом на чин государственного мужа.

Из всех береговых укреплений крепость Солдайи была самой значительной. Непрístupные башни и стены, построенные двумя ярусами на высоких скалах, были неприступны с моря. Глубокий ров, наполненный водой, и стены, огибающие предместья города, были верной защитой со стороны суши. Снабженная бомбардами¹, оружием, огнестрельными припасами и складами продовольствия, крепость могла выдерживать длительную осаду и защитить подступы к плодородным долинам и путям в глубь богатой страны.

В руках консула Солдайи сосредоточивалась власть управителя округа, военачальника и коменданта крепости и хранителя казны, поэтому и должность секретаря консула была выше таких же должностей при консулах других городов, и работа была сложнее и ответственней.

Скампи вел дела Попечительного комитета, ведающего хранением оружия и припасов, городскими работами, укреплением стен, поведением чиновников, взысканием штрафов, надзором за соблюдением торговцами установленных цен. В его ведении находились и дела Попечительного комитета о воде, который устанавливал очереди пользования водой и разбирал тяжбы виноградарей. Весь штат консульского управления, от помощников коменданта до рассыльных, находился в ведении секретаря. Он же вел всю сложную переписку с Генуей и Кафой и был посредником между консулом и представителями власти — старостами восемнадцати селений, входивших в Солдайский округ.

Разноплеменность населения и постоянные столкновения с непокорными землевладельцами-генуэзцами, служебные интриги кафских чиновников и строгая требовательность консула осложняли секретарскую работу, но высокое положение удовлетворяло честолюбие, и Скампи добросовестно относился к своим занятиям, видя в них залог дальнейших успехов. Ему нравилось упорство, с каким ди Негро боролся за закон и государственность; он любил четкую деловитость распоряжений консула и строгое отношение к самому себе.

Он не жалел, что время пребывания в Газарии продлено вместе с оставлением ди Негро на посту консула сверх обычного годового срока. Отец писал, что хлопочет о повышении сына по службе, и это слишком занимало мессера Джорджио и отвлекало от мыслей о развлечениях.

¹ Бомбарда — короткоствольное железное артиллерийское орудие на деревянной колоде, стрелявшее каменными ядрами.

Иногда, утомленный работой, он испрашивал разрешения консула и уезжал в горы, на охоту, где скакал целый день, преследуя диких коз и оленей. В длинные зимние вечера он вел продолжительные беседы с ди Негро, умевшим так хорошо обо всем говорить.

— Входи, входи! — сказал, улыбаясь, Скампи, продолжая рассматривать только что полученный от отца малиновый плащ, подбитый беличьим мехом и расшитый серебром. — Какие новости?

Цирюльник поставил на пол медный кувшин, бритвенный тазик, положил на стол салфетку и свой окованный медью ларец.

— Новостей, мессер Джорджино, столько, что, если бы мне пришлось остричь всех овец Газарии, и тогда бы я не успел всего рассказать.

— Наконец-то! — воскликнул Скампи. — За последние месяцы их, кажется, не было ни одной, не считая встречи Тербини с чертом, о которой, кстати сказать, сообщил тебе я... Сегодня я только стригусь... Ну, я сел. Покороче с боков, и рассказывай.

Цирюльник повязал шею Скампи салфеткой и достал из ларца ножницы и шелковую ленту.

— Я вижу, мессере, вы получили подарок? Этот прекрасный паландрино¹ будет вам к лицу и, пожалуй, поспорит с консульским. Полагаю, если бы вы, надев его, сели на белую лошадь, украшенную золотой сбруей, вас бы приняли за правителя Газарии. А белка какая! Где только такие водятся?..

— Ну, рассказывай скорей!

Родольфо осторожно обвязал лентой белокурые волосы Скампи и принялся стричь. Он то и дело отходил и, наклонив голову набок, смотрел на свою работу. Ножницы позвякивали, откусывая мягкие пряди.

— Во-первых, сегодня с утра подул северный ветер и нагнал облака. Они наехали на солнце, и наша прекрасная местность стала похожа на очень потрепанную красавицу. Румяна и белила сошли мгновенно, и все морщины вылезли наружу. Правда, ветер еще очень небольшой, но вы сами знаете, что это значит, когда он дует с севера в это время.

— Да, удовольствие невелико. Теперь он зарядит недельки на три.

Родольфо снова отошел. Ножницы продолжали звенеть у него в руке, точно стригли воздух.

— Значит, погода переменилась. Это первая новость, —

¹ П а л а н д р и н о — плащ (итал.).

продолжал он, заходя за спину секретаря. — Во-вторых, собака консула чуть не съела мессера капеллана. В ней, положительно, обитает бес, не выносящий запаха святости... Осторожно! Не двигайтесь!

Скампи смеялся.

— Неужели, мессере, — продолжал Родольфо, — вы сомневаетесь в святости честнейшего отца Бартоломео? Смею вас уверить, что он обладает всеми качествами святого.

Он опять отошел, после чего ножницы зазвенели тише и стали двигаться медленнее.

— Итак, в собаке консула обитает бес — это вторая новость. В-третьих, мессера капеллана, святого отца Бартоломео, посетило видение. А произошло это при следующих удивительнейших обстоятельствах...

Мессер капеллан, как вам хорошо известно, каждый вечер после совершения всенощной удаляется к себе и становится на продолжительную молитву, в каковой и пребывает до первого крика петуха. Так вот, в день святого Ремигия отец Бартоломео, совершив обычную службу, вернулся к себе и преклонил колени у аналая. Вдруг он услышал, что кто-то тихо кашляет за его спиной. Предполагая, что это не что иное, как обычные хитрости дьявола, отец Бартоломео не двинулся и продолжал молиться. Тогда он почувствовал легкое прикосновение к плечу. Он быстро обернулся и обомлел: перед ним стоял в полном облачении сам святой Ремигий! Благообразное лицо столетнего епископа приятно улыбалось. «Не бойся, — сказал он, — это я кашлял».

После этого святой Ремигий превратился в облако и растаял. Отец Бартоломео слышал только отдаленный кашель, раздававшийся еще несколько раз в течение ночи то из раскрытой книги, то из кувшина с водой, то из песочных часов...

— Что за вздор! — засмеялся Скампи. — Когда ты успеешь все это сочинять?

— Уверяю вас, мессер Джорджио, что это было именно так. К сожалению, этого никак нельзя проверить, потому что я слышал эту историю от мессера Никколо Тербини, выпившего на днях в «Золотом баране» лишнюю кружку и признавшегося мне, что капеллан рассказал ему это, чтобы доказать силу молитвы.

Родольфо снял ленту с головы Скампи и салфетку, встряхнул ее и стал складывать.

Скампи поднялся и стал смотреться в ручное зеркало. В серебряном овале отражалось его бледное красивое лицо с темно-голубыми глазами. Он отложил зеркало и скрылся за пологом кровати, стоявшей на возвышении.

Кружки из толстого стекла небольших, под самым потолком окон пропускали мало света.

— Как темно сегодня! Зажги свечи.

Родольфо снял с полки подсвечник и выбил огонь. На ковре, покрывавшем стену, ожили козлоногие старики и крылатые дети; охотничьи собаки помчались по лесным дебрям за убегающим оленем; всадники, закованные в латы, налетев друг на друга, сломали копья; нежные девушки повели хоровод; вспорхнули птицы и вспыхнули цветы.

— Подай-ка мне новый плащ, — сказал Скампи, — я хочу быть похожим на правителя Газарии... Похож?

— О мессере, вы могли бы стать королем Франции!

Скампи самодовольно улыбался. Он знал, что новый плащ ему идет. Но улыбка быстро сошла с лица. К чему этот плащ здесь, в крепости, на плечах консульского секретаря? Перед кем красоваться в нем? Перед пьяницей Никколо или портовыми грузчиками? Кого пленять? Уродливую дочку купца Квиниджи или грязных гречанок из предместий?

Он быстро снял плащ и бросил его на кресло. Родольфо следил за его движениями.

Скампи снова улыбнулся:

— Пока я выберу себе плащ и оденусь, расскажи-ка еще что-нибудь. Клянусь мадонной, секретарь консула должен знать по крайней мере столько же, сколько его цирюльник!

Подняв тяжелую крышку сундука, он стал вынимать один за другим плащи разных цветов и покроев, камзолы, мантии. Драгоценной грудой сверкал в колеблющемся свете ворох яркого, фиолетового, малинового, голубого шелка, расшитого жемчугами, золотом и серебром.

Родольфо продолжал болтать:

— Итак, святой Ремигий посетил отца Бартоломео — это третья новость. В-четвертых, два галюта пришли из Монкастро пустыми, ограбленные по дороге, у берегов Горзувума, неизвестно кому принадлежащей бригаантиной. Они везли нам оружие и новые балестры.

— Неужели опять да Гуаско? — воскликнул Скампи.

— Не смею утверждать, мессере, но один из матросов уверяет, что разглядел закрытый доской герб синьоров Скуто.

— Негодяи!

Скампи схватил один из плащей. Бросив остальные в сундук, он захлопнул крышку.

— Мне надо идти к консулу, — нетерпеливо сказал он.

— Я вижу, мессере, мне придется дорассказать вам остальные новости завтра?

— Да, да, сейчас мне некогда, я и так уже опаздываю. Туши свечи, и пойдем!

...Когда Скампи переходил по подъемному мостику в башню консула, порыв холодного ветра растрепал его волосы.

Родольфо проводил его и, поклонившись, пошел по лестнице вниз.

У выхода во двор он столкнулся с капелланом, появление которого в замке в час утренней мессы было необычным.

— Консул один? — спросил отец Бартоломео скороговоркой.

— Мессер капеллан?! — удивленно воскликнул Родольфо, отвешивая низкий поклон.

— И тебя спрашиваю, консул один?

Родольфо боязливо оглянулся и таинственно зашептал:

— Нет... она с ним...

— Кто?

— Одержимая бесом.

— Какая одержимая?

— Собака.

— Дурень! — рассердился капеллан. — Но время теперь зубоскалить! Отвечай толком: есть кто-нибудь у консула?

— Кажется, никого... и если мессер капеллан идет в замок с поручением от святого Ремигия, то все дороги для него всегда открыты.

— Тьфу, негодный! — злобно прошипел капеллан и, подбрав перед своей сутаной, зашлепал вверх по лестнице.

Родольфо покатился со смеху.

Почти каждый день цирюльник приходил к секретарю и всегда рассказывал смешные истории. Он рассказывал их и консулу и всем другим начальникам, так что, встречаясь, они от души смеялись его шуткам. Скампи нравились ловкость и остроумие цирюльника, нравились его тонкая лесть, приятно щекочущая честолюбие. Но один раз Родольфо намекал на его прирожденную статность, на красоту лица и на лучшее применение его блестящих способностей. Он понимал, что Родольфо может быть ему полезен.

Мессер Джорджно выработал свой особый взгляд на отношение к такого рода людям. Разгадав их, надо всячески поощрять их преданность, чего бы это ни стоило. В его положении ему было нетрудно это делать. Надо быть очень осторожным и всегда думать только о себе.

Когда секретарь после обычного доклада рассказал консулу «новость» цирюльника о неизвестной бригаantine, ди Негро сказал:

— В то время, когда нам оружие нужно более чем когда-либо, да Гуаско позволяют себе такие выходки!

Худая рука консула дрожала, и буквы подписи кривились на бумаге.

— И вы увидите, Скампи, что эта явная измена Республике останется безнаказанной, как до сих пор оставались все безо-

Сразия да Гуаско! Мне стыдно писать свое имя на этом листе. Надо действовать не пером!

Вечером цирюльник снова появился в комнате Скампи и наговорил ему всякой всячины. Целый ворох городских слухов: и о каком-то армянине, зарезавшем своего конкурента по продаже рабов, и о птичнике татарского муллы, опустошенном крысами, и о странном появлении красавицы гречанки у дверей дома капеллана.

Расхвалив достоинства и таланты молодого секретаря, Родольфо выпросил у него денег для какого-то бедного семейства. Скампи был уверен, что эти деньги пойдут в кошелек самого цирюльника, но сотню-другую аспров¹ он может легко выбросить, а приобрести такого должника, как Родольфо, только выгодно.

«Надо всегда иметь про запас человека, обязанного тебе чем-нибудь», — подумал Скампи.

Глава XI

ПОСЛЕДНИЕ УКАЗАНИЯ

Наряды в караул на стены крепости составлялись на неделю вперед, подписывал их помощник капитана и вывешивал в главной караульне. Посты обозначались начальными буквами названий башен, носивших имена их строителей — «отличных и могущественных мужей, достопочтенных консулов и комендантов Солдайи».

Листок в караульне в летнее время благополучно доживал свою семидневную жизнь, но осенью и зимой он быстро покрывался жирными пятнами от водивших по нему пальцев. Всякий солдат знал, что он должен идти в караул и именно на пост, обозначенный на листке, но тем не менее каждый перед наступлением осенней или зимней ночи пытливо водил пальцем по листку, отыскивая свое имя и название башни. Это делалось для того, чтобы знать, будет ли караул тяжел или легок, придется ли мерзнуть или только слушать вой ветра и грохот волн.

— Ищи не ищи — все равно полезешь на эти проклятые стены, — говорил солдат старателю водившему по листку пальцем Пьетро, пока тот не наехал на красиво написанное «R».

— Румбальдо — это еще не так плохо, — сказал Пьетро, — невысоко и с западной стороны. Ведь он, окаянный, завтра сильнее задует. Вот кому на Чигала, — достанется и пыли и холода. А на верхней так совсем беда.

¹ Аспр — мелкая серебряная монета.

— Тебе, Пьетро. — сказал солдат, — еще только завтра идти, может, и ветер стихнет, а мне сейчас лезть. — Он ткнул пальцем в листок. — Смотри... вот, на угловую. Там попляшешь, никакая похлебка не отогреет. А шуму сколько! И море, и плотина, и ветер!..

— Да, — согласился Пьетро, — там самый сквозняк, да и зубцы редкие. А главное, тьма. Другой раз задремлешь, проснешься — точно в преисподнюю попал... Ишь проклятый!..

Порыв ветра распахнул дверь и ударил ею об стену. В облаке пыли, пригнувшись и подставив спину ветру, пятились двое солдат, неся на палке тяжелый котел.

— Эй! — крикнул солдат из караульни. — Вы бы, черти, чем-нибудь прикрыли его, а то похлебка на зубах скрипеть будет!

— Смотри, — рассмеялся Пьетро, — вои капеллана как раздуло — как бы живым на небо не полетел!

Действительно, отец Бартоломео семенит по двору, вертась и удерживая руками полы сутаны, надувшейся пузырем.

— А вот и бес тут как тут, — заметил солдат. — Смотри, смотри, как радуется кощунству ветра!

Оба солдата покатились со смеху, глядя, как цирюльник подбежал вприпрыжку к капеллану и, схватив его за руку, потащил к дому. Сутана взвилась и обнажила толстые ляжки священника.

— Поставьте, поставьте его, — обратился солдат к внесшим котел. — Пусть отстоит, неохота песочную заправку глотать.

Барабан оповестил крепость о наступлении полдня.

Войдя в дом капеллана, Родольфо упал в кресло.

— Если бы не я, вы не справились бы с парусами и потерпели бы крушение! — хохотал он.

— Хорошо, что во дворе никого не было! — Капеллан, отдуваясь, отряхивал с себя пыль и протирая глаза. — Проклятый ветер мешал петь мессу — так стучал ставней и свистел в дверях. Хорошо, что, кроме Тербини, никто не пришел, и я скоро отделался. Уж очень холодно!

— Но от этого есть прекрасное лекарство, которое я хочу предложить вашему вниманию... — Родольфо вынул из-под плаща бутылку. — Давайте кубки, и я вылечу вас в несколько мгновений!

Капеллан засуетился:

— Какой ты догадливый!.. Вот, вот... наливай.

Темно-красное вино наполнило кубок.

— Из старых запасов, — сказал Родольфо. — Такого здесь не достать. Я раздобыл его в прошлом году в Кафе, у капитана

галеры, ходившей в океан. Если на тебе пьют какое-нибудь вино, то, вероятно, это самое. Попробуйте.

Вино было действительно чудесное. Густое и сладкое, оно разливалось по всему телу горячими струйками.

Капеллан пил молча, небольшими глотками, закрыв глаза и облизывая губы.

— Да, вино не из плохих, — сказал он. — Налей-ка еще.

Родольфо пил мало и украдкой поглядывал на капеллана.

— Однако, мессер капеллан, мы пришли сюда не для того, чтобы пить. Не надо забывать, что завтра...

— Да-да-да... — спохватился отец Бартоломео. — Налей-ка еще, и давай обсудим окончательно. Надо сейчас же все решить...

Если бы кто-нибудь случайно заглянул в комнату капеллана, ему и в голову бы не пришло, что перед ним два заговорщика, замышляющие опасное дело. Бутылка и кубки, ароматный запах крепкого вина и благодушная фигура отца Бартоломео, покоящаяся в кресле, цирюльник, развалившийся в непринужденной позе, — все походило на мирную беседу друзей-собратьев.

Маленькие ручки капеллана лежали сложенными на животе и поглаживали одна другую.

— Надо сейчас же все решить...

Он отпил еще вина, икнул и продолжал, понизив голос:

— Все, что зависело от меня, я сделал — теперь остается только обсудить план действий. Если, как ты говорил, человек придет в полночь, нам надо только провести его через потайной ход. Самое важное — это справиться со стражей. Это можешь сделать ты один, и вот почему. Тебе известны некоторые усыпляющие средства. Было бы прекрасно, если бы ты предложил солдатам погреться вином. Никто из этих парней не откажется в ночном карауле погреться. Тогда мы обошли бы без лишнего шума и только в крайнем случае прибегнули бы к силе... Что ты скажешь на это?

— Скажу, что вы угадали мою мысль: я как раз хотел предложить то же самое. Я выучил наизусть караульный листок и знаю по именам всех, кто будет завтра ночью на стенах и где именно.

— Прекрасно, прекрасно! Значит, с этим покончено. Теперь вот еще что. Ты сам отлично понимаешь, что мне присутствовать там не совсем пристойно, и к тому же я вряд ли чем мог бы помочь. Уж тебе, мой дорогой, придется похлопотать за меня...

Язык капеллана стал заплетаться, глаза окончательно осовели, и он все чаще стал икать. Но это не мешало ему еще раз подставить свой кубок к поднесенной цирюльником бутылке.

— Мессер капеллан, можете быть совершенно спокойны, — уверял Родольфо. — Совершенно. Я все сделаю — и стражу усыплю, и человека проведу, — но только как вы хотите, а ваше присутствие необходимо. Я просто не справлюсь один. Ведь надо же кому-нибудь остаться у входа, когда мы пойдем в замок! Мало ли что может случиться... Понадобится, например, дать нам знать о приближающейся опасности или скорее опустить плиту. Мало ли что! Нет, уж вы не отказывайтесь от этой совсем нетрудной задачи, тем более что синьорам да Гуаско приятно будет слышать лишний раз, что вы присутствовали и помогали. К тому же будет так темно, что никто не увидит вас, и в случае опасности вы сможете всегда убежать. Кто же посмеет потом заподозрить вас? Лишь бы этот дурень Мартино не заметил вашего отсутствия...

Капеллан совсем охьянел. Он улыбался во весь рот и беспрестанно икал; глаза засыпали, язык еле ворочался.

— Хорошо... хорошо... я пойду, а здесь оставлю гореть свечи... Пусть Мартино думает, что я молюсь... пусть думает... Ты знаешь, Родольфо, ведь мы с тобой будем очень богаты!.. Синьор Андреотто да Гуаско обещал перевести меня в Кафу, в консульскую капеллу. Там одного воску идет на четверть сомма в месяц... Сколько вина, сколько треб, сколько именитых побиблей — и все стремятся к духовнику правителя. Это не то что у нас: и грехов-то порядочных нет, все то же самое... Надоело, и пользы никакой...

Голова капеллана свесилась набок, и, оттопырив толстые губы, он захрапел.

Родольфо спрятал бутылку под плащ и, ступая на носках, вышел из комнаты.

Похлебав гороховой похлебки, получив порцию вареного мяса и по кукурузной лепешке, солдаты расположились кто в казарме, на нарах, кто в караульне, у камина. Одни дремали, другие играли в кости.

Пьетро сидел на нарах и латал свой кафтан.

— Ишь ты, как рвется! По шву поехал, нитка гнилая...

— Говорят, новые выдадут скоро, — отозвался с другой нары Гвидо.

Он выздоровел, но был очень худ, жаловался на сильную слабость и то и дело ложился и дремал.

— Как бы не так! — сказал Пьетро. — Везли нам кафтаны, да не довели. Все они в Скуто — теперь в них стража синьории щеголяет.

— Как же это так? — удивился Гвидо. — Неужели об этом известно консулу, а он не прикажет их вернуть?

Пьетро засмеялся:

— Ишь чего захотел! Нас, что ли, с тобой за ними пошлют? У да Гуаско одной стражи сто человек, да наши новые балестры тоже у них. Целую войну надо затевать и крепость бросить.

— Как же это так? — продолжал недоумевать Гвидо. — Ведь они должны подчиняться законам Республики?

— У них, братец, своя республика и свои законы. Что хотят, то и делают.

— Что-то я не понимаю ничего.

— Что тут понимать! Купили они всех в Кафе, вот и всё!

Гвидо покачал головой, вздохнул и задремал. Из караульни доносилась перебранка игравших в кости.

— У начальника был? — спросил Пьетро.

— Был.

— Ну и что же?

— Кричал, топал ногами. Сказал, если посмею еще так долго валяться, выгонит вон, не заплатив жалованья. От караулов все-таки на время освободил. Говорит, цирюльник что-то наговорил секретарю и тот приказал освободить. Пока у погреба, на втором дворе, буду. Там арестованным воду носить и солому менять. Тебе в ночной сегодня идти?

— Нет, завтра.

— Скоро светло будет: я сейчас видел — новорожденный месяц на небо гулять вышел. Ветер бы стих, тогда лучше будет...

— Лучше будет, когда мы с тобой, Гвидо, с крепостью распрощаемся. Пока мы здесь, ничего хорошего не будет... Какой бес нашептал мне наняться сюда? Плавал бы я на «Сан-Лоренцо» по теплым морям, таскал бы мешки с пшеницей, никаких бы этих караулов не знал! Я бы даром пошел на галеру, только бы из этой могилы выбраться!.. Песни все перезабыл...

Пьетро со злостью бросил залатанный кафтан на нары и улегся рядом с Гвидо, успевшим уснуть.

В это время в дверях появился Родольфо. Он сошел в казарму и, оглядевшись, подошел к Пьетро.

— Спит? — спросил он, кивнув головой на Гвидо. — А я пришел навестить его. Кашель-то у него прошел?

— По ночам иногда капляет.

— Вот что, — сказал Родольфо громко, направляясь к выходу, — пускай спит. Пойдем-ка ко мне, я дам тебе для него настойку.

Пьетро, надев кафтан, вышел за цирюльником. Ветер немилосердно трепал знамя на башне консульского замка. Мелкие облачка разбежались по небу, точно испуганное стадо баранов, и между ними то появлялся, то исчезал бледный полукруг месяца.

...Родольфо пропустил Пьетро вперед и запер дверь на засов — Входи, — сказал он.

Пьетро переступил порог и по ступенькам сошел в небольшую полутемную комнату. Пахло сыростью и смешанным запахом сухих трав и каких-то пряностей и настоев. Широкий стол был завален книгами, заставлен стеклянными и глиняными банками всевозможных форм и размеров. Длинные трубки, словно стеклянные змеи, извивались между ними. Рядом с кучей всяких ножей, щипцов, сверл лежал человеческий череп. В глубине комнаты, за серым пологом, виднелась постель. Со сводов потолка свисали пучки трав. По стенам на полках стояли книги и бутылки с разноцветными жидкостями, с ярлычками, привязанными к горлышкам. Над небольшим горном висел страшный скелет большой птицы.

— Садись, — сказал цирюльник, — мне надо поговорить с тобой.

Пьетро было не по себе в этой необычной обстановке. Он осторожно опустился на край стула.

— Слушай, — продолжал Родольфо, — я достаточно узнал тебя и Гвидо за это время. Оба вы кажетесь мне хорошими мальчиками и с головой. Меня вы тоже узнали. По всему видно, что рассказам о моей злобе и колдовстве вы мало верите.

Пьетро застенчиво улыбнулся, кивнув головой.

— Ну вот. Значит, мы раскусили друг друга. Что я думаю о наших начальниках и прочем, вы тоже хорошо знаете.

Пьетро опять кивнул.

— Теперь слушай. Первое — для тебя, второе — для Гвидо, ты ему передашь...

Родольфо замолчал, точно собираясь с мыслями. Его лицо приняло то выражение, которое Пьетро замечал, когда цирюльник наклонялся над умирающим Гвидо: оно совсем менялось, переставало быть безобразным.

— Слушай, — продолжал Родольфо, — завтра ночью ты будешь в карауле на башне Румбальдо...

Глава XII

ВЕТЕР

Горный ветер дул порывами, пабрасываясь на крепость; крутился пыльными вихрями по дорогам и улицам предместий, гоня сор; хлопал ставнями и дверями, скрипел воротами, свистел в щелях; засыпал глаза и срывал с голов шапки и платки. Над городом нависла пыльная дымка, застилающая солнце. Железные петухи и драконы на шпилях вертелись в бешеной

пляске. Не отставал и золотой барабан хартевини: он так сильно качался и скрипел на своем крюке, что Джанина велела Франческино привязать его за хвост веревкой. Подножия гор, где пролегали дороги, дымились, и море, покрытое рябью, не набегало на берег.

Люди прятались в домах, за оградами, за стенами. Большинство торговцев спустились в порт, где было тише. Все знали, что такой ветер будет дуть две, три недели не переставая, как дул много веков каждую осень и еще много веков будет дуть в это же время, и тем не менее все надеялись, что он утихнет через полчаса. Каждый приводил свои основания, спорил, кивал головой на небо, на горы, на море, ссылаясь на столетних старцев, на гадания и приметы, колотил себя в грудь, ругался, а ветер продолжал нестись над его головой, засыпая его пылью, и по-свистывал, издеваясь над упрямым спорщиком.

Солдатам на башнях казалось, что камни начинают качаться под ногами. В узких окнах, бойницах и на лестницах свистело так, что не слышно было голоса. Звуки трубы, барабана и церковного колокола не долетали до башен, рассыпаясь в воздухе. Выползавшие из-за гор тучи мигом разлетались, не донося дождя. Иссохшая земля трескалась, и листья деревьев шуршали, как бумага. В водоемах вода начинала портиться, делалась мутной и горьковатой на вкус.

Скампи терпеть не мог этого несносного ветра. Вот уже второй день, как он ходил сам не свой, не зная, за что приняться. Покопчив утром с делами, он хотел было выйти в предместье, но в главных воротах ветер встретил его таким воем, так растрепал волосы и засыпал пылью, что стыдно было показаться на улице. Он вернулся к себе и сел писать.

Им давно была задумана хроника Солдаини. Умея красиво сплетать фразы, цитировать античных философов и отцов церкви, играть словами, Скампи надеялся обессмертить свое имя. Ему мерещилась объемистая книга. На светлом пергаменте вытиснено золотом: «Scampi»¹. Расцветивая текст стихами древних греческих и римских поэтов, он рассуждал о власти, религии, законах, о торговле и землепользовании, смело критиковал нравы торговой аристократии, чиновничества, духовенства и проповедовал торжество гибеллинов.

Но и писанье не пошло на лад. Скампи перелистал несколько книг и наконец решил развлечься, позвав цирюльника. Пусть поболтает... Прибежавший слуга сказал, что нигде не мог найти Родольфо.

Приближался вечер, оставаться одному и слушать завывание ветра не было никакой охоты.

¹ Скампи.

«Пойду к консулу, — подумал Скампи, — останусь у него ужинать и заставлю позвать музыкантов. Единственная статья устава, которой не исполняет старик, — он не любит музыки. Все равно заставлю. К тому же музыканты шлеются по городским свадьбам и пьянствуют — пусть хоть раз сыграют без выпивки».

Эта мысль оживила Скампи; он надел плащ и, схватив для вида несколько свитков, отправился к консулу.

В сгустившихся сумерках вой ветра казался зловецким.

Ди Негро сидел на своем обычном месте и что-то писал. Пламя камина наполняло комнату теплом и светом.

— Это вы, Скампи? Я хотел послать за вами. Мы забыли ответить правителю на запрос о портовых пошлинах. В Кафе удивлены, что мы не даем сведений.

— Трудно дать сведения о незаходивших кораблях.

— Мы им так и ответили в последнем письме. Они не верят. Наверно, у них есть основания думать, что мы скрываем истину...

— Какая подлость! — вырвалось у Скампи. — Я бы потребовал, ваша милость, приезда синдика!

— Зачем? Чтобы развлекать его веселыми ужинами и чтобы он уехал, как приедет, — льстивый в моем присутствии и поносящий меня за спиной? Нет, Скампи, я хорошо изучил лживую личину синдиков и остальных близких к правителю людей. Пока протекторы не примут решительных мер... Но сейчас уже поздно. — Последние слова ди Негро сказал совсем тихо и, сразу повысив голос, продолжал: — Однако берите перо, и давайте еще раз попробуем уверить Кафу в нашей честности, так удивляющей «бескорыстных» мессеров синдиков.

Скампи был рад, что нашлось дело. Он не торопился вывести буквы и переспрашивал диктовавшего. «А все-таки музыкантов заставлю позвать», — думал он. Когда бумага была написана и скреплена подписью консула, Скампи поторопился завести разговор о погоде, о грустных мыслях, навеваемых воем ветра, и стал уговаривать консула позвать к ужину музыкантов, избаловавшихся вконец на городских празднествах.

Ди Негро улыбнулся:

— Хорошо, прикажите подать ужин и позвать музыкантов.

Скампи исполнил приказание и вернулся. За ним вошел слуга с горящей свечой в руках, зажег свечу, постелил скатерть и принес приборы, кубки и кувшин с вином.

Из соседней комнаты вышла собака консула. Она остановилась, глядя на хозяина, потянулась и, громко зевнув, села.

Ди Негро засмеялся:

— Посмотрите, не только на нас с вами ветер нагоняет грустные мысли: Персей сегодня тоже не в духе.

Собака, услышав свое имя, встала и, виляя хвостом, подошла к хозяину.

— Что, брат, — консул стал гладить ее по голове, — не нравится тебе такая погода? Все спишь?

Персей посмотрел ему в глаза, потянул носом в сторону слуги, внесшего блюдо, обнюхал ногу Скампи. Убедившись, что все обстоит благополучно, собака повертелась на месте и, глубоко вздохнув, легла у ног дн Негро.

— Где же музыканты? — спросил Скампи слугу.

— Сейчас придут, ваша милость...

— Наверно, обливают головы холодной водой, — засмеялся Скампи, — они у них всегда разогреты... Знаете ли, ваша милость, новеллино о пьянице-сапожнике и знаменитом хирурге мессере Джентиле Каруффи из Болоньи?

— Нет. Расскажите.

Скампи налил вина; оно заискрилось золотом. Слуга отрезал и положил на тарелку куски жареной степной куропатки, полил виноградным соусом.

— О мессере Джентиле Каруффи — ученике знаменитого мессера Мондино — знали не только в Болонье, но и в Падуе, в Павии, Неаполе и Мессине. Одним словом, всюду, где только есть хирурги, знали о мессере Джентиле и знали, что он лучше всех изучил науку и изрезал висельников больше других. Про его умение владеть ножом и сверлами рассказывали небывалые вещи. Но вот что случилось с Карлино Поппи, сапожником, и было рассказано учеником знаменитого хирурга, присутствовавшим при всем этом и никогда еще не уличенным во лжи...

Мессер Джентиле прогуливался однажды по берегу Рено, раздумывая о костях и жилах, и неожиданно набрел на лежавшего в траве человека. Человек стоял и охал и на вопрос, что с ним такое, ответил, что в его голову вселился бес, который стучит копытцами по черепу, чем причиняет ужасные мучения. «Он так шумит, — жаловался несчастный, — что я не могу ни спать, ни работать. Заказчики обещали избить меня, если я не почию вовремя их сапоги, но вы видите, добрый мессере, в каком я плачевном состоянии! Разве я могу вовремя починить сапоги?» «Нет, ты этого сделать не можешь, — согласился знаменитый хирург, — но, если ты отправишься за мной, я выгоню беса из твоей головы». «О мессере, да благословит вас святой Петроний!» — воскликнул несчастный и пошел вслед за мессером Джентиле.

Разговорившись по дороге с человеком, хирург узнал, что зовут его Карлино Поппи, что он сапожник и любит выпить. Посадив его на стул, хирург начал стучать молотком по голове

Карлино, завопившего во всю глотку. «Паря вина, скопившиеся под черепной крышкой, давят на нее, нарушают обращение крови,— сказал хирург ученику.— Надо открыть крышку. Держите его».

Не успел ученик вскочить на колени Карлино и схватить его за голову, как мессер Джентиле несколькими взмахами пилки и ударами долота снял верхнюю часть черепа саножника, не успевшего даже хорошенько поорать. Пары со свистом вырвались из головы и наполнили комнату запахом винного погреба.

После этого хирург приказал ученику приделать снятую часть на ее прежнее место на петлях так, чтобы она служила крышкой и всегда могла быть открыта в случае надобности. Карлино не знал, как благодарить хирурга, и обещал всю жизнь шить ему обувь бесплатно.

И теперь, когда саножник выпьет слишком много вина, ему стоит только открыть крючок на лбу и, приподняв крышку, выпустить пары из головы, после чего он может чинить саногги и не бояться побоев...

Окончив рассказ, Скампи прибавил:

— Вот я и хотел предложить, чтобы ваша милость приказали цирюльнику Родольфо проделать то же самое с нашими музыкантами.

Ди Негро добродушно улыбался.

— Прекрасная и поучительная история,— сказал он.— Правдивые рассказчики новостей должны бы съездить в Болонью и посмотреть на саножника.

Слуга принес блюдо с вареной рыбой, украшенной каперсами и перцем. Из рта рыбы торчал пучок зелени.

Тепло и вкусный ужин привели Скампи в хорошее настроение. Он без умолку болтал и смеялся.

Музыканты пришли к концу ужина, когда на столе появились фрукты и сладкие лепешки с маком, медом и корицей.

— А, наконец-то! — воскликнул Скампи.— Как ваши головы? Принесла ли пользу холодная вода?

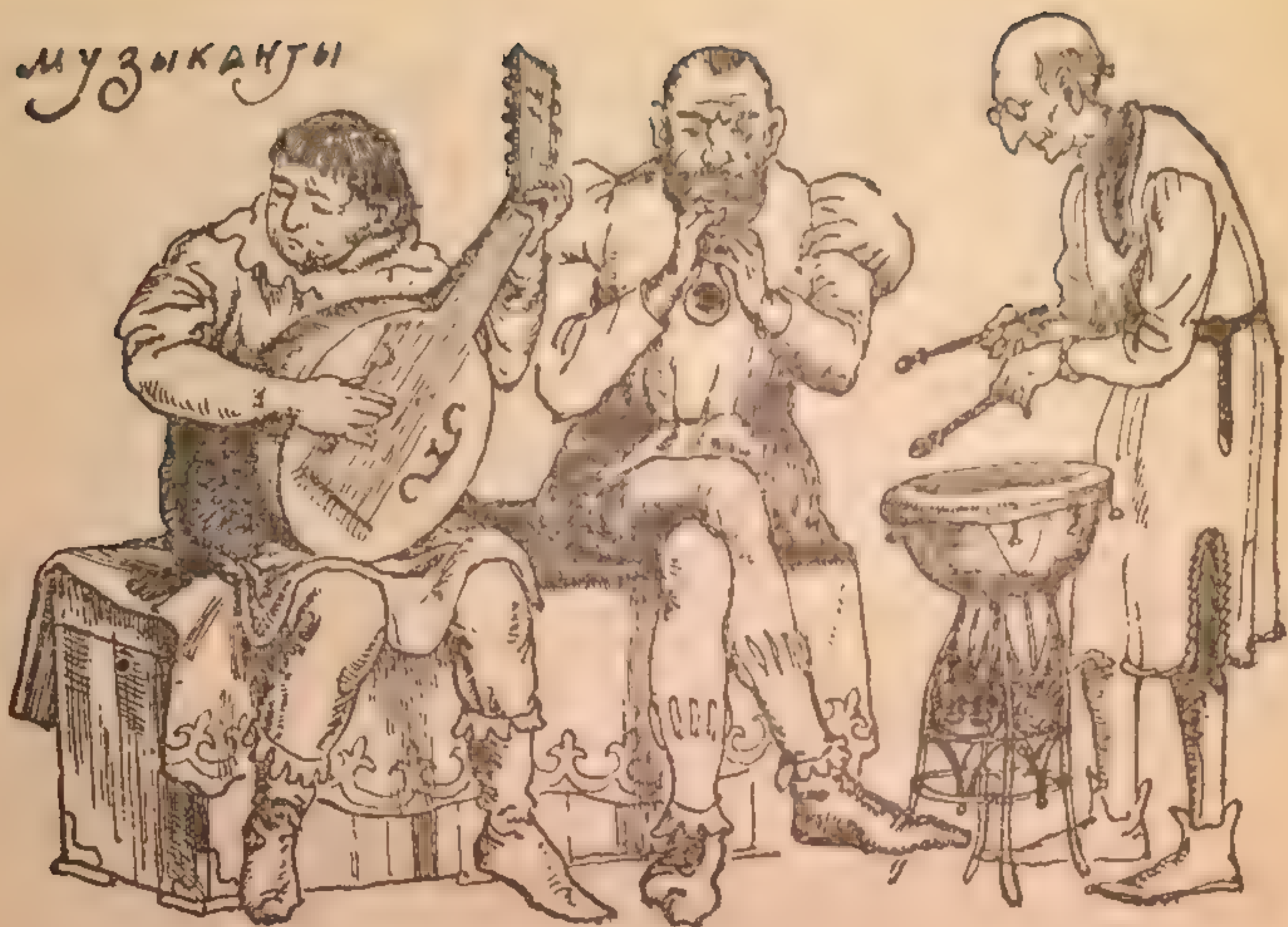
Музыканты неловко топтались у двери, не понимая, о чем их спрашивают. Они кланялись и жались друг к другу.

— Садитесь и играйте! — приказал Скампи.

Музыканты боком прошли вдоль стены и уселись на высокий, покрытый ковром ларь. Они искоса поглядывали то на консула, то на его собаку, зарывавшуюся при их появлении.

Все трое не отличались привлекательностью. Тот, что играл на пузатой десятиструнной гитаре, был чрезмерно толст. Живот, обтянутый засаленным темно-желтым камзолом, был похож на большую тыкву. Нос переливался всеми красками. Второй, игравший на рожке, украшенном куском шелка с гербом Республики, был широкоплечий детина с мрачным лицом, оброс-

МУЗЫКАНТЫ

ним черной бородой. Посниевшая опухоль закрывала один глаз. Когда он надувал щеки, казалось, что рожок должен издать оглушительный рев вместо тонких, негромких звуков, вылетающих из его раструба. Третий — литаврщик, старик с лицом синдика, поблескивая стеклами, оседлавшими его орлиный нос, деловито хлопотал, нагнувшись над полушарием литавры: барабанил по ней палочками, обмотанными войлоком, и то завинчивал, то отвинчивал винтики, натягивающие блестящую кожу.

Скампи развеселился, глядя на смешные лица музыкантов. Он пил много вина и качал ногой в такт музыке.

Собаке не нравился этот непривычный шум — он мешал ей вполне насладиться вкусом костей куронатки, и, уйдя в угол, она отвечала жалобным подвываньем на звук рожка.

— Вот и канцонетта! — шутил Скампи.

— Персей, замолчи! — строго крикнул ди Негро.

Обидевшись, собака подобрала остатки еды и ушла в другую комнату.

Консул слушал музыку молча, с закрытыми глазами. Наконец он объявил секретарю, что устал, и отпустил музыкантов.

Скампи ушел вслед за музыкантами и, придя к себе в комнату, все еще напевал только что слышанный мотив. Приятно согретый едой и вином, он разделся, лег в кровать и быстро заснул.

Отпустив слугу, ди Негро остался один. Ворвавшееся по прихоти молодого секретаря оживление покинуло комнату вместе с ним. Воцарилась обычная одинокая тишина. В наступившей ночи опять стал слышен вой ветра. Он тяжело дышал в трубе каминна, раздувая тлевшие в золе угли. В углу, за камином, грызла мышь. Там стоял ларь, где хранились запасы пергамента.

В такие осенние холодные ночи ди Негро особенно остро чувствовал свое одиночество. Болтовня Скампи и музыка нарушили привычный порядок.

Молодость давно ушла. Вперед темный провал. Терпеливо и спокойно надо ждать неизбежного. Надеяться, верить, сомневаться, бороться — обманывать себя. Неизбежное придет...

В такие ночи ди Негро думал о тщетности своих многолетних трудов, о веках, гасящих память о людях, о том, что погибнет слава Генуи, как погибла слава многих государств, а с нею погибнут имена тех, кто боролся и отдал свою жизнь за эту славу. На полуистлевших листах хроник, на изъеденных водой и ветром камнях люди будущих веков не поймут непонятных им начертаний, сложив знаки в имена, не воскресят истинных образов, не вдохнут жизни в пожелтевший пергамент, в холодное тело камня... Он думал и о том, что его имя никогда не украсит гордых башен Солдаин наряду с именами его предшественников — строителей крепости.

«Эта башня построена во время управления отличного и могущественного мужа Кристофоро ди Негро, достопочтенного консула и коменданта Солдаин» — такой надписи никто никогда не прочтет на стене крепости.

Прихотливой судьбе не угодно сохранить это имя, и время поглотит его, предав забвению. Никто не узнает имени, случайно не попавшего на каменную плиту.

В такие ночи думал ди Негро о гибнущих в море кораблях, об изодранных ветром парусах, о ломающихся веслах и мачтах, о беспомощных, жалких призывах, криках отчаяния и безумия, о безжалостной, гигантской силе воды и ветра и о вечно холодном, молчаливом мраке неизмеримых глубин...

Ветер сильнее завыл в камине, и пламя свечей заколебалось. Мышь продолжала грызть в сундуке.

Ди Негро, задремавший было, вздрогнул. Ему показалось, что он слышит звук трубы. Собака подняла голову и посмотрела на хозяина, потом встала и пошла к двери.

Звук, принесенный порывом ветра, повторился яснее. «От главных ворот, — подумал ди Негро. — Кто может требовать в такой час спуска моста?»

Собака зарычала, уставившись на дверь. Ди Негро пошел к двери, открыл ее и прислушался. К трубе присоединился ба-

рабан. Внизу, через внутренний двор, кто-то бежал. «Тревога!» — мелькнуло в голове консула. Торопливые ноги приближались. Кто-то бежал вверх по лестнице. Хлопнула дверь. С воем ветра донесся неясный гул голосов.

— Ваша милость! — крикнул вбежавший слуга. — Труба и барабан у главных ворот! Огни на башнях!..

— Шлем и плащ! — крикнул ему в ответ ди Негро.

Слуга опрометью бросился в комнаты.

В дверях появился оруженосец.

— Что случилось? — спросил консул.

— Не знаю, ваша милость! Крик и огни у западной стены. Вырвав из рук слуги плащ, ди Негро быстро стал спускаться по лестнице. Собака с лаем опередила его.

— Разбуди секретаря! — приказал слуге консул.

Глава XIII

БАШНЯ РУМБАЛЬДО

Слуга, посланный Скампи, тщетно разыскивал цирюльника по всей крепости. Родольфо сидел в «Золотом баране» и угощал вином письмоводителя и его друга. Письмоводитель разболтался и, как всегда быстро охмелев, выражал собутыльникам чувства своей искренней дружбы.

Родольфо рассыпался в любезностях, рассказывал всякие смешные истории и, наконец, предложил проводить Тербини домой. Таким образом Родольфо очутился в комнате при канцелярии и, усадив письмоводителя в кресло, стал развивать перед ним замысловатые философские теории о человеческой душе. Никколо, не совсем опьяневший, чтобы не слушать или молчать, в свою очередь, начал говорить о вере, о грехах, о покаянии и прочих возвышенных предметах, так ужасно мучивших его несложный ум.

— Вот вы, мессер Никколо, рассказывали мне о видении отцу Бартоломео, а ничего не говорили о видении, представшем вашим глазам.

Никколо словно сразу протрезвел. Он побледнел и даже вскочил с кресла.

— Кто говорил тебе об этом? — Голос его дрожал.

— Мессер секретарь, — ответил спокойно Родольфо. — Что же тут удивительного? Вы рассказали ему, он — мне. Разве вы это скрываете?

Никколо ухватился рукой за спинку кресла:

— Ради всех святых, Родольфо, про это надо забыть!.. И зачем я наболтал все это мессеру Джорджо!

Старик со вздохом опустился в кресло.

— Ах, Родольфо, мне слишком тяжело! Я исповедовался отцу капеллану, и он строжайше запретил мне говорить об этом. Всякое упоминание имени «его», говорил отец Бартоломео, ввергает человека в тягчайший грех.

Родольфо улыбался, глядя на одураченного старика.

— Успокойтесь, мессер Никколо, — сказал цирюльник, — я никому не расскажу про ваше видение и постараюсь уговорить мессера Скампи тоже не делать этого. Но за это я попрошу от вас небольшой услуги.

— Все, что в моих силах! — обрадовался Никколо. — Проси, проси, Родольфо! Все, что в моих силах...

— Вот видите, мессер Никколо, в чем дело: вам известно, что в погребе, на втором дворе, содержится человек, которого зовут Игнацио Сивелли. Не правда ли?

— Совершенно верно, — кивнул головой нисьмоводитель.

— Так вот, — продолжал Родольфо, — одной чрезвычайно важной особе захотелось сделать благодеяние бедному семейству и выкупить заключенного. Но все дело в том, что ей не хотелось бы предавать это огласке, так же как и вам не хочется, чтобы знали...

— Понимаю, понимаю, — перебил Никколо, — высокие особы имеют свои причуды.

— Совершенно верно, — сказал Родольфо, — и я рад, что вы воспользуетесь случаем, чтоб содействовать этой причуде, о чем, полагаю, вы разрешите мне сообщить особе. Парень этот был заключен согласно распоряжению вашего друга мессера Каструччо по совершенно пустому делу, и, вероятно, мессер смотритель давно забыл про это. Известно это только вам, внесшему имя заключенного в книгу.

Никколо кивнул утвердительно головой.

— Значит, чтобы удовлетворить желание высокой особы, остается очень мало: вам — вычеркнуть имя из книги, а мне — передать вам довольно крупную сумму аспров. Вот и все. Остальное я беру на себя, и вы понимаете, мессер Никколо, что о вашем участии в этом деле никто никогда не узнает, так же как и о вашей ночной встрече у башни Румбальдо.

Слова цирюльника были слишком точны и все доводы слишком вески и убедительны. Никколо, поразмыслив с минуту, вычеркнул из толстой книги все, что касалось ареста Игнацио, и с благодарностью принял от Родольфо две пригоршни монет, тех самых, которые цирюльник выпросил у Скампи. За пять лет службы он хорошо знал, что можно делать и чего нельзя. Не один раз приходилось ему вычеркивать или соскабливать написанное в канцелярских книгах. Такой пустяк не стоил его страшной тайны, продолжавшей терзать сердце.

«Обработав» таким образом доверчивого «грешника», Родольфо отправился к капеллану.

Отец Бартоломео волновался. Он ходил взад и вперед по комнате. Его ручки беспокойно потирали одна другую, и язык то и дело облизывал губы. Он то перекладывал книги с места на место, то присаживался на край скамьи.

— Ты думаешь, он не опоздает? — спрашивал капеллан цирюльника. — А с солдатами ты справишься?.. А вдруг они не захотят пить вино? А вдруг поднимется шум?.. А может быть, мне лучше остаться дома?

— Вот это уж ни в коем случае, — ответил Родольфо. — Если вы хотите бросить меня одного, лучше вообще отложить это дело. Решайте скорей, чтобы я мог предупредить человека синьоров да Гуаско. Зачем же ему даром подвергаться опасности! Решайте скорей.

Капеллан метался:

— Конечно, я понимаю... ты прав, но, посуди сам, Родольфо, как-то неловко, если...

— А мне ловко? — оборвал цирюльник. — По-вашему, ловко получить деньги, сидя спокойно дома, и послать меня одного расправляться с опасностью? Капеллану неловко, а цирюльнику ловко!.. Мне дороже моя собственная жизнь, и если лезть в петлю, то обоим вместе. Будет веселей в аду!

— Ты не хочешь меня понять... — увиливал капеллан.

Цирюльник быстро повернулся и сделал шаг к двери.

— Никаких разговоров больше, — сказал он. — Я иду передать да Гуаско, что вы отказались.

Капеллан подбежал к Родольфо и ухватил его за рукав.

— Хорошо, хорошо, я согласен... я пойду. Какой ты упрямый! — зашептал он, тяжело дыша и опускаясь в кресло.

— С этого надо было начинать, — улыбаясь, спокойно сказал Родольфо. — Я приду за вами в назначенный час, мы вместе пойдем к башне, и там я скажу вам, где вы должны стоять и что делать. А теперь предоставляю вас благочестивым размышлениям. Вы, вероятно, пожелаете пока встать на молитву? Это безусловно успокоит и укрепит вас... До скорого свиданья.

Цирюльник вышел, оставив капеллана в самом подавленном состоянии духа.

Тьма наступила быстро, как всегда, лишь только солнце опустилось за гору Горячих Источников. И как всегда, в главной караульне солдаты толпились, водя пальцами по листку нарядов.

Пьетро и Гвидо сидели на нарах в казарме и тихо разговаривали.

— Он сказал мне, — говорил Пьетро, — что все обойдется как нельзя лучше. Когда я заметил ему, что начальник не спустит нам этой кутерьмы, он засмеялся и, показав на свой лоб, сказал: «А как ты думаешь, здесь солома?»

— Он зря не станет говорить, — сказал Гвидо. — Ведь в случае чего ему тоже не поздоровится.

— Да, я тоже так думаю... Вот, залатал вчера, а он опять рвется, — переменял разговор Пьетро, увидав подходявшего к ним солдата.

Ровно в полночь ударили в барабан, и ночной караул разошелся по своим постам. Тьма была полная. За неленой облаков слабо мерцали звезды. Ветер налетал бешеными порывами, выли и свистел в бойницах.

Взойдя на башню, Пьетро с трудом укрылся с головой в плащ — ветер рвал его из рук. Пьетро наклонился между зубцами, и ему показалось, что по ту сторону рва двигаются чьи-то тени. В наступившей на мгновение тишине он уловил звук шагов, но порыв ветра снова все заглушил. Потом Пьетро увидел чуть заметный свет фонаря во дворе. Свет вспыхнул и тотчас погас, затем снова вспыхнул ближе. «Идет, — подумал Пьетро. — Закрывает плащом». Помня наставления цирюльника, он взял стоявший в нише фонарь, нащупал огниво, лежавшее в нем, и перегнулся между зубцами, напряженно прислушиваясь и вглядываясь в темноту под башней.

Ни жив ни мертв, подталкиваемый цирюльником, капеллан вышел из дома. Влив в себя достаточное количество вина, он все-таки чувствовал себя слишком трезвым. Стоило ему только выйти в холодную тьму двора, как все тело затряслось словно в лихорадке. Ноги не двигались, зубы стучали, сердце замирало. Свист ветра мешал различать звуки. Казалось, со всех сторон из тьмы возникают фигуры, слышится шепот, за каждым углом кто-то ждет, притаившись...

Дойдя до башни, Родольфо сунул в руку капеллана фонарь, велел закрыть его плащом и исчез в темноте. Порывисто дыша, обливаясь холодным потом, отец Бартоломео беспомощно оперся о стену. Он слышал, как цирюльник выругался, поднимая тяжелую плиту, видел слабый свет, на мгновение показавшийся из-под земли...

Тьма, ветер и ужас окутали капеллана. Ему казалось, что он давным-давно стоит здесь, что, может быть, человек по ту сторону рва замечен стражей и Родольфо не вернется, схваченный вместе с ним. Это все слишком жутко, он не в силах терпеть больше. Комок подступает к горлу, ноги подкашиваются, сердце сейчас перестанет биться. Пусть этот хромоногий урод

погибает один! Так мучиться нет больше сил. Еще мгновение — и он бросится бегом вон туда, к освещенному окну, домой, в светлую и теплую комнату, где пахнет розовым маслом и книгами. Скорей из этой тьмы, ветра и ужаса... Поздно!

Снова свет из-под земли. Это Родольфо. Цирюльник подходит к капеллану и шепчет:

— Мы идем. Встаньте у входа. В случае опасности — плиту и фонарь. Поняли?

Родольфо исчезает в темноте. Спутника его не видно.

Ноги бессознательно ведут к подземному ходу. Ветер, того и гляди, распахнет плащ. Фонарь жжет колени. Плита откинута. Возле нее черный провал. Снова ужас, дрожь, оцепенение...

Опять порыв ветра, снег. Из-под земли теплое, сырое дыхание. Но вон там, у освещенного окна, тени. Одна... две... Неужели уже покончено? Какой хитрый цирюльник: он повел его кругом — так дальше, но безопаснее. Как они медленно идут!

В темноте нельзя было различить, кто из них цирюльник, кто другой: оба были закутаны с головой.

Один скрылся под землей, другой подошел к капеллану. Это был Родольфо. Он шепнул:

— Пойдемте, по ту сторону стены сам синьор да Гуаско. Все удалось как нельзя лучше. Он желает лично передать вам деньги...

Ветер сорвал плащ с фонаря цирюльника. Капеллан в испуге бросился вниз, под землю. Он слышал, как Родольфо захлопнул плиту и спускался за ним.

Освещая фонарем лестницу, они спустились в узкий, обложенный камнем ход. Здесь был спертый и сырой воздух: ход проходил под водяным рвом. Потом стали подниматься по лестнице, и в лицо повеяло свежим воздухом.

— Позвольте, я пройду первым, — сказал цирюльник. — Все ли там благополучно?

В эту минуту до слуха капеллана донесся звук трубы.

Что это?

Потом над головой хлопнула плита и с лестницы скатился цирюльник. Лицо его было бледно. Он наткнулся на капеллана и схватил его за руку.

— Беда, — кричал он, — беда! Слышите? Труба и барабан. Заметили!.. Скорей, скорей назад! Успеет еще. Скорей!

С этими словами цирюльник потащил ошеломленного капеллана вниз по лестнице.

Оступившись, отец Бартоломео уронил фонарь.

— Черт с ним! — крикнул Родольфо. — Скорей, скорей!

И они побежали по ходу обратно.

Фонарь Родольфо тоже потух.

Задыхаясь от бег и страха, канцеляри ушат на ступени и полез вверх на четвереньках.

Родольфо выбежал первым, но вторых упустил тяжелую плиту, и она с грохотом захлопнулась над самой головой канцеляри. Оглушенный неожиданным ударом, отец Бартоломео не удержался и скатился вниз.

Крепость проснулась. С башни главных ворот трубач увидел, как на башне Румбальдо весыхнул фонарь; стоявший там солдат размахивал им. Трубач тотчас затрубил тревогу. Барабанщик у караульни ударил дробь. Из казармы выбежали солдаты. Начальник стражи и помощники коменданта бегали и кричали. Зажглись фонари, весыхнули факелы. Конные оргузии проскакали к консульскому замку, где виднелся свет. Вскочив на лошадь, помощник капитана помчался вслед за ними. Окна домов засветились. Схватив оружие, одни солдаты кинулись по стене за начальником к башне Румбальдо, другие с факелами в руках побежали двором вдоль стены. Причудливые, крылатые, огромные тени неслись за ними по стенам и мостовой.

Ветер рвал пламя, срывал плащи; сменял крики, барабанную дробь, топот, голос трубы; перепутал все звуки, разбросал их по темным углам, сводам; снова подхватил, разбил о скалу, бросил в море и, точно издеваясь, опять засвистел и завыл.

Все огни сбегались к башне Румбальдо и сверху донизу осветили ее. В окружавшей тьме величаво стояла она, словно ожившая в трепете света.

С башни что-то кричали, но ветер уносил слова.

Внизу в недоумении толпились солдаты, начальники и сбежавшиеся со всех концов люди.

Консул, окруженный оргузцами и стражей, подошел ближе.

— Что случилось? — строго спросил он помощника коменданта.

Тот растерянно забормотал:

— Мы сами не можем понять, ваша милость... ' Сигнал с башни.

— Узнать! — крикнул консул.

Помощник нырнул в темноту.

Солдаты стояли, недоуменно переглядываясь, и посматривали то на консула, то на верх башни.

Расталкивая всех, подбежал начальник стражи.

— Ваша милость, — заговорил он запыхавшись, — стража на башне заметила свет у потайного хода... вот здесь! Кто-то поднимал плиту. Лица не было видно — человек был закрыт плащом...

— Открыть! — приказал консул и подошел к плите.

Раффанати бросился за ним. Факелы и фонари придвину-

лись к подземному ходу. Несколько рук сразу протянулись и подняли плиту. Три солдата с факелами в руках стали спускаться по лестнице, держа пикки наперевес.

Собака консула, лаявшая и вертевшаяся, бросилась между солдатами и, чуть не сбив с ног спускавшихся, исчезла под землей. Раздался громкий лай и вдруг слился с неистовым человеческим воплем.

— Помогите! — донеслось из темноты.

Солдаты, спустившиеся вниз, увидели барахтающуюся на земле фигуру, укрытую с головой в плащ, яростно разрываемый в клочки собакой. Один из солдат схватил Персея за ошейник, другие два навалились на извивающегося и кричащего человека.

Сверху бежали еще солдаты, обнажив мечи.

В эту минуту, протискиваясь сквозь толпу, к консулу подбежал Скампи. Он не заметил, как, спеша, накинул на себя новый малиновый плащ, и стоял теперь, весь залитый светом, сверкая серебряным шпьем. Скампи не успел надеть шапку, и волосы его развевались по ветру.

Из-под земли показался шлем, а затем солдат, тащивший упиравшуюся и рычащую собаку. За ним двое солдат вели под руки помертвевшего от ужаса и стыда капеллана. Плащ и сутана грязными лохмотьями свисали с него, побледневшее лицо было испачкано землей. Увидев консула целым и невредимым, капеллан в ужасе вытаращил на него широко раскрытые от удивления глаза, потом упал перед ним на колени, сложив руки для молитвы.

— Отец Бартоломео?! — удивленно воскликнул консул и наклонился к капеллану.

Откуда-то из-за спины консула раздался голос цирюльника:

— Воскрешение Лазаря!

Скампи не удержался и прыснул со смеху. Ди Негро улыбнулся. Захохотали помощники, захохотал Раффанати, а за ним солдаты и вся толпа.

— Разойтись по местам! — строго приказал консул.

Толпа сразу стихла.

— Пойдемте, Скампи, — сказал ди Негро. — Не забудьте, что завтра утром собирается комитет.

Люди и огни медленно расходились, оставив капеллана в темноте.

Бормоча молитву и охая, отец Бартоломео с трудом поднялся на ноги. Ласковый шепот раздался над его головой, и кто-то взял его под руку:

— Святой отец...

— Родольфо, — простонал капеллан, — как это случилось?.. Мы погибли! Что же нам делать?

— Отец Бартоломео? — удивленно воскликнул консул.

— Солдат на башне проснулся раньше, — шептал цирюльник, ведя капеллана к дому, — и увидел свет фонаря, когда мы спускались в ход... Но успокойтесь, святой отец, время нашей гибели еще не пришло. Велика справедливость неба! — прибавил он торжественно. — Ваши святые молитвы вознеслись из недр земли...

— Куда девался этот человек?

— Я благополучно выпроводил его за стену.

— Но кто же воскресил консула? — спросил капеллан, ничего не понимая.

Они подходили к дому. В дверях показалось заспанное и испуганное лицо Мартино, освещенное свечой.

Родольфо наклонился к уху капеллана и шепнул таинственно:

— Святой Ремпгий!

Глава XIV

КЛУБОК РАЗМАТЫВАЕТСЯ

Ночная тревога напугала жителей города, дала повод к всевозможным слухам и сплетням, и уже вечером следующего дня в «Золотом баране» событие это обсуждалось на все лады. Каждый из посетителей харчевни старался доказать присутствующим, что его догадки по этому поводу наивернейшие. Страсти, подогретые вином, разгорались, дело доходило чуть не до рукопашных схваток, и Джанинне приходилось весь вечер пускать в ход то свои женские чары, то тумак. Каждый спешил в харчевню, зная, что там он наберется самых последних новостей, и наплыв посетителей был необычайно велик, что было только выгодно хозяйке. Но беда в том, что дело касалось крепости, капеллана и самого консула и давало повод к слишком резким выражениям по адресу духовенства и чиновников Светлейшей республики, а этого Джанинна боялась пуще всего на свете.

Случай с капелланом оживил монотонную жизнь крепости; только и было разговоров, что о ночном походе отца Бартоломео. Консул приказал крепче закрыть плиту потайного хода и приставить к ней часового. Однако скоро всем надоело обсуждать это происшествие, тем более что цирюльник Родольфо успел многим нашептать, что святой отец неравнодушен к женскому полу и пал жертвой пылкой страсти к прехорошенькой гречанке, посулив ей за благосклонность довольно большое количество флоринов. Гречанка взяла флорины вперед, а когда дело дошло до первого свидания, она зло насмеялась над своим

доверчивым поклонником и у выхода из потайного хода, по ту сторону стены, устроила ему такую встречу, что капеллан еле унес ноги от бастонады¹, učinенной ему друзьями красавицы. Эта версия была принята большинством, тем более что репутация Родольфо как всезнающего человека прочно укоренилась за ним. Все этому поверили, смеялись цветистому рассказу цирюльника два дня, а на третий эти разговоры уже всем надоели и вновь воцарилось прежнее однообразие.

Единственный человек, который долго не мог прийти в себя от всего пережитого, был сам виновник тревоги. Дней пять после ужасной ночи отец Бартоломео не выходил из дому. Он приказал Мартино два раза в день натирать его настоем перца и анакардиума² и строго-настрого обязал слугу говорить всем, что капеллан болен, а вместе с тем хорошенько слушать, что говорят о нем в крепости. Но Мартино уверял, что ничего особенного не говорят и в крепости все идет по-старому. Это еще более расстроило отца Бартоломео. Он не спал, плохо ел, ломал голову: как быть? Как оправдаться перед синьором да Гуаско? А верить этому негодяю Мартино, что все спокойно, было бы так же глупо, как верить чудесной помощи святого Ремигия.

Надо сказать, что Родольфо все пять дней мнимой болезни капеллана не появлялся в его доме, а отец Бартоломео не хотел звать его к себе. Это объяснялось тем, что священник, зная все, как ему казалось, до страшной ночи, теперь не знал ничего, а хромоногий не только все знал тогда, но и теперь все знает, и какая-то степень участия его в «чуде» несомненна. Родольфо вырастал в глазах капеллана из хитрого пройдохи в опасного соперника, а быть может, и в прямого врага. Эта мысль неотвязно преследовала капеллана, он боялся цирюльника.

Был еще один человек в крепости, на которого ночное происшествие у башни Румбальдо произвело странное, волнующее впечатление. Это был солдат Пьетро. Он честно и точно исполнил тогда все, чего требовал от него цирюльник: он не пропустил сигнала и вовремя поднял тревогу. После этого прошло уже несколько дней, и обещание Родольфо сбылось: никто не сделал ни ему, Пьетро, и никому из его товарищей никакого замечания. Правда, вся эта история свелась к потешному пустяку, к насмешке над отцом капелланом, по-видимому не в первый раз пускавшемся на веселую ночную прогулку, но стоило ли из-за этого беспокоить всех высших начальников, пугать горожан? И затея цирюльника казалась Пьетро непонятной. Три дня он ломал себе голову, пытаясь придумать какое-

¹ Б а с т о н а д а — палочные удары (итал.).

² А н а к а р д и у м — тропическое растение, обладающее лечебными свойствами.

нибудь объяснение, а на четвертый решился заговорить об этом с цирюльником. Тот рассмеялся и, хлопнув его по спине, сказал:

— И охота тебе ломать голову над таким пустяком! Пора позабыть!.. А как наш приятель Гвидо, совсем поправился?.. Ну и отлично!

И Родольфо заковылял, напевая веселую канцонетту.

Этот разговор происходил утром у дверей казармы, а вечером того же дня, когда Пьетро пробирался между столами к выходу из «Золотого барана», цирюльник, сидевший с каким-то пьяным человеком, которого Пьетро никогда раньше не видел в харчевне, схватил его за рукав и, притянув к себе, тихо сказал:

— Если бы не твоя честность, сидеть бы мне с крысами в круглом погребе! — Потом, выхватив из руки пьяного кружку с вином, передал ее Пьетро. — Выпьем, — крикнул он, — за солдат Светлейшей республики! — и ударил своей кружкой о кружку в руке удивленного Пьетро.

Пьяный незнакомец только икнул и, следя красными, осовевшими глазами за движениями пьющих, пробормотал что-то на ломбардском наречии.

— Этот благочестивый пьяница из Бергамо, как ты, вероятно, заметил, — пояснил Родольфо, — благодарит мадонну за избавление от десятой кружки, которая помешала бы ему сегодня вспомнить «Ave Maria»... Спеши, Пьетро! Слышишь колокол?

— А вы? — спросил Пьетро.

— Я успею. Спокойной ночи, и еще раз благодарю тебя за твою честность.

Со звоном колокола многие поднялись уходить, и на лестнице, в суতোлке распевавших песни людей, Пьетро подумал: «Нет, за такой пустяк в погреб не сажают». Долго еще потом он ворочался на нарах, никак не мог уснуть и все слушал, как воет ветер.

Вот Скампи — тот спокойно спал все эти ночи. Приключение капеллана поправилось ему, как поправились новеллы «Декамерона», только те были придуманы знаменитым флорентинцем, а эта действительно произошла на глазах у всех. Скампи не мог без смеха вспомнить жалкую фигуру отца Бартоломео, вылезавшего из потайного хода с голыми коленками, выглядывавшими из-под изодранной собакой сутаны, и уморительнейший возглас цирюльника: «Воскрешение Лазаря!» Даже консул не мог тогда не улыбнуться. Только жаль малинового палаандрино: на следующее утро Скампи заметил на нем какое-то пятно, не поддавшееся чистке. Если бы не это, правда, все случившееся было бы чрезвычайно забавно. А рассказ Родольфо о любви капеллана к гречанке — разве это тоже не восхити-

тельное новеллино, которое может родиться только в прекрасной, солнечной Италии? Непременно надо сказать Родольфо, чтобы он показал эту гречанку.

Странно только одно: на следующий день после истории с капелланом консул стал заметно мрачнее, на заседании комитета он был особенно строг и сух со всеми присутствующими, даже два раза резко оборвал выборного от горожан, пытавшегося обойти статьи устава об уплате налогов. Что с ним?

Скампи отлично понимал, что дело управления крепостью и округом становится изо дня в день сложнее. Но это не первый день так, а дн Негро, всегда такой спокойный, сдержанный, сразу изменился. А может быть, случилось что-нибудь гораздо более важное, чем постыдное похождение капеллана? Все дела и бумаги, самые секретные, проходили через консульскую канцелярию, и секретарь не мог не знать обо всем. Неужели какие-нибудь сведения дошли до консула, минуя его секретаря? Это сомнение, как пятно на паландрино, мешало Скампи быть в хорошем настроении, но все же не настолько, чтобы не спать по ночам.

Скампи не ошибся, подозревая, что хотя он и секретарь консульского управления, но не столь осведомлен, как консул. И действительно, всякого рода секретные сведения доставлялись консулу минуя канцелярию, а дн Негро предусмотрительно не сообщал их до поры до времени мессеру Джорджо, не без основания полагая, что легкомысленные и чрезмерная самоуверенность молодого человека могут принести вред. Материалы негласного надзора за чиновниками Республики, служащими в крепости, и горожанами передавались непосредственно консулу во время еженедельных докладов пристава.

Добросовестный и преданный интересам Республики, умелый и ловкий человек, Дезидеро Сантинелли был уже несколько лет незаменимым помощником консула. Пользуясь правом более частого отсутствия из крепости по всякого рода поручениям, свободного выхода и входа в любой час, да и сам по природе своей будучи очень замкнутым человеком, Сантинелли мало был замечен. Все знали о его существовании, знали, что он обязан высылать и проверять ночные патрули по городу, и не замечали редко попадавшуюся на глаза и ничем особым не отличавшуюся фигуру пристава. Не замечал его и Скампи, тем более что ни разу не встречался с ним в консульском замке: дн Негро уделял приставу самые ранние утренние часы.

И вот, месяца за два до происшествия с капелланом, доклады Сантинелли стали полны сведений о заговоре братьев да Гуаско, направленном не только против самого консула, но и против всего установленного порядка управления страной. Сведения получались от самых разнообразных лиц из Кафы,

Скуто и Солдаин. Из замка синьоров пяти заговора все ближе воли к крепости. Поощряемый указаниями консула, Сантинелли установил слежку и за агентами синьора Андреотто да Гуаско, живущего в Кафе, и за агентами его братьев в Скуто и в конце концов выяснил общую преступную картину и коварную сущность опаснейшего заговора.

Исконные враги республиканских установлений и самого консула Солдаин, братья да Гуаско в своих действиях использовали настроения татарского населения Газарии, недовольного ханом Менгли-Гиреем за его двойственную игру и с генуэзцами и с турецким султаном.

Основная нить, ухваченная Сантинелли, привела его к дому канцеллана и помогла выяснить тусую роль служителя церкви, о чем он и доложил консулу.

В последующих ежедневных сводках, представляемых консулу, неожиданно выплыла фигура цирюльника, причем поведение его поставило в тупик не только ди Негро, но и опытного полицейского. Несомненно участвуя в заговоре, Родольфо вместе с тем как будто мешал его осуществлению. Консул и пристав ни минуты не сомневались в хитрости и ловкости цирюльника, и это еще больше их удивляло.

Ночное происшествие у баини Румбальдо доказывало и правильность всех добытых Сантинелли сведений и несомненность противодействия Родольфо планам заговорщиков. Но почему?

В ту тревожную ночь, когда улеглась общая тревога и обитатели крепости разбрелись по домам, консул вызвал к себе пристава, и они решили продолжать наблюдение и быть начеку: первая неудавшаяся попытка может только еще больше озлобить да Гуаско.

— Что же касается непонятного поведения цирюльника, я это беру на себя, — сказал ди Негро. — В его участие в заговоре на стороне синьоров Скуто я решительно не верю.

Пристав мог только пожать плечами и развести руками.

— Мы с вами чиновники, — продолжал консул, — а Родольфо — фантазер и поэт. Он верный сын Республики, но на свой, особый и непонятный нам лад.

Ди Негро решил не предавать до времени огласке имеющиеся у него сведения. Надо действовать самостоятельно и осторожно.

Как бы в ответ на его мысли и в помощь ему, на следующий же день по крепости и предместьям разнесся слух о любовном походе канцеллана, пуценный цирюльником Родольфо и принятый всеми за достовернейший. И ди Негро сам сделал вид, что поверил этой пустой болтовне.

НЕПРИЯТНЫЙ РАЗГОВОР

Недели через три ветер стих, и слышнее стал морской прибой. Теперь разбушевалось море. Холодного, стального цвета водяные валы один за другим огромными холмами надвигались на берег, вздымались, заворачивались пенистыми белыми гребнями и, с гулким грохотом ударяясь о скалы, разлетались брызгами, кипели меж камней. Небо было серое. Часто шел снег крупными, медленно падающими хлопьями и ложился на стены крепости, на крыши церквей и домов, на ветки деревьев. Мутное солнце не согревало. Липкая грязь и лужи размокших просажих дорог покрывались ледком, шуршащим под колесами. Рыбаки не выходили в море, корабли не заходили в порт. Город затих, дымя трубами, мигая рано зажигаемыми светильниками. В холодной, туманной мгле возвышались угрюмые зубчатые башни крепости, храня суровое и тягостное молчание. Время тянулось медленно, скучно, безрадостно.

Для Скампи такие дни всегда были поистине мучительными. Он никак не мог привыкнуть к этой ужасной зиме, к белой земле, к темному солнцу, к морозным ночам. Сильнейшая тоска по родине терзала его; ему становилось жалко себя, оторванного от ласковой, солнечной, жизнерадостной Генуи. Скампи бродил сам не свой, с отвращением слушал по утрам полусонное мямление письмоводителя, нехотя брел на доклад к консулу, дремал на заседаниях комитета, пытался развлечь себя писанием своей книги, и даже болтовня цирюльника не развлекала его.

Как всегда, только вечерние беседы с консулом несколько умеряли его тоску. Он охотно шел к ди Негро, как больной идет к врачу в надежде получить желанное исцеление.

Вот и теперь, просидев над пустым листом бумаги, Скампи закутался в суконный плащ, подбитый мехом, и, задув свечи, отправился к консулу.

Старик сидел у горящего камина, держа в руке небольшую книгу в белом, тисненном золотом кожаном переплете.

— Я вам помешал, ваша милость?

— Нисколько, Скампи! Входите и сядьте вот здесь, — ответил консул, указав на кресло черного дерева с витыми ручками и высокой спинкой и сиденьем, обитыми пунцовым парчовым бархатом. — Который раз я перечитываю «Божественную комедию» и непременно нахожу в ней всё новые и новые сокровища стиха и мудрости... Помните первые строки «Чистилища»?

— Конечно! — воскликнул Скампи. — Кто же их не знает:

Для лучших вод подьемля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь горестной пучине...
Тра-ля... ля-ля... ля-ля... ля-ля... ля-ля...

Вот тут я немного забыл!

И я второе царство воспою... —

подсказал ди Негро.

— Да-да, помню, помню! — подхватил Скампи:

Где души обретают очищение
И к вечному восходят бытию!

— А вот сейчас, когда вы вошли, я остановился на совсем
иных, но еще более поразительных стихах. Послушайте... — Ди
Негро раскрыл книгу, приблизив ее к подсвечнику, стоявшему
на низком столике возле кресла:

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак...

Поразительных потому, что это не злоба дня, как толкуют их
наши философы, — это глубже. «Скорбей очаг», «в великой бу-
ре» — это предвиденье. Более ста пятидесяти лет прошло с тех
пор, как Данте написал эти строки, а разве «очаг» иссяк, разве
«буря» утихла, разве кормчие справились с «судном»? Разве
наша родина не продолжает быть снедаема бессмысленными
раздорами, унижая свое достоинство перед всеми народами?

Ди Негро говорил размеренно, не повышая голоса, с оттен-
ком убедительной назидательности, как учитель, объясняющий
урок ученику. Только постукивание пальцами по книге, лежа-
щей у него на коленях, выдавало его волнение.

— Ни угрозы сарацин, ни призыв папы к прекращению рас-
прей и общей борьбе за спасение родины и церкви не в состоя-
нии были объединить раздробленную страну. А наши Кафа,
Чембалло, Тана, Скуто — разве не такой же пример безумия
перед лицом надвигающейся опасности? Вы знаете, Скампи,
как, презрев присягу над евангелием на верность Республике
и банку святого Георгия, наш правитель постыдно оставил Кафу
этой осенью и как тщетно сейчас его преемник Антониотто
де ля Габелла пытается хоть как-нибудь примирить нобилей
с ремесленниками, духовенство — с мирянами. А главные совет-
ники Уберто Скварчафико и Франческо Фиески? Разве не
позор их двуличное и корыстное заискивание и перед синьора-

ми Скуто и, что еще хуже, перед врагами татарского хана, ведущими тайные переговоры с великим визирем сарацин?

— Это предательство! Измена Республике! — воскликнул Скампи, вскочив с кресла.

Он подошел к камину и, протянув руки к пламени, стал судорожно потирать их.

— Подбросьте дров, — сказал ди Негро. — Сегодня опять холоднее.

Скампи поставил в камин два круглых сосновых полена, затрепавших и наполнивших очаг ярким снопом искр, а комнату — теплым красноватым светом, заискрившимся на серебряных блестках зеленого полукафтаны Скампи, на медной пластинке ошейника Персея, сладко спящего у ног хозяина, и на золотом ободке фрески, украшающей свод потолка. Скампи стал на одно колено и, заслоня лицо от жара одной рукой, другой помешивал щипцами уголья.

— Слава мадонне, — сказал он, — мы до морозов пережили злобу Зола, теперь злится Посейдон. Вы слышали, ваша милость, как ревет сегодня море? Я давно не смотрел на него, а сегодня вылез на стену у тюремной башни и пришел в ужас: кругом в воздухе снег, а внизу kloкочущая бездна! Мне показалось, что это не волны, а нападающие на нашу крепость враги... — Скампи встал и снова сел в кресло. — Неужели, ваша милость, вы полагаете, что сарацины...

— Я не полагаю — я знаю. Сведения, полученные в Кафе от наших наблюдателей в Константинополе, предупреждают о военных приготовлениях сарацин. Огромное количество галер и воинов собрано великим визирем. Смешно было бы думать, что они собираются на увеселительную прогулку.

— Но почему они должны плыть именно сюда, а не на юг или на восток?

— Они поплывут на север. Им давно известны порядки в Газарии, татарские и наши распри и наши ничтожные силы. Знают они, конечно, и про пути к золоту и драгоценным камням Востока и к мехам Севера. Несчастье народов, их кровь и слезы — ничто для удачливого завоевателя. Мы тоже в свое время, когда были сильны, пришли сюда не с благотворительными целями. Теперь придут они. Сильный убивает и грабит, слабый сдается или умирает... — Ди Негро улыбнулся, протянул руку и похлопал ею по руке Скампи. — Я вижу, мой дорогой, что вы расстроились: и снег, и море, а теперь я. Но вы сами затеяли этот разговор, а я, признаться, давно хотел поговорить с вами об этом. Я почитаю вас: вы молоды и вам хочется наслаждаться жизнью, вам тоскливо здесь вдали от родины, в этой неприютной обстановке. Я старик, много пережил и еще больше передумал (для этого здесь достаточно времени), но, как и вы, скучаю

о родном доме. Но что ж поделать, Скампи! Несмотря на разницу лет, мы с вами товарищи по несчастью и должны вместе честно исполнить наш долг перед родиной. Ведь мы тоже присягали ей в верности...

— Я никогда не изменю ей! — горячо воскликнул Скампи.

— Ну вот и отлично, — улыбнулся ди Негро. — Наш неприятный разговор мы продолжим когда-нибудь в другой раз, а сейчас распорядитесь об ужине.

Во время ужина ди Негро старался быть веселым. Роли переменились: ни уютное пламя камина, ни вкусный ужин, ни душистое вино на этот раз не возвращали Скампи хорошего настроения. Разговор с консулом расстроил его. Ди Негро видел это, и ему было жаль молодого человека. Беседа не клеилась.

— Жаль, что такая погода, — сказал ди Негро. — Вам бы надо развлечься и съездить поохотиться. Вы пропустили лучшее время. Как только потеплеет, возьмите моего Персея — бедняга тоже засиделся со стариком — и поезжайте в горы. Олени сейчас голодны и спустились в долины. Дел у нас пока особых нет, и Тербини справится один. Я отпущу вас дня на два, а там скоро праздник рождества... Перемена впечатлений, подальше от нашей казармы, от злого Посейдона и ворчливого консула... Горный воздух благодатен. И, того гляди, встреча с прекрасной Дриадой или Ореадой...

— Ваша милость так старательно выпроваживаете меня, — рассмеялся Скампи, — что я, кажется, действительно воспользуюсь вашей благосклонностью, мало чем мною заслуженной.

— Послушайте меня, Скампи, это принесет вам пользу.

Поворот разговора был выбран удачно: Скампи повеселел. Он позвал к себе собаку, которая, потянувшись, подошла к нему. Скампи погладил ее по голове:

— Персей, мы поедем с тобой за оленем, понимаешь? Затравим огромного оленя с золотыми рогами, понимаешь?

Собака положила лапу ему на колено.

— Ну вот, отлично. И Дриаду привезем.

Собака сняла лапу. Скампи рассмеялся:

— Дриады не нужно? Ну хорошо, обойдемся без Дриады... Кстати о дриадах, ваша милость: вы знаете, как мне хотелось посмотреть на гречанку, обольстившую отца Бартоломео, но, как я ни старался, я не мог ее найти. Так обидно! Ведь новеллы наяву у нас не так часто бывают...

— Зато нашего доморожденного Боккаччо вы можете видеть каждый день.

— Ваша милость хотите сказать, что Родольфо все это...

— Я ничего не хочу сказать, — перебил его ди Негро. — Мне просто кажется, что Родольфо всегда немного приукрашивает свои рассказы.

Веселость Скампи мгновенно прошла, как только он, вернувшись к себе, остался наедине с самим собой. За эти годы он хорошо изучил характер консула. Ди Негро не любил пустой болтовни. Делиться с кем-либо своими мыслями не входило в его привычки. Тем более странным показался этот последний разговор, начавшийся по желанию самого консула.

Скампи рассуждал так: не в характере старика изливать свою душу, не в его характере и так откровенно предрекать надвигающуюся беду. Он мог это сделать только в том случае, если он вполне убежден в своих предположениях и считает, что беда не за горами, что ему нечего более сдерживать себя, умалчивая об этом. Каждое слово его обдуманно и взвешено. Значит, беда неминуема! Скампи знал и то, что рядом с наружной черствостью старого законника и многолетнего служаки в ди Негро уживается добросердечие, поэтому предложение отпуска, охота — все это предлог к смягчению действия, оказанного разговором. А вместе с тем это подготовка к весьма серьезным событиям. Значит, беда неминуема!

Это была первая ночь, проведенная Скампи в мучительной бессоннице и тревожном полубытии. И, пожалуй, в первый раз за все время своей службы в Солдаие он задумался над возможностью действительной угрозы осады крепости и над соотношением сил нападающих и обороняющихся.

Со времени постройки последней башни консулом Бернабо ди Пагано прошло шестьдесят лет. С тех пор никаких новых, более усовершенствованных сооружений в крепости не возводилось. Протекторы банка святого Георгия за двадцать с лишним лет своего управления Газарией не позаботились переработать статьи устава сорок девятого года, и гарнизоны крепостей оставались прежними. Владеют оружием, балестрами и бомбардами в Солдаие всего двадцать солдат-генуэзцев; восемь оргузиев из полудиких степных племен умеют только стрелять из лука и со свистом носиться на своих тоже полудиких конях. Да пять человек начальников. Вот и весь гарнизон. На каждого солдата по две балестры. На башне ди Пагано — четыре бомбарды. На складах достаточно ядер, пороха для них и продовольствия — для людей. Но всего этого слишком мало. А какой будет толк от насильно завербованных горожан, из которых ни один не знает, что ему делать с простым копьем, а больше половины вообще предпочтут кого угодно генуэзским чиновникам? Военных галер нет. Море открыто. У сарацки огромное количество кораблей с множеством бомбард и воинов. Значит?..

Когда Скампи несколько раз подряд начинал перебирать все это и доходил до неизбежного вывода, он впадал в состояние растерянности. Он хотел определить свое место в предстоящем столкновении этих двух столь различных сил и не находил его.

То он видел себя отважно направляющим удары против врага или геройски отражающим эти удары и покрывающим себя неувядаемой славой, то начинал сам себе разъяснять, что, конечно, все это могло бы быть так, если бы знать заранее. И Скампи изнемогал от этих противоречий, от невозможности прийти к какому-либо решению.

Он слышал, как волны бьют о скалы, и их упорные, почти равномерные, ничем не предотвратимые удары вселяли в его душу еще большее смятение.

Глава XVI

ОХОТА

— Так ты утверждаешь, что и луна будет всего ярче светить в пятницу?

— Да, мессере, ее лицо именно к этому дню примет самую округлую форму, напоминающую упитанную физиономию нашего великого постника — святого отца Бартоломео. Все предыдущие дни она смахивала скорее на всеми уважаемого мессера Касируччо, с его худым и вытянутым лицом. А вот когда она начнет сбавлять жиру и раскиснет наподобие плохо испеченной лепешки из поленты, то вы узнаете в ней сразу многострадального мессера Никколо Тербини. И как ярко сияют добродетели мессера капеллана, так и луна, уподобясь ему, ярко засияет в пятницу, чтобы способствовать вашей развлекательной поезде!

— Ах, Родольфо, на твоем месте я давно бы бросил ножницы и взялся бы за перо: у тебя дар новеллиста.

— Вы забываете, мессере, что новеллисты зачастую ходят с пустым брюхом, а цирюльники всегда сыты. Знатные господа платят цирюльнику больше, чем новеллисту, которого держат при себе только ради забавы, а от цирюльника зависит их благообразие и здоровье. Представьте себе на минуту, па что вы все стали бы похожи, не будь меня в крепости. Ведь вы походили бы на Мартино, слугу капеллана, у которого лохмы кишат вшами...

— Ай, какая мерзость!

Скампи с отвращением слежил и зашевелил лопатками, словно по его спине что-то ползало.

— Успокойтесь, мессере, — засмеялся Родольфо, поднося Скампи овальное ручное зеркало. — Взгляните на себя и убедитесь, как вы похорошели от прикосновения моих волшебных ножниц!

Скампи с удовольствием взбивал свои золотистые вьющиеся

кудри. Из зеркала на него смотрели смеющиеся голубые глаза, право же стоящие того, чтобы их назвать красивыми!

Он встал, сдернул с шеи салфетку и, бросив ее Родольфо, весело сказал:

— Поеду в пятницу и привезу оленя, один из окороков которого подарю моему цирюльнику!

— Вот видите, мессере, вы говорите — повеллист!..

Сборы на охоту начались за три дня. Во-первых, был подробно осмотрен рослый, хорошо откормленный жеребец серой в яблоках масти и было отдано распоряжение перековать его на подковы с шипами. Во-вторых, был выбран не особенно тяжелый арбалет и тетива заменена новой. В-третьих, отточен короткий меч. И, наконец, после совещания с тем же всезнающим Родольфо, был выбран оргузий, которого цирюльник аттестовал так: «Увертливый малый, прекрасно владеющий татарским языком и кое-как болтающий по-итальянски, меткий стрелок, посящий благозвучное имя Ачипай».

Решено было ехать на север по большой дороге на Лусту, а там, в зависимости от местности и погоды, свернуть в горы.

В пятницу, чуть свет, двор замка оживился топаньем и пофыркиванием сытого, застоявшегося жеребца, нетерпеливым повизгиваньем Персея и сильными окриками оргузия Ачипая на своего задиравшего вверх голову и вертящегося под ним длинногривого буланого конька.

Провожать Скампи пришли: письмоводитель — по должности, слуга капеллана Мартинио — из любопытства и цирюльник — неизвестно по каким побуждениям. Все трое с интересом наблюдали, как оргузий учит уму-разуму своего конька, то хлеща его плеткой по жирному крупу, то ударяя кулаком между ушей, и как крепко Ачипай сидит в седле. Оргузий был в длинномполосом стеганом халате, в высокой, с длинными ушами сукопной шапке, отороченной спереди лисьим мехом, и в высоких, мягкой кожи ярко-зеленых сапогах с поднятыми кверху носами. Его смуглое, совсем плоское лицо с узкими щелками глаз и редкими черными усами, висевшими как плеточки, было похоже на древних каменных идолов на кладбищах. За спиной у Ачипая болтались лук и колчан со стрелами. На туго затянутом поясе — нож, огниво, шило и связка сыромятных ремней, какие употребляют татары для связывания пленников.

Серый жеребец косил круглый глаз, глядя на вертевшегося конька, тихо ржал и нетерпеливо скреб подковой по каменной плите. Скампи вышел закутанный в светло-серый плащ и в беличьей шапочке. На сапогах поблескивали остроконечные звезды длинных позолоченных шпор. Конюх, встав на колени, придерживал широкое фигурное стремя.

Скампи, улыбаясь, легко вспрыгнул в седло. Конюх поправил загнутый ярко-малиновый чепрак и держал коня под уздцы, пока консульский оруженосец подавал Скампи арбалет и медный колчан. Мессер Джорджиньо пристегнул арбалет к правой стороне седла, а колчан — к левой. Когда Скампи разбирал поводья, обшитые широкими шелковыми, под цвет чепраку, лентами с фестонами, расшитыми золотом, под запахнувшимся плащом, на желтой коже кафтана, мелькнуло серебро охотничьего рожка и позолоченная рукоять меча.

Жеребец с места взял крупной рысью. Конек оргузия плавной иноходью не отставал от него. Собака несколько секунд в нерешительности потопталась около провожающих. У ворот Скампи обернулся и, крикнув «Персей!», помахал рукой оставшимся. Родольфо в ответ тоже поднял руку. Собака опрометью бросилась за всадниками. Письмоводитель, держа шапочку в руках, побрел в канцелярию, видимо огорченный неожиданно свалившимся на него служебным грузом, а Мартино, раскрыв рот и почесывая голову, смотрел вслед уехавшим, пока до его слуха не донесся раздраженный окрик капеллана, мгновенно приведший его в сознание.

Дорога вела по городской улице — где, к глубокому сожалению Скампи, не встретилось ни одной живой души, если не считать трех женщин у фонтана, наполнявших кувшины водой и мельком взглянувших на проехавших, — потом через ворота в стене предместья и, поворачивая на север, вводила в долину. Затем дорога сужалась, становилась более извилистой и каменной и начинала заметно идти в гору.

Лошади, пробежавшись, успокоились и, переведенные на шаг, бодро шли, легко дыша сухим, чуть морозным воздухом. Серый жеребец, изогнув дугой шею, звякал удилами, пофыркивал и тяжело отстукивал шаг. Конек оргузия тихо посапывал и мягко, вразвалку нес задремавшего Ачипая. Собака, видимо, была довольна предоставленной ей свободой: она то убегала вперед, то отставала, жадно припихиваясь к земле, или, поводя носом, вдыхала воздух и снова мчалась, перегоняя всадников.

Наступил ясный день. Мороз подсушил дорогу. Небо было ярко-голубое. Воздух настолько чист и прозрачен, что можно было различить малейшие извилины и промывы далеких скал с причудливыми очертаниями то сказочного зверя, то великана. Высокие тополи и ветвистые карагачи отмечали места виноградников или селений. Кое-где стали попадаться буковые деревья.

Когда восходящее солнце золотыми полосами пронизало воздух, заиграло на вершинах гор и окропило долину яркими, веселыми пятнами, Скампи почудилась родная Италия — такая именно, какой он привык ее видеть с детства на картинах,

к фонтану. Ле...
Персей тоже по...
ми о край Сас...
Как раз в э...
старик татарин...
наступил седые...
корзиной, нап...
взволнованию...
на собаку. По...
лицо Ачипая у...
татарина.

— Что ему...
Ачипай об...
пьет воду из ф...
ценный источн...

— А лошади...

— Лошадь...

рок, — убедител...

— Какой вз...

с поводка, поеха...

Судя по сол...

сперва редкие, п...

ников и буковы...

Скампи расе...

достаточно врем...

благоприятствуе...

своеобразно и причудливо приукрашенная кистью прославленных мастеров, такая, какой он видел ее во сне.

Мимолетное впечатление пронеслось и исчезло. Дорога круто повернула на северо-восток и привела в татарское селение с белым минаретом мечети и лепившимися вокруг нее хижинами.

Ачинай предложил остановиться на небольшой площади у фонтана и напоить лошадей. Тонкой струйкой вода стекала с каменного желобка, наполняя низкий небольшой бассейн из обтесанного серого камня.

Всадники слезли с коней; оргузий разнуздал их и подвел

к фонтану. Лошади прильнули к прозрачной поверхности воды. Персей тоже подбежал к фонтану и, опершись передними лапами о край бассейна, стал лакать воду.

Как раз в это время из калитки одной из хижин вышел старик татарин с корзиной в руках. Увидев незнакомцев, он насунул седые брови, что-то зло крикнул в их сторону и, тряся корзиной, направился к фонтану. Обратившись к оргузию, он взволнованно что-то говорил ему, указывая то на Скампи, то на собаку. По ничему не выражавшей, никогда не покидавшей лицо Ачиная улыбке, нельзя было догадаться о смысле слов татарина.

— Что ему нужно? — наконец раздраженно спросил Скампи.

Ачинай объяснил, что старый татарин увидел, что собака пьет воду из фонтана, и кричал о том, что она оскверняет священный источник.

— А лошадям можно пить? — спросил Скампи.

— Лошадь — чистое животное: на ней ездил великий пророк, — убедительно ответил Ачинай.

— Какой вздор! — засмеялся Скампи и, отпустив собаку с поводка, поехал рысью.

Судя по солнцу, приближался полдень. Дорогу обступили сперва редкие, потом все более густые заросли колючих кустарников и буковые деревья. Всадники въехали в лес.

Скампи рассчитал так: если сейчас полдень, то до вечера достаточно времени для поисков оленя. Тихая погода вполне благоприятствует этому. Лес, лишенный листвы, светлее обык-

новенного. Летом он не пропускает солнечного света, а сейчас в нем видно почти так же, как на открытом месте. Ничто не мешает провести в нем вторую половину дня, а затем опять найти дорогу, и если Родольфо не наврал, то луна осветит ее для возвращения домой. Свернув с дороги в лес, Скампи остановил коня, спрыгнул с него и приказал Ачипаю привязать лошадей к дереву и развязать мешок, болтавшийся у седла оргузия. В мешке были мансовые лепешки, ломтики жареной баранины, несколько головок чеснока и фляга любимого Скампи красного вина из того самого винограда, лозу которого привез из Италии покойный трактирщик Маттео. Аромат этого вина заставлял Скампи вспоминать цветущие родные берега.

Тишина леса, наполненного запахом прелого листа, на редкость прекрасный в это время года день, удачное начало поездки — все наполняло душу каким-то бодрым спокойствием. Даже горьковатые лепешки и холодная баранина показались Скампи вкуснее консульских куропаток. Ачипай ел только лепешки, натпрая их чесноком, а от баранины и вина отказался наотрез, кое-как объяснив, что вино и баранину надо прибереечь.

— Ну, Персей, веди! — крикнул Скампи, вскочив на коня и показывая собаке на землю.

Собака поняла, чего от нее хотят, и стала носиться широкими кругами впереди охотников, припнувшись то к земле, то к воздуху.

Лес стал гуще; чаще попадались сперва отдельные большие камни, потом из-под слоя сухого листа стал выступать каменистый грунт. Местность поднималась в гору; появились небольшие скалы, покрытые мхом, и неглубокие овраги, похожие на русла горных ручьев.

«Удивительная тишина в этих лесах, — думал Скампи. — Совсем нет птиц! Говорят, что весной здесь поют соловьи. А где же другие птицы? Может быть, их нет потому, что здесь слишком темно?»

Трудно было определить время, но однообразие медленного движения стало докучать Скампи. Чувство скуки передалось и лошади: она все чаще замедляла шаг. Собака продолжала напрасно кружить и наконец стала возвращаться к лошадям и поглядывать на Скампи, словно спрашивая, долго ли ей еще понапрасну бегать.

Когда они наконец выехали на обширную поляну, Скампи убедился, что солнце склонилось и времени прошло порядочно. Он даже хотел воспользоваться этим предлогом и круто повернуть в сторону дороги. Но внезапно произошло то, чего он меньше всего мог ожидать именно тут, на широко открытом месте.

Собака взвизгнула и, словно распластавшись по земле, стрелой умчалась к противоположному краю поляны. В несколько мгновений все изменилось. Вслед за этим раздался дикий свист Ачипая, и его конек в два прыжка догнал Персея. Серый жеребец Скампи тоже мотнул головой, прося повода, и ринулся за ним. Перед глазами Скампи один за другим по дальнему краю поляны промелькнули большой рогатый олень, собака и конек с Ачипаем. Началась отчаянная, опасная скачка между стволами деревьев и камнями под лай собаки и свист оргузия. Азарт охотников передался лошадям, словно они сами хотели во что бы то ни стало догнать оленя. Они легко перелетали через бурелом и кустарники, стремительно огибали скалы, взлетали на холмы. Несмотря на бешеный скачок коней, олень ловко уходил от них вперед, назад, вправо, влево, хитро запутывая следы. То видя, то снова теряя его из глаз, Скампи, не помня себя, весь отдался неистовому желанию загнать, затравить оленя. Ему хотелось свистеть, как Ачипай, но он не умел этого делать.

Скачка продолжалась долго, и Скампи стал замечать, что Персей то и дело вплотную подлетает к оленю. Уж не значит ли это, что олень сбавил ход, начиная уставать? Скампи не чувствовал усталости, и конь под ним шел тем же быстрым ходом, на туго натянутом поводе, но как-то странно то и дело застилало глаза и мелькала досадная мысль, что конь скорее устанет, чем олень.

Счастливым случаем разрешило сомнение: на повороте у скалы, на каменном грунте, олень оступился и, задержав этим свой бег, ринулся в сторону от настигавшей его собаки. Не рассчитав движения, он ткнулся головой в густую заросль высокого кустарника и запутался рогами в плетях плюща. В это мгновение собака яростно вцепилась зубами в его заднюю погу, и тотчас же две стрелы со свистом помчались ему вдогонку и глубоко вопзились в трепещущее тело загнанного животного.

Подъехав, охотники соскочили с коней. Скампи оттащил собаку, а Ачипай навалился на оленя и ударил его ножом в затылок. Барахтавшееся животное мгновенно затихло. Голова его беспомощно склонилась, по телу прошла последняя судорога, ноги вытянулись. Ачипай засучил рукава и, ловко действуя ножом, вспорол живот оленя. Скампи с отвращением зажмурился и отвернулся. Он слышал, как собака жадно чавкает, съедая выбрасываемые оленьи внутренности. Ачипай освежевал оленя и попросил Скампи помочь ему оттащить тушу в сторону, на свободное и чистое место; потом, связав веревками ноги оленя, продел между ними срезанную длинную и крепкую ветку бука.

Все время, пока оргузий с окровавленными по локоть руками молча и деловито хлопотал вокруг оленя, Скампи, которому возня с мертвым животным внушала только отвращение, стоял по-

одаль, сипной и Ачиную, возле лошадей. Он только сейчас заметил, как они тяжело раздвигают боты. Заметил он и наполняющую лес бесесую мгла, затиняющую дальние деревья. Он понял, что она-то и была причиной того неприятного ощущения в глазах, когда он мчался за оленем.

Темнеющая лесная глубь заставляла думать о приближении сумерек. Надо было торопиться, чтобы ночь не застала в лесу. По-видимому, и оргузий заметил это: он пристально вглядывался в даль, потом торопливо подходил к деревьям и проводил рукой по стволам. Увидев нагнетенную и неровную от мха сторону дерева, он показал на нее Скамни и объяснил, что надо двигаться в этом именно направлении.

Лошадей поставили одну за другой, а концы палки с оленьей тушей прикрепили к подпругам и так двинулись на поиски дороги.

На этот раз оргузий ехал впереди. Мгла, замеченная Скамни, быстро ступалась, и так же быстро становилось холоднее. Впереди не было видно деревьев — они появлялись лишь на близком расстоянии, возникая из мглистой пелены, затинувшей лес.

Скамни почувствовал усталость, сильное желание уснуть и задремал, укачиваемый равномерным ходом коня. Оргузий окликнул его. Скамни открыл глаза и недовольно нахмурил брови:

— Что тебе?

Ачинай остановил лошадь.

— Надо кушать, — сказал он, — пить вина. Тепло будет...

Спрыгнув с седла, Ачинай снял мешок и вынул из него остатки баранины и флягу с вином.

Подкрепившись, снова тронулись в путь тем же скучным шагом. Только собака, идя вдоволь наеживаясь оленьих внутренностей, весело виляла хвостом, то исчезая впереди в тумане, то возвращаясь к всадникам.

Ачинай остановил конька, уже несколько раз тыкавшегося мордой в деревья, и, спрыгнув с седла, привязал лошадь к дереву; потом ногами начал сребать в кучу сухой листвы, наломал веток и, выбив огнивом огонь, зажег костер. Поджав под себя ноги, Ачинай сел у костра и, протянув к нему руки, стал потирать их над огнем. Все с той же непроницаемой улыбкой он обратился к Скамни:

— Теперь можно спать: тепло будет.

Скамни лег по другую сторону костра, завернувшись в плащ. Собака улеглась рядом и заснула.

— Как ты думаешь, Ачинай, — спросил Скамни, — мы далеко от дороги?

Оргузий покачал головой:

— Кто знает! Будем слушать...

— А от Солдайи?

Ачипай молча пожал плечами.

Костер то затухал, заволакиваясь густым дымом, то снова вспыхивал. Ачипай подбрасывал ветки и длинным шилом помещивал угольки.

Подбитый мехом плащ и тепло от костра согревали, и Скампи закрыл глаза, но уснуть не мог. Он думал о том, как ди Негро сидит сейчас у своего каминя и как было бы приятно сытно поужинать вместе с ним, а потом лечь в свою мягкую постель. «Послушайтесь меня, это принесет вам пользу», — вспомнились слова ди Негро. Какая польза лежать вот так, на голой и твердой земле, рискуя схватить лихорадку! И обещанной консулом Ореады тоже что-то не видно, как и луны цирюльника. Вместо луны холодная мгла, вместо Ореады — оргузий.

Скампи приоткрыл веки. Ачипай, спрятав руки в длинные рукава халата, все с той же улыбкой смотрел на пламя, выбивавшееся из-под тлевших листьев и веточек, и мурлыкал что-то себе под нос, раскачиваясь взад и вперед. Это могла быть древняя песня его кочевого племени, могла быть и молитва богу огня или богу тумана. И Скампи подумалось, что этот длинный человек, наевшись холодной баранины и разложив костер, чувствует себя как дома и даже может напевать что-то. Его веревки, нож, шило и огниво — все пригодилось сейчас, а позолоченный меч и серебряный рог Скампи не нужны совсем. Да и безобразная, ушастая шапка Ачипая и его халат куда лучше дорогой беличьей шапочки и нарядного плаща...

Ленивые мысли Скампи, начавшего было уже дремать под однообразный напев оргузия и потрескивание горящих веток, были прерваны вздрогнувшей у его ног собакой. Она подняла голову, вскочила и насторожилась. Тонкий собачий слух улавливал какой-то звук, не слышимый людям. Скампи приподнялся на локте и стал прислушиваться. Ачипай встал и отошел от костра.

— Дорога близко. Надо идти слушать.

Скампи, обрадованный, вскочил на ноги. Теперь и он слышал далекое поскрипывание колес.

— Маджара, — сказал Ачипай.

Скоро охотники вышли на дорогу. Когда они были на опушке леса, Скампи заметил, что мгла несколько рассеялась, пронизывая расплывчатым зеленоватым светом, и уже ясно можно было различить камни, лежавшие у дороги. Ачипай начал разглядывать поверхность камней и гладить их рукой, как гладил в лесу стволы деревьев.

— Туда ехать, — сказал он, указав рукой за камни.

Скампи сразу стало весело от топота коней по каменистой дороге, от сознания, что дорога домой найдена. Теперь ему было все равно, близко ли, далеко ли они от Солдайи. Еще весе-

лей стало, когда по мановению волшебного жезла Селены¹ всё далеко вокруг осветилось блеском полной луны, стремительно несущейся среди легких, прозрачных облаков.

Ачипай привстал на стременах, потом протянул руку.

— Свет... окно... — сказал он и направился на огонек.

Это оказалась деревня, где и горел этот один-единственный огонек. На стук в калитку свет в окне погас, и долго никто не открывал. Наконец из-за калитки мужской голос спросил по-татарски:

— Кто?

— Открой и пусти путников, — ответил Ачипай.

Татарин провел их во двор, указал, куда поставить лошадей, где привязать собаку, потом повел в хижину и зажег светильник.

— Спроси его, далеко ли до Солдайи.

Татарин ответил, что день пути.

— Однако! Завел нас олень! — воскликнул Скампи.

— Пойду спать на дворе, — сказал Ачипай и, как всегда улыбаясь, вышел.

Глава XVII ПИСЬМО

Когда огонек светильника вздрогнул от закрытой Ачипаем двери и Скампи остался в пустой и холодной комнате, его охватило тревожное одиночество.

Он оглядел маленькую, низкую комнату. Кроме циновки, двух ветхих ковриков на земляном полу и длинной деревянной полки во всю обмазанную белой глиной стену, в ней ничего не было. На полке стоял медный светильник, глиняный плоский кувшин с выгнутым носиком и две низкие и широкие глиняные чаши. От конца полки свисали нанизанные на веревку стручки красного перца. Высокое и узкое решетчатое окно плохо пропускало дневной свет. Скампи заметил, что один из верхних углов окна был заткан паутиной; в ней висела высохшая, пыльная бабочка с черными и красными узорами на крыльях.

Он улегся на циновку и завернулся в плащ. Прошло достаточно много времени, чтобы он успел вспомнить и подробности удачной охоты (олень был крупный и, по-видимому, не особенно отощавший), и свое обещание Родольфо подарить ему окорок (за луну Родольфо вполне достоин такого подарка), и то, что дн Негро был прав, говоря о смене впечатлений (ту-

¹ Селена — в древнегреческой мифологии богиня, олицетворявшая луну.

ман, костер, теперь эта хижина); вспомнил он, конечно, и свою милую Геную, мысли о которой заставили мессера Джорджио сравнить себя с бабочкой в паутине...

Огонек светильника мигал, но не гас. Сквозь решетку окна пробрался луч лунного света и окропил пол прозрачными зеленоватыми пятнами. Послышался отдаленный звук, напоминающий скрип повозки, слышанный Скампи в лесу. Только теперь казалось, что повозка не одна. Потом звук этот стал приближаться. К поскрипыванию колес примешался конский шаг и еще неясный гул, словно по каменной дороге двигался большой обоз или отряд всадников.

Скампи встал и подошел к окну. Приблизив лицо почти вплотную к решетке, он силился разглядеть что-нибудь сквозь ее частые узорчатые завитки, но, кроме высокого черного тополя и большой мерцающей звезды, низко стоящей в небе, не увидел ничего. Зато все яснее и яснее слышались звуки, и наконец тишина была нарушена звонким лаем Персея, криком на него Ачипая, говором во дворе, шагами за дверью.

Скампи быстро вышел из комнаты. Холодная ночь спяла. Яркие пятна лунного света легли на стену сарая и верхний край забора; широкая тень от тополя протянулась поперек двора, сломавшись на белой стене дома. У сарая возился Ачипай, уговаривая собаку замолчать. В тени у калитки стоял татарин.

Теперь Скампи уже ясно слышал скрип колес, топот лошадей и людской говор. Все это приблизилось и сразу замолкло, только кто-то торопливо подходил по ту сторону забора. Ачипай прокрался к забору и, подтянувшись на руках, заглянул за него. Потом громко прикрикнул на собаку и, подойдя к Скампи, весело сказал ему:

— Много народ пришел... Свой народ!

В эту минуту в калитку постучали.

— Кто там? — крикнул Скампи и с радостным удивлением услышал ответ на своем родном языке:

— Откройте!

Осмелев окончательно, мессер Джорджио оттолкнул татарина и сам открыл калитку. Перед ним стояли двое. Один высокий, широкоплечий, другой низкого роста. Лиц рассмотреть было нельзя, тем более что они наполовину были закрыты низко надетыми меховыми шапками и широкими меховыми воротниками. Успевший промерзнуть Скампи был тоже плотно закутан в плащ, однако маленький человек легко распознал в нем итальянца и радостно воскликнул:

— Хвала всем святым! Я не знаю вашего имени, мессере, но увидеть наконец соотечественника после этого дьявольского путешествия... Да будет благословен этот единственный огонек, приведший нас сюда!.. Скажите, далеко ли еще до Солдайи?

Скампи ответил, что он, в свою очередь, обрадован такой неожиданной встречей и что до Солдайи, куда он и сам возвращается, день езды, если только верить вот этому татарину.

— Из ваших слов я понял, — сказал незнакомец, — что вы живете в Солдае и, судя по выговору, принадлежите не к простым людям. Каким же образом вы очутились в этом глухом селении?

Скампи пришлось объяснить причину, заставившую его очутиться в незнакомом ему деревенском доме.

— Чудесно! — воскликнул незнакомец. — В таком случае разрешите, мессере, мне и моему спутнику разделить с вами ночлег и завтра с утра отправиться вместе в Солдайю!

— Я буду очень рад, — ответил Скампи.

— Друг мой, — обратился незнакомец к своему спутнику, — распорядитесь привести наших лошадей и обоз сюда. Я буду ждать вас в этом доме.

Когда высокий человек ушел, незнакомец, идя со Скампи по двору, стал рассказывать:

— Мы выехали с ним вместе из столицы Московии три месяца назад. Это московит-купец. Он живет в Кафе, а сейчас едет по своим торговым делам в Солдайю. Мы подружились в дороге. Он говорит по-итальянски. Вы увидите, какой это прекрасный человек, и, если бы не он, я вряд ли имел бы удовольствие беседовать с вами. Я сейчас расскажу вам про наше проклятое путешествие, — проклятое, очевидно, по нашей с ним собственной вине!.. — Он остановился на пороге хижины. — Насколько мне известно, я должен снять сапоги, прежде чем войти в дом, чтобы соблюсти татарский обычай.

— Вздор! Входите так, — сказал Скампи, толкнув дверь и пропуская вперед незнакомца.

Светильник догорал тусклым огоньком. Лунные пятна на полу стали ярче и шире.

— Не снимайте вашей верхней одежды, — сказал Скампи. — Здесь очень холодно, тем более что сидеть можно только на этих дырявых циновках.

Незнакомец снял шапку и, пригладивая рукой темные волосы почти до плеч, расчесанные на прямой пробор, огляделся. На вид это был человек лет сорока. Его смуглое лицо было длинновато, с впалыми, плохо выбритыми щеками, тонкими губами и носом с горбинкой. Под густыми бровями темные глаза светились бодрой жизнерадостностью. Его веяло и от его быстрой, громкой речи и от быстрых движений.

— Здесь совсем не так плохо, мессере, — сказал незнакомец. — Сейчас мы достанем из наших выюков свечи, и вы увидите, что мы с вами незаметно дождемся утра, тем более что вы не откажете нам в удовольствии разделить с нами кое-какую

походную еду. Ведь, насколько я понял, с вами нет ничего, кроме сырой оленьины? — Он добродушно рассмеялся. — Не знаю, как вы, но я так промерз и так проголодался, что думать сейчас о сне... Да и стоит ли спать! Пусть уж наша с вами необычайная встреча завершится необычайным ужином, не правда ли?.. Единственно, чем я недоволен в моем москвите, это его крайней медлительностью. Вот и сейчас, например: куда, спрашивается, он запропастился?.. — Он подошел к окну. — Какая чудесная решетка! Она напоминает мне те необыкновенной красоты решетки, какие я видел во дворце татарского хана...

— Вы были у хана? — удивился Скампи.

— Да, весной. Я счал через Молдавию, а из Мопкастро¹ — на галере.

— Позвольте, мессере, узнать цель вашего столь опасного путешествия. А кроме того, назовите ваше имя, чтобы я мог знать, с кем говорю.

— В моем путешествии нет ничего необычного. Занимаясь живописью и архитектурой, я был приглашен в Венецию, к послу князя московитов, предложившему мне отправиться в их столицу, где сейчас работает немало таких, как я, итальянцев. Я встретил там и нашего удивительного маэстро Фиораванти, руководящего перестройкой главного собора, рухнувшего от землетрясения. Но когда я высадился с корабля на берег Газарии и собирался в свой дальний путь, я был перехвачен посланным от татарского хана, большого любителя искусств, давно уже занятого украшением своего дворца. Таким образом я очутился в Бахчисарае² и не сожалею об этом, потому что мое, правда очень краткое, пребывание там обогатило меня яркими впечатлениями и познакомило с чудеснейшими образцами восточного искусства. Кроме того, хан снабдил меня письмом к князю московитов. Благодаря ходатайству мессера Фиораванти мне, к счастью, не пришлось использовать это письмо в Москве, но на обратном пути оно не один раз спасало и мою жизнь и мое имущество. Что же касается моего имени, то, может быть, вы и слышали его когда-нибудь случайно: меня зовут Лоренцо Доменико Скруччи.

— Лоренцо да Сестри?! — изумленно воскликнул Скампи. — О! Никогда не встречаясь с вами, маэстро, я с детства знаю вас! У моего отца есть две ваши картины: святая мадонна с яблоком и хоровод нимф вокруг золоторогого оленя...

¹ Мопкастро — Аккерман.

² В романе смещены события, связанные с основанием Бахчисарая. Резиденцией крымских ханов до 1475 года был Солхат (Старый Крым). В начале XVI века с приходом хана Менгли-Гирея возникает новая столица — Бахчисарай.

— Позвольте, позвольте! — воскликнул художник, лицо которого тоже выражало полнейшее удивление. — Так вы сын мессера протектора Скампи, секретарь консула ди Негро?! Тот самый, из-за которого я... Хвала всем святым! Вот поистине необычайная ночь... Мессер Джорджиньо!..

Художник потряс обе руки Скампи, который решительно не мог понять, почему его имя привело в такой восторг маэстро Скруччи, и начал торопливо расстегивать шубу, потом синее полукафтанье и рыться в извлеченном из-за пазухи кожаном кошельке.

— Ведь я же... — продолжал взволнованно художник, — ведь я же только из-за вас и еду в Солдайю! Я поклялся мессеру Скампи. Вот его письмо к вам... Он просил меня непременно повидать вас и передать письмо лично вам — только лично вам... Вот, прочитайте! — И он протянул письмо.

Скампи тотчас же узнал розу и стрелу на щите отцовской печати. Он подошел ближе к светильнику и переломил восковой кружок. Отец писал:

«Мой дорогой сын!

Я не знаю, с кем и когда отправлю тебе это письмо, так как с тех пор, как морской путь в Газарию закрыт сарацнами, поездки туда совершаются все реже и реже, а отправка людей из нашего банка, по-видимому, будет прекращена совершенно: далекое путешествие по суше не оправдывает больших расходов на него, не принося никакой выгоды. Прошу тебя сохранить в тайне все то, что ты узнаешь из этого письма, написанного исключительно для тебя, мой дорогой сын, с желанием предупредить о возможной опасности, и чтобы ты сам, с присутствием тебе здравым смыслом, взвесил и рассудил, как надо будет поступить по долгу и совести...»

Скампи внимательно перечитал последнюю фразу, не обращаясь на шум в дверях и разговор вошедших в комнату и возившихся за его спиной людей. Он подошел к затухавшему светильнику и углубился в чтение.

«...Все говорит о том, — писал дальше отец, — что для Газарии скоро наступят тяжелые дни. Нам стало известно от наших людей, что военные корабли султана, в количестве не менее четырехсот, наполнены большим числом воинов, бомбард, довольствием и лошадьми и что недалек тот день, когда эта флотилия двинется к берегам Газарии. Мы переживаем сейчас горькие дни беспокойства, мрачной тревоги и позорной беспомощности перед лицом выросшего рядом с нами, на развалинах и пепле разрушенной им империи, хитрого, сильного и грозного врага, сумевшего воспользоваться нашей слабостью, искусно опутавшего своими коварными сетями, усыпившего наших беспечных представителей и, по-видимому, сговорившегося со сво-

им единоверцем — татарским хапом. А мы здесь теряем время в бесплодных спорах, ослабляющих, как всегда, наше единство, помешавших нам вовремя заручиться поддержкой сильных государств, окружающих Газарию. Время упущено. Ни оправдания всему этому, ни надежды на благополучный исход нет и быть не может. Светоч былой славы нашей Светлейшей республики, сиявший на весь мир, угас!

Мне больно и горько говорить тебе обо всем этом, мой дорогой Джорджно. Мне больно думать о тебе, далеко и одиноком. Мне горько сознавать, что я сам беспечно уговорил тебя уехать в Солдайю. Я знаю, что мессер Кристофоро не оставит тебя без своих разумных советов и помощи. В его лице ты нашел понетине второго отца, а я с гордостью сознаю, что мой сын, потомок Скампи и Дорна, с честью оправдает заботу и доверие благородного ди Негро, лучшего сына Генуи.

Повторяю, что пишу все это только тебе, и очень прошу тебя уничтожить письмо, как только ты его прочтешь. Помни, что враги наши имеют не только своих людей, но и друзей в пестром населении Газарии.

Я и твоя мать находимся в добром здоровье, занятые сейчас переездом в Сестри на лето. Мы шлем тебе наши благословения и любовь. Если будет случай отправить письмо, напиши нам о своем здоровье. Будь благоразумен и мужествен, неизменно обращаясь душой к твоему святому патрону и покровителю.

Писано в Генуе в год господень 1474 в двадцатый день февраля. Отец». Под этим было приписано:

«Если тебе понадобятся деньги, возьми их у купца Бернардо Квиниджи. У меня с ним давнишний счет».

Ничего неожиданного и нового для Скампи не было в этом письме, но оно с неумолимой несомненностью утверждало все выводы консула. Это были те же мысли, те же слова, но, в отличие от ди Негро, отец коснулся и самых глубоких тайников личных переживаний сына. Скампи еще и еще раз перечитывал слова: «...чтобы ты сам, с присущим тебе здравым смыслом, взвесил и рассудил, как надо будет поступить по долгу и совести...» Эти простые слова вновь разбередили душевную рану — причину тайных терзаний и бессонных ночей.

Скампи углубился в чтение письма и не заметил, что светильник давно погас и комната освещена двумя свечами в медном подсвечнике, поставленном на полу, у расставленных на пестром ковре оловянных тарелок с кусками жареной баранины, овощами, странного вида черными сухарями и козьим сыром. Посреди этих кушаний стоял большой пузатый кувшин чеканного серебра с носиком в виде петушиной головы и несколько серебряных ковшей с широкими, плоскими ручками. Когда Скампи наконец обернулся, выражение его лица

московит Андреа

еще несколько секунд напоминало лицо человека, только что очнувшегося от тяжелого сна.

— Вот, мессер Джорджио, жалкие остатки нашего дорожного запаса,— смеясь, сказал художник.— А вот это мой друг, мессер Андреа!

Скруччи указал на стоящего рядом с ним рослого, широкоплечего человека лет тридцати. Загар покрывал его красивое бритое, с небольшими усами лицо. Длинные русые, зачесанные назад волосы вились, закрывая уши. Под дугами густых бровей, сходящихся над переносицей, весело глядели светло-серые глаза.

На приветственный кивок Скампи московит ответил поклоном, по-восточному приложив руку к груди. Рядом со щуплой фигурой художника он казался великаном.

Несмотря на то что в прибрежных городах Газарии издавна было немало московитов, ведших оживленную торговлю, Скампи ни разу не приходилось видеть кого-либо из них, может быть потому, что за последние годы порт Солдайи, а с ним и город потеряли свое прежнее торговое значение, да и мессер Джорджио редко отлучался из крепости. Его очень удивило, что этот человек по своему облику, лицу и одежде напоминает красавцев рыцарей с картин Беноццо Гоццолли¹. Под шубой московита виднелось черное бархатное полукафтанье, перетянутое кожаным поясом с широкой медной пряжкой в виде головы льва. На поясе висели короткие ножны. Шуба с воротником куньего меха была такая же, как присланная ди Негро из Генуи. Удивил Скампи и прекрасный выговор, с каким московит обратился к нему по-итальянски:

— Я слышал много хорошего от моих друзей в Кафе о вашем начальнике, о прекрасных оборонительных качествах вашей крепости и о добром порядке, в ней заведенном. Мессер

¹ Беноццо Гоццолли — итальянский живописец эпохи Возрождения (XV век).

Кристофоро ди Негро славится по всему берегу своим умом и прямою, с какой он борется с незаконной жестокостью и лихоимством.

Скруччи предложил поужинать. Он и Скампи легли на циновки, опершись локтем на принесенные из вьюков художника подушки. Московит сел, скрестив по-татарски ноги, и Скампи заметил, что на них были только длинные меховые чулки.

Художник, уловивший взгляд Скампи, сказал:

— Вы удивляетесь, что на ногах моего друга нет обуви? Он оставил свои сапоги за дверью. Я делал то же самое, по его совету, всякий раз, когда мы попадали в дом к татарам, и только вы сегодня совратили меня!

— Я привык уважать чужие обычаи, — сказал московит, — тем более, когда это касается хозяина дома, где я гость. Я полагаю, что вы, мессере, были бы немало оскорблены, если бы приехавший в вашу страну иноземец не стал соблюдать ваши обычаи...

Московит говорил не торопясь, в его тоне не было ничего заносчивого, и Скампи не мог ничего возразить, но его все-таки кольнуло это разумное замечание и заставило затанцевать неприязнь к «этому московиту». Однако он ничем не обнаружил своих чувств и даже улыбнулся, пожав плечами. Ему теперь было не до этого: мысль об отцовском письме не покидала его и заставляла рассеянно слушать художника, рассказывающего про свое путешествие.

— Как я ехал до Мопкастро и по морю до Газарии, не представляет ничего интересного. Все шло довольно обычно, но чудеса начались для меня, как только я сошел с галеры. Я говорю, для меня, так как вам, вероятно, достаточно известны здешняя жизнь и здешняя природа...

Скампи кивнул головой, хотя за все время своей службы в Газарии вовсе не интересовался жизнью местного населения.

— Я утомлю вас, и без того утомленного, — продолжал художник, — если начну описывать свое пребывание в бахчисарайском дворце. Да, выразить всю сказочную красоту его может разве только искуснейший стих искуснейшего поэта или кисть великого мастера! Я хочу показать вам письмо, которым снабдил меня татарский хан, чтобы вы поняли, почему оно спасало меня. Мессер Андреа переведет.

И он протянул московиту небольшой свиток пергамента. Тот взял его и, постепенно разворачивая, стал медленно переводить, останавливаясь, чтобы взглянуть в замысловатую вязь арабских букв и подыскать итальянские слова:

— «Менгли-Гирея ханское слово. Великому князю Ивану,

брату моему, поклон. У меня, брата твоего, ярлык¹ взял Скруччи-мастер, не как иные мастера, много великий мастер. И теперь у тебя, у брата своего, прошу на того Скруччи-мастера, как на иных мастеров, не смотри, когда начнешь его жаловать, посмотришь на него милостивыми глазами и ради меня, брата своего, его почитаешь. Тогда меня почитаешь и мое, брата своего, слово почитаешь, иноземца Скруччи пожалуешь, как знаешь.

С печатью моего перстня и синей лентой я послание это отправил года 850. Писано в счастливом Сарае».

— Теперь вы понимаете, — сказал художник, протягивая руку, чтобы взять свиток, — что все эти похвалы мне, за печатью самого хана, производили необходимое впечатление. Леса Московии и степи Татарии кишат всякими молодцами, а непролазная грязь глухих лесных дорог облегчает нападение, как и совершенно открытая, голая степь.

Туго свернув свиток, художник бережно уложил его в кошелек.

— Я буду хранить это послание как амулет, спасавший меня от всякого рода пренеприятных происшествий... Давайте допьем остатки нашего дорожного запаса вина. Не подумайте, мессере, что оно татарское, — это настоящее кипрское, вывезенное венецианцами в Московию.

Скруччи разлил вино по ковшам и, подняв свой, воскликнул:

— Я предлагаю выпить за нашу необычайную встречу, за ваше преуспевание и благополучие и за нашу милую Геную!

Осушив ковш, художник поднес его ближе к Скампи:

— Взгляните, мессер Джорджио, на эту работу московитских чеканщиков. Уверяю вас, что любой флорентийский мастер мог бы позавидовать такой тонкой работе и такой орнаментовке... Дорогой Андреа, придвиньте нам тарелку с сыром — надо, чтобы мессер Скампи попробовал это чудо татарской кухни... Но вы мало пьете, мессер Джорджио. Может быть, кипрское вам не нравится?

— Что вы! Прекрасное вино! — ответил Скампи.

— В таком случае мне кажется, что вы устали от охоты больше, чем мы от нашего трехмесячного путешествия.

— Что вы, что вы, ничуть!

Скампи притворялся: он действительно устал, а главное, был не на шутку расстроен письмом отца, мысли о нем не давали ему покоя.

— Я хочу, маэстро Лоренцо, — сказал он, — чтобы вы скорее рассказали мне о вашем путешествии. Несмотря на погоню за

¹ Ярлык — грамота или письменное распоряжение татарского хана.

оленим, я успел поестъ и тоже пил вино, правда не кипрское, а солдайское, но, поверьте, не хуже вашего.

— Охотно верю, — сказал Скруччи, — и знаю, что Солдаия славится хорошим вином. А уж если вы так ждете моего рассказа, то, чтобы продолжить наш разговор о еде и вине, я расскажу вам, как меня угощали в Москве.

Он налил себе еще вина, отхлебнул глоток и начал рассказывать:

— Вам, вероятно, известно, мессере, что в Москве имеется довольно много итальянцев. Это все венецианцы, ухитрившиеся раньше нас добратся до Московии и пустить там корни. Они устроились прекрасно, выстроили себе дома, приобрели землю, успешно торгуют, работают, обзавелись и своей капеллой и претолстым капелланом — веселым малым, не унывающим, как я мог убедиться, ни от холодной зимы, ни от оторванности от родины и уживающегося даже с греческим духовенством москвитов. Правда, он поглощает очень много вот этого самого кипрского, которое и посоветовал мне взять, когда я отправлялся в обратный путь.

Так вот, одно из этих венецианских семейств и приютило меня, забыв наши исконные распри. Очевидно, чужой и далекий край, совсем чужие люди способствуют объединению соотечественников. Эти же венецианцы и руководили мной в моих московских похождениях.

Однажды они повели меня посмотреть на московитскую свадьбу. Это было возможно только потому, что глава моей венецианской семьи был в самых тесных торговых отношениях с семьей жениха. Кстати говоря, там-то я впервые и познакомился с мессером Андреа, который может подтвердить, как мы с ним тогда весело провели время!

Русский улыбнулся, кивнув головой.

— Напомните мне, мой дорогой, каким смешным словом вы называете свадебное угощение?

— Каша, — ответил русский.

— Да-да, — засмеялся художник, — каша, каша! Это было чуть ли не на третий или четвертый день моего приезда.

Надо вам сказать, что с первого же дня, когда я приехал в Москву, меня поразили внешний вид города, его обширность, обилие рек, рощ и садов. Он прекрасно расположен на высоком холме, окруженном реками. Башни и стены крепости из белого камня красивы и внушительны. Какие там чудесные церкви! Какие постройки княжеского двора и всяких знатных особ!

Надо признаться, что у нас почти ничего не знают о Московии и ее населении. При редких упоминаниях о ней нам мерещится запесенная снегом, вечно холодная и дикая страна. Наши кафеские купцы и наши посольства привозят нам шны

сведения об этой стране, по их рассказы не доходят до нас, обыкновенных людей.

Вот так и я ехал туда, волнуясь при мысли, что мне придется столкнуться с чем-то неведомо страшным, жить в жутком холоде и первобытной обстановке. Каково же было мое удивление, когда начиная с первых дней моего путешествия на север до самой Москвы и все лето там было тепло, а временами даже жарко. Что же касается москвитов, то они оказались самыми обыкновенными людьми, каких у нас множество.

Своеобразие внешности простого народа и большинства знатных людей, с их светлыми волосами и густыми бородами, медленной, нараспев речью и неторопливостью движений, конечно, отличает их от нашего народа, но они жизнерадостны, гостеприимны, очень способны к разным ремеслам. Торговля у них оживленная, множество промыслов и, наконец, большой талант в искусствах, что приближает их к нам.

Благодаря тому же мессеру ФIORаванти, к которому великий князь и его приближенные относятся с большим уважением, я проник в дома к знатым людям и увидел среди них мужчин и женщин, выглядевших и одетых по-нашему, с той только, пожалуй, разницей, что не многим из наших синьоров и синьор доводится носить такие роскошные меха и ожерелья из таких крупных жемчужин, изумрудов и рубинов.

Я беседовал с ними при посредстве приставленного ко мне грека-переводчика и узнал, что в Московии имеется много школ, где обучают чтению, письму, счету и даже лению, и что мои знатные знакомые знают изречения из Плутарха, Геродота, Сократа, Аристотеля и Платона, прекрасно осведомлены о жизни и нравах своих северных и западных соседей и даже нашей страны, во сто раз лучше, чем ломбардец — о Генуе или венецианец — о Флоренции. Тут я понял, что мы ровно ничего не знаем о москвитях и в их глазах должны выглядеть большими простофилями...

— Маэстро, — прервал его русский, — мы знаем больше о вас, чем вы о нас, это верно, и знаем, что вы не простофили. Мы кое-чему у вас научились себе на пользу, кое-что и сами знали. Вот слышал я, что ваш мастер великий, про которого вы всё поминаете, поехал во Владимир и Новгород глядеть, как там соборы нашими каменщиками сложены. Он и московских каменщиков похвалил. Вы говорили мне как-то о землетрясении. Я тогда в Москве не был, не знаю, а рассказывали мне, что собор рухнул оттого, что наши плохо известь развели.

— Это верно, — сказал Скруччи, — известь была плоха, однако, я знаю, в других городах у вас есть прекрасные мастера, и мессер ФIORаванти действительно собирался поехать посмотреть соборы... Вот вам, мессер Джорджо, живой пример мо-

сковитской скромности. Они все так же: любят свою страну больше, чем мы нашу (мы больше кричим о любви к ней!), а все как будто стыдятся признаться в этом... Давайте, мессере, допьем вино, и я вернусь к рассказу о московской свадьбе.

Налив себе последним вина, Скруччи держал над ковшом опустошенный кувшин.

— Пусть он будет осушен до дна, — смеясь, сказал он. — Я хочу выпить за здоровье моих добрых венецианцев. Это тоже преимущество Московии: у себя на родине я не так-то скоро дождусь, чтобы венецианец преподнес мне бочонок кипрского!.. Куда вы, Андреа?

Русский встал:

— Хочу посмотреть, не светает ли.

— Вы думаете, нам пора ехать?

— Не знаю, в окне еще будто темно. Выйду посмотрю, кормлены ли лошади.

И он вышел.

— Мне кажется, мессер Джорджиньо, что я догадываюсь о причине вашего плохого настроения: тоска по родине, вызванная письмом мессера протектора?

— Я просто устал: охота, бессонная ночь... Вздор, пройдет. — Скампи встал и, потянувшись, подошел к окну. — А и в самом деле! Луна куда-то исчезла, а небо белеет. Пора собираться. Не ночевать же нам еще раз у татар!

Дверь открылась; за ней стоял москвит. Он был в высоких меховых сапогах.

— Пора ехать, мессере, — сказал он. — Лошади накормлены и напоены. Хозяина надо бы отблагодарить...

— За пустую, холодную комнату и луну в помощь светильнику! — сказал Скампи, презрительно усмехаясь.

— Маэстро Лоренцо, — сказал русский, — захватите кувшин, тарелки, подсвечник и подушки. Я не хочу входить в сапогах.

— А ваш ковер? — крикнул Скруччи вслед уходящему москвиту.

Тот, не оборачиваясь, махнул рукой.

Глава XVIII

СКРУЧЧИ ПРОДОЛЖАЕТ РАССКАЗЫВАТЬ

Утро было холодное и тусклое. Татарин молча проводил иноземцев до калитки и защелкнул ее у них за спиной.

Ачипай держал под уздцы лошадей и собаку на поводке. Увидев Скампи, Персей завилял хвостом; радостно приложив уши, он визжал, тянулся, становясь на задние лапы. Оргузий

объяснил, что оленя он погрузил на повозку. Поодаль на вороном коне сидел москвит, держа в поводу небольшого пегого длинногривого коня. Указывая на него, Скруччи сказал:

— Я предпочел пересестъ на эту лошадедку, когда дороги стали каменисты, боясь, что мне окончательно изобьет бока и растрясет внутренности, сильно пострадавшие на ямах и колеях. Хотя нужно отдать справедливость московским повозкам, что они отлично приспособлены для такого рода путешествий.

За верховыми лошадьми стояли три широкие и длинные крытые повозки в две и три лошади и пять лошадей с большими, туго набитыми выюками. У повозок стояли люди.

Сев на своего жеребца и взяв на поводок собаку, Скампи первым поехал вперед, сопровождаемый оргузином. Он слышал, как за ним двинулся обоз, наполнив мгlistую даль выкриками людей, скрипом колес и топотом лошадей. Скоро его догнали и поехали рядом с ним Скруччи и москвит.

Ехали молча вдоль длинных заборов, хижин и тополей, серыми призраками охраняющих спящее селение. Луна была где-то высоко, за туманным пологом облаков. Все вокруг было однообразного белесоватого цвета, без теней. Скампи плотнее закутался в плащ. Ему было досадно, что из-за Скруччи и москвита с их обозом ему придется весь путь ехать шагом — ведь без них он, наверно, к полдню был бы дома. Жеребец под ним горячился. Это тоже злило Скампи, который с удовольствием пустил бы его вскачь.

Первым нарушил молчание Скруччи:

— Вот совсем в такое же туманное утро мы подъезжали к перешейку, соединяющему Татарню с Газарней. Такие же облака закрывали луну... Помните, Андреа? У нас был большой караван. Лошадей было, кажется, больше ста.

— Сто восемьдесят, — сказал русский.

— На лошадях были выюки со всевозможным товаром: мехами, кожей, сукном. Повозки, люди. Кроме меня и моего друга, все направлялись в Кафу.

Благоразумные люди, как мне говорили в Москве и в чем я теперь сам убедился, пускаются в этот путь ранней весной: тогда и погода лучше и в степи еще не так много кочевников. Идут и посольские караваны с хорошей охраной. К ним присоединяются торговые. И вот целый город на колесах — с оружейниками, кузнецами, шорниками, портными, поварами, пекарями и даже священниками и продовольствием на два месяца — движется из Москвы в Кафу. Тысячи лошадей и множество людей. Нужен уж очень большой отряд, чтоб помериться силами с таким караваном.

А мы, легкомысленные и самоуверенные, двинулись осенью,

когда уже начали желтеть леса Московии, а к устью Борисфена¹ подошли в снежную метель. Этот путь короче, но дороги там давно заброшены и глухи, теперь подъезжают к Газарии с востока. Мы и этого не приняли во внимание, поэтому и едем третий месяц. И лошади устали, и люди.

И вот, в такое же утро, когда мы были у самого перешейка, а накануне уже различали лагуны Гнилого моря², когда еле засветлело и завеса мелкого снега застилала все вокруг, с двух сторон нашего каравана, только что двинувшегося после холодной и сырой ночи, как из-под земли возникли всадники, человек двадцать. С дикими выкриками и свистом они бросились на нас. Вы не можете себе представить, мессере, что это было! Поднялась такая сумятица, такой крик, треск, лязг! Все было смято в несколько мгновений. Трещали оглобли и колеса, лошади металась в испуге из стороны в сторону и уносились в степь. Люди кричали, стреляли из луков, дрались.

Я не могу причислить себя к трусам и еще менее — к верным сынам церкви, но тогда я начал молиться всем святым, имена которых я только мог вспомнить. Должен признаться, что кто-то из них, очевидно, сжалился надо мной, так как в самый разгар схватки повозка, на дне которой я лежал, спрятавшись под мешком для сиденья, опрокинулась и захлопнулась надо мной, как крышка. Лошади, по-видимому, умчались одни, а я лежал в полной тьме, невредимый благодаря мешку, который теперь очутился подо мной, или заступничеству одного из святых отцов. Так или иначе, я сообразил, что полбеда уже миновало.

До моего слуха долетали еще крики и шум борьбы; в покрывавшую меня повозку что-то стучало. Потом крики и шум смолкли, и остался только глухой говор, то удалявшийся, то приближавшийся. Наконец и он почти затих, и я начал различать отдельные разговоры, вернее, споры, так как они были полны сильных, гортанных выкриков, вероятно принадлежавших татарам.

Я пролежал так довольно долго, пока не узнал голос Андреа совсем близко от меня. Я набрался храбрости, громко позвал его и тотчас услышал возню. Одна сторона моей «крышки» приподнялась, и я увидел три пары ног, на одной из которых узнал меховые сапоги моего друга. Обретя вновь в полной мере присущую мне смелость, я руками и головой уперся в дно повозки, помогая моим спасителям, а затем, уподобляясь лягушке, вылез наружу. Вид у меня был, вероятно, самый живописный и вместе с тем довольно страшный, шапка моя осталась под повозкой,

¹ Борисфен — древнее название Днепра.

² Гнилое море — Сиваш у Перекопского перешейка, в Крыму.

волосы закрыли лицо, и весь я был в куриных перьях и пуху из прорвавшегося мешка...

Скампи не удержал улыбки, а русский, смеясь, прервал рассказчика:

— Вы так рассказываете, что мессер секретарь может подумать, что нам с вами тогда было очень весело!

— Мой дорогой, — возразил Скруччи, — всегда бывает так, когда человек избежит крупной неприятности. Все страшное кажется позабытым, и остаются одни веселые воспоминания. И хвала всем святым, что мы созданы именно такими! Если б было наоборот, мы к старости изнемогли бы от слез, которые лили бы с утра до ночи... Взгляните, мессер Джорджио, как красиво!

Скруччи протянул руку, указывая на вершину далекого холма, освещенную лучом восходящего солнца.

— Природа положительно решила сопровождать мой рассказ, потому что, когда я вылез тогда из-под повозки, солнце совсем так же, как и сейчас, посылало первые лучи. Передо мной стоял Андреа, а с ним два презлющих узкоглазых и скуластых татарина в пестрых халатах, с кривыми мечами в руках и луками за спиной. Один — молодой и высокий, с лицом разбойника, другой — маленький старик с редкой белой бороденкой и гнилыми зубами, с лицом, похожим на высохшую, сморщенную винную ягоду.

Я согласен, что ничего смешного в нашем положении не было, особенно, когда я увидел, что лицо и руки моего друга испачканы грязью и кровью, а одежда на нем висит лентами, и узнал от него, что татары хотя и потеряли половину своих людей убитыми и ранеными, но и нашему каравану нанесли значительный урон. Мой друг сказал мне, что татары отпустили часть каравана, идущего в Кафу, взяв в качестве выкупа двадцать пять лошадей с товаром и несколько повозок с людьми — как невольников. А нас они отпускать не хотят, не веря, что мы идем в Бахчисарай.

«Эти разбойники, — объяснил мне Андреа, — подданные Менгли-Гирея, и надо им показать его послание». Я не замедлил достать послание и вручить старому татарину. Он долго разбирал написанное, разглядывал, щупал печать, долго о чем-то тихо совещался со своим товарищем и наконец, возвращая мне мой «амулет», торжественно заявил, что мы должны возблагодарить аллаха и облобызать следы хана, одарившего нас своими милостями. А он, мол, верный раб своего властелина, на этот раз прощает нас и дарует нам свободу, однако приказывает оставить в его пользу одну из четырех наших повозок и двух лошадей с вьюками. Мы были довольны, что, по крайней мере, он оставил нам наших людей, и поторопились

двинуться в путь. Когда же я обернулся к моей спасительной повозке и увидел, что она вся истыкана стрелами, я последовал совету «винной ягоды» и возблагодарил аллаха как умел. Андреа прав: все это было вовсе не так смешно!

Художник добродушно смеялся, похлопывая рукой по шее своей пегой лошади. Солнце выходило из-за гор. Туманная мгла раннего утра исчезла. Вся даль вокруг приобретала ясность очертаний. Горы, холмы и леса выступили из голубой дымки в перемежающихся полосах света и тени.

— Прекрасный день! — воскликнул художник. — Чем дальше я еду в эту часть Газарии, тем больше меня удивляет отличие ее природы от окрестностей Бахчисарая. Так все это близко — и так разно! Природа здесь суровее, но прекрасна по своему. Посмотрите на эту странную, волнистую округлость гор. Это поистине чудесно! А небо, взгляните: и помину нет об облаках, пугавших меня непогодой. Все дело портит только это бледнолицее, косое существо, продолжающее неизвестно зачем торчать на небе днем. Насколько оно красиво и необходимо ночью путникам и влюбленным, настолько оно никому не нужно и безобразно сейчас...

Болтовня художника не возвращала хорошего настроения, и Скампи хотелось как можно скорее вернуться в Солдайю и остаться одному. Мысль о том, что художник должен будет пробыть в крепости по крайней мере дня два и что ему, секретарю консула, надо будет заботиться о госте и, что еще хуже, развлекать его, раздражала Скампи.

Солнце стояло высоко, когда они въехали в селение и остановились на площади у мечети, где был фонтан. Вдоль забора лежал толстый сухой дубовый ствол, на который и сели Скампи, Скруччи и русский.

— Мне думается, — сказал художник, — что сейчас полдень. Теней почти нет... Какая тишина и безлюдье в этих селениях! Словно все вымерли.

— Здесь даже воробьев нет, — усмехнулся Скампи.

— Я попробую разыскать кого-нибудь, — сказал русский, — и узнать, сколько осталось до города. Может быть, раздобуду язымы и сыру.

Он встал и пошел к ближайшей калитке. Кто-то открыл ему, и калитка за ним закрылась.

— Я не могу как следует разобраться в характере москвитов, — сказал художник. — В них странно сочетается медлительность с деловитостью, грубоватость, примитивность — не дикость, а именно примитивность — с высокими душевными качествами. Мой Андреа не в пример: это человек, много лет проживший в Кафе, среди итальянцев и других людей Запада. Манерой одеваться по-настоящему и держать себя, знанием

языков он обязан нашим кафским купцам и юбилям. То же можно сказать и про знатных московитов: они общаются с иностранными послами и читают книги. Это касается их внешнего облика и лоска. Но возьмите их живопись и архитектуру. Взяв многое у греков, а через них и у нас, они создают из этого свое собственное искусство. Причем фундаментальность сочетается с поразительной легкостью, трагичность образов — с тихой сердечностью. Удивительная вещь! Я видел работы мастеров из совсем простого народа. Люди грубые внешне создают глубочайшие по мысли образы, тончайшие орнаменты!..

Я хотел вам рассказать про свадебное торжество. Это было, правда, у очень богатых купцов, тоже побывавших в Кафе и ведущих торговлю с венецианцами, но там было много разного люда. Не говоря о стариках, почти все мужчины были бородатые, и почти все были в тяжелых парчовых халатах, у некоторых даже с меховыми воротниками, и в круглых шапочках, как у татар. И это несмотря на летнее время, на ужасающую духоту из-за бесконечного числа свечей на столах и горящих лампад перед изображениями святых в углу комнаты.

Вилки и ножи были разложены по расшитой шелками скатерти только в виде особой роскоши, в знак богатства хозяина и его знакомства с нашими обычаями. Куски жареного мяса и дичи брали просто руками. А баранина, говядина и рыба — все шло вперемешку со всякого рода соленьями с чесноком и уксусом, сушеными фруктами и облитыми медом орехами. Множество было всяких хлебцев из сладкого теста с медом и всевозможными пряностями. А пили хлебное вино с изюмом и вареный мед, очень вкусный, сладкий и крепкий. Его разливали ложками и пили из огромных чаш. Нам, иностранцам, любезно подали того самого кипрского, которое вы попробовали сегодня ночью.

Конечно, ни при каких религиозных обрядах мы не присутствовали — это считалось бы осквернением их церкви и оскорблением их убеждений, — но мы видели, как старухи, в золоченых парчовых шапках и коротких парчовых кафтанчиках, отороченных мехом, надетых поверх длинных и широких платьев, с нарумяненными щеками и наведенными бровями, под веселые, очень странные напевы девушек, тоже нарумяненных и с лентами всех цветов в длинных косах, осыпали жениха и невесту хмелем, дарили им полотенца, украшенные кружевами и лентами.

К нам отношение всех было равным, а сам хозяин был просто исключительно вежлив и радушен... Смотрите, Андреа что-то раздобыл! — перервал себя художник.

Русский вышел из калитки, неся в руках глиняный кувшин и кусок сыру. Через плечо у него висело вышитое по

— Наз
А вот это.
с вами ра
будь...
Он сн
Тот ве
— О
Посудите
шапку, у
шляпе, по
вот это!
Русск
— В
дать обы
и в этом
мать пода
няв этот
рии: куп
татарами,
о Москве.
продать м
— О!
мессер Д
И какая п
Отведя
чи наклон

Татаренок

концам полотенце. За ним шел бо-
соногий мальчуган в пестром сте-
ганом халатике и барашковой
круглой шапке, оттопырившей ему
уши. Мальчик нес кружки и нож.

— Вот все, что я мог до-
стать,— сказал русский.— В доме
никого нет, кроме вот этого татар-
чонка. Его отец уехал продавать
что-то в город и оставил его за хо-
зяина. Мальчик не пугливый и
смышлелый, и мы с ним живо
сговорились. Вот, мессере, буза —
это просяное татарское пиво —
и немного овечьего сыра. У нас
еще остались сухари.

Он поставил кувшин у пог-
сидящих, на ствол поставил
кружки, рядом положил сыр и
нож.

— Назарка!..— крикнул он в сторону людей у повозок.—
А вот это, маэстро, примите от меня в подарок. Ведь сегодня мы
с вами расстанемся и, бог весть, встретимся ли еще когда-ни-
будь...

Он снял с плеча полотенце и передал его Скруччи.

Тот вскочил:

— О Андреа, мне стыдно принимать от вас опять подарок!..
Посудите, мессер Джорджио: в Москве он мне подарил вот эту
шапку, увидав, что я пускаюсь в путь в моей венецианской
шляпе, по дороге—прекрасный сарацинский кушак, а теперь—
вот это!

Русский смеялся.

— Вы говорите,— сказал он,— что я заставляю вас соблю-
дать обычай чужеземцев и вы мне подчиняетесь, так будьте
и в этом случае послушным: у нас в Московии принято прини-
мать подарки, чтобы не оскорбить дарящего. Кроме того, при-
няв этот подарок, вы сохраните память о нашем пути по Газа-
рии: кушак напомнит вам о нашем сражении со степными
татарами, которые вели себя не хуже сарацин, а шапка —
о Москве. Но вот что навело меня на мысль уговорить мальчика
продать мне полотенце. Взгляните на эту вышивку.

— О! — воскликнул художник.— Галера!.. Посмотрите,
мессер Джорджио, наша галера! Паруса, флаг!.. Изумительно!
И какая простота изображения!

Отведя согнутую руку, на которой висело полотенце, Скруч-
чи наклонил голову набок и любовался красно-синим узором.

— А вы говорите, мессер Джорджио, что татары Газарии нас не любят. Эта галера красноречиво опровергает ваши утверждения. Отныне я друг татар!

Скампи, выжав из себя улыбку, поднял плечи.

— А вас, Андреа,— воскликнул художник,— позвольте обнять!..

Один из обозных, высокий, с густой бородой, торчащей из-под повязанного вокруг шеи платка, в нахлобученной на уши волчьей шапке и длиннополом кожаном, подпоясанном широким матерчатым кушаком, с заткнутым за него кнутом и кривым татарским ножом, в огромных кожаных рукавицах, принес два мешка: один — за плечом, тяжелый, другой, небольшой, — в руке. Московит взял мешок у него из руки.

— Вот и сухари,— сказал он.— А это оплата хозяину: немного овса и свечи.

И он сказал что-то обозному, указывая на мальчика и на калитку. Человек понес мешок к дому, мальчик побежал вперед.

Завтрак прошел под несмолкаемую болтовню художника, восторгавшегося и просяным пивом, и башней минарета, и сводом дверей мечети, которые он, подойдя, даже ощупал рукой. Скрутки рассказывал про обилие московских рынков, про волков, утащивших ночью из каравана лошадь с вьюками, про красоту московских женщин, одетых в алый бархат, про красивые сапоги мужчин и про соколиную охоту на заливных лугах под Москвой.

Он говорил бы еще долго, если бы московит не показал ему на Скампи и на солнце, ушедшее за тополь.

— О, вы заснули, мессер Джорджио! — сказал художник.— Это от пива. Я думаю, нам пора собираться.

Дорога вела то вдоль виноградников, спускавшихся в долину, то вдоль однообразно белых заборов молчаливых селений. Когда выехали из леса, впереди во всю ширь открылась долина. Дорога вилась далеко вниз.

Скампи отпустил Персея. Тот обрадовался свободе, благодарно взглянул на Скампи и, взвизгнув, умчался далеко вперед.

— У нас таких красивых собак нет,— сказал русский,— а все больше маленькие и лохматые, на медведей ходят, лаем их из берлог выманивают, а дворовые псы — самые обыкновенные. Рассказывали мне, что у великого князя и у бояр его ближних есть заморские собаки, только я их не видел...

Долго ехали молча. Солнце уходило за синеющую вдали вершину горы, остроконечной шапкой венчавшую цепь холмов на западе. Было безлюдно и тихо. За все время повстречалась только одна скрипучая мажара со спящим в ней человеком.

— Не отец ли это того татарюпка? — сказал русский.

Откуда-то повеял ветерок. Солнце ушло за гору, и большое облако пламенело над ней. В глубине долины быстро стал сгущаться сумрак. То там, то сям появлялись огоньки. Они мигали, словно перебегая с места на место.

Больше воображением, чем глазами, Скампи угадывал дома и кровли церквей и мечетей. Он приподнялся на стремянах и стал жадно вглядываться. Коню передалось волнение всадника, и он тянул повод. Скампи с трудом удерживал его.

— Су-Даг! — услышал Скампи за своей спиной радостное восклицание Ачипая.

В эту минуту на поблдевшем небе появился силуэт двух башен крепости. Скруччи восхищенно вскрикнул и пустился вновь в свои разглагольствования. От города тянуло дымом, и слышался лай собак.

Когда подъезжали к стенам крепости, раздался звон колокола. Скампи снял свою беличью шапочку и перекрестился. Русский тоже снял шапку. Не заметивший этого Скруччи продолжал болтать, потом, взглянув на русского, спохватился, сорвал с головы шапку и, прижав ее к груди, быстро зашептал:

— Ave Maria! Ave Maria! Ave Maria!..

Глава XIX

КЛЯТВА ГИБЕЛЛИНА

Опасения Скампи не оправдались: художника развлекать не пришлось — он с утра до вечера один бродил по берегу моря, по городу, а вечером делал зарисовки для портрета консула. Так продолжалось четыре дня, пока шли сборы торгового каравана, направлявшегося в Венгрию, с которым и ехал Скруччи. Все хлопоты по отправке художника были поручены консулом помощнику коменданта. Таким образом, Скампи был совершенно освобожден от пугавших его забот и виделся с художником только за ужинами у консула. Все четыре дня он посвятил обдумыванию и написанию ответного письма отцу. Это было мучительно: написанное днем он передумывал ночью, исправлял и переписывал с утра, а следующей ночью снова изменял. Черновики письма покрывали стол, кресло, лежали на полу. Не успев иногда додумать какую-нибудь фразу, Скампи брал недописанный лист вместе с деловыми бумагами на заседание комитета и писал там. Наконец скрепя сердце Скампи запечатал свиток печатью консульского управления и только после этого решился исполнить приказание

отца. Когда он поднес письмо к горевшей свече, рука дрожала.

К консулу он вошел бледный, с красными, словно от слез, глазами.

Появление секретаря вечером в комнате консула, обычное за эти дни, не прервало ведшегося там разговора. Только ди Негро, сидевший на своем обычном месте, у камина, на мгновение поднял глаза и внимательным взглядом проводил Скампи, который, стараясь не помешать беседовавшим, прошел, осторожно ступая, за спиной рисующего художника и сел на ларь в углу за камином.

— Насколько я понимаю, ваша милость, — как всегда громко и быстро говорил Скрутчи, — наши дела в Кафе идут из рук вон плохо.

— Не только в Кафе, — сказал ди Негро.

— Но, ваша милость, вы могли бы указать правителю на его ошибки. Кто, как не вы, с присущим вам мужеством, при доверии, оказываемом вам протекторами, мог бы повлиять на ход событий, спасти положение...

— Поверьте мне, маэстро, что мой голос никем услышан не будет. «*Vox clamantis in deserto*»,¹ — с горькой усмешкой сказал консул. — Что же касается протекторов, то они не знают или просто не хотят знать о том, что происходит у них в капитанстве Готии². А наши торговцы заботятся о своем кошельке — им мало дела до силы и доброго имени Светлейшей республики. Что им! Любая выгодная сделка с кем бы то ни было им дороже благополучия и славы родины. А мы были и остались — бедальновидными...

Сто лет назад Кафа снабжала нашими людьми и нашим оружием татар, идущих против московитов. А чем это кончилось? Полным разгромом. Уже тогда было ясно, что на севере родилось новое, сильное государство, с огромными природными богатствами, и, заметьте, государство, связь которого с Газа-

¹ «Глас вопиющего в пустыне» (лат.).

² Капитанство Готии — так генуэзцы называли ту часть Крыма, на которую распространялась военная власть консулов.

рией на триста лет старше нашей. Мало того, руссы заселяли эту страну более трех веков и только под натиском татарских войск покинули побережье, уйдя в горы и степи. Согдаия носила русское название и была крупнейшим местом торговли, а море называлось Русским. Московиты считают Газарию своей землей, надежды на возвращение ее себе не угасают в их сердцах. Разве, учтя все это, не следовало бы заключить союз с князем Москвитин? Это дало бы нам множество выгод.

Вместо этого мы занимались воспитанием молодого принца Менгли-Гирея, окружив его воспитателями и учителями. Сколько соммов ушло на содержание математиков, философов, музыкантов, юристов! Сколько было потрачено на празднества, когда Менгли-Гирей, уже как властелин, въезжал на белом коне в Кафу! И что мы за все это получили? Возобновление прежних арендных договоров и трактат с татарами о вечном мире и взаимной защите. Это на бумаге, а на деле — коварного лжесоюзника.

А брак великого князя Москвитин с византийской принцессой, устроенный святейшим престолом¹ при посредстве тех же венецианцев, — разве не мудрый ход для заполучения союзника против сарацин? И эту сделку мы упустили из своих рук, а кто, как не мы, в первую голову нуждается сейчас в таком союзе?.. Нет, мессере, убеждать и учить разуму таких людей — напрасная трата времени. Да и поздно теперь, даже если бы мы вдруг стали разумными. Разум против силы — ничто.

Художнику, видимо, не понравилось, как насупились брови ди Негро; складка между ними стала глубже, голова старика склонилась. Скруччи поспешил заговорить в веселом тоне:

— Между прочим, перечисляя выдающиеся качества князя Москвитин, маэстро Фиораванти рассказывал мне про него и много смешного. Например, когда князь посылает в подарок иностранным послам к их столу баранов, он требует, чтобы шкуры были возвращены, и строго следит, чтобы они сохранялись в его кладовых.

— Хороший хозяин, — сказал ди Негро.

— Он любит лошадей и охотничьих птиц, но больше всего — драгоценные камни, которые скупает в большом количестве.

— Я слышал, — сказал ди Негро, — что, несмотря на все эти его причуды, кстати сказать, бесполезные, он добился того, что может собрать и снарядить войско в восемьсот тысяч человек.

— Что вы! Этого быть не может! — воскликнул Скруччи. —

¹ Святейший престол — так называют высший орган управления католической церковью, возглавляемой римским папой.

Восемьсот тысяч! Откуда? Да такого войска не соберет ни одно из государств...

— А он соберет, как он собирает доспехи, оружие, медь, свинец, железо для этого войска, несмотря на происки немцев и шведов. Собирает и иностранных мастеров, которые учат его людей выделывать оружие и владеть им. Мне говорили, что московиты изобрели бомбарды, каких нет ни у кого. Поверьте мне, мессере, пройдет немного времени, и князь Московии, укрепив свою власть внутри страны, покончит с владычеством татар, и Московия станет в ряды просвещенных государств.

— Мне кажется, что ваша милость несколько преувеличиваете значение этого молодого государства.

— Молодое, богатое и в руках умного и дальновидного правителя. В этом его сила.

— Но в Генуе об этом должны знать? — наивно подняв брови, сказал Скруччи.

— И, вероятно, знают. — Худые пальцы консула стучали по ручке кресла. — Когда вы вернетесь в Геную, расскажите мессерам протекторам, что не так давно одна из шаек степных татар ограбила караван наших купцов. Купцы пожаловались правителю, указав, что татарская шайка на службе у князя Московии. Не разобрав как следует, в чем дело, советники посадили в темницу несколько человек купцов-московитов, а представление посла князя отклонили. Окрыленные таким поворотом дела, наши купцы не пожалели денег на подарки мессерам советникам, а те приказали отобрать у арестованных московитов товару на несколько тысяч соммов, еще раз показав, что личное благополучие для них важнее интересов родины.

— Возмутительно! — сказал Скруччи.

— А сейчас, — продолжал ди Негро, — наши кафские советники заняты тем, что покровительствуют бойкой торговле невольниками, происходящей между турецкими купцами и татарами, приведшими до двадцати тысяч пленников после набега на юго-западную часть Московии и Галицию, с благословения своего хана.

— Позор! Позор! — воскликнул художник.

Ди Негро встал. Его бледные и впалые щеки покрылись слабым румянцем. Он подошел к художнику и положил руку ему на плечо:

— Расскажите всё протекторам и передайте от меня что, несмотря на безнадежность нашего положения, консул Солдаин останется верным присяге. Я сам сделаю все, что еще в моих силах. Скажите мессерам протекторам, что чиновник ди Негро, защищавший как мог законы Светлейшей республики и уставы банка святого Георгия, станет солдатом, который сумеет защитить честь родины и своего рода...

Во все время разговора Скампи из своего темного угла молча наблюдал за ди Негро. Его удивило, что ди Негро счел нужным говорить об этом Скруччи, и в таких выражениях. Его поразила возбужденность, не свойственная консулу, и не скрываемые от постороннего человека сокровенные мысли. Когда в отблесках пламени каминные умные глаза ди Негро засветились молодой отвагой, а последние слова пылко прозвучали гордым призывом, Скампи вскочил с места и, протянув художнику свиток с письмом, воскликнул:

— Маэстро Скруччи, передайте это письмо моему отцу и скажите... скажите ему, что его сын исполнит свой долг! — Голос Скампи дрожал от волнения. — Я клянусь в этом здесь, перед лицом его милости, перед вами, перед лицом своей совести и призывая в свидетели моего святого покровителя. Клятвенно обещаю защищать великое знамя Светлейшей республики и позволю запятнать его только моей кровью!

Скруччи, не совсем ясно разбираясь в политической обстановке, наивно разрешая сложнейшие государственные проблемы, был озадачен этими словами и клятвами и не знал, что ему ответить на торжественную речь секретаря. Он смутился, неловко встал и смешино закивал головой в ответ Скампи, стараясь быть тоже торжественным.

— Я скажу... разумеется... сочту своим долгом... приложу все старания, — смущенно бормотал он.

Ди Негро поспешил к нему на выручку:

— Какой прекрасный рисунок! Жаль, маэстро, что вы не хотите оставить его мне.

— О нет, ваша милость, ни за что! Это только один из набросков. Вот когда ваша милость в добром здоровье вернетесь в Геную на заслуженный вами отдых, я буду иметь смелость и великое счастье преподнести вам ваш портрет в законченном виде.

— Боюсь, маэстро... — Ди Негро улыбнулся. — А впрочем, я не имею права распоряжаться чужой работой.

— Краски, оттенки материй, ее качество, — вот что хочется сохранить в своей памяти, — прищуриваясь и склоняя голову набок, говорил Скруччи. — Вот сейчас черный бархат вашей одежды оживлен теплым светом каминного огня. Хотелось бы запечатлеть вас именно таким, в вашей обычной обстановке... Взгляните, ваша милость: на каждом листе набросков, боясь забыть, я записываю характерные мелочи. Взгляните — сегодня: «Отражение каминного огня в песочных часах», «рука», «серебряная пуговица», «книжка красная», «складка на лбу». А вот сейчас я запишу: «Оттенки черного бархата, освещенного каминным огнем».

— Единственно, чего я имею право требовать и требую, — смеясь, сказал ди Негро, — это присутствия на этом портрете

моей собаки. Предупреждаю вас, маэстро, что без моего Персея я портрета не приму.

— О, не говорите мне об этом, ваша милость! — скорбно вздохнул художник. — Я должен вам сознаться, что собаки мне не удаются. Я зарисовывал вашего Персея и так и сик, и все он у меня похож то на волка, то на лису.

— Как вам будет угодно, но я требую Персея.

Из соседней комнаты послышался громкий зевок, и на ступеньках лестницы появилась заспанная, потягивающаяся собака.

— Ну вот, не угодно ли! — воскликнул Скруччи. — Не в таком же виде вы прикажете изобразить мессера Персея! — И художник раскатисто засмеялся.

Собака, добродушно оглядев всех и виляя хвостом, подошла к художнику, к которому почему-то с первого же дня знакомства почувствовала приязнь, то ли потому, что он не боялся ее и был с нею ласков, то ли вообще по какому-то непостижимому собачьему чутью, определяющему качества человека.

— А где же наш ужин, мессер Джорджио? — сказал консул и совсем неожиданно прибавил: — Знаете что, прикажите-ка позвать музыкантов.

Скампи очень надеялся, что музыканты будут непригодными для исполнения своих обязанностей. К его огорчению, они оказались в совершенно добром здоровье и очень скоро явились в замок. На этот раз ему вовсе не хотелось слушать музыку, и его очень удивило это необычное и неуместное сейчас, как ему казалось, приказание консула.

Скруччи после двух кубков вина стал еще более болтливым, а ди Негро поощрял эту болтовню, заставляя художника рассказывать веселые новеллино. Оба они словно забыли о разговоре перед ужином и не замечали Скампи, почти ничего не пившего и угрюмо сидевшего молча.

Щеки Скруччи покраснелись, красная бархатная шапочка съехала на затылок.

Музыканты посмеивались, сидя на ларе, и принялись играть веселый мотив. Художник размахивал рукой и подпевал, наклонясь к Персею, который сначала подвывал, а потом просто залаял.

— О! — закричал ему Скруччи. — Так ты и петь умеешь? Вот таким, ваша милость, его тоже нельзя на портрет, ни в коем случае!

— Еще бы!.. — засмеялся ди Негро и махнул рукой музыкантам: — Можете идти... Да и нам пора на покой, — обратился он к Скампи. — Вы, мессер Джорджио, проводите нашего гостя — я боюсь, в темноте он не найдет дороги.

Консул сказал это тихо, да, кроме того, Скруччи сидел спи-

ной к нему, на корточках перед Персеем, которому рассказывает что-то, гладя его по голове. Собака виляя хвостом и морщила нос, наконец лизнула художника в лицо; тот вскочил на ноги, заливаясь смехом, и ухватился за кресло, чтобы не упасть.

Скампи подошел к нему и взял его под руку:

— Пойдемте, маэстро, его милость устал. Я провожу вас. Пойдемте.

Когда Скампи, держа в руке фонарь, сводил под руку с лестницы во двор совсем охмелевшего Скруччи, напевавшего веселый мотив, мимо них быстро прошел какой-то человек и поднялся по лестнице.

Скампи низко держал фонарь, тусклый свет не позволил разглядеть лицо человека, но ему показалось, что это был Сантинелли.

Глава XX

НЕУРОЧНЫЙ ДОКЛАД

Джаннина не правился повадившийся в харчевню ломбардец. Плечистый и сутулый, с огромными красными руками и красным лицом в оспинах, поросшим густой черной бородой, с постоянно налитыми кровью и осовелыми от вина глазами, он был похож на разбойника, и Джаннина чувствовала в нем недоброго человека, хотя он и уверял всех, что он купец из Бергамо. Но самым досадным было то, что ломбардец сумел войти в доверие к такому человеку, как Родольфо, а тот словно ослеп и чуть ли не каждый вечер садился к столу незнакомца и пил на его счет. Вообще Джаннина замечала, что Родольфо за последнее время изменился. Ей было жаль, что вино губит хорошего человека и что она является пособницей гибели одного из лучших друзей ее покойного мужа. Она пыталась уговорить цирюльника не пить с ломбардцем, но Родольфо только смеялся в ответ.

Вечер полнолуния, предсказанный цирюльником секретарю, был в Солдае поистине прекрасным. Не было ни дождя, ни тумана, как в горах, и даже как будто потеплело. Башни крепости, белые минареты, белые стены домов, ограды виноградников и скалы горы Горячих Источников были залиты таинственным красноватым светом огромной луны, поднимавшейся из-за моря. Даже золотой баран сказочно поблескивал, и хотелось думать, что благостная тишина этого вечера должна наполнять и души людей. Чуть ли не раньше всех в харчевню пришли ломбардец и Родольфо и уселись за свой любимый стол в самом дальнем и темном углу, у винных бочек, под полками с круглыми медными блюдами и кувшинами.

— Малый, нацеди-ка божественной влаги! — оспшим голо-
сом прохрипел ломбардец.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что, кроме Франче-
скино, шнырявшего у бочек, и Джанины, беседовавшей с дву-
мя матросами у стола на противоположном конце харчевни,
никого вблизи не было, Родольфо, положив локти на стол, пере-
гнулся к ломбардцу и тихо стал с ним говорить:

— Завтра вам надо уехать отсюда.

— Как — уехать? Зачем?

— Очень просто: вы видите вон тех двух матросов, мирно
беседующих с нашей хозяйкой?

— Ну?

— Так они такие же матросы, как мы с вами.

Ломбардец выпучил глаза, ничего не понимая.

— Я этих молодцов давно знаю. Они на тайной службе у на-
шего пристава, и, клянусь мадонной, они сейчас расспрашива-
ют Джанину про вас... — Родольфо замолчал, увидев смот-
рителя.

Тот, как всегда, медленно шагал, надменно поглядывая на
сидящих за столами.

— Мой дорогой мессер Каструччо! — воскликнул цирюль-
ник. — Мы ждем вас вот уже более получаса. Куда это вы за-
пропастились?.. Франческино! Кружку мессеру смотрителю!

— Я заседал в комитете, — важно сказал смотритель. —
Скука ужасная, а без Скампи Тербини так возится с протоко-
лами — ничего не может найти. Сухая старая баба!

— Ай-ай-ай, мессер Каструччо, как вы нехорошо отзывает-
есь о вашем первейшем друге! — покачал головой Родоль-
фо. — Да, кстати о вашем комитете: скажите, мессере, правду
ли болтают наши солдаты, будто после истории с капелланом
консул приказал не только охранять подземный ход, но и заму-
ровать выход к главным водоемам?

— Кто наврал вам этот вздор? — хихикнул смотритель. —
Как можно закрыть единственный выход к водоемам и лишить
нас возможности в любое время проверять плотину! Ключ хра-
нится у меня, и без согласия комитета по воде никакие решения
недействительны, а я, кажется, в комитете лицо немаловаж-
ное...

— Еще бы! — подобострастно согласился Родольфо. —
Однако что же это вы не пьете, мессер Каструччо? Ведь тут не
комитет!

Смотритель опять хихикнул и осушил кружку.

— Вот это хорошо! — продолжал Родольфо. — Вы опоздали
ровно на три кружки, теперь догоняйте!

Воспользовавшись приглашением, смотритель выпил еще
четыре кружки и ушел.

— Кто...

— Кто наврал вам этот вздор? — хихикнул смотритель.

в. мирно

уже у па-
спрашива-
идея смел-

идея на

л циюль-
это вы за-
рителю!
ритель.—
с протоко-

о отзывае-
Родоль-
е, правду
пелланом
но и заму-

отритель.—
и лишить
Ключ хра-
не решения
немаловаж-

Родольфо.—
Ведь тут не

Вы опоздали
выпил еще

— Вы слышали наш разговор о ключе? — спросил Родольфо ломбардца. — Значит, ключ у него, а тропинку я вам показал. В любой час дня и ночи в замок вхожу только я один... А сейчас скорей уезжайте — так будет вернее. Раздобыть ключ не так-то просто.

— Только не медлите, — буркнул ломбардец, — и помните, что за голову ди Негро дадут много золотых дукатов и что после той проклятой ночи, когда я еле успел выскочить из крепости, синьор да Гуаско и слышать не хочет о вашем капеллане, который своим дурацким фонарем провалил все дело. Теперь надежда на вас одного. Так сказал синьор Андреотто, а потом прибавил: «Пусть, говорит, бережется, если не выполнит поручения». Так назначайте день.

— Дайте подумать, — сказал Родольфо и после недолгого молчания продолжал: — Вот что... Скоро праздник, а ночь под праздник — самое подходящее время: и в предместьях и в крепости все будут заняты. Я буду ждать вас в ночь под рождество.

— Отлично! Я буду здесь в святую ночь. Святую!.. Ха-ха! — И ломбардец громко рассмеялся.

— А теперь, — предложил Родольфо, — давайте выпьем за здоровье синьора Андреотто и за успех нашего общего дела!

На следующее утро дождя не было, но все было мокро от ночного тумана; он тянулся хлопьями, закрывал верх церковной башни и застилал плотной пеленой дома и виноградники на склонах горы. Размокшая белая глина дороги сделалась скользкой. Особенно грязно было на базарной площади. Там греки, татары, итальянцы, армяне зазывали покупателей, расхваливали свой товар, спорили, бранились, колотили себя в грудь и клялись до хрипоты.

Возвращаясь в крепость от одного из купцов — своих клиентов, Родольфо с трудом пробирался сквозь эту шумную толкотню. Он видел, как старик татарин с благообразным белобородым лицом бил вяленой рыбой по голове черномазого грека, как тощая и шелудивая собака, забравшись под стол мясной лавки, поджав хвост и пугливо озираясь, жадно хватала кусочки мяса, разлетающиеся из-под топора мясника-армянина в высокой меховой шапке, в красной рубахе, распахнувшейся на густо волосатой груди, и как мальчишки крали у дремавшего торговца орехи из круглой корзины. Обдавало запахом чеснока, лука и кислого вина. Едкий дым жаровен и чад бараньего сала мешался с запахом морской воды и рыбы от корзин и бочек с синевато-золотистой скумбрией, пятнистой кефалью, бычками, серебристой тюлькой. За этими лавками шли лавки торгов-

цев шерстью, шелком, бязью, турецкими кушаками и туфлями, греческими губками и мылом, синькой и румянами, шелковой тесьмой, московским медом, воском и мехами, и всякие мелкие украшения из морских камешков, ракушек и олова.

Выбравшись из сутолоки базара, Родольфо медленно шел, думая о разговоре с ломбардцем. «Про починую прогулку капеллана наврал я, а вот кто наврет про мою?» С этими мыслями он дошел до ворот предместья. Истонное завывание муэдзина на минарете, призывавшего правоверных сынов аллаха к молитве, вернуло цирюльника к обычным заботам. Родольфо вспомнил, что обещал Тербини навестить его до полудня, и зашагал быстрее.

Никколо заболел накануне вечером. Старика трясла сильная лихорадка; он задыхался, метался на постели, стонал и временами впадал в полубытье. Родольфо проводил рукой по редким волосам больного и, словно уговаривая ребенка, ласково говорил:

«Все пройдет. Не надо плакать. Лежите спокойно... Завтра выпьем еще отвара. Ведь он вкусный? Если пукино будет, пустим кровь, и все пройдет. Я зайду завтра к полдню. Ничего страшного нет. Не надо плакать...»

Глаза старика, полные слез, благодарно смотрели на цирюльника, и, глубоко вздохнув, он крепче сжал руку Родольфо.

«Не уходите! — просил он. — Мне страшно одному».

И Родольфо просидел у его постели, пока тот не заснул.

И теперь Родольфо спешил навестить Тербини, боясь, что старик расстроится из-за его опоздания.

Тербини жил в одной из служебных построек у восточной стены крепости, между круглой башней и башней консула Пасквале Джудиче, в одной из низких каморок в одно окно.

Осторожно открыв дверь в темные сени, боясь обеспокоить больного, может быть спящего, Родольфо на цыпочках подошел к низкой дверце и прислушался. Все было тихо. Так же осторожно он нажал на ручку железной щеколды и приоткрыл дверь. Первое, что он увидел, была спина смотрителя водопроводов, стоящего у стола и внимательно рассматривающего какую-то бумагу. Родольфо быстро шагнул к нему и крепко схватил за руку, держащую бумагу. Смотритель в испуге обернулся и зажмурился от боли в руке.

— Отдайте бумагу! — строго сказал Родольфо.

— Тш, тш! — прошипел смотритель, скосив глаза в сторону больного. — Тш-ш!.. Вы разбудите!

— Сейчас же отдайте бумагу! — громче сказал Родольфо, еще крепче сжимая руку смотрителя.

Напуганный смотритель выпустил бумагу. Родольфо поднял ее и сунул в карман кафтана.

— Ступайте отсюда — или я сейчас же разбужу Никколо и расскажу, как вы распоряжаетесь его деловыми бумагами! — шептал Родольфо, еле сдерживаясь, чтобы не схватить зрителя за шиворот и не выбросить его вон из комнаты.

— Как ты смеешь!.. — хотел было обидеться зритель. Родольфо не дал ему договорить. Он вытолкнул приблизил свое лицо к лицу Каструччо и, прерывисто дыша, сказал:

— Вон отсюда, подлый! Сюю же минуту, или все будет известно в замке!

Каструччо, съездившись, выскочил за дверь.

В это мгновение Тербини открыл глаза и повернул голову:

— А, это вы, Родольфо?.. Хвала пресвятой мадонне, мне гораздо лучше сегодня. Только вот слаб очень... и скучно: никто не навещает меня. Никому я больной не нужен... все забыли — вы один только...

И старик тихо заплакал. Как и накануне, Родольфо гладил его по голове и утешал, как ребенка.

Почти всю вторую половину дня цирюльник провозился с больным, уговаривал пить и есть, давал лекарство. Пришлось пустить кровь. Прислуживающий Тербини человек куда-то пропастился, и Родольфо самому пришлось приносить воду, бегать к себе за бинтами и инструментами и сидеть у постели больного. Только в сумерки явился слуга. Родольфо строжайшим образом запретил ему отлучаться до утра, приказал никого не пускать и ждать его прихода.

После этого он пошел к себе. Раздобыв на комендантской поварне мясной похлебки и хлеба, он запил их кубком вина, запас которого держал для больных в бочонке, и еще до звона вечернего колокола собирался лечь спать. Снимая с себя кафтан, он вспомнил про бумагу, отобранную у Каструччо. Разгладив на столе скомканный лист, он придвинул светильник и начал разбирать написанное. Строчки кривились, наезжая одна на другую. Видно было, что писавший торопился, не дописывал слова, переправлял их и зачеркивал. Смысл некоторых фраз нельзя было понять:

«...условиях сопротивление будет бесполезно и повлечет напрасные жертвы. Наши немногочисленные бомбарды не испугают сарацин... запасов хватит еще на... Каждый третий купец — соглядатай султана... починки стен... дорогой отец, что сын ваш... честь Светлейшей республики... своего рода... запятнать знамя... Вам одному я сообщаю эти тайные сведения... он произвел на меня впечатление честного чело... доверяю передачу вам... благочестивым молитвам которой я поручаю себя. Долг перед родиной... каким является мессер Кристофоро... правы, называя его моим вторым отцом. Вся жизнь моя здесь... скрашивается его... ко мне и поист...»

Последние строки все объяснили Родольфо: это черновик письма Скампи его отцу, а «честный человек» — это художник. «Но почему же этот лист попал к Тербини? — подумал цирюльник. — Хорошо, что я отнял письмо у этого подлеца, а то ведь он, пожалуй, и продал бы его сарадинам!»

Родольфо сложил лист и сунул его под подушку, потом задвинул засов двери и задул светильник. Засыпая, он решил завтра передать бумагу Скампи.

Это произошло часа за три до того, как Скампи и распеваящий веселый мотив художник прошли мимо окна цирюльника, а слуга, уносивший посуду со стола консула, прибежал сказать ему, что «пристав Сантинелли просит его милость принять его по очень срочному делу».

Ди Негро заметил сразу, что всегда спокойный Сантинелли на этот раз чем-то взволнован.

— Простите, ваша милость... — начал было он.

— Садитесь и говорите, — прервал его консул.

— Я решился потревожить вашу милость в такой час, так как, по-моему, надо принять решение как можно скорее.

— Говорите.

И Сантинелли рассказал, что его люди следили за появившимся не так давно в городе человеком, выдававшим себя за купца из Бергамо. Человек этот посещал харчевню «Золотого барана», где много пил, угощая смотрителя водопроводов и цирюльника Родольфо. Затем он уехал по дороге на Кафу. Сантинелли установил слежку и за цирюльником, и на этот раз его люди не выпустят Родольфо из виду.

— А смотритель? — спросил ди Негро.

— Смотритель вообще пьяница, и, если он угощался за счет приезжего, в этом нет ничего странного и необычного. А вот цирюльник — он пьет очень мало, всегда сам платит. На этот раз он пил и ел за счет ломбардца...

— А не думаете ли вы, — прервал ди Негро, — что Родольфо снова хочет удивить нас с вами?

— Ваша милость знаете, что дело о заговоре далеко еще не доведено нами до конца. Странное участие в нем цирюльника не может еще служить его оправданием. Я полагаю, ваша милость, что в скором времени нам удастся распознать истинные замыслы цирюльника, а пока мы знаем только, что он участвовал в заговоре...

— Участвовал, мешая его выполнению, — добавил ди Негро.

— Мы не знаем, — продолжал Сантинелли, — что заставило его действовать именно так.

— Честность, — сказал ди Негро.

— Честные люди, ваша милость, честны до конца, а цирюльник...

— Честен по-своему, — перебил ди Негро.

— Я осмелюсь, ваша милость, не согласиться с вами и предупредить вас о серьезной опасности, грозящей на этот раз лично вам, ваша милость... Я ничего еще не знаю точно, но смею полагать, что если цирюльник и не является прямым исполнителем, то, во всяком случае, близко с ним связан и на этот раз играет немаловажную роль. Лучше преувеличить свои подозрения, чем доверять кому-либо, не проверив.

Ди Негро задумался; снова между его бровями легла глубокая складка. Он встал и подошел к потухшему камину, где в золе еще тлело несколько угольков. Ди Негро долго смотрел на них. Сантинелли не решался прервать молчание. Он понимал, что сейчас должна решиться судьба задуманного им плана действий.

Консул обернулся. По лицу ди Негро скользила улыбка:

— Вы помните наш разговор, когда я сказал вам, что беру дело цирюльника на себя?

Сантинелли утвердительно кивнул головой.

— Ну вот... Прямых улик у вас против Родольфо пока нет никаких. То, что он пил за счет ломбардца, — еще не улика. С кем не бывает: не пьет человек, да вдруг запьет! Нет, Сантинелли, как и прошлый раз, я скажу, что решительно не верю в участие Родольфо.

Сантинелли, вопреки присущей ему выдержке, позволил себе заговорить.

— Ваша милость, — сказал он, явно волнуясь, — удивляете меня упорным нежеланием проверить мои догадки. Предположим, что цирюльник здесь ни при чем, но и вы, ваша милость, и я — мы имеем законное право привлекать к ответу кого угодно. И если человек окажется ни в чем не повинен, мы оставим его в покое. Неужели ваша милость боитесь побеспокоить «мессера» цирюльника? Ваша жизнь нам дороже спокойствия десятка таких пройдох, как Родольфо. Она пужна Республике!

— Все считают меня несправедливым законником, — сказал ди Негро, — вы это знаете. Я такой и есть: повторяю вам, у вас имеются лишь косвенные улики против Родольфо, мы его трогать не будем. Это все так ясно, Сантинелли...

— А я, ваша милость, утверждаю, что допрос и обыск подтвердили бы мои подозрения. Я уверен в этом и готов поклясться перед святым алтарем, что этот хромоногий пройдоха готовит вашу гибель!

Ди Негро опять улыбнулся:

— Вы горячитесь, Сантинелли. Я знаю вашу преданность и ценю ее, но знаю и то, что излишняя горячность ведет к роковым ошибкам. Давайте помиримся вот на чем, как торгующиеся купцы: вы уступите мне, я — вам. Обыск у Родольфо,

пожалуй, сделайте, если это может успокоить вас. Но я требую, я приказываю, чтобы обыск был произведен при соблюдении полнейшей тайны. Никто в крепости об этом знать не должен, и в первую голову сам Родольфо... Вот все, Сантинелли, что я могу уступить вам в нашем торге. А теперь ступайте.

Поняв, что спорить совершенно бесполезно, Сантинелли ушел.

Глава XXI

ТРИ ИСПОВЕДИ

Скампи, как всегда теперь, спалось плохо. Мысли, перегоняя одна другую и сплетаясь, досаждали и мучили. В конце концов он решил встать, смочить голову холодной водой и попробовать заняться своей книгой. Когда он подошел к столу, чтобы сесть за работу, он вспомнил об отъезде Скруччи и решил, что все-таки надо пойти проводить его; это тоже освежит голову.

Все было тихо в предрассветных сумерках. Крепость спала, и только два окна теплились тусклым светом: в комнате Скруччи и в комнате Тербини. «Вот еще этот старый пьянчужка заболел не вовремя,— подумал Скампи.— Возись теперь с бумагами!.. А Скруччи встал. Не выспался, наверно, бедняга, после вчерашнего. Не завидую ему: тащиться по такому холоду!»

И Скампи пошел к дому, где поместили художника.

Когда он проводил Скруччи до ворот, распрощался с ним и, передав его попечению помощника коменданта, возвращался домой, во дворе замка его остановил Сантинелли:

— Что с вами, мессер Джорджио? Так рано?

— Я провожал маэстро Скруччи. Очень холодно...

— Мессер Джорджио, вы разрешите мне воспользоваться случаем и побеспокоить вас всего только на одну минуту?

В руке пристава был маленький фонарь. Подняв его, он вынул из-под плаща лист бумаги.

— Взгляните, мессере, не ваш ли это почерк?

— Мой! — удивился Скампи, протягивая руку к бумаге.

Сантинелли вежливо отвел его руку:

— Мессер Джорджио, я хотел просить вашего разрешения временно оставить этот листок у меня.

— Но каким образом он попал к вам?

— Вот это именно я и хотел спросить у вас.

— Не понимаю. Ведь вы же его где-то достали?

— Я его достал, совершенно верно, но мне хотелось бы спросить вас, не вспомните ли вы, когда он был передан вами и кому именно?

— Передан? Зачем я буду передавать кому бы то ни было мои личные бумаги? Что за вздор!.. Отдайте его мне!

— Мессер Джорджио, вы напрасно не хотите понять, что этот листок нужен сейчас больше мне, чем вам. Это черновик письма, отправленного только что вами с маэстро Скруччи, не правда ли? Ну вот, значит, черновик вам уже не нужен. А мне он крайне необходим по одному очень важному делу... Еще раз заверяю вас, мессер Джорджио, что по миновании надобности он тотчас же будет возвращен.

— Всё у вас какие-то «таинственные» дела, мессер Дезидерио! — с пренебрежительной усмешкой сказал Скампи.

— В этом заключается мой служебный долг, мессер Джорджио.

— Ну, говорите скорей, чего вам еще от меня надо! Я совершенно замерз.

— Мне надо, чтобы вы помогли мне установить, каким образом и когда эта бумага могла очутиться вне вашей комнаты.

— А, теперь я вспоминаю!.. Я брал черновик на заседание комитета третьего дня, вместе с деловыми бумагами. Я мог его печаянно обронить там или сунуть в дела к Тербини. Это очень возможно. Всё?

— Вы действительно озябли, мессер Джорджио. Идите скорее и еще раз простите за беспокойство.

И Сантинелли, поклонившись, быстро ушел.

«И он воображает, что действительно занят делом!» — подумал Скампи, поднимаясь к себе.

Так легко доставшаяся ему в руки новая нить несколько утешила расстроенного Сантинелли. Воспользовавшись сообщением, что цирюльник в конце ночи был вызван к больному Тербини и, отослав слугу писмоводителя, остался там, пристав пошел в комнату Родольфо и при свете потайного фонарика очень быстро обнаружил черновик письма секретаря, текст которого, по мнению Сантинелли, проливал свет на злонамеренную деятельность «хромогого мошенника». Сантинелли повезло: вся эта операция заняла не более пяти минут; он благополучно взял бумагу и ушел никем не замеченный. Чтобы довести дело до конца, надо было проверить, как и когда эта бумага попала в руки Родольфо. Разговор с секретарем тоже как нельзя лучше помог дальнейшему плану действий, и Сантинелли решил тотчас же пойти к писмоводителю.

К концу ночи Тербини стало плохо. Долгий приступ кашля замучил его; он задыхался, стонал, приподнимался, пытаясь встать, смотрел широко раскрытыми глазами в темный угол комнаты и, протягивая туда трясущуюся руку, бормотал:

— Вон они, вон, вон... Скалы, пламя... Вон... Жаровня, колеса, колеса...

Слуга перепугался и побежал за цирюльником. Родольфо дал больному какой-то мутно-желтый настой, отчего Тербини перестал кашлять и, утомленный, задремал. Родольфо приложил ухо к груди старика. Еще слышное, прерывистое биение сердца говорило о безнадежности положения.

Родольфо посмотрел в лицо Никколо. Где же ему, такому, бороться со смертью!

Долго сидел Родольфо у постели больного, размышляя о его горькой и жалкой судьбе. Старик был прав: он никому не нужен.

К утру больной открыл глаза и, узнав цирюльника, улыбнулся, зашевелил пальцами руки. Родольфо взял его руку; она была холодная и, как у ребенка, легкая.

— Родольфо, — еле слышно прошептал старик, — мне гораздо лучше... — И, переведя дыхание, прибавил: — Я видел галеру с черными парусами... Пора позвать отца капеллана. Сейчас еще очень темно, но что же, Родольфо, делать? Надо сейчас, пока еще я...

— Хорошо, хорошо, я сейчас пойду и приведу его к вам.

Оставив больного, Родольфо поспешил к капеллану.

Как только он вышел, в комнату вошел Сантинелли.

Тербини открыл глаза и, не узнав его сразу, испугался:

— Кто вы?

— Не пугайтесь, Никколо, это я, Сантинелли. Возвращаясь с обхода, увидел свет у вас и решил зайти проведать. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю... гораздо лучше.

— Застудили вы себя, холодно у вас. Вы приказали бы поставить жаровню.

— Не надо... жаровни не надо... Благодарю, что павестили. Я думал, все забыли...

— А разве у вас никто не был?

— Нет... Вот все время, что я... никто... один Родольфо, да пошлет ему счастья святая мадонна...

— И больше никто? — удивленно спросил пристав.

— Один он... Он вот сейчас...

— Что сейчас?

— Он придет с отцом капелланом...

— С капелланом?

— Я проспал... Пора мне... мне... Я видел галеру с черными парусами...

Старик замолчал и закрыл глаза. Сантинелли на цыпочках подошел к столу и быстрым движением перелистал с десятков лежавших бумаг. Среди них ему попался лист, написанный то-

же рукой Скампи. Сантинелли, не разглядев его, спрятал под плащ и как можно тише вышел.

...Долго стучал Родольфо в дверь капеллана. Недовольный этим неурочным беспокойством, отец Бартоломео не торопился одевать свое жирное тело. Пришлось еще заходить в церковь за дароносицей и стихарем, и было уже светло, когда они шли к Тербини. В его низкой сводчатой камерке была еще ночь. Желтый огонек светильника мигал, собираясь потухнуть.

— Оставьте нас вдвоем, — громко и строго пропзнес капеллан и, придав своему распухшему от сна лицу торжественное выражение, предстал перед открывшим глаза больным в белом кружевном стихаре и с серебряной дароносицей в руках. Подняв ее и благословляя ею, он провозгласил:

— *In nomine Patris et Filii et Spiriti santi!*

Веки Никколо часто замгали, сухие губы беззвучно зашевелились.

Родольфо вышел и сел на каменный порог наружной двери. Звонил церковный колокол. Бил караульный барабан. Небо заволокло тучами, и моросил дождь. У дверей караульни толпились солдаты. Петух с курами опрометью бежали к комендантской поварне, из дверей которой чьи-то руки выбросили очистки. К воротам замка Святого Креста шел пристав Сантинелли. Обычная, унылая картина проснувшейся крепости.

Опустив голову на руки, Родольфо задремал; его толкнул вышедший из двери капеллан.

— Умирает! — буркнул он и, подобрав сутану, быстро зашагал к церкви по мокрым плитам двора.

Родольфо вбежал к Тербини и в первое мгновение растерялся. Голова старика сползла с подушки. Рот широко раскрылся. Глаза в безумном испуге блуждали по своду потолка. Одеяло валялось на полу, и жалкие, худые голые ноги дрожали. Облитое слезами лицо посинело. Хриплые стоны сливались со слабыми возгласами.

В одно мгновение Родольфо поднял одеяло и закутал им Никколо. Подняв на подушку голову, он влил ему в рот настоя, сел на постель и, крепко обняв его, стал уговаривать успокоиться.

Узнав наконец цирюльника, Никколо ухватился за него руками и, прижимаясь к нему, словно ища защиты, шептал:

— Оскверненной душе нет спасенья... Нет спасенья... до последнего суда...

— Успокойтесь, Никколо, успокойтесь! Ну какие такие особенные грехи у вас? Вы добрый и преданный сын церкви. Вы никому не сделали зла, а это самое главное...

— Да-да, Родольфо... никому, никому...

Угадав, что капеллан застрадал несчастного старика

с целью обереечь себя от каких-либо неожиданных для других людей признаний умирающего, цирюльник всеми силами старался успокоить Тербини.

— Нет, нет, Родольфо... нет... Вот она, черная... Она пришла за мной!

Старик еще крепче прижался к цирюльнику и в ужасе смотрел в темный угол каморки.

— Что вы, Никколо! — Цирюльник поднялся и подошел к стене. — Что вы! Это ваш плащ и шапочка. — И, сдвинув плащ, Родольфо поднес его к постели. — Видите, теперь там никого нет.

Это простое объяснение, развеявшее призрак, как будто успокоило старика.

Родольфо ломал себе голову, как помочь старику. Познания его в науке были скудны и жалки перед лицом беспощадной природы. Все, что можно сделать, это постараться облегчить страдальцу его последние часы. «Что напроповедовал ему этот, с позволения сказать, «святой отец» об осквернении души? О каком «осквернении» понадобилось ему говорить? Винов?.. Но при чем здесь душа? Да Никколо прекрасно знает, что отец Бартоломео сам не гнушается крепких напитков. Нет, тут что-то другое...»

И Родольфо догадался. Он снова сел на постель, дотронулся до руки Никколо. Тот открыл глаза.

— Никколо, — осторожно заговорил цирюльник, — а помните, тогда вы рассказывали о вашей необычайной встрече у башни Румбальдо?

Старик вздрогнул и приподнял голову:

— Не надо, умоляю вас, не надо! И вы тоже?.. Зачем вы мучаете! Я во всем покался... а он не простил! Простит только...

— Никколо, это вовсе не был... Это был я, Никколо!

Старик не понимал.

— Я, я! Это был тогда я! Я виноват — я скрыл от вас это. Так нужно было... Это я в тот вечер встретился вам. Я вас тоже видел, когда вы шли из харчевни. Я «вырос из-под земли», потому что вышел из потайного хода под башней — того самого, из которого потом вытащили капеллана. Я хромал, потому что я хромой. И я рогатый, потому что шапка у меня рогатая. Это был я, Никколо! Я!

Родольфо стал на колени и взял Никколо за руку:

— Я виноват, что скрыл это от вас. Вам показалось тогда после вина... Клянусь вам, Никколо, именем святой девы, именем всех святых и самого Иисуса, это был я!

— Родольфо, вы спасли меня! — мог только воскликнуть старик, и снова слезы потекли по его впалым щекам.

Светильник потух, и каморка погрузилась в слабый свет раннего утра. Никколо открыл глаза и заговорил спокойно и внятно:

— Родольфо, вы добрый человек... Я умираю, Родольфо... Нет, не надо спорить... Обещайте мне похоронить меня за стенами предместья, на кладбище у монастыря преподобных отцов францисканцев... Я там был весной... На холме сидел... Море далеко видно... На кладбище много можжевельника... ягодки красные... такой у нас в Сан-Пьетро д'Арена... я там родился... Снимите крест со стены... да... дайте его мне... я с ним... Еще моя мать... его тоже со мной, Родольфо... больше у меня ничего нет... Вот я его так держать буду... Благодарю вас за все, Родольфо, вы добрый... Дайте я вас поцелую...

Когда холодные губы старика прикоснулись ко лбу Родольфо, ему сдавило горло; он еле удерживал слезы.

— Обещаете? Да?.. Благодарю вас... — шептал, слабо улыбаясь, совсем успокоенный старик. — Прощайте, Родольфо... Там мне хорошо будет...

И Никколо Тербини умер.

Глава XXII

ДОЖДЬ

На этот раз Сантинелли явился к консулу вооруженный неопровержимой уликой против Родольфо и с неоспоримой точностью доказал, что цирюльник выкрал черновик письма для передачи имеющихся в нем сведений военного характера султану, что тут никак нельзя думать о каком-либо противодействии вражеским замыслам, а совсем наоборот — что, если связать это со всем предыдущим, картина заговора выясняется и приобретает большие размеры предательства и государственной измены. В силу этого нет никаких оснований щадить «мессера» цирюльника.

— Теперь, ваша милость, мы разгадали и казавшуюся нам с вами такой сложной загадку о конечной цели «мессера» цирюльника: он готовил восстание «малого народа». Да-да, ваша милость, не удивляйтесь! Все одно к одному: обдуманная цепь преступлений, которая должна довести до главной цели — бунта. Теперь нам все ясно. До сего времени я поступал в согласии с желаниями вашей милости, хотя устав и не запрещает мне, по моему усмотрению, арестовать и допросить подозреваемого.

Ди Негро ответил, что он согласен. История похищения черновика действительно бросает тень на поведение цирюльника,

и на этот раз он присоединяется к мнению пристава о необходимости принятия строгих мер по отношению к цирюльнику.

— Я полагаю, — прибавил он, — что значительность дела требует моего личного участия в следствии. Откладывать допрос не надо, но дать поразмыслить цирюльнику наседне над своими поступками и дальнейшей своей судьбой — необходимо. Давайте дадим ему на это три дня.

Сантинелли радостно согласился и отправился исполнять приказание.

Когда утренний караул разошелся по стенам, большой двор крепости умолк совершенно. Никому из ее обитателей не хотелось выходить в этот серый сумрак, на мокрые плиты. Куры и те, нахохлившись, спрятались и жались кучкой под скамьей у дверей поварни.

Особенно темно и неприятно было этим дождливым утром в казарме. Жечь масло днем не позволялось, и тусклый свет скупо освещал помещение сквозь узкие оконца, оставляя темными его дальние углы. Жаровня, стоявшая посередине, не грела, дымя сырыми поленьями. Густой дым собирался под потолком и полз в приотворенную дверь. От камня стен и пола тянуло холодной сыростью. Солдаты, сменившиеся из ночного караула, поев остывшей похлебки, спали, закутавшись с головой в плащи. Одним из них был Пьетро. Он лежал на нарах в одном из темных углов, зарывшись ногами в солому.

Несколько человек, оставшихся свободными в этот день, сидели на соломе вокруг жаровни, протянув к ней ноги. Они начищали песком шлемы, латали кафтаны. Говорить было не о чем, шутить не хотелось. Каждый из них знал, что рассказать он может только о давно всем другим известном. Шутки все перешучены, да и ничего веселого не ожидает их в этот день, пасмурный и безрадостный, как вся жизнь в крепости-темнице. В кругу этих людей, в плаще, с головой, закрытой капюшоном, лицом к двери сидел солдат Гвидо и усердно ковырял шилом кожу пояса, прилаживая пряжку. Он первый и увидел появившегося в дверях помощника капитана.

Раффанати быстро вошел в казарму, захлопнул за собой дверь и, отряхивая мокрый плащ, подошел к вскочившим на ноги солдатам.

— Ну-ка, двое! — Он кивнул на Гвидо: — Вот ты! — И, метнув выпученными глазами по другим: — И ты! Пойдете со мной! Живо! Пики взять!.. — Ожидая собравшихся, он гаркнул на остальных: — Много дров жжете! Только мясо свое коптите без толку.

Схватив пику и догоняя начальника, Гвидо на ходу с трудом затягивал пояс, так и не успев хорошенько приладить пряжку.

Появление Раффанати в столь необычно ранний для него час внесло некоторое оживление и заставило солдат заговорить.

— Что-нибудь не так, друзья, — подсаживаясь опять к жаровне, глубокомысленно заметил один.

— М-да... — согласился другой. — По пустякам он не станет тревожить свою милость.

— Значит, приказали... А кто ему приказать может? Только сам консул. Значит, дело стоящее.

— Вот собака! — сказал третий, тыкая железным прутом в обуглившиеся поленца. — Запретил дрова жечь!.. Мало у нас тут кругом леса! Сам небось в тепле сидит, кот усатый!

— Гляди, осторожно: солому подпалишь!

Мешавший в жаровне солдат стал затаптывать ногой выпавший на пол уголь.

— Может быть, из Кафы кто приехал? Для почета, значит.

— «Из Кафы»! Кто оттуда в такую погоду поедет? Советники в своих дворцах попрятались, боятся животы высунуть!

— Нет, друзья, у нас тут что-то приключилось. Думается мне, кого-нибудь в погребок опять...

— Станет тебе начальник из-за штрафных бегать!

— Зачем штрафных? Может быть, кого и поважнее.

— Важных, мой дорогой, не сажают.

— А я тебе говорю, не станет начальник из-за каких-то татар бегать! В первый раз, что ли?..

Хлопанье дверью и крик Раффанати разбудили Пьетро. Выглянув на мгновение из-под плаща, он снова укрыл голову, прячась от рыскающего взгляда начальника, но больше не заснул и лежал, слушая разговор солдат. Ему тоже казалось странным появление Раффанати с утра и его поспешность. «Правду говорит Лунджи, — думалось Пьетро. — Из-за простых татар начальник не побеспокоился бы».

— Баста! — сказал солдат, мешавший угли. — Погрелись — вставай, да давай солому уберем, пока наш пучеглазый кот не пришел.

Раффанати ежедневно в полдень обходил казарму, щедро назначая во внеочередные наряды за малейший беспорядок.

Звон колокола напугал солдат.

— Святая дева! Неужели уже полдень?

— Давай метлу скорей!

— Сейчас заявится!

И солдаты, в полной уверенности, что заболтались до полудня, вскочили на ноги и, быстро сгребая руками солому, стали выносить ее из казармы.

«Какой там полдень! Не может этого быть... Почему звонят?» — думал Пьетро. Как ни жаль ему было вылезать из-под плаща и соломы, он поднялся и сел на нарах. «Мартино, поди

сюда!» — услышал он выкрики одного из солдат во дворе и через открытую дверь увидел, как лохматый слуга капеллана, неуклюже прыгая через лужи, подбежал к казарме и, размахивая руками, что-то стал рассказывать обступившим его солдатам, потом убежал, прыгая по мокрому двору.

— Что это он там рассказывал? — крикнул Пьетро вошедшему солдату.

— Письмоводитель помер, вот и звонят! А мы-то с перепугу...

— Тербини?

— Он самый!

Солдаты один за другим возвращались в казарму.

— Э, Пьетро! — крикнул Луиджи. — Тербини умер!.. Что я говорил? — обратился он к другим. — Вот, значит, ему и почет, правильно. Достойный был старик — и дело свое делал и обижать никого не обижал, а что выпить любил, тут греха нет: вино благословенно от господа.

Пьетро подошел к товарищам.

— Вот они спорили со мной, — сказал ему Луиджи. — Утром рано начальник приходил, забрал с собой Гвидо и Джованни. Они говорили — татар в погреб сажать, а я говорю: из-за татар он не шевельнется, а это для почета кому-нибудь. Так оно и вышло. Сейчас был тут капелланов Мартино, он видел, как начальник с нашими ребятами пошел к Тербини. Вот и значит — для почета.

— Что-то тут не так, Луиджи, — сказал Пьетро.

— Ну вот, и ты туда же! Как же не так, когда так! Мартино видел: пошли в дом к Тербини.

— Не такая уж он был важная птица, чтобы к нему караванных ставить.

— Наш консул — человек правильный, он закон уважает и по закону приказал почтить, если человек заслужил верной службой. Удивляться тут нечему.

Солдаты согласились с Луиджи, но Пьетро не верил рассуждениям товарища; он встал в дверях и смотрел на двор. Несмотря на дождь, Пьетро с удовольствием придумал бы себе какое-нибудь дело, без которого солдатам было строго запрещено ходить по двору крепости. Как назло, ничего не придумывалось, а во дворе не было ни одной живой души. Серые плиты двора пузырились от сильного дождя, косыми полосами хлеставшего камни и мутными ручьями стекавшего к главным воротам. Шум дождя и звон колокола — и больше ничего. Пьетро вернулся в казарму.

К полудню, как всегда, пришел Раффанати. Он кричал и топал ногами, найдя, что пики составлены не так, как полагается, и, пригрозив внеочередными нарядами, ушел. Такое

обычное поведение начальника, по мнению Луиджи, тоже подтверждало, что солдат вызвали для почетного караула у тела письмоводителя.

— Если бы что поважнее случилось, — закончил Луиджи, — он бы не пришел как всегда, да и выглядел бы иначе. У начальства сразу заметно, когда они в беспокойстве.

Утреннее происшествие перестало занимать солдат, и они принялись за игру в кости, разрешенную начальством и заполнявшую обычно их досуг. Они так увлеклись ею, что были рады, когда Пьетро, не принимавший в ней участия, взялся пойти на поварню вместе с одним из только что проснувшихся.

В поварне было жарко от пылавших очагов, где на железных крюках висели закопченные дымом котлы и жарилась на вертеле баранья туша. В жарком чаду кипевшей чесночной похлебки и пригоравшего бараньего сала, стекавшего в миску и брызгавшего в огонь, работали, обливаясь потом, повара без кафтанов, в кожаных фартуках, с засученными рукавами рубашек. На поясах у них висели широкие кожаные ножи. На длинных высоких столах лежали груды чеснока, лука, перца, моркови, рыба, сырое мясо, битая птица. Полки на стенах были уставлены сковородами и оловянными мисками. У очагов на железных прутах висели уполовники и решетки.

Поставив котел на земляной пол, солдаты сели на засаленную скамью у дверей, где стоял ушат с помоями и лежала опрокинутаяся набок корзина с высыпавшимися из нее овоцными очистками и куриными перьями. Повара ходили у очагов, помешивая в котлах, пробуя из уполовников похлебку, и покрикивали на поварят. Стоявший у стола потрошил курицу.

Радуюсь, что никто не обращает на них внимания, солдаты сидели молча и, потирая руки, отогревались. Наконец один из поваров, тыкавший длинной двузубой вилкой в жарившегося барана, заметил солдат и крикнул:

— Э, друзья, рановато пожаловали! Погрейтесь, ничего... Ну и похлебка сегодня — наваристая!

Поварята оглянулись.

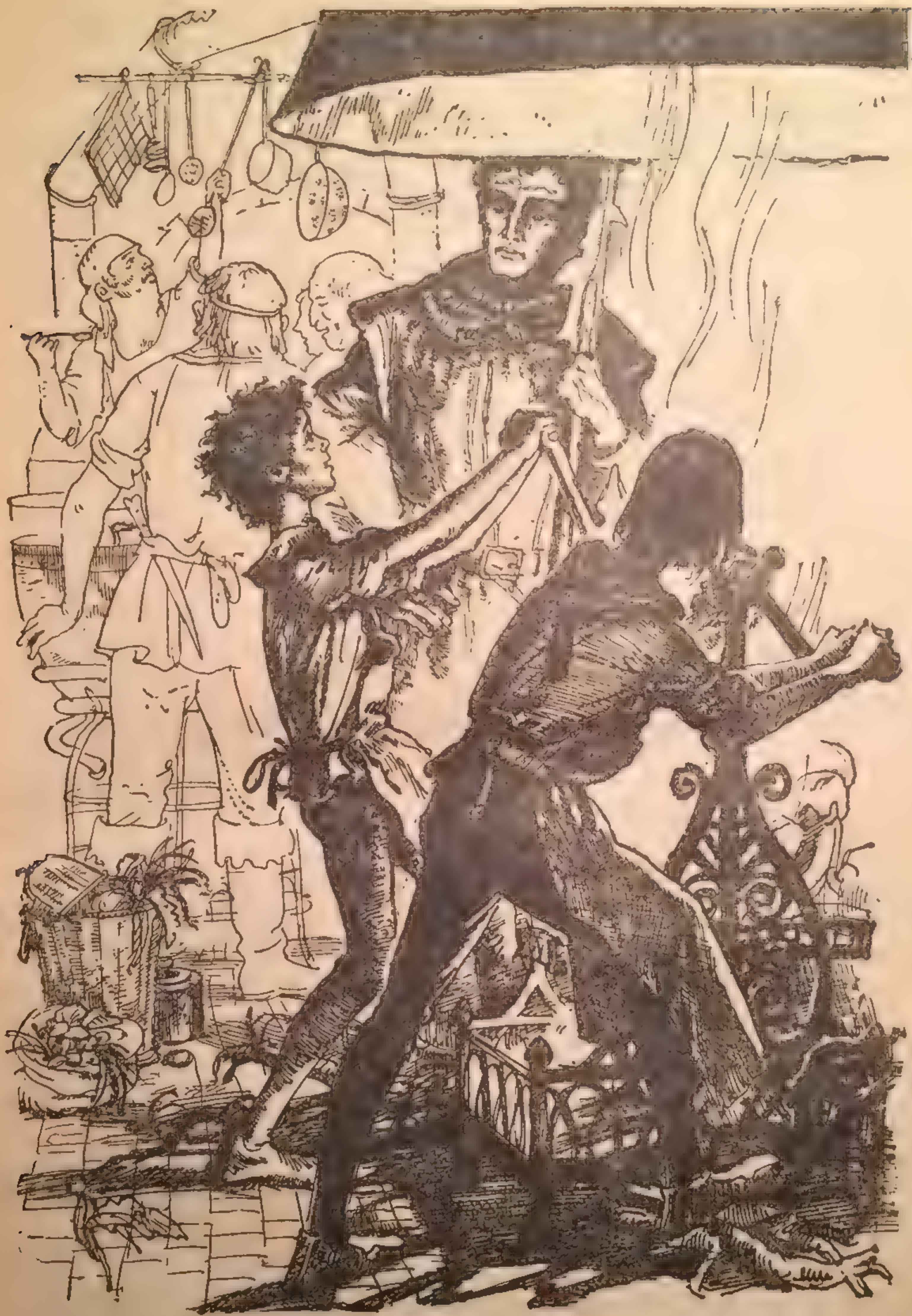
— Чего не видели, шалопай? Верти, не останавливайся! — прикрикнул на них повар, дав одному из них подзатыльник.

Мальчики налегли на ручку вертела, но один из них, черноглазый, с растрепанными волосами, все оглядывался то на солдат, то на повара, а когда тот отошел к другому очагу, стал кивать головой, чтобы к нему подошли.

Товарищ толкнул Пьетро локтем и, кивнув в сторону поварят, сказал:

— Ишь, мальчуганы тоже своего «капитана» боятся... Сказать что-то хочет. Пойди спроси.

Чтобы не подвести поваренка, Пьетро не спеша встал, и

Пьетро не спеша подошел к очагу.

подошел к очагу, будто погреться. Заслоняя собой поварят от повара, мешавшего похлебку, он спросил:

— Чего тебе?

Поваренок быстро зашептал ему:

— Приходил ваш солдат Гвидо за овощами для арестованного... Сказал, если кто из вас придет, чтоб сказали солдату Пьетро, чтоб не уходил никуда до смены, чтоб ждал его... Понял? Чтоб дожидался...

— Э, братцы! — крикнул повар. — Давай котел!.. Ну и паваристая сегодня!

Пьетро никому не сказал про разговор с поваренком, поняв, что Гвидо хочет сообщить ему что-то важное. Гвидо знает, что сегодня очередь Пьетро на выход из крепости, и поэтому просит подождать. Гвидо должны сменить часа через четыре. «Вот тебе и почет! — думалось Пьетро. — «Почет», верно, только не мертвому, а пока еще живому. Кто же это в погребе? Гвидо тоже из-за штрафных татар не стал бы хлопотать... Ну и день сегодня небывалый!»

И Пьетро с нетерпением стал ждать товарища.

Обычно начальник приходил еще раз вечером, при сборе ночного караула, а тут опять пришел раньше. Не входя в казарму, он крикнул: «Э! Двое там, свободные, ко мне! Пики взять!» — и снова увел двоих.

— Что он сегодня — с ума, что ли, спятил? — пробурчал ему вслед один из солдат.

— Говорю вам, олухи, для почета! — с досадой сказал Луиджи. — По всему видно.

...Вернувшись в казарму, Гвидо и его товарищ отмалчивались или отшучивались и так никому толком и не рассказали, зачем они заходили с начальником в дом к письмоводителю, а потом, к великому посрамлению Луиджи, оказалось, что они караулили посаженного в погреб татарина.

Поев, Гвидо тотчас же улегся в своем темном углу на нары, подмигнув Пьетро, чтобы тот тоже лег рядом, на свое место, и, когда солдаты снова принялись за игру в кости, рассказал ему необыкновенную новость.

Началось с того, что Раффанати, выведя их ранним утром во двор, строжайшим образом приказал молчать о том, куда он их поведет, что они там увидят и что будут делать, в противном случае им грозит арест и погреб на год, а то и того хуже. Затем он повел их к дому, где жил письмоводитель, ввел в сени и приказал ждать. Через минуту он вышел с приставом и еще с одним человеком, лицо которого было закрыто плащом. Плотнo окружив этого человека, все четверо вышли и быстрым шагом дошли до погреба, куда спустились человек в плаще и пристав. Когда пристав, выйдя из погреба, ушел, начальник сам запер

замок и ключ взял себе, приказав обоим оставаться у погреба. А когда настало время еды, он послал Гвидо на кухню принести овощей и воды.

— Вот тут-то я и шепнул мальчугану, чтобы ты меня ждал. Когда я принес овощи и воду, начальник сам открыл дверь погреба и сам поставил их на ступеньку лестницы, запер дверь и ушел. Дождь шел все время, и никого во дворе не было. Мы с Джованни примостились кое-как под навесом крыши, но все равно промокли. Потом начальник привел смену, а нас отпустил... Но дело-то в том, Пьетро, что мне показалось, что мы вели Родольфо.

— Какого Родольфо?

— Цирюльника.

— Цирюльника?! — прошептал Пьетро, привстав.

Гвидо схватил его рукой за рукав и заставил лечь.

— Он хромал... только плаща такого я на нем раньше не видел. Какой-то он длинный очень, до самой земли.

— Не может этого быть! За что же цирюльника?

— Джованни тоже заметил, что он хромает...

— А лицо?

— Капюшон был спущен до самой груди. Этого человека пристав вел за руку... — Помолчав, Гвидо спросил: — Как же теперь нам быть?

Пьетро молчал.

— Что же с ним дальше будет? — продолжал Гвидо. — Ведь они его будут...

— Не он это! Тебе померещилось.

— Тише!.. А если он?

— Если он...

Пьетро задумался.

— Хорошо, — сказал он, поднимаясь с пар. — Дождь прошел, как видно. Пойду в город. А ты отдыхай. После колокола приду расскажу.

Пьетро быстрыми шагами вышел из казармы.

Дождь теперь еле моросил, но по улицам мчались, бурля, мутные потоки, унося в море сухие листья и корявые, похожие на сказочных чудищ, корни диких каперсов.

Пьетро сбежал по лестнице в харчевню, где было тихо. Два старых матроса чинно ели похлебку. Пьетро прошел в маленькую дверь за бочками.

Джанинна сидела у окна, склонившись над шитьем. Думая, вероятно, что это вошел Франческино, она не подняла головы.

— Джанинна... — тихо позвал Пьетро.

Она, вздрогнув, обернулась:

— Чего тебе?.. Напугал!.. Входи, входи. Садись.

Пьетро прикрыл дверь и осторожно сел на табурет у стола.

— Чего тебе? — повторила Джанинна. види, что солдат не решается говорить. — Хочешь в долг выпить, что ли? Об этом мог бы меня и не спрашивать.

— Не то, Джанинна... Я хотел совета у тебя спросить.

— Совета? — засмеялась Джанинна. — Ну, за это я совсем денег не беру. Это даром. Говори, в чем дело.

Она отложила питье в сторону и, пододвинув стул, села против Пьетро:

— Дай-ка я тебе в глаза посмотрю: уж не влюбился ли ты?

Пьетро поморщился, опустив голову, и нерешительно заговорил шепотом:

— Дело секретное. Я к тебе пришел — больше не к кому мне... Вспомнил наш разговор, как ты мне тогда говорила про цирюльника Родольфо, что он честный...

Веселое выражение разом исчезло с лица Джанинны, и она насторожилась, широко раскрытыми глазами вопросительно вглядываясь в Пьетро.

— Сегодня утром, — продолжал Пьетро, — его, видно, заперли в погреб...

— Пресвятая дева!

Джанинна всплеснула руками и перекрестилась, подняв глаза к востроносенькой, хитро улыбающейся деревянной куколке с нарумяненными щечками, в кружевном плаще и позолоченной короне, стоявшей на подставке, укрепленной на стене и обвитой сухим плющом и можжевельником.

Неловко путаясь в словах, Пьетро передал рассказ Гвидо.

— Вот я и пришел посоветоваться, — закончил он смущенно.

— И хорошо сделал! Надо выручать. Это все пристав, чтоб не увидеть святой пасхи! Чуяло мое сердце! Как повадился этот ломбардец проклятый, чтоб ему в пекле черти все ребра поизломали... Из-за него, проклятого, — не сойти мне с этого места, из-за него! Я давно примечала приставских молодчиков. Они за ним следили, а заодно и за Родольфо... Ах, святая мадонна! Они теперь его замучают, черти когтистые. Знаю я Родольфо: упрямый он, несговорчивый! А им что? Первый, что ли? Начнут пытать — зря и погибнет человек... Родольфо их, толстобрюхих, на чистую воду выводил, им и не понравилось. Вот небось смотрителя не схватили, а он сколько вечеров с этим разбойником пил! Ему ничего, свой! Курица окаянная, да простит мне святой Протасий! Им бы только свои карманы да животы набивать, проклятым!

Джанинна ударила кулаком по столу. Ее смуглые щеки покраснелись, черные глаза метали искры.

— Давай теперь подумаем, что нам делать, — продолжала она. — Надо сообщить всем нашим немедленно и затем просить о нем кого-нибудь там у вас? К кому идти? Я сама пойду.

— Подожди, — спохватился Пьетро. — Разве можно тебе идти так, сразу?

— Чего же ждать? Замучат они его — тогда поздно будет!

— Подожди. Ты подумай хорошенько...

— Некогда думать! — перебила его Джанинна. — Меня сколько лет все ваши знают. Мало они перенесли даром в «Золотом баране», все эти ваши подкапитаны да подкоменданты! Сейчас надо идти, не откладывая! Все вы, мужчины, мямли! А человек погибнет ни за что, и тогда мы с тобой всех виноватее будем!

Джанинна схватила широкий черный платок, висевший на спинке деревянной кровати, и накинула его на плечи. Пьетро взял ее за руку:

— Постой, Джанинна, ты рассуди: а что будет, если тебя спросят, откуда ты все это узнала? Тогда что? Тогда несдобровать моим двум товарищам и мне. Тогда в погребе вместо одного четверо нас будет. А может быть, в погребе и не цпрюльник вовсе, а кто-нибудь другой, — тогда зачем же тебе ходить в крепость? Только себя подведешь.

Разумные рассуждения Пьетро убедили Джанинну. Они решили, что Пьетро вернется в крепость и разузнает о Родольфо, а на следующий день даст знать ей через солдата, который пойдет в город.

— А ты без плаща прибежал? Смотри, что творится!

Дождь хлестал в окно.

— Вот, возьми, — сказала Джанинна, набрасывая на плечи Пьетро плащ. — Потом принесешь.

— А тебе? — смущенно спросил Пьетро.

Джанинна похлопала его по плечу:

— Иди, иди, торопись!

Ветер дул в лицо с такой силой, что Пьетро приходилось нагибаться, пробиваясь сквозь стену дождя, поливавшего, как из лохани.

Глава XXIII

ЗАСТУПНИЦА

Только на следующий день, к полудню, некоторые из обитателей крепости узнали об аресте цпрюльника, и то только потому, что он сам дал о себе знать. Когда Раффанати открыл дверь погреба, чтобы взять миску и кувшины и послать с ними солдата на поварню, Родольфо сидел на ступеньках лестницы. Раффанати хотел было обрушиться на него с бранью, но Родольфо предупредил его.

— Мессере, — сказал он тихо и не поднимая с лица каю-

шона, что сразу успокоило бравого Раффанати, — я осмеливаюсь обратиться к вам с вполне законной просьбой. Передайте нашему общему духовному отцу — я имею в виду отца капеллана, — что Никколо Тербини, умирая, просил похоронить его у монастыря францисканцев, и скажите также ему, что я прошу его святых молитв, в которых я так нуждаюсь сейчас. Зная вашу набожную приверженность к святой матери — церкви и ваше доброе сердце, я надеюсь, что вы не откажете мне в моей ничтожной просьбе.

Раффанати, грубый и простоватый солдат, по существу, не был злым человеком. Соблюдая правила караульной службы, он ничего не ответил цирюльнику, но про себя решил, что в просьбе Родольфо не содержится ничего предосудительного, а с точки зрения церковной она даже похвальна. Отец же капеллан, как духовный пастырь, несомненно сохранит все в строжайшей тайне.

Вот каким образом отец Бартоломео первым узнал о постигшем цирюльника несчастье.

Отец Бартоломео отправился к Скампи и рассказал ему о просьбе Тербини, с которой тот якобы обратился к нему после исповеди. Капеллан просил мессера Джорджо попросить у консула разрешение похоронить письмоводителя у монастыря. Отец Бартоломео довольно долго беседовал с секретарем, даже о погоде, так мучительно долго досаждающей дождем и холодом.

— Об этом надо спросить Родольфо, — смеясь, сказал Скампи. — Я убедился, как он отлично предсказывает погоду.

Эти слова взволновали капеллана. «Значит, секретарю ничего не известно об аресте цирюльника. Или, может быть, его выпустили и он уже выдал меня?» — думал отец Бартоломео.

Придя домой, он начал проявлять странное беспокойство: он зачем-то послал слугу за цирюльником, опрометчиво приказав раздобыть его во что бы то ни стало, что заставило Мартино как угорелого носиться по всей крепости и приставать к конюхам, поварам, солдатам и к слугам в консульском замке.

Беседа с капелланом всколыхнула неприятные мысли, одолевавшие мессера Джорджо.

Смерть Тербини, кроме крайнего псевдобства, нарушившего обычный служебный распорядок, требовала от Скампи подыскания нового письмоводителя. К тому же ему необходимо было присутствовать на заупокойных службах и похоронах, что более всего расстраивало мессера Джорджо, на которого мертвцы наводили страх. Поэтому Скампи всячески старался увиливать от этих последних обязанностей. Кроме того, он был встревожен настроением консула, на последнем заседании комитета показавшегося ему чем-то очень сильно расстроенным. Скампи

догадывался о связи настроения консула с «тайнственностями» Сантинелли, а молчание ди Негро волновало и вместе с тем обижало мессера Джорджно. А тут еще эта гнусная погода.

Скампи решил, что единственный способ развлечься, а может быть, и узнать кое-что — это позвать Родольфо, и послал слугу разыскивать цирюльника.

Таким образом, к слуге капеллана прибавился еще и слуга секретаря. Обеспокоенный их беготней по крепости, пристав решил пойти к Скампи и попросить его прекратить бесцельные поиски, объяснив, в чем дело, при обещании сохранения тайны.

Третьим лицом, невольно способствовавшим распространению слуха об исчезновении цирюльника, был смотритель водопроводов. До смерти напуганный угрозами Родольфо в комнате Тербини, он всячески искал случая следить за поведением цирюльника и каким-либо образом отвести от себя какие бы то ни было подозрения. Укрепив стойкость своего духа изрядным количеством вина и напустив на себя как можно больше важности, смотритель торжественно шагнул от одного дома крепости к другому, расспрашивая всех о цирюльнике, нужном ему по весьма важному делу.

О беготне слуг и хождении смотрителя узнал и Пьетро. Ему оставалось проверить, не выходил ли цирюльник из крепости. Для этого надо было дожждаться смены караула у главных ворот и расспросить товарищей. После дневного колокола караульные вернулись в казарму, и Пьетро узнал от них, что за все это время из крепости вышел только пристав, а затем гробовщик, приносивший гроб для писмоводителя.

В очередной отпуск в город уходил солдат Лунджи, и Пьетро попросил его непременно зайти в харчевню к Джанинне и сказать ей, что «все так и есть, как он сказал». На это Лунджи хитро подмигнул и чмокнул языком.

— Понимаю! Все так, как ты ей сказал... — И, хлопнув Пьетро по плечу, прибавил, смеясь: — Молодец, парень! А Джанинна и в самом деле недурна собой.

Пьетро рассказал Гвидо о своем разговоре с Джанинной, и, дожидаясь возвращения Лунджи, они обсуждали положение.

— Знаешь что, Пьетро: мы с тобой хлопчем, — сказал Гвидо, — а толком ведь не знаем, за что могли его в погреб запереть. Ведь для этого тоже надо иметь причину, чтобы обвинить человека. Может, он и в самом деле чем-нибудь провинился, откуда мы знаем? Давно ли мы с тобой его за честного человека считать стали?

— А Джанинна? — сказал Пьетро. — Сколько лет она его знает! Да и муж ее его знал.

— Смотри, как бы из-за этого с Джанинной чего-нибудь не приключилось!

Эти последние слова Гвидо испугали Пьетро, и он начал сомневаться, правильно ли он поступил, впутав Джанинну в это опасное дело.

Пьетро не находил себе покоя, попробовал даже играть в кости, чтобы отогнать эти мысли, но они неостенно лезли в голову. Бросив игру, он лег на нары и попытался уснуть.

Услышав голос вернувшегося Лунджи, Пьетро закрыл голову плащом и притворился спящим: он боялся услышать ответ Джанинны.

— Спит, что ли? — спросил Лунджи.

— Да, уснул, — ответил Гвидо.

— Ну хорошо, пусть его спит. Я иду в караул.

И Лунджи ушел. Пьетро не признался Гвидо в своем малодушии и всю ночь не сомкнул глаз.

Со свойственными женщинам пылкостью и пзворотливостью в делах любви и ненависти, дружбы и вражды, Джанинна принялась за спасение Родольфо. Выслушав от Лунджи поручение Пьетро, усердно помолившись остроносенькой куколке и пообещав связать ей новую кружевную мантию, она тотчас же побежала к рыбаку Паоло, чтобы предупредить его, а через него — Уберто и всех других друзей цирюльника. Кроме того, она убедила старика в неотложной необходимости идти ей в крепость для личной подачи жалобы в консульское управление; она просила его переговорить с главным поваром, чтобы тот, в свою очередь, переговорил с помощником капитана — Раффанати, который хорошо знает ее, так как осушил в «Золотом баране» не одну кружку вина и даже остался должен ей за десять из них. Рыбак обещал ей пойти к повару завтра пораньше и принести скорее ответ.

Старик, поставлявший рыбу в комендантскую поварню, обещал все сделать и на следующее утро принес Джанинне ответ повара:

— Для кого другого, а для Джанинны, говорит, все сделаю. Она у нас, говорит, в Солдае первая. Пусть, говорит, приходит после полудня, а мы уж ее препроводим куда надо. Сейчас, говорит, нельзя, потому что все начальники слушают заупокойную мессу, а потом кое-кто из них за гробом пойдет куда-то за город. Так, говорит, консул приказал, чтобы старика с почетом похоронили за его долголетнюю и честную службу.

Довольно много времени ушло на выбор платья. Джанинна знала, что красный цвет ей идет больше, чем синий, но синий скромнее и, пожалуй, приличнее. Турецкая шаль лучше черной, но очень уж пестрая. Волосы надо постараться причесать совсем гладко, косу заплести как можно туже и запрягать под

пучок эти песносные локоны, которые вьются на затылке. Джанинна злилась на зеркальце, купленное ею у грека на базаре, — так оно было мало, что ничего в него не увидишь. Наконец, поссорившись с зеркальцем и с самой собой, она нарядилась во все черное, отчего улыбка ее белых, как лучший жемчуг, зубов и блеск глаз стали еще ярче. Сказав Франческино на всякий случай, что идет в крепость, она вышла из харчевни, шепча молитвы.

Подходя к караулу предмостного укрепления, она почувствовала, как у нее отнимаются ноги и сердце колотится так, что трудно дышать. Но все оказалось проще, чем она думала.

Один из караульных был ей давно знаком по «Золотому барану»; он-то и провел ее через мост и сдал караулу главных ворот, а там ее ждали тоже знакомые солдаты, предупреденные поваром. Они велели ей подождать в караульне, пока доложат о ней помощнику капитана. Затем явился Раффанати, который, к удивлению солдат, при виде Джанинны расплылся в такой небывалой для его сурового лица улыбке, так крутил ус и приплясывал, что многие даже подумали, не пьян ли он. Раффанати повел Джанинну в канцелярию консульского управления, усадил ее на скамью и сказал, что пойдет доложить секретарю консула.

Джанинна когда-то давно видела секретаря, проезжавшего по улице города на роскошно убранной серой лошади. Она заметила тогда, что он молод и красив. Потом она слышала несколько раз о нем от Родольфо, отзывавшегося о мессере секретаре без неприязни, но и без особых похвал. Больше она ничего о нем не знала, даже имя его позабыла, и теперь, дожидаясь его, волновалась, наскоро придумавая, с чего бы ей начать свою просьбу.

Скампи, наоборот, ни разу не видав Джанинны, много раз слышал о ней от цирюльника, знал, что она красива, бойка и умна и что многие мужчины не прочь занять место ее покойного мужа, память которого она целомудренно хранит. Поэтому предстоящая встреча разожгла его любопытство и внесла приятное разнообразие, столь необходимое ему сейчас, чтобы развеять мрачные мысли, особенно жестоко овладевшие им после сообщения пристава об аресте цирюльника.

Идя в канцелярию, он придумывал фразу, с какой обратится к хозяйке харчевни, чтобы, не обижая, дать понять ей всю значительность его служебного положения и необычайного благородства знатного нобилия, спизошедшего до выслушивания ее просьбы. С почтительно сопровождавшим его Раффанати, Скампи вошел в канцелярию с таким безразличным и скучающим лицом, словно ежедневно только и делал, что принимал просителей.

Джанинна вскочила и низко поклонилась.

— Джанинна, кажется? Хозяйка «Золотого барана»? — обратился Скампи к Раффанати, садясь у стола.

— Совершенно верно, мессере, — ответил Раффанати.

— Говори, чего тебе надо от меня, — спросил Скампи Джанинну, окинув ее взглядом. — И, если можно, покороче изложи свою просьбу — не забывай, что у меня есть дела поважнее твоего. Говори... Садитесь, Раффанати.

— Ваша милость, — тихо сказала Джанинна, — я постараюсь отнять как можно меньше вашего драгоценного времени. Не знаю, как благодарить вас за одно то, что вы сообразовались...

Скампи было приятно слушать эти слова, робко произносимые этой не дерзавшей поднять на него глаз женщиной. Он заметил, что у нее прекрасные, вьющиеся волосы и, что было странным для простолюдинки, красивые руки.

— Простите мою дерзость, — продолжала Джанинна, — если я осмелюсь просить вашу милость выступить меня наедине. Дело, о котором я хочу говорить, касается, быть может, более вас самих, чем меня.

Скампи удивленно посмотрел, пожав плечами, на Раффанати, который выпучил глаза и надул губы.

Скампи улыбнулся:

— Желание женщины священо для рыцарей, Раффанати, и должно быть исполнено, если мы не хотим, чтобы нас с вами упрекнули в неучтивости.

Раффанати вышел из комнаты. Скампи проводил его глазами до двери и, повернувшись, встретился взглядом с Джанинпой. Она подняла голову; ее большие, красивые глаза смело смотрели ему в лицо. Мессере Джорджо стояло больших усилий выдержать этот взгляд.

— Благодарю вас, ваша милость. Теперь я могу говорить спокойно...

И Джанинна все еще тихо, но толково изложила причину, заставившую ее побеспокоить мессера секретаря. Когда Скампи спросил ее, как узнала она об аресте цирюльника, она, не смутившись, ответила, что в «Золотом баране» часто можно узнать то, чего еще не знают в крепости.

Скампи терпеливо выслушал рассказ хозяйки харчевни о дружбе ее покойного мужа с цирюльником, о бесспорной честности Родольфо и его преданности Светлейшей республике, о том, что он много раз говорил ей о высоких нравственных качествах консула и о прекрасном человеке — его секретаре, красота, благородство и ум которого известны всем в Газарии и в Генуе, и что она сама теперь убедилась в этом.

Страстность полной достоинства речи этой женщины, блеск ее живых и правдивых глаз, гордая осанка и красивая фигура

начинали убеждать Скампи в ее искренности. А когда она с неподдельным чувством поклялась именем Иисуса, богородицы и всех святых, что не верит в какую бы то ни было преступность цирюльника и готова своей собственной жизнью ответить за справедливость своих слов, он сдался окончательно и готов был всячески помочь Родольфо, к которому и сам питал скорее приятные чувства.

— Что же я могу для тебя сделать? — спросил он.

— Для Родольфо, ваша милость, для честного и преданного вам человека! Напрасно наклеветали на него действительные враги Республики. Я буду просить немного, ваша милость... Все, что вы слышали от меня, передайте его милости мессеру консулу: в его руках жизнь осужденного. И, если не затруднит вас, ваша милость, скажите ему еще, что хозяйка харчевни Джанинна готова отдать в залог свой дом, землю, имущество и взять на поруки Родольфо, а если он действительно окажется преступником, то она и себя вместе с ним отдаст в руки правосудия!

С каким восхищением смотрел Скампи на Джанинну, когда она произносила последние слова. И действительно, пельзя было не залюбоваться этой простой женщиной, вложившей в свои бесхитростные слова столько искреннего чувства любви, дружбы и благородного самопожертвования.

Скампи встал; его голос звучал взволнованно.

— Хорошо, — сказал он, — иди. Я поговорю с консулом. Все, что от меня будет зависеть, я сделаю. Иди.

Джанинна бросилась, чтобы поцеловать его руку.

— Что ты! Не надо.

Она лепетала ему вслед слова благодарности, призывая на него благословение непорочной девы.

Скампи быстро вышел и, обратившись к ждавшему его во дворе Раффанати, сухо сказал:

— Проводите ее.

Пьетро стоял с другими солдатами у дверей караульни как раз в ту минуту, когда Джанинна и Раффанати проходили на мост. Если бы не начальник, Пьетро не постеснялся бы подойти к Джанинне и расспросить ее. К счастью, она тоже увидела его и кивнула, улыбаясь. Эта улыбка так обрадовала Пьетро, что он крепко ударил по спине стоявшего рядом товарища.

Солдаты смеялись, глядя, как их brave начальник крутил пушистый ус и как его высокая и грузная фигура неуклюже изгибалась около казавшейся совсем маленькой рядом с ним Джанинны.

Наступил день, назначенный консулом для допроса цирюльника. Сантинелли настоял на том, чтобы допрос был учинен не у консула, где, по мнению пристава, «обстановка не расположит преступника к искреннему раскаянию», а в подвале помещения помощника коменданта, где обычно происходили допросы.

Было совсем темно, когда Раффанати открыл дверь погреба и спустился в него, держа в руке фонарь. Родольфо сидел на пучке грязной соломы, завернувшись в плащ.

— Вставай,— сказал Раффанати.— Опусть капюшон на лицо и пойдем.

Родольфо исполнил приказание и поднялся по лестнице.

— Пойдете за мной,— сказал Раффанати двум солдатам и повел арестованного к замку Святого Креста.

Через двор замка подошли к низкой двери, за которой несколько ступеней вело в темный коридор; в конце его была окопанная железом дверь. У нее Раффанати остановился и, передав фонарь одному из солдат, приказал им ждать его здесь, сам же ввел Родольфо в пустое помещение без окон, с выложенным камнем полом, на который был поставлен зажженный фонарь.

— Стой здесь,— сказал он, подведя Родольфо к стене, и пошел в другую дверь.

Не открывая лица, Родольфо стоял, опершись о холодную стену. Прошло минуты две, пока Раффанати вернулся и, взяв цирюльника за локоть, ввел его в следующее помещение.

— Поднять капюшон! — скомандовал Раффанати.

В первое мгновение Родольфо, отвыкший за эти четыре дня от света, ничего не мог разглядеть, ослепленный ярко горевшими свечами, стоявшими перед ним на столе. Первое, что он различил, было лицо пристава, его лысоватая голова, пристальный, холодный взгляд светлых глаз и крепко сжатые губы. Он сидел облокотившись руками на стол. На столе стояли железная чернильница, песочница и банка с гусиными перьями; лежали свитки бумаги и две толстые книги в кожаных переплетах. Одну из них пристав раскрыл и, перевернув, пододвинул в сторону Родольфо, к краю стола. Это было евангелие. Рядом с ним он положил черное железное распятие.

— Ты клянешься,— сказал он вялым голосом,— именем Иисуса и святого креста говорить одну правду? Целуй.

Пристав ткнул пальцем в книгу. Родольфо дотронулся губами до пахнущей сыростью, пожелтевшей страницы.

Пристав ткнул пальцем в крест. Родольфо приложил губы к холодному железу.

Сантинелли разгладил перед собой свиток бумаги и обмакнул перо в чернильницу. Потом откинулся на спинку кресла и некоторое время молчал, закрыв глаза. Не открывая их, он начал говорить:

— Тебе не надо напоминать, что в случае уклонения от прямых и чистосердечных ответов и запырательства у нас имеются способы заставить тебя говорить правду...

Он протянул руку, указав на прислоненные к стене железные щипцы, решетку с острыми, колодки, жаровню и свисавшие со сводчатого потолка цепи с кольцами.

Родольфо переступил с ноги на ногу; еле заметная складка легла у его губ, а в серых усталых глазах мелькнула искра.

Наконец Сантинелли открыл глаза и, глядя в упор на Родольфо, стал задавать вопросы. Раффанати отошел в сторону и сел на скамью.

— Известна ли тебе, — начал пристав, — действительная причина ночной тревоги, вызвавшей события у башни Румбальдо?

— Да.

— Какова же эта причина?

— Желание провести в крепость подосланного человека.

Сантинелли сделал паузу, разглаживая лист бумаги.

— Так, — продолжал он. — А известны ли тебе лица, подославшие этого человека?

— Да.

— Именно?

— Синьоры да Гуаско.

— Ты встречался с ними когда-нибудь?

— Никогда.

— Откуда же ты знаешь, что именно они подослали человека?

— От отца капеллана.

— А откуда он это знал?

— Не знаю.

— Почему же не удалось провести человека?

Родольфо ответил не сразу:

— Этому помешал святой Ремигий.

— Напоминаю тебе о данной тобой клятве! — повысив голос и постучав пальцем по столу, строго сказал пристав. — Я вижу, ты и здесь хочешь продолжать свои дурацкие шутки. Не такое место выбрал!

— Так передал мне покойный Тербини со слов отца капеллана...

— Хорошо, — оборвал его Сантинелли. — Сколько ты получил от синьора да Гуаско?

— Ни одного аспра.

— Ты врешь! — Пристав ударил кулаком по столу. — Нам известно, что ты участвовал в подготовке этого дела.

— Простите мою дерзость, мессере, но ваши люди не всегда точны в своих наблюдениях.

— Замолчи! Это тебя не касается, и дело не в этом.

— Я вовсе не хочу учить вас, мессере, или делать вам замечания, а, наоборот, хочу помочь вам выяснить все обстоятельства дела.

— И для этого ты врешь? — усмехнулся Сантинелли.

— Я говорю только правду, мессере.

— Довольно! Последний раз напоминаю тебе, — пристав постучал пальцем по столу, — у меня, мой дорогой, разговор короткий: колодки и щипцы!

Нахмурив брови, он наклонил голову над бумагами и стал перебирать их. Воздух был неподвижен, но пламя свечей колебалось, и тень от большого подсвечника то вползала на страницу книги, то сползала с нее. В эту минуту Родольфо услышал тихий вздох, раздавшийся где-то за креслом пристава. Он отвел взгляд от свечей и различил фигуру сидящего человека. Очертания его темной одежды и головного убора сливались с чернотой стены.

Сантинелли перевел взгляд с бумаги на Родольфо и снова, пристально глядя ему в глаза, продолжал допрос:

— Предположим, что все это так. А вот расскажи-ка что-нибудь о купце из Бергамо.

У Родольфо мгновенно мелькнула мысль: «Молчать, молчать во что бы то ни стало! Всё в моих руках. Если уступлю, неуклюжие люди пристава спугнут ломбардца, упустят — и тогда...»

— Отвечай же! — сказал пристав.

— Купец из Бергамо? Пьяница и прохвост, каких свет не видел. Вот бы, мессере, с кем вам поговорить с глазу на глаз!.. Между прочим, мессере, разрешите спросить вас, была ли предсмертная просьба Тербини, сообщенная мной через мессера Раффанати, доведена до сведения его милости мессера койсула и где похоронили бедного старика?

— Что ты запутываешь! Какое это имеет отношение к нашему делу? Где надо, там и похоронили. Брось путать. Пустяками, мой дорогой, не отделаешься. Это тебе не «Золотой баран», где ты пьянствовал на чужой счет.

— Вот как раз об этом-то, мессере, я и хотел вас спросить, — то есть не о моем пьянстве, а о бергамском купце. А о Тербини я вспомнил потому, что, занятый хлопотами у его постели, а потом заключенный в погреб, я ни о чем больше не слышал.

Сантинелли нахмурился.

Сантинелли перевел взгляд с бумаги на Родольфо.

— Кто кого здесь допрашивает? — крикнул он.

— Вы, мессере, меня допрашиваете, а я вас просто спрашиваю.

Вдруг на безобразном лице Родольфо появилась удивленная улыбка; он взялся руками за край стола. За креслом Сантинелли стоял консул.

Раффанати вскочил со скамьи и подошел к цирюльнику. Пристав тоже встал.

— Уступите мне ваше место, Сантинелли, — сказал консул и сел в кресло. — Раффанати, я попрошу вас подождать нас в той комнате.

Когда Раффанати ушел, а пристав с несколько смущенным видом сел на скамью, придвинутую им к столу, ди Негро обратился к цирюльнику:

— Родольфо, ты не столь глуп, чтобы не понимать, к чему могут привести твои недомолвки и неясность твоего поведения, как губительно они могут повлиять на твою судьбу и на наши старания поскорее распутать это дело. Твоя не совсем понятная для нас игра опасна для нас и для тебя самого. Попробуем поговорить честно. Хочешь ты этого?

— Ваша милость слышала мои ответы, — смущенно ответил Родольфо. — Я сказал всё, что знаю.

— Всё, да не совсем. Мне кажется, что ты знаешь больше, чем говоришь.

— Ваша милость...

— Подожди. Не будем терять напрасно время.

Ди Негро взял со стола лист бумаги и, положив его перед Родольфо, спросил:

— Зачем ты взял это из бумаг Тербини?

Родольфо опустил глаза. Сантинелли вскочил и тоже спросил:

— Да, вот ответ: зачем и почему именно эту бумагу и для передачи кому?.. Что ж ты молчишь?

Родольфо поднял глаза и, не обращая внимания на перегнувшегося к нему через стол пристава, ответил, глядя на консула:

— Я отнял ее у человека, который мог бы передать ее вашим... нашим врагам, ваша милость.

— Дальше? — спросил ди Негро.

— Я хотел отдать ее мессеру Скампи — это он писал. Я вошел к Тербини, когда этот человек держал бумагу в руках...

Сантинелли хлопнул рукой по распятию и крикнул:

— Врешь, врешь! За все дни болезни Тербини у него никого не было, кроме тебя, он сам сказал мне об этом. Врешь! И ты смеешь обманывать его милость? Смеешь думать, что пошлыми шутками и подлой хитростью снимешь с себя вину в тягчайшем

преступлении — в измене Республике! Мало тебе преступной болтовни в «Золотом баране» с ремесленниками, с солдатами в крепости? Мало разжигания бунта против Республики?

Родимое пятно на лбу и щеке Родольфо вспыхнуло. Он закусил нижнюю губу, и видно было, как он сдерживается. Ди Негро заметил это и рукой отстранил от него Сантинелли, который тоже покраснел и, сев, стал нетерпеливо барабанить пальцами по столу.

— Подождите, — спокойно сказал ди Негро. — Ты утверждаешь, что кто-то при тебе хотел взять эту бумагу?

— Да, ваша милость.

— Имя?

— Каструччо, смотритель водопроводов.

— А вот Тербини говорил Сантинелли, что никого не было.

— Тербини был в забытьи от сильной лихорадки — он мог не слышать, как вошел смотритель, и пришел в себя только тогда, когда я, повысив голос, выгнал Каструччо.

— Значит, ты так кричал, что мог разбудить больного? — спросил пристав.

— Я говорил громко.

— В таком случае Тербини должен был спросить тебя, что случилось, однако он и этого не помнил.

— Он открыл глаза, когда Каструччо, выходя, хлопнул дверью.

Пристав покачал головой и, улыбаясь, обратился к консулу:

— Все это неясно и неубедительно. Вы видите, ваша милость, что он что-то путает.

— Скажи, — спросил консул, — зачем тебе понадобилось отнимать эту бумагу? Прочитав ее, Каструччо положил бы ее обратно.

— Нет, он ее взял бы с собой.

— Зачем?

— Чтобы продать.

— Кому?

— Синьорам да Гуаско.

— Зачем она им?

— Для перепродажи визирю султана. В письме — сведения о крепости, о наших солдатах, о запасах...

— Не вернее ли будет, — снова вмешался пристав, — что ты сам рассчитывал поживиться?

Родольфо молчал. Его лоб и щека снова вспыхнули: он сжал кулаки, и серые глаза метнули искры.

— Отвечай, когда тебя спрашивают! — крикнул пристав.

— Я думаю, Сантинелли, — сказал ди Негро, — на сегодня довольно. Позовите Раффанати.

Пристав ушел и вернулся в сопровождении Раффанати. Оба они встали рядом с Родольфо, ожидая последнего приказа консула. Ди Негро встал, и колеблющийся свет резкими тенями очертил его суровое бледное лицо, прямые пряди седых волос и черный бархат одежды.

— Сантинелли, пишите, — сказал он, указав на скамью.

Пристав сел, взял перо и стал записывать слова консула.

— «Именем Светлейшей республики Генуи, — усталым голосом диктовал ди Негро, — и ее преславного покровителя и защитника святого Георгия и согласно соответствующих статей устава 1449 года приказываю: впредь до окончательного расследования и выявления всех обстоятельств, касающихся учиненного нами сего числа допроса цирюльнику нашего управления, арестованного освободить...»

Пристав выронил перо из руки, и чернила размазались. Он схватил песочницу и стал посыпать бумагу.

— Что же вы? — сказал ди Негро. — «...ос-во-бо-дить»... Написали? «...передав его под клятвенное поручительство владелице харчевни «Золотого барана»... не знаю, как ее имя...

— Джанинна! — буркнул Раффанати, выпучив глаза и невольно улыбаясь.

— «...Джанинне, — продолжал консул, — с наложением на нее ответственности всею ее земельной и иной собственностью, имуществом и деньгами, а также и ее личной свободой, установив соответствующий надзор как за нею, так и за взятым на ее поручительство вышеуказанным цирюльником». Все. Перепишите и передайте секретарю для подписи мне завтра утром. Условьтесь также с мессером Скампи о вызове хозяйки харчевни завтра же, чтобы она подписала поручительство. Надзор установить немедленно.

И ди Негро вышел в сопровождении пристава.

Родольфо молчал, опершись руками о стол. Лицо его сразу осунулось и побелело, словно вся усталость от пережитого за последние дни, проведенные без сна и еды, в затхлом воздухе погреба, от терзавших мыслей, от напряжения воли во время допроса наконец победила его. Он стоял опустив голову. Длинная прядь волос, свисая, закрывала глаз и щеку, и крупные капли пота скатывались со лба по его широкому, безобразному лицу.

Раффанати поддержал его:

— Что с тобой? Плохо тебе?.. Пойдем, пойдем скорей, я тебя доведу!

И, задув свечи, он заботливо повел Родольфо к выходу.

Очень ранним дождливым утром следующего после допроса Родольфо дня главный двор крепости представлял собой необычную картину: во всех направлениях — от одного дома к другому, от двора консульского замка к казарме, от нее к караульные главных ворот — сновали люди, из которых многие, не обращая внимания на дождь, были без плащей. Главным образом это были слуги, конюхи, посыльные, поварята. Особенно, конечно, отличался Мартино, совершавший поистине удивительные по своим размерам прыжки. Иногда, правда, он с разбега не рассчитывал расстояния, попадал ногой в лужу, и брызги летели высоко в стороны. На всех лицах было радостное любопытство; всем, казалось, нравилось бегать под дождем туда и обратно. Поставщик мяса, привезший на паре волов бараньи туши, ничего не мог добиться на комендантской поварне: повара то и дело выбегали за дверь, посылали куда-то поварят, сами исчезали, а волы и туши бесцельно мокли под дождем.

А казарма просто на себя не была похожа. Вернувшиеся из почного караула не ложились спать и, наскоро поев похлебки, присоединялись к остальным, с жаром обсуждавшим происшедшее с цирюльником. Об этом они узнали от солдат, отпущенных начальником ночью из дома помощника коменданта. Солдаты рассказали, что арестованный оказался цирюльником, что его, вероятно, сильно измученного пыткой, вывел под руку начальник и повел не в погреб, а домой, что допрашивал сам консул. Эти сведения были принесены еще ночью, а теперь от пробежавшего черномазого поваренка они узнали, что цирюльник совсем здоров, а слуга консула приказал отнести цирюльнику жареной баранины с чесноком и лепешек, что он, поваренок, и сделал.

Насколько ночью все были удручены, настолько сейчас все радовались. Из всех солдат только трое остались при особом мнении: Пьетро и Гвидо, хранившие тайнственное, еле сдерживаемое на радостях молчание, и Лунджи, который сказал:

— Тут что-то не так: не станет консул себя беспокоить из-за цирюльника. Цирюльник цирюльником, а в погребе был еще кто-то другой.

Когда наконец к полудню явился Раффанати, без плаща и с непокрытой головой, солдаты его не узнали: у него был такой вид, словно освободили не цирюльника, а его самого. Во-первых, он улыбался. Во-вторых, собрав всех вокруг себя, он подробно рассказал им о решении консула. Что было самым необычным — это когда он, закончив свой рассказ, поставил

одну ногу на скамью, поднял вверх руку и, выпучив глаза, зычно прокричал:

— Да здравствует Джанинна!!!

Позабыв, кто стоит перед ними, солдаты дружно повторили его возглас. Голоса Пьетро и Гвидо перекрывали все остальные.

Когда побагровевший Раффанати вышел из казармы, первый раз в жизни не сделав ни одного замечания, солдаты перемигнулись: от начальника сильно пахло вином.

Сам цирюльник не выходил в этот день из дому. Бегавшие то и дело во второй двор поварята рассказывали, что к цирюльнику несколько раз прибегал слуга капеллана и приходила хозяйка харчевни Джанинна вместе с помощником капитана мессером Раффанати. Один из повараг уверял, будто бы он собственными глазами видел, как из двери цирюльника вылетел смотритель водопроводов, словно кто-то сильно толкнул его ногой пониже спины, и что смотритель, споткнувшись о порог, полз некоторое время на четвереньках.

Одним словом, до самой ночи в крепости только и было разговоров, что о цирюльнике, и не было человека, который не радовался бы его освобождению.

Даже капеллан, снова посетивший секретаря, уверял его, что освобождение Родольфо нельзя не отнести к высшей справедливости неба, виявшего жарким молитвам, вознесенным капелланом за грешную душу цирюльника. Отец Бартоломео интересовался, присутствовал ли мессер Джорджио при допросе и не было ли там каких-либо проявлений божественной десницы господней, направившей волю благородного мессера консула к вынесению столь мудрого решения.

А вот уж где поистине было весело в этот день, так это в «Золотом баране». Каждому вновь пришедшему рассказывалась сначала вся история с цирюльником, и все присутствующие, прослушав ее в тридцатый раз, требовали еще вина и пили за Джанинну, заставляли ее пить вместе с ними, поднимали ее на руки и качали. Часть восторгов обрушивалась и на Франческино, которым более рьяные играли, как мячом.

Многие заночевали в харчевне, не в состоянии преодолеть подъем по лестнице, а вышедшие на улицу распевали такие веселые и громкие песни, что патрули Сантинелли не отваживались приблизиться к поющим. Как выяснилось на следующий день, они поступали так по приказанию самого пристава. И так уже громкая слава о Джанинне из Солдаи и ее «Золотом баране» с этого дня еще раз прогремела по побережью Великого моря — ее развозили рыбацкие суда и торговые галеры.

Очень был доволен всем этим происшествием и Скампи, считая себя спасителем цирюльника: не прими он хозяйку хар-

чевии и не передай ее просьбы консулу, вряд ли бы допрос Родольфо кончился тем, чем он кончился. Мессер Джорджио не знал о подробностях допроса, но ему было ясно, что Родольфо стал жертвой чрезмерного усердия пристава с его смехотворными «тайнственностями», а некоторое неудовольствие, которое он замечал в консуле при разговоре о происшедшем, он относил опять на свой счет: ди Негро в первый раз увидел, что не он один пользуется авторитетом среди низших слоев населения, и, кроме того, как передавал слуга мессера Джорджио, о нем сейчас в крепости и городе говорят больше, чем о консуле. И мессер Джорджио был доволен самим собой, заложившим первый камень к чему-то грядущему и большому, чего ждет от него отец.

Непрекращающийся дождь доводил Скампи до отчаяния. Он приказал бы оседлать своего жеребца и, взяв с собой двух оруженосцев, проехался бы по предместью, чтобы немного развлечься, подышать воздухом и посмотреть на людей... и, как назло, этот дождь!

В радостной суматохе, охватившей обитателей крепости, один только главный виновник ее — Родольфо находился в подавленном и тревожном состоянии.

Родольфо поблагодарил Джанинну за все сделанное для него, но, сославшись на нездоровье, отказался идти в харчевню, куда она звала его, чтобы угостить, и сказал, что несколько дней, вероятно, не будет выходить, чтобы не расхвораться к празднику. То же самое он сказал и Мартино, прибежавшему по поручению капеллана узнать о его здоровье; то же — и слуге Скампи, желавшего его видеть.

Сидя запертым в погребе, Родольфо предугадал скорый допрос, но он не предугадал решения консула, вернувшего ему свободу теснее стен погреба. Радостно принятое всеми, это решение связало Родольфо и не давало ему покоя. Куда бы теперь он ни пошел, за ним будут следить люди пристава, даже в самой крепости. Кто виноват в этом? Только он сам. Упрямо окружая себя таинственным колдовским кругом, он позволил консулу перехитрить себя и замкнуть этот круг. Остается четыре дня до назначенного им ломбардцу срока...

Родольфо продолжал быть убежденным в разумности сохранения жизни такого консула, как ди Негро, для успешного выполнения плана народного восстания. Заветная мечта Родольфо и его друзей приближалась к своему реальному осуществлению. Убийство консула вызовет вспышку карательных мер правителей. Сейчас во что бы то ни стало надо поддерживать и оберегать пламя, горящее в сердцах «малого народа».

Горькое сомнение вкрадывалось в сознание Родольфо: уж не для скрытой ли борьбы с этим пламенем принято консульское решение? Уж не доносы ли людей пристава навели консула на мысль о необходимости слежки за цирюльником? Но если это так, то тем более не надо отказываться от поимки ломбардца. Можно было бы рассказать об этом консулу, но люди Сантинелли так неповоротливы! А затем надо принять все необходимые предосторожности и все меры к скорейшему осуществлению своего и друзей своих главного плана.

Допрос цирюльника подтвердил правильность утверждений ди Негро в его споре с Сантинелли, пролил свет на многие важные стороны заговора, доказав участие в нем отца Бартоломео. Глухая многолетняя борьба с братьями да Гуаско и с их покровителями в Кафе принимала все более и более острые формы. Подозрительное поведение смотрителя водопроводов говорило о том, что и среди служащих консульского управления могут быть люди, завербованные заговорщиками. Дело осложнилось еще и тем, что капеллан хотя и состоял в штате консульского управления на содержании за счет Республики, но подчинен был кафескому епископу всей Газарии, представителю папской курии, и применять к нему меры административного порядка, как к остальным служащим, консул не имел права без согласования с церковными властями Кафы. В ходе допроса, прислушиваясь к ответам цирюльника и вглядываясь в него самого, ди Негро пришел к заключению, что лучшим решением вопроса должно быть предоставление цирюльнику свободы действий, что до сих пор приводило к благоприятным результатам. Просьба хозяйки харчевни явилась удобным предлогом для вынесения официального решения, а включение в него указаний о надзоре за цирюльником умеряло отчасти служебный пыл Сантинелли.

Прошло еще два дня. На третий день с утра со стороны долины подул ветер и разогнал тучи. Солнечный свет пролился на землю, быстро высушил каменные плиты дворов крепости и зажег крест на туго натянутом ветром знамени консульского замка.

Хилые нити плюща со свернутыми от холода листьями ползли по камням темного, покрытого мхом, не прогреваемого солнцем угла низкого дома, примыкавшего одним концом к внутренней стороне второго двора.

Косая тень легла на низкую дубовую дверь, обитую железными полосами, и на глубоко вытесанное узкое оконце с прутья-

ми решетки. В выемке каменной плиты у порога стояла лужица воды, отражавшая синеву неба. Родольфо переступил через нее и взялся за кольцо двери; она была заперта. Он постучал один раз и второй — сильнее, но никто не открывал. Он приподнялся на носках к оконцу и позвал:

— Мессер Каструччо!

Никто не ответил.

«Странно! — подумал он. — В такой ранний час он всегда дома». Он постучал в дверь еще раз. Полнейшая тишина была ответом.

Родольфо вышел на главный двор. Первым увидел его поваренок, кидавший корм курам, обступившим его со всех сторон. Он бросил корзину, перепугав кур, и помчался к цирюльнику.

— Вот что, малый, — сказал ему Родольфо, — сбегай-ка к главным воротам и спроси караульных, не видели ли они мессера смотрителя. Придешь ко мне домой и скажешь. Живо!

Поваренок принес ответ караульных, что еще никто из крепости не выходил.

Родольфо был озадачен: он знал, что смотритель ни у кого не бывает, а дружил только с покойным Тербини. Ему представилось отвратительное, жалкое птичье лицо смотрителя, когда тот, цепляясь потными, холодными пальцами за его руку и заикаясь от волнения, умолял не выдать, не погубить его. Родольфо вспомнил, как Каструччо упал на колени и полз за ним, пытаясь поцеловать у него руку, и как он, не стерпев этого, вышвырнул смотрителя за дверь...

Эти мысли не покидали Родольфо и дома.

«А что, если смотритель сбежал в Кафу?»

В дверь постучали. Родольфо открыл и увидел посыльного.

— Вас просит скорей мессер Сантинелли... просит в дом, где смотритель!.. — скороговоркой выпалил он и, не дав расспросить, убежал.

Подойдя снова к двери смотрителя, Родольфо заметил, что она распахнута. Узким коридорчиком прошел он в полутемную комнату, которая в первое мгновение показалась ему пустой.

— Это ты, Родольфо? Подойди сюда, посмотри, — раздался голос пристава откуда-то из-за стола, стоявшего посреди комнаты.

Родольфо обошел стол и увидел спину пристава, нагнувшегося над лежащим на полу смотрителем. Рядом валялся опрокинутый табурет.

— Что с ним такое? — спросил Родольфо.

Не оборачиваясь, пристав мотнул головой вверх:

— Вон, снял его... Посмотри. Мне кажется, что кончился...

Родольфо поднял голову. С балки потолка свисал кусок обрезанного татарского сыромятного ремня. Скользнув взглядом

по стене, Родольфо увидел висевшие на ней два больших ключа. Он встал на колени, расстегнул кафтан на смотрителе и приложил ухо к его груди. Тело было совершенно застывшее, сердце не билось, дыхания не было.

— Когда вы его сняли? — спросил Родольфо.

— Только что. Выходил позвать посыльного и вернулся. А что?

— Попробую восстановить дыхание... Мессер Дезидерио, у меня на полке, у окна, склянка с зеленым настоем. Принесите поскорее, а я пока попробую...

И, взяв обе руки мертвеца, он стал равномерно поднимать и опускать их.

Пристав выбежал из комнаты. Родольфо мгновенно вскочил и, сняв ключи с гвоздя, спрятал их за пазуху. Когда вернулся пристав, неся в руках склянку, Родольфо все еще поднимал и опускал безжизненные руки Каструччо.

— Нет, все напрасно, надо было раньше! — с досадой сказал он.

— Кто же знал! — как будто извиняясь, произнес пристав. — Мне доложили сегодня утром, что он второй день не выходит, я пошел проверить. Дверь на запоре, я взломал, а он висит...

Сантинелли взял со спинки постели плащ смотрителя и покрыл им мертвеца с головой, потом поднял и поставил табурет.

— Я знаю, Родольфо, — сказал он, — о чем ты думаешь.

— Вряд ли, мессере, — улыбнулся цирюльник.

— Я думаю о том же, — продолжал пристав. — Я не смотрел еще его бумаги, да в них, может быть, и нет ничего, но его беспокойство после твоего ареста...

— Я могу уйти? — спросил Родольфо. — Меня хотел видеть мессер Скампи еще третьего дня, но мне нездоровилось. Я, наверно, застаю его сейчас в канцелярии.

— Иди, иди, — ответил Сантинелли. Когда Родольфо был уже в коридорчике, он крикнул вслед: — Пока не говори никому об этом!

Родольфо пошел домой и тщательно спрятал ключи не в комнате, а в темном углу лестницы, у порога. Потом, взяв свой ларец с принадлежностями цирюльника, отправился в консульскую канцелярию. Там секретаря не оказалось, и Родольфо пошел в замок. Встреча со Скампи произошла самая трогательная. Мессер Джорджо хлопал Родольфо по плечу и даже хотел угостить его вином, от чего цирюльник решительно отказался, объяснив, что он, сидя в погребе, привык к воде и не хочет от нее отвыкать на всякий случай.

— Я боюсь, мессере, как бы наш проникательный Сантинелли снова не перевел меня на жительство в этот укромный подземный замок.

— Скажи мне, Родольфо, почему именно хозяйка харчевни за тебя вступилась? Признайся, уж нет ли у вас с ней чего-нибудь более близкого, чем простая дружба?

— Пресвятая дева, мессер Джорджно! — воскликнул цирюльник. — Да вы совсем слепы! Во-первых, потому, что принимаете меня за молодого красавца, а во-вторых, потому, что вы принимаете себя за старого уроды.

Скампи сидел, развалившись в кресле и положив ногу на ногу. Он был очень доволен, что перед ним, опять как и раньше, стоит цирюльник и плетет всякий смешной вздор. Он уже заранее смеялся, ожидая остроумия Родольфо.

— Ну, ну?.. Ничего не понимаю, — сквозь смех говорил он. — Почему я урод?

— Как раз наоборот, мессере, я — урод, а вы красавец, и поэтому-то Джанинна и хлопотала обо мне. Не удивляйтесь. Все это очень просто, я объясню вам сейчас в двух словах. Первое: Джанинна — женщина...

— И очень недурна собой, — перебил Скампи.

— Совершенно верно, и это — второе: недурна и молода. Третье: она это знает...

— О! Когда женщины это знают, — опять перебил Скампи, — они готовы на все, лишь бы найти жертву для своего колдовства.

— Совершенно верно, мессере, и это — четвертое. Пятое: Джанинна видела вас только на улицах города, издали, по это не помешало ей оценить вашу красоту и стройность. Шестое: ей захотелось непременно увидеть вас ближе.

Скампи больше не перебивал цирюльника, а только внимательно слушал его.

— Седьмое: пройти в крепость без всякого дела нельзя. Восьмое: дело подвернулось. Девятое: Джанинна прошла в крепость и добилась своего (иначе она не была бы женщиной), то есть свидания не с кем-либо другим, а именно с вами, и теперь...

— Что теперь? — с некоторым нетерпением спросил Скампи.

— И теперь — десятое, о котором вы, мессере, вероятно, сами догадываетесь.

— Не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать, что теперь Джанинна убедилась, что ее привлекательность и молодость действительно чего-нибудь да стоят.

— О! Родольфо, ты задаешь загадки, — встав с кресла, потирая руки и смеясь, сказал Скампи. — Я видел твою поручительницу всего два раза и должен сознаться, что с удовольствием готов был бы поменяться с тобой наружностью — ненадолго, конечно, — чтобы видеть ее чаще.

— Вам известно, вероятно, мессере, что меня в крепости считают не только преступником, но, что еще хуже, колдуном, от-

чего у меня всегда и дрожат руки, когда мне приходится выбривать тонзуру на макушке его преподобия мессера капеллана. Ведь если что случится, он меня предаст судилищу святых отцов, и это будет куда хуже колодок мессера Сантинелли. А я, признаюсь вам по секрету, действительно колдун. Вот, например, вы хотите поменяться со мной наружностью, чтобы повидаться с Джанинной. Извольте, я своим колдовством могу в одно мгновение превратить вас в себя, и вы отправитесь к Джанинне, а все будут убеждены, что не вы пошли к ней, а я. Я вижу по вашему лицу, мессере, что вы не знаете, сошел ли я с ума или просто смеюсь над вами. Ни то, ни другое, и все гораздо проще: я дам вам свой плащ и свою рогатую шапку, капюшон вы опустите на лицо, а прохромать до «Золотого барана» вам будет не так уж утомительно. Если вы сделаете это под вечер, а вернетесь, когда будут звонить в колокол, то вы и повидаетесь с Джанинной, в то время как все будут уверены, что вы никуда из крепости не выходили.

Скампи молчал. Лицо его выражало смущение и неуверенность.

— Вы любите новеллы, мессере, а меня вы как-то называли новеллистом, вот я и сочинил новеллу, исключительно, чтобы доставить вам удовольствие. Но я все-таки не новеллист, а всего-навсего цирюльник, и поэтому позвольте, мессере, я постригу вас. Посмотрите, как нехорошо этот локон свисает ниже плеча. Прядь слишком тяжела и перестает виться, а вам удивительно к лицу, когда пряди коротки и волнисты. Кроме того, мессере, послезавтра великий праздник.

И Родольфо засуетился, подставляя Скампи стул, повязывая его голову лентой и закрывая ему шею салфеткой. Минуты две стрижка происходила в молчании.

— Родольфо,— тихо сказал Скампи,— а что, если твоя новелла перестанет быть новеллой?..

— ...и обратится в действительность,— подхватил весело цирюльник,— составив счастье троих людей?

— Почему троих? — удивился Скампи.

— Третий — это я, мессере. Я буду счастлив за вас!

— Но я не знаю, когда это можно будет сделать... — сказал нерешительно Скампи.

— Мессере, откладывать незачем, да и одному господу богу известно, что еще ждет нас впереди. Зачем терять золотое время? Послушайте меня, мессере, и я сегодня же постараюсь увидеть Джанинну. Согласитесь, мессере, что, если мы с вами тут сочиняем новеллы, впутывая в них женщин, и нашим колдовством превращаем все это в действительность, неплохо бы, на всякий случай, осведомиться о желании этих женщин стать действующими лицами нашей новеллы! Побеседовав с Джанинной, я уви-

жу, не зашел ли я слишком далеко в моем сочинительстве, и если это не так, то, получив ее согласие увидеться с вами, я попрошу ее назначить самый ближайший день. Мне бы лично казалось... но нет, довольно сочинительства, предоставим теперь решить все самой моне Джанине! Завтра утром я принесу вам ее ответ.

В каком настроении провел Скампи остаток этого дня и как он спал ночью, об этом знал только крылатый жестокий младенец, пронзивший своей отравленной стрелой сердце мессера Джорджио.

Глава XXVI

ДВОЙНИК

Консул вызвал к себе цирюльника и в присутствии Сантинелли приказал ему скрыть от всех, как умер смотритель. Всем остальным было сказано, что смотритель умер внезапно, от болезни сердца. Большинство приняло это сообщение безразлично. Смерть смотрителя, к которому все относились с неприязнью, прошла почти незамеченной.

В отличие от прежних лет, когда, согласно уставу, отпускались особые суммы на церковные празднества, на этот раз эти суммы не были ассигнованы, но суeta приготовлений к празднику рождества, как и прежде, заняла всех. Началась уборка казарменных и караульных помещений, украшение храма и консульской капеллы, двор наполнился скрипом подвод с продовольствием и шумом на комендантской поварне. Городской базар и улицы тоже празднично шумели. Франческино второй день скреб пожом столы, мыл пол и усерднейшим образом начищал морским песком золотого барана. Всем приходившим в харчевню объясняли, что в субботу она будет закрыта по случаю святой ночи.

— Мессер Джорджио! — воскликнул цирюльник, войдя в пятницу утром к секретарю. — Я с восторгом должен сообщить вам, что завтра харчевня будет закрыта и свободная от своих обычных занятий мона Джанина ждет вашу милость у себя!

— Завтра?!

— Да, лучшего дня для первой встречи не придумать: в городе все заняты предпраздничной уборкой, поэтому окрестности харчевни будут пустыни.

— Как-то уж очень скоро... — недоумевал Скампи.

— Цветок распустился, мессере.

Когда Родольфо спустился во дворик, к нему подбежал слуга пристава и сказал, что послан своим господином узнать, где цирюльник, и привести его.

— Они хотят постричься к празднику, — добавил он.

— Скажи мессеру Дезидерио, что я пойду к себе взять что надо и тотчас же явлюсь к нему.

«Странно! — подумал Родольфо. — Сантинелли не любит отнимать у себя время и обычно отводит мне самые ранние часы». И в его голове возникла тревожная мысль, не знает ли пристав больше чем следует. Тогда он успит слежку, и, что самое страшное, его соглядатаи спугнут ломбардца, и он не явится в условленное время. И все это может произойти теперь, накануне желанного часа!

Всей силой воли преодолевая волнение, Родольфо вошел к приставу.

— О, наконец-то я тебя заполучил! — добродушно воскликнул Сантинелли.

— Я так привык, мессере, стричь вас по утрам, что никак не предполагал, что понадобится вам сейчас.

— Спешные дела, Родольфо, и праздник — все вместе нарушило обычный порядок... Ну вот, я сел, приступай к работе.

Сантинелли уселся на стул у окна, сам повязал себе салфетку и, уткнувшись в нее подбородком, подставил затылок цирюльнику. Ножницы звякнули в руке Родольфо.

Несколько минут прошло в молчании.

— Что говорят о смерти зрителя? — спросил наконец Сантинелли.

— Я был только в замке, — ответил Родольфо, — и видел только мессера Скампи.

— Что же он говорит по этому поводу?

— Он говорит о зрителе все то же, что говорил о нем при его жизни, то есть ничего.

— А ты, конечно, молчал?

— Как рыба, мессере.

Сантинелли ниже опустил голову.

Скоро редкая бахромка, окаймляющая лысую голову пристава, была приведена в порядок, и оставалось только подровнять бороду и усы. Теперь Родольфо стоял перед Сантинелли спиной к окну, а пристав откинул голову на спинку стула, выпятив вверх подбородок. Его мутноватые глаза напряженно щурились, глядя на светлое за окном небо.

— Погода исправляется, — сказал Родольфо.

— Угу... — промычал в ответ Сантинелли.

Когда Родольфо, поддерживая левой рукой жидковатую, остренькую бородку, тщательно ровнял ножницами ее бока, приблизив свое лицо к лицу Сантинелли, тот, чуть шевеля губами, спросил:

— А не знаешь ли, где зритель хранил ключи от двери на дорогу к водоемам?

Родольфо не дал дрогнуть руке и только медленно попятился к окну, наклонив голову набок, вглядываясь в свою работу, и, словно всецело занятый ею, спокойно ответил, растягивая слова:

— Нет, мессере. Я, признаться, никогда этих ключей не видел и где они хранились... не знаю...

И, все еще наклонив голову набок и присматриваясь к подстриженной бороде, Родольфо снова медленно подошел к приставу. Их глаза встретились, и Родольфо увидел устремленный на него холодный взгляд Сантинелли, совсем такой, как тогда, на допросе. Знал ли пристав, что ключи висели на стене комнаты смотрителя, видел ли он их там накануне, об этом Родольфо не мог догадаться. Зная твердо одно, что никто не мог видеть, как он их взял и как прятал, Родольфо решил ответить именно так. Что ему оставалось делать?

Ответ, видимо, не удовлетворил Сантинелли. Нахмурившись, он встал, сорвал с шеи салфетку, бросил ее на стул и пробурчал, словно сам себе:

— Надо их найти во что бы то ни стало...

Родольфо складывал салфетку и прятал ее в свой ларец.

— Иди! — резко крикнул пристав.

Вернувшись к себе, Родольфо решил взять ключи из того угла, где он их спрятал, и носить с собой. Он их чувствовал теперь у себя под камзолом, они давили грудь, беспрерывно напоминая о роковом часе.

Целый день цирюльник бродил по крепости из тревожного опасения остаться дома одному. Он сел на камень у северной стены, где было безлюдно и тихо. Солнце, склонившееся к западу, позолотило завитки орнамента гербов на каменной плите, вделанной в стену башни. После туманных, дождливых дней этот день, если бы не холодный воздух, казался почти летним, такой он был яркий и тихий. Вершины гор были залиты светом, и по склонам их четко обозначались тропинки среди можжевеловых зарослей.

Вспомнились Родольфо теплые синие воды родного залива, далекие картины безрадостного детства, когда он хилым уродцем, посмешищем слуг синьора, рос среди вот таких же стен в замке. Мало осталось от детских воспоминаний, и все только грустное или страшное. Он знал, что отец умер, замученный пыткой в глубоком подвале, не угодив чем-то синьору, — так говорила его мать, худая, больная женщина с всегда заплаканным лицом. Помнил он страшную ночь, когда два огромных пьяных человека ворвались в каморку, где они жили, как схватили они его старшую сестру и, заткнув ей рот тряпкой, волочили по полу; как плакала и кричала мать, как плакали испуганные младшие сестры и братья, как он вцепился зубами в руку одного из пьяных, а тот схватил его и швырнул об стену; как долго он лежал

потом со сломанной ногой, как болела нога и как мать сидела возле него и плакала; как умоляла она старшего слугу синьора не выгонять их из замка, пока ее сын болен; как слуга издевался над ней, хохоча над уродством ее сына, и как он, Родольфо, плюнул в жирное, красное лицо слуги. Помнил, как в тот же день их вышвырнули за ворота и как мать, обливаясь потом и слезами, долго везла его на тележке с узлом вещей, а кругом бежали босые маленькие сестры и братья... Так началась его жизнь.

В нищете и голоде тянулись унылые дни в маленьком городке. Не от кого было ждать помощи. За жалкую миску поленты¹ в день, отказывая себе во всем, изнуряя себя подневной работой в домах у мелких купцов, мать безропотно, во имя жизни детей своих, переносила оскорбления и побои зажиточных хозяев.

Когда Родольфо подрос, мать отдала его в обучение к цирюльнику. Мальчику посчастливилось: старик цирюльник оказался неплохим человеком. Строгий к ученью и работе, он, однако, хорошо относился к ученикам и, расчетливо помня свою хозяйскую выгоду, хорошо их кормил. К миске поленты, получаемой матерью, прибавилась миска чесночной похлебки и кукурузные лепешки Родольфо; в предпраздничные дни в похлебке появлялись кусочки вареной баранины, а в корке лепешек — какие-то сладкие зернышки. Цирюльник учил стричь, брить, пускать и останавливать кровь, ставить пиявки, лечить порезы, бинтовать раны, составлять и варить лечебные снадобья. Учил он и грамоте, заставляя выучивать наизусть большие страницы тяжелых старинных книг. Родольфо пристрастился к ним. Он выпрашивал у хозяина ту или другую, брал домой и просиживал над ней чуть ли не целую ночь. Так постепенно постигал он мудрую науку леченья.

Но нищета продолжалась. От болезней и недоедания один за другим умерли младшие братья и сестры. Измученная горем, работой и голодом, слегла и мать. Врачебные познания Родольфо не помогли ей, и она умерла. Ему было тогда четырнадцать лет. Оставшись один, он с еще большим рвением, с каким-то злобным упорством, наперекор судьбе, принялся за работу и книги.

Хозяин умер, передав цирюльню Родольфо, своему любимому ученику. Скопив небольшие деньги, он перебрался в Геную; угождая своими рассказами ходившим в его цирюльню купцам, он завоевал славу искусного мастера, хорошего лекаря и «веселого малого». Стали его звать в дома купцов и знатных синьоров. Так, по ходатайству одного купца, он попал в дом к ди Негро, который расположил его к себе отсутствием обычной надменной напыщенности, отличавшей других знатных особ города.

Родольфо не пришлось занимать своего нового клиента рос-

¹ Полента — кукурузная каша (итал.).

сказнями о городских сплетнях и пустым балагурством. Ди Негро расспрашивал цирюльника о его жизни и работе и, как ни странно, сочувственно говорил о неприглядном положении мелких ремесленников и необходимости справедливого удовлетворения неоднократных требований представителей малых ремесел о предоставлении им мест в городском управлении. Сначала Родольфо не верил в искренность уж слишком свободолюбивых разглагольствований этого разодетого в бархат и шелк владельца раззолоченного дворца, но из раза в раз, приглядываясь к «чудному спеньору», убеждался в полнейшей искренности ди Негро, в присущем ему, в отличие от других знатных клецптов, своеобразном свободомыслии, странно сочетавшемся с его родовитостью, с приверженностью правительственным установлениям и с роскошью дворца.

Когда ди Негро получил назначение на пост консула Солдаин, он начал уговаривать Родольфо поехать туда вместе с ним. «Что потеряет, уехав, одинокий человек? — говорил он. — Не лучше ли иметь постоянный, верный заработок и не думать о найме помещения и добывании пропитания?.. А далекая, чужая страна? Какая же чужая, если она полна соотечественников, годами живущих там?» Уговаривая, ди Негро неизменно прибавлял, что привык к услугам Родольфо, привык к нему самому, очень хотел бы видеть его своим цирюльником в Солдаине и, советуя цирюльнику ехать туда, желает ему только счастья.

Родольфо согласился.

Поездка кружным путем по суше (сарацины не пропускали генуэзских галер) длилась долго. К поезду консула присоединилось немало купеческих обозов и при них немало всякого народа, по большей части завербованного людьми банка святого Георгия для работ в Газарии.

Всем мерещилось счастье, ловко наобещанное вербовщиками. Так и Родольфо поехал в далекую Солдаию в поисках счастья... Где оно, это счастье?

Долго еще сидел Родольфо, опустив голову на руки. Огненный шар солнца ушел за гору Горячих Источников, докрасна раскалив ее каменную вершину. Гербы на башне консула Джудиче погасли. Наползли сумерки, потянуло холодком от водоемов. Кое-где в окнах зажелтели огоньки.

Звон колокола заставил очнуться. «Завтра в это время... Только бы не помешали!» — подумал Родольфо и заковылял к своему дому.

Следующий день был такой же ясный и тихий, еще более суеблиый для обитателей крепости, спешивших закончить уборку и приготовиться по всем правилам благочестия к слушанию торжественной ночной мессы.

Впервые после ареста цирюльник ранним утром появился во дворах крепости. Видели, как он входил к капеллану, видели его и у дверей консульской канцелярии, и во дворе замка Святого Креста, и у казармы. Он ковылял с веселым видом, размахивая своим окованным медью ларцом и перекидываясь шутками с попадавшимися ему навстречу. Родольфо даже зашел в караульную главных ворот и, напевая канцонетту, балагурил со сменившимися из караула солдатами, как всегда толпившимися у листка с указателем башен; он рассмешил всех, когда на жалобы одного солдата, что вместо церкви тот будет проводить ночь на западной угловой башне, больше других открытой со всех сторон, сказал:

— Не унывай! Вместо свечей будут звезды, псалмы споет море, а уж если закричит сова, так тебе и нашего отца капеллана не надо.

На всех в этот день цирюльник произвел впечатление человека вполне пришедшего в себя после пережитого и ставшего по-прежнему неунывающим и веселым. Подстригая пушистые усы помощника капитана, Родольфо даже признался ему по секрету, что, невзирая на опасность эпитимии, которую может наложить на него отец Бартоломео за несоблюдение поста, и несмотря на закрытие «Золотого барана», уговорился с Джанингой, что зайдет к ней сегодня вечером, а она угостит его кружкой-другой. Если мессеру Раффанати угодно дать ему какой-нибудь кувшин, он с удовольствием принесет его любимого вина, которого нет в комендантском погребе.

Когда Родольфо стриг консула, тот задал ему совершенно неожиданный вопрос:

— Как же нам быть с ключами? — и, подняв голову, пристально взглянул на цирюльника.

— Я смею думать, ваша милость, что мессер Сантинелли их скоро найдет... Сегодня или завтра...

— Подровняй мне на висках, — перебил его ди Негро, словно стрижка интересовала его куда больше, чем пропажа ключей.

От консула цирюльник пошел к секретарю. Скампи был бледен и взволнован.

— Куда ты запропастился? Я жду тебя с утра!

— Мессере, — ответил Родольфо, — я приложил все старания как можно раньше побрить и остричь всех, чтобы отделаться поскорее и предоставить себя теперь всецело вашей милости.

На этот раз цирюльник не острословил, а подробно обсудил со Скампи, как и когда предстояло им встретиться. Больше часа шептались они, как заговорщики, главным образом по вине Скампи, который прерывал разговор, чтобы заглянуть за дверь, где, как ему казалось, кто-то подслушивал.

Немало времени заняла и репетиция: мессер Джорджно все ошибался и хромал не на ту ногу.

Солнце не заходило еще за гору Горячих Источников, когда Скампи пришел к цирюльнику.

— Я сделал все, как ты советовал. Слуге я сказал, что ухожу из крепости. Из замка я прошел в канцелярию, а оттуда — сюда, не встретив решительно никого. Но, знаешь, Родольфо, мне все-таки немного не по себе...

— Что вы, мессере! Рассудите сами: вы ушли из крепости и вернетесь в крепость. Уж кому должно быть не по себе, так это мне, потому что я уйду из крепости, а вместе с тем никуда не уйду из крепости.

Первый раз за много часов Скампи рассмеялся. Эта новелла с переодеванием, так ловко придуманная цирюльником, пришла ему, тем более что главным действующим лицом в ней был он сам.

— Я только попрошу вас, мессере, об одном одолжении... — Родольфо протянул Скампи большой глиняный кувшин. — Вот этот кувшин захватите с собой, попросите Джанину налить в него вина для мессера Раффанати и принесите его обратно. Несите кувшин так, чтобы его было видно, а вернувшись, поставьте его у моей двери. Я полагаю, мессер Раффанати с особым удовольствием выпьет сегодня в полночь за здоровье черноокой хозяйки «Золотого барана».

Скампи опять рассмеялся:

— Святая мадонна, как ты все запутал!

— Мессер Джорджно, вы забыли, что я колдун и новеллист. А какой же колдун не делает чудес и какой новеллист не запутывает своих слушателей?

Надев черный плащ цирюльника, напялив до самых глаз его рогатую шапку и взяв в руки кувшин, Скампи, хромая, несколько раз прошелся из угла в угол.

— Если бы не ваше свидание, мессере, — воскликнул цирюльник, — я дорого бы дал, чтобы пройти с вами под руку по нашим дворам!

— А что, разве похоже? — самодовольно спросил Скампи.

— Мне страшно, мессере, от собственного колдовства... Ступайте, мессере, пора, и да благословит вас Купидон! Не забудьте выйти от Джанины в вашем настоящем обличье и хорошенько спрятать кувшин.

Родольфо встал на стул и, облокотившись о высокий подоконник, смотрел сквозь решетку окна, как его двойник поспешно ковылял к воротам.

«Вот я и спровадил «себя» из крепости, — раздумывал он. — Джанина сумеет справиться с пылким влюбленным и, без сомнения, постарается сделать все так, как мы с ней уговорились.

Лишь бы «цирюльник» удачно дохромал до «Золотого барана»... Уж если в это дело вмешался Купидон, он подчинит своей власти и заставит пойти на любое безрассудство и не таких еще, как мессер Джорджио. Дохромает!..»

Родольфо улыбнулся своим мыслям, но улыбка мгновенно соскользнула с его лица: он взглянул на солнце, низко опустившееся к горе Горячих Источников.

Глава XXVII

КУВШИН

Скампи казалось, что самое трудное — это выйти из крепости: кто-нибудь может окликнуть или подойти, особенно из солдат у ворот или караульных у предмостного укрепления. И мессер Джорджио, направляя все свое внимание, чтобы не ошибиться, на какую ногу надо хромать, спешил из крепости. Ему повезло: навстречу никто не попался, и только солдат, стоявший с другими у казармы, засмеялся и что-то крикнул ему, погрозив пальцем. Но это подтверждало, что он действительно совсем похож на цирюльника.

Проковыляв немного по улице, выбитой колесами, с непросохшими лужами и скользкой глиной, он почувствовал боль в ногах. Приходилось то и дело останавливаться и отдыхать; одна рука устала плотно придерживать на груди плащ, чтобы он не распахнулся, другая была занята дурацким кувшином, неизвестно зачем навязанным цирюльником, а шапка была велика и сползала на глаза. Но особенно долго останавливаться было нельзя, так как по улице шли в ту и другую сторону прохожие, правда спешившие по своим праздничным делам. Все это омрачило предпринятое приключение и делало путь до харчевни совсем не таким близким и простым.

Повернув наконец в узкую улочку, шедшую в гору и выводившую к мосту через ручей, за которым находилась харчевня, Скампи остановился, решив в последний раз передохнуть. Улочка была пуста, только рядом в доме заскрипела дверь и из нее с кудахтаньем вылетела курица, а ей вслед злобно прокричал хриплый женский голос и дверь захлопнулась. Поправив шапку, Скампи отправился дальше, решив, что можно не так уж добросовестно хромать и выпячивать кувшин. И, как назло, услышал за собой шаги. Он снова быстро заковылял и, только переходя мост, сообразил, что хромает не на ту ногу. Человек, идущий сзади, догонял его. Впереди, покачиваясь, поблескивал баран харчевни.

Скампи прибавил шаг, сильно размахивая кувшином. Вхо-

дя в дверь харчевни, он заметил, что шедший за ним был здоровенный детина с лицом, обросшим черной бородой, и ему показалось, что этот человек остановился и сделал какой-то знак, указав рукой на то место, где стоял. Спускаясь по лестнице, Скампи снял шапку и плащ и строго приказал таращившему на него глаза Франческино, чтобы он запер дверь на засов и больше никого не впускал. Для подкрепления своего приказа он бросил мальчику монету и, как учил его цирюльник, пошел прямо к бочкам, за которыми действительно оказалась маленькая дверь. Толкнув ее ладонью, он вошел в комнату.

Джанинна стояла у окна, спиной к двери. Она только что надела праздничное платье и теперь пыталась разглядеть себя, как всегда злясь на маленькое зеркальце, в которое ровно ничего не было видно. Повернув голову, она в изумлении прошептала:

— Ваша милость?! — и, торопливо отложив зеркальце, отвесила низкий поклон.

— Брось эти церемонии! — воскликнул Скампи и, подойдя к ней, взял ее за руку. — К чему этот наряд? Ты гораздо лучше в своем обычном платье.

Не выпуская ее руки, он наклонился к ее уху и сказал:

— Наконец мы одни! Ты видишь, по первому твоему желанию я пришел, потому что с тех пор, как я увидел тебя...

Джанинна высвободила свою руку и сделала шаг назад:

— Я не понимаю, ваша милость, о чем вы говорите. Какое мое желание? Какое иное желание может быть у меня в этот святой вечер, как не пойти слушать мессу, для чего я и надела свое праздничное платье! Сегодня великий грех думать о чем бы то ни было другом.

— Однако! — засмеялся Скампи. — Ты веришь всем этим поповским бредням?

— Что вы, что вы! Да сохранит вас святая Агнесса! Как можно так кощунствовать...

— Можно, Джанинна, можно! Потому что все попы и монахи с их мессами не стоят одного твоего поцелуя!

— Ваша милость! — негодуяще воскликнула Джанинна. Освободившись из рук Скампи, она схватила кувшин:

— Зачем вашей милости потребовалось приносить с собой такой смешной кувшин? Откуда он у вас?

И она залилась смехом.

— Брось этот дурацкий кувшин! — сердился Скампи.

— Нет, вы скажите сперва, зачем вы его принесли? — смеялась Джанинна.

— Ну хорошо, только поставь...

— Сперва скажите...

Не желая посвящать Джанинну в историю с переодеванием,

Скампи наскоро пробормотал объяснение, из которого можно было понять, что о вине его просил Раффанати.

— О! — воскликнула Джанинна. — Для мессера Раффанати я с удовольствием наполню кувшин лучшим вином... Значит, мессеру Раффанати стало известно, что вы отираетесь ко мне?

— Не все ли тебе равно? — с раздражением сказал Скампи.

— О нет! Если это все равно вашей милости, то мне это не совсем все равно. Мессер Раффанати расскажет об этом одному, другому...

— Он не посмеет об этом болтать! — перебил ее Скампи.

Джанинна удивленно вскинула брови:

— Почему не посмеет? Разве он знает еще что-нибудь про вас, кроме того, что вы согласились передать мне кувшин?

— Ничего он не знает, и вообще никто ничего не знает и не посмеет знать про меня!

Скампи начал ходить взад и вперед по комнате.

— О, конечно, ваша милость, кто же смеет даже думать что-нибудь скверное про вас! Вот поэтому-то мессер Раффанати и может рассказать кому-нибудь, и вся крепость узнает. А каково будет мне, бедной вдове, если это разнесут по предместьям!

— Что разнесут? — снова перебил Скампи, все более раздражаясь. Он стоял теперь, поставив ногу на стул, и барабанил рукой по коленке.

— Разнесут то, что есть на самом деле: что вы ходили ко мне за вином для мессера Раффанати.

Скампи усмехнулся:

— Об этом пусть рассказывают!

— А если это дойдет до моего духовника?.. О, вы не знаете преподобного брата Иносентия, известного своей святой жизнью и строгостью...

— Вздор все это, Джанинна! Никому Раффанати не скажет, я в этом совершенно уверен, а на твоего монаха мне наплевать!

— Ваша милость! — негодуя воскликнула Джанинна, всплеснув руками.

Скампи сел на стол и подбоченился:

— Вот что, лучше скажи мне: какие мужчины тебе больше нравятся?

— Первым делом, — ответила Джанинна, ставя кувшин на стол, — мужчина должен иметь благородную душу и доброе сердце, должен быть умным...

— ...и красивым, — подсказал Скампи.

— Ну, это не обязательно...

— Стройным, — продолжал подсказывать Скампи.

— Вовсе не в этом дело.

— Вот и вино! — воскликнула Джанинна...

— И богатым...

— По мере возможности.

— И до сих пор ты еще никого не встретила?

Вместо ответа Джанинна опять взяла кувшин, подойдя к двери, открыла ее и крикнула:

— Франческино! На, возьми-ка этот кувшин и налей в него старого крепкого!

Оставив дверь открытой, она вернулась.

— Я жду ответа, — сказал Скампи.

— Ах, ваша милость, что толку в том, что я, может быть, и встретила кого-нибудь, если этот кто-нибудь...

Не договорив, Джанинна тихо опустилась на табурет и, вертя рукой маленький серебряный крестик, висевший на цепочке у нее на груди, потупила глаза. В ярко-синем, как морской анемон, платье с обтягивающим фигуру лифом и широкими, подобранными вверх складками юбки, с тщательно уложенными вокруг головы чудесными косами и выбившимися непослушными завитками у висков и на затылке, со свежим румянцем смуглого лица и с искрящимися задорными огоньками глазами, Джанинна была очаровательна.

Скампи подошел к ней и хотел обнять ее.

— Вот и випо! — воскликнула Джанинна, увидев Франческино на пороге, и, взяв из рук мальчика кувшин, поставила его на стол перед Скампи.

Комната наполнилась чудесным ароматом душистого солдайского винограда. Франческино стоял в дверях, с любопытством рассматривая консульского секретаря, которого он в первый раз видел так близко. Скампи быстро подошел к нему и выпроводил его за дверь, захлопнув ее за ним нетерпеливым движением.

— Смотри, как быстро темнеет! — сказал он, подходя к Джанинне.

— Да, пора мне собираться...

— Я никуда не отпущу тебя! — с жаром сказал Скампи.

— Что вы, ваша милость, разве можно!.. Франческино! — крикнула Джанинна и вырвалась из рук Скампи.

Вне себя он хотел броситься и преградить ей дорогу, но было поздно.

— Франческино, — спокойным голосом сказала она стоящему в дверях мальчику, — пойді закрой ставни и зажги фонарь на лестнице, чтобы его милости было видно. — И, обернувшись к Скампи, прибавила: — Пора собираться к мессе. Если я опоздаю в собор, никто этого и не заметит, а вам, ваша милость, надо торопиться: мост поднимут, не дожидаясь вас.

Еле владеющий собой, дрожащим от злобы голосом Скампи пробормотал:

— Я сумею проучить тебя!

— Вот теперь я верю в вашу искренность, — ответила Джанинна. — Торопитесь, вы опоздаете в крепость.

Скампи не слушал ее. Он схватил шапку и плащ и выбежал из харчевни.

— Заступиться за вас перед его милостью мессером консулом я уж не смогу! — крикнула Джанинна ему влогонку.

Дым праздничных очагов низко стлался в сырых сумерках, окутавших пустынное и тихое предместье. У моста по камням шумел ручей, и от плотины холодный ток воздуха доносил плеск падающей воды. Сквозь щели под дверями домов и между ставнями пробивались полосы света, и отблески их дрожали в лужах на улице. Но мессер Джорджио не слышал и не видел ничего. Веселая новелла по вине хозяйки харчевни превратилась в глупое и постыдное происшествие, оскорбившее его честь и запятнавшее его благородное имя. Может ли он должным образом отомстить этой наглой женщине? Свидетелей нет. И этот болван цирюльник перестарался со своим глупейшим переодеванием! Ведь, оказывается, можно было пойти и в своем виде. Надо ли затевать это дело? Не замарает ли оно его многолетний и беспорочный послужной список, как капля чернил с пера неосторожного писца?.. Какой вздор, в конце концов! Стоит ли связываться с подлой простолюдинкой!..

Погруженный в эти тягостные и разпоречивые размышления, мессер Джорджио попал ногой в скользкую лужу и так взмахнул руками, что чуть было не упал на спину.

— Будь она проклята! — проговорил он громко, подразумевая, очевидно, и лужу и Джанинну.

Это совпало с первым ударом вечернего колокола. У полукруга ограды предмостного укрепления, где уже сменялся караул, кто-то сзади, шлепая по грязи, налетел на Скампи, и он услышал задыхающийся голос:

— Ваша милость! Ваша милость! Кувшин!..

— Проклятый! — воскликнул мессер Джорджио, выхватил из рук запыхавшегося Франческно кувшин и, прикрыв его плащом, перешел мост.

Глава XXVIII

СВЯТАЯ НОЧЬ

С наступлением ночи воцарилась полнейшая тишина. В этой тишине слышны были только шаги караульных на башнях и лай собак по городу. Луны не было. Небесный шатер низко навис большими, яркими звездами; сумрак сгущался в углах и у уступов степ.

Когда Родольфо, пробираясь вдоль западной стены, прошел мимо башни Марпоне, ему показалось, что впереди него прошла чья-то тень и слилась с темнотой у башни Румбальдо. Он прижался к стене и стоял неподвижно. До угловой башни оставалось три пролета. Тень прошла снова, в обратную сторону. «Караульный у потайного хода», — сообразил Родольфо.

Время уходило, и медлить было нельзя. Цирюльник двинулся вперед, к черному великану-башне, и, подойдя к ней, вдруг тихо замурлыкал себе под нос, оперся обеими руками о стену и пошел боком. Он столкнулся с караульным, идущим от потайного хода. Солдат не успел опомниться, как Родольфо, положив ему руки на плечи, зашептал заплетающимся языком:

— Ради Гервасия, Протасия... тише ради всех святых!.. Кто это? А, это ты! Я так и знал... Ради всех... — Он уткнулся головой в грудь солдата. — Я не вижу твоего лица... Темнота чертова, никак не могу домой попасть... А ты кто?.. Только ради Протасия, Гервасия... а то услышат меня и опять в погреб...

Солдат, поддерживая его и смеясь, говорил тоже шепотом:

— Здорово вы хватили ради святой ночи! Я — Луиджи.

— Знаю, — бормотал Родольфо. — Я сразу, еще издали, узнал...

— А ведь вы у западной стены, — сказал солдат.

— У за-пад-ной? — испуганно протянул Родольфо.

— То-то и оно, — сказал Луиджи. — Я бы вас проводил, да мне нельзя отойти.

— Не надо... я сам найду...

Родольфо опять оперся руками о стену и поплелся дальше. Луиджи прошел рядом с ним шагов двадцать, уговаривая повернуть обратно.

— Нет, нет, я дойду... я знаю... — бормотал Родольфо.

Глядя вслед уходившему в темноту цирюльнику, Луиджи подумал: «Так оно по-моему и вышло, как я им говорил, когда его видели сегодня, как он выходил с кувшином... Эх, довели человека! Теперь он сохнет, бедняга!»

Пройдя следующий пролет, Родольфо ускорил шаги на подъеме к последней, угловой башне, не доходя до которой был выход к плотине. Подойдя к дверке, он долго водил руками по холодному железу, прежде чем нашел замочную скважину. Осторожно, чтоб не зазвенели, он вынул ключи из-за пазухи. Ключ не входил в скважину, царапая по двери. Родольфо прислушался: тишина была полная. Он снова стал прикладывать ключ. Руки дрожали, мешая быть осторожнее и делать скорее. Наконец ключ вошел, но не поворачивался. Он попробовал другой ключ — тот тоже не слушался. Приложив его к скважине, Родольфо ощущал ее и понял, что она короче и уже бородки ключа.

Тревога охватила Родольфо: «Не те ключи!» Мысли мчались, обгоняя одна другую: «Надо бежать назад и искать настоящий ключ. Где? Комната смотрителя заперта Сантинелли. Разыскать его, все рассказать! Он пошлет людей в обход к водоемам... Нет, только не это! Не найдут, не справятся, упустят... Попробовать еще раз?»

Не обращая внимания на то, что первый ключ громко стал царапать железо, цирюльник вложил его в скважину и обеими руками нажал на него. «Теперь уж все равно! Пусть звякнет замок...» Но замок не звякнул, а с трудом отперся; зато дверка закрипела на ржавых петлях, что заставило Родольфо осторожнее затворить ее за собой.

Неслышное по ту сторону стен, море шумело здесь под кручей скалы, где-то глубоко в темном провале, разбивая волны об ее подножие и обдавая лицо своим холодным дыханием, насыщенный запахом водорослей. Небосвод простирался во все стороны в волшебной, сверкающей огромности. Ощущение необычайной свободы охватило Родольфо. Это было мгновение. Он посмотрел вокруг и, пригнувшись, стал вглядываться в сторону порта.

Где-то очень далеко, за храмом Двенадцати Апостолов, мерцал, покачиваясь, огонек, вероятно на галере. Родольфо различил тропинку; она спускалась вдоль стены, от угловой башни к водоемам. От этой тропинки круто вправо шла другая, ведущая к мосту через ручей и в предместье. Родольфо то казалось, что он видит, как кто-то приближается к нему, то опять все сливалось в темноте; то слух его улавливал звук шагов, то снова слышен был только морской прибой.

Родольфо был без плаща и шапки, укрыться от холода было негде, ходить вдоль стены нельзя: заметят с башен. Вернувшись, он сел на землю у самой дверки и съежился, закрыв голову руками. «Тропинка ломбардцу показана, почему же его нет до сих пор? Неужели люди Сантинелли перехитрили? Такой проходimeц не позволит поймать себя так просто. Где же он?»

Родольфо услышал дальний звон колокола — в монастыре, наверно; вскоре к нему прибавился звон собора и, наконец, крепостной церкви. Начинались ночные мессы. Звон колоколов то был сильнее шума моря, то ослабевал; тогда нарастал шум прибоя. В этом странном чередовании то приближающихся, то уходящих звуков Родольфо наконец ясно расслышал шаги по каменной тропинке. С земли ему было виднее, и он различил фигуру подходившего человека. Человек не видел его и, не останавливаясь, подошел совсем вплотную. Родольфо встал. Человек сунул было руку себе за пазуху, Родольфо схватил его за руку.

— Не надо! Это я! — шепнул он.

Тяжело отдуваясь, ломбардец обдал Родольфо винным перегаром.

— Какого черта ты болтался в харчевне, — зашипел он, — и когда ты оттуда вышел? Я следил за дверью больше часа. Если наше дело теперь сорвется, виноват будешь ты и ответишь за это!

— Успокойтесь, успокойтесь, — торопясь, шептал Родольфо. — Пойдемте скорей, пока нас не заметили!

Протолкнув ломбардца в дверку и пройдя за ним, Родольфо осторожно запер ее.

В замке Святого Креста готовились к празднику.

Персей отлично понимал, что происходит что-то необычное; он слышал какие-то мало привычные для него голоса в соседней комнате, видел странную суету выходящего и входящего слуги, понимал, что хозяин собирается куда-то уходить. Все это будоражило его и заставляло бегать к двери и обратно, опускать голову к самому полу под дверью, прислушиваться и припихиваться. Он с беспокойством, вопросительно смотрел в глаза хозяину, ожидая приказанья идти вместе с ним или оставаться стеречь пустые комнаты. Это последнее обстоятельство беспокоило его больше всего, и он даже пускался на хитрости: то становился преувеличенно ласков и лизал руку хозяина, то ложился у самой двери и притворялся, что спит, намереваясь в случае чего ухитриться выскочить вслед за ним.

Консул завершал свое одевание. Слуга стоял перед ним на одном колене, оправляя тяжелые длинные складки его праздничной одежды, на синем бархате которой сверкала алмазная звездочка-застежка.

В соседней комнате ждали его помощник капитана, помощник коменданта, сотник от городской общины и секретарь. До начала мессы оставалось менее получаса. Посыльный, прибегавший со двора, доложил, что капеллан прошел в церковь, что там уже зажгли большие свечи и звонарь уже полез на колокольню. Ди Негро отдавал последние приказанья слуге и, видя поведение Персея, строго-настрого приказал запереть его здесь, не выпуская в большую комнату, чтобы он как-нибудь не выскочил во двор, когда будут накрывать к ужину.

Консул подошел к столу, из серебряного с позолотой ларца вынул перстень с индийским изумрудом и надел его на указательный палец правой руки, потом вынул золотую цепь. В эту минуту, не спросив обычного разрешения, торопливо вошел Сантинелли и тотчас сам отослал из комнаты слугу.

— Ваша милость, — сказал он быстро и тихо, — неотложное дело заставило меня нарушить правила и войти в вашу спальню.

Ди Негро нахмурил брови:

— Случилось что-нибудь?

— Пока еще нет, но может случиться, если мы не примем самых быстрых и решительных мер.

— В таком случае говорите скорей.

— Ваша милость, мои люди...

И Сантинелли, волнуясь, рассказал, что его люди, наблюдавшие за цирюльником, донесли, что он в конце дня вышел из крепости и пошел к харчевне «Золотого барана»; когда стемнело, из харчевни вышел мессер секретарь Скампи и через некоторое время — хозяйка харчевни, а цирюльник до сих пор из харчевни не выходил. Человек, следивший за Джапинной, донес, что она отправилась в собор.

— Вот, ваша милость, — закончил Сантинелли, — какие, с моей точки зрения, немаловажные обстоятельства заставили меня беспокоить вас. Не надо забывать и то, что харчевня сегодня закрыта.

— И что же вы обо всем этом думаете? — спросил ди Негро.

— Я думаю, ваша милость, что я не был так неправ, когда докладывал вам свои соображения и опасения после освобождения цирюльника и после пропажи ключей смотрителя. Кроме того, я полагаю, что сейчас мы стоим лицом к лицу с угрожающей нам опасностью.

— А именно?

Ди Негро держал в руках свою консульскую цепь, перебирая, как четки, ее плоские золотые кольца.

— Близкие отношения цирюльника с хозяйкой харчевни, — говорил Сантинелли, — нам известны. До конца еще не выясненные отношения его с лицами, подозреваемыми в заговоре, нам тоже хорошо известны. Но совершенно необъяснимое присутствие в закрытой сегодня для всех харчевне никогда ее ранее не посещавшего мессера Скампи, того самого, ходатайство которого, я позволю себе думать, повлияло на решение вашей милости...

— Такие вопросы я решаю сам, Сантинелли, — спокойно, но строго перебил его ди Негро.

Сантинелли торопился говорить:

— Самое подозрительное, что все это произошло именно сегодня, когда и в городе и в предместьях все заняты праздником, когда всем известно, что строгость патрулей ослаблена и движение разрешено до окончания месс...

Раздался звон церковного колокола. Ди Негро надел на себя цепь.

— Осмелюсь просить разрешения вашей милости усилить охрану, — волнуясь, говорил пристав. — Полагаю, что вам лучше выйти не по главной лестнице, а через мостик и пройти по

стене через башню, минуя двор. Караул у двери к водоемам мною сейчас поставлен. Позвольте мне сопровождать вас в церковь.

Ди Негро отстранил его рукой:

— Хорошо, пойдемте... Нет, нет, ты останешься здесь! Понял?

Эти последние слова были строго сказаны Персето, который пытался протиснуться в дверь вместе с выходившими.

Как только консул, а за ним оруженосец, несущий меч в позолоченных ножнах и шлем, и сопровождавшие их люди ушли, в замке начались суетливые приготовления. По лестницам, коридорам и комнатам сновали слуги, бегали в кладовые, на поварню, в погреба и обратно, принося оттуда праздничные приборы, столовое белье, вина; разводили огонь в камине большой комнаты, ставили свечи в подсвечники, накрывали и украшали стол для ужина. Старший слуга покрикивал, отдавая приказания.

Приготовления шли в полутемной комнате, из бережливости освещенной лишь двумя свечами и не разгоревшимся еще пламенем камина. На лестницах и в коридорах горело по одному тусклому масляному фонарю, а во дворе замка было так темно, что люди то и дело сталкивались и бранились. Особенно доставалось поварям, шнырявшим у всех под ногами.

Вот и черномазый поваренок, стрелой слетевший с лестницы и опрометью бежавший на поварню, почувствовал, как чья-то рука схватила его за плечо и потащила в совсем темный угол двора. Кто-то наклонился к самому его уху и зашептал:

— Вот что, малый... это я, цирюльник. Беги скорей, у моей двери стоит кувшин с вином. Отнесешь старшему в замок, чтоб никто не видел, скажешь, что тебе приказал мессер Раффанати подать ему этого вина, как только начнут пить. Понял? Вот тебе к празднику, а завтра еще получишь.

Поваренок не успел опомниться, как остался один с монетой в руке. Поручение вечно шутившего цирюльника показалось ему очень забавным, и он вприпрыжку побежал скорей исполнять его.

Поваренок не видел, что за спиной цирюльника, за выступом стены, стоял еще человек, кутавшийся в плащ. Вместе с ним цирюльник и пошел по неосвещенной маленькой боковой лестнице, ведущей от оружейного склада на деревянный помост и вдоль стены, через перекидной мост,— в дверь главной башни. По узкому, тоже темному коридору, минуя дверь и покои консула, они прошли на самый верх замка, в помещение под сторожевой башней. Два окна пропускали свет звездной ночи, освещавший низкий свод пустой комнаты, стол и два стула.

Родольфо сел и с облегчением глубоко вздохнул, но тотчас же вскочил опять, услышав звон колокола.

— Месса идет к концу, — зашептал он. — Я успею еще сбегать и раздобыть вина, надо погреться. Показаться мне тоже надо, а то хватятся еще. Тут никто не живет и сюда не входит, будьте спокойны. Я скоро вернусь.

Опять в темноте и сутолоке двора, вместе с двумя слугами, он быстро прошел на поварню, где в жаре и непроницаемом чаду копошились повара, поварята и слуги. Никто и не заметил его прихода, а если и заметил, то не придавал этому никакого значения. Только черномазый поваренок подбежал к нему и радостно шепнул, что кувшин с вином он отнес старшему, а тот сказал: «Хорошо».

— Молодец, малый! — сказал Родольфо, хлопнув его по плечу. — А вот если раздобудешь мне сейчас еще кувшинчик вина, так ты у меня завтра заработаешь еще больше.

Поваренок нырнул в дверь. Усталый от пережитого волнения, прозябший до костей, отогреваясь, Родольфо не заметил, как задремал, и вздрогнул, когда поваренок растолкал его и сунул в руки кувшин.

За дверью поварни Родольфо остановился, вынул из камзола сверточек бумаги, раскрыл и что-то высыпал из него в кувшин.

Войдя в верхнюю комнату, он увидел, что ломбардец сидит у стола, положив голову на руки. Тихо толкнув его в плечо, Родольфо зашептал:

— Э, не годится спать!.. Вот вам, из своих виноградников. Я уже хлебнул малость... Хорошо! — И, постучав ногой об пол, прибавил: — Вон там сейчас мессер консул тоже осушит праздничный кубок. Пусть пьет на здоровье, и чем больше, тем лучше: старику полезно покрепче уснуть сегодня — устал, бедняжка, от трудов праведных!

Пододвинув стул, цирюльник подсел к ломбардцу, отхлебнувшему уже из кувшина.

— Теперь слушайте внимательно: месса сейчас кончится. Все перейдут вон туда, — он снова постучал ногой, — будут ужинать. Я провожу вас и спрячу куда следует. Сейчас я пойду, чтобы попасться на глаза начальству. — Родольфо щелкнул пальцем по кувшину у самого носа ломбардца, допивавшего вино. — Если вам этого мало, я принесу еще. Ждите спокойно, сюда никто не придет.

Взяв кувшин, цирюльник вышел.

Холодно и тоскливо было в эту ночь солдатам на башнях. Укутавшись в плащи, ходили они взад и вперед, чтобы не задремать. Редко кто из них остановится, посмотрит в узкую

щель амбразуры на огоньки, мигающие в городе и предместьях, и снова зашагает от стены к стене, опустив голову, слушая морской прибой или звон колоколов. Непраздничные мысли были у всех. Как ни крепки и глухи крепостные стены, как ни строги караулы, охраняющие входы, редко и кратко общение с жизнью за крепостью, как ни страшны наказания, грозящие за каждое лишнее слово, сказанное не в угоду начальникам, а слухи о надвигавшейся из-за моря опасности, о предательстве татар и измене кафских богатеев и нобилей все чаще и чаще стали просачиваться в казарму и все чаще вызывать перешептывания солдат.

Вот так шагал в эту ночь и Пьетро на крайней башне в восточном углу крепости, близко от церкви. Он видел, как из растворенных дверей ее лился свет свечей, различалдвигающиеся в этом свете тени людей и слышал доносившиеся песнопения. И, как у других, у него в душе затаилась тоска. Праздничные церковные напевы казались ему грустными, как погребальные хоры. Он плотнее кутался в плащ и быстрее шагал, словно эта тихая ночь была холоднее морозных ночей со снежными вьюгами.

Глава XXIX

«КУПЕЦ ИЗ БЕРГАМО»

Яркий свет свечей в десяти серебряных канделябрах заливал белую, с золотой вышивкой скатерть праздничного консульского стола, искрясь на серебре чеканных кубков и кувшинов, ножей, вилок, ложек, тарелок и подносов, на стекле венецианских графинов. Сверкали золотые кольца консульской цепи. Поблескивала золотая парча отделки белого камзола Скампи и серебряное шитье его малинового плаща, небрежно брошенного на спинку стула.

Ди Негро сидел в своем обычном кресле в конце стола. В праздничной одежде, со светящимися улыбкой глазами, он выглядел помолодевшим.

После краткой молитвы капеллан троекратно благословил стол. На столе в два ряда стояли блюда и вазы с яблоками, сушеным виноградом, обернутым в листья, миндалем и грецкими орехами, цукатами из лимонов, айвы и барбариса, имбирными пряниками, сдобными маисовыми лепешками и хлебцами с корицей. Слуги наполнили кубки вином.

Консул встал. Все поднялись, держа в руках кубки. Кубок в руке консула поблескивал искусной чеканкой золоченых виноградных гроздей. Он поздравил всех с праздником и предложил выпить за мирное процветание Генуи, за победу ее над

врагами на морях и землях во славу Светлейшей Генуэзской республики, за синьоров протекторов и правителя всей Газарии и за здоровье и успешность службы присутствующих. Выпив вино стоя, все поклонились консулу и сели.

Остался стоять первый помощник коменданта — Роберто д'Анчьяри, коренастый старик с редкой седой бородой, длинными отвисшими усами и лысой головой, с загорелым лицом, густыми черными бровями и глубоким шрамом от глаза к уху. Темные глаза блестели умной и хитрой пскрой. Сильно выгоревший темно-малиновый камзол с кожаными пуговицами плотно облегал полную фигуру, морщась на рукавах и у пояса.

Весь облик старика вызывал в памяти образы лихих вояк из отрядов кондотьеров¹, храбрых бродяг вроде Муцио Сфорца, Коллеоне или Гаттамелаты, продававших свой меч тому из итальянских мелкодержавных тиранов, кто больше заплатит. В крепости поговаривали, что шрам заработан Роберто д'Анчьяри лет сорок назад, в венецианском отряде кондотьера Карманьолы, но сам старик предпочитал об этом не рассказывать.

— Поднимаю кубок, — провозгласил он, — за здоровье на многие годы именитого достопочтенного консула, военачальника несокрушимой Солдаии — его милости мессера Кристофоро ди Негро!

Все снова встали и, подняв кубки, протянули их в сторону консула. Ди Негро встал и, поклонившись, поблагодарил каждого.

Слуги внесли блюда с жареными гусями и каплунами в виноградном соусе. С подносимого блюда старший слуга клал каждому кусок. Кубки снова наполнились вином. После взаимных поздравлений принялись за еду, сопровождая ее негромкой беседой. Музыканты, на редкость трезвые и постаравшиеся на этот раз приодеться, заиграли веселые канцоны, а слуги не забывали усердно подливать вина и суетились у столов с посудой. В комнате было светло и тепло от свечей и разгоревшегося, потрескивающего огня в камине.

Отец Бартоломео, сидевший по правую руку консула, жадно уплетал жирный кусок каплуна. Его толстые щеки покраснелись, и лоб покрылся капельками пота. От еды и вина глазки его стали масляными. Раффанати, сидевший рядом со стариком д'Анчьяри и за обе щеки уплетавший гуся, был веселее всех. Он громче всех говорил, громко смеялся и даже подпевал музыкантам, поглаживая свои пушистые усы краем кубка. Когда же на смену гусю у него на тарелке появился кусок козленка с под-

¹ Кондотьеры — в Италии XIV и XV веков название предводителей отрядов солдат-наемников.

ливкой из красного перца, он крикнул и вышел подряд залпом два кубка.

Консул нагнулся к Скампи.

— Смотрю на вас и удивляюсь, — сказал он тихо. — Вы, такой любитель ужинов и музыки, сидите сегодня грустный. Уж не приключилось ли с вами чего-нибудь?

— Сознаюсь, ваша милость, что сегодня мне грустно, но позвольте утаить от вас причину, не представляющую для вас, да и ни для кого другого, никакого интереса.

— Нехорошо, мой дорогой! Я привык к вам, считаю вас чуть ли не своим сыном. Чем же я заслужил такое недоверие с вашей стороны?

— Право, ваша милость, вы жестоко ошибаетесь, подозревая меня в недоверии к вам! — Скампи волновался. — Но, ваша милость, умоляю вас, не спрашивайте меня... Потом я как-нибудь расскажу вам, в чем дело. Клянусь, все это не стоит вашего внимания.

Ди Негро пристально посмотрел в глаза Скампи и, уловив их наивно-страдальческое выражение, улыбнулся.

— Вы правы, — сказал он. — Здесь об этом говорить не время и не место. Я сам был молод, мой дорогой... О! Посмотрите, не ваш ли это олень?

Слуга поднес блюдо с вяленой олениной, нашпигованной салом.

В отличие от старика д'Анчьяри, второй помощник коменданта был молодой, худощавый и сутулый. Его бледное бритое лицо со впалыми щеками, остановившийся взгляд косящих глаз, длинные пряди волос с завитками на концах и черная длинная мантия, надетая поверх тоже черного узкого камзола, придавали ему вид ученого юриста. Он любил цитировать «Декреталии» и уверял всех, что его комментарии к «Постановлениям правосудия» получили высокую оценку виднейших юристов города Лукки; но все отлично знали, что научные познания мессера Якопо не идут далее составления списков запасов продовольствия и оружия в складах крепости. Это давало повод к постоянному подтруниванию над мнимым юристом и вызывало в нем острое чувство неприязни к сослуживцам.

Вот и теперь, когда сотник опрометчиво намекнул мессеру Якопо, что временное занятие им должности письмоводителя могло бы стать постоянным, он судорожно повел плечами и зашипел на сотника:

— Не знаю, не знаю, что вы хотите этим сказать, но уверяю вас, что высокие мессеры синдики в Кафе отлично знают, что такого знатока законов, как я, им не сыскать по всей Газарии... Ну, а пока почему же мне не оказать мессеру консулу этой небольшой услуги?.. И вообще, мой дорогой, — мессер Якопо

постучал вилкой о край тарелки,— вообще кому-кому, а вам помолчать бы!

И он повернулся к Скампи, вовсе не расположенному беседовать с кем бы то ни было из присутствующих. Все давно ему уже надоело: изо дня в день те же лица и те же разговоры.

Скампи сделал вид, что очень занят только что поданной ему камбалой, и, обращаясь к старшему слуге, сказал:

— О! Редкая штука. Где это ты раздобыл такое чудо?

Сотник спорил с д'Анчьяри, доказывая, что в случае осады крепости ополченцы не уступят солдатам в храбрости.

— Воображаю,— вмешался в разговор мессер Якопо, довольный, что может хоть чем-нибудь уколоть сотника,— воображаю, как засверкают пятки вашего знаменитого ополчения! Ха!

— Хотел бы я посмотреть, какое у вас место засверкает при виде сарацин! — вспыхнул сотник.

— Друзья,— сказал, улыбаясь, консул,— я примирю вас! Прав д'Анчьяри, но прав и наш сотник. Я не могу сомневаться, что наши люди лучше кафских и сумеют отстоять честь нашего знамени. Что же касается горожан, то и сотник прав: у нас больше среди них соотечественников, готовых постоять за честь родины...

— Ваша милость,— воскликнул д'Анчьяри,— вы забываете о подлых собаках-татарах! Они кишат вокруг Солдайи, как змеи... Продадут они нас при первой возможности!

— Я ни о ком не забываю, мой дорогой,— возразил ди Негро,— но уверяю вас, что и свои иногда не лучше татар, дело не в этом... Да и вообще, к чему вы завели этот разговор сегодня, в радостный день великого праздника? Давайте лучше выпьем!

Слуги стали разносить жареных горных куропадок с каперами в уксусе, и «неуместный спор» был прекращен. Снова наполнились кубки, а музыканты заиграли так весело (они все-таки ухитрились выпить по кубку), что нельзя было не улыбаться родной, такой с детства знакомой канцоне!

Наконец занялись фруктами и сладостями, и только один

Раффанати все еще в чем-то уверил пристава, тыча ему в лицо ножкой куропатки. По всему было видно, что вино начинает одолевать и этого здоровяка. Консул заметил это:

— О чем это вы там, Раффанати? Я вижу, вы совсем замутили своего соседа!

— Да как же, ваша милость! — забасил Раффанати. — Спорим мы тут с Сантинелли: наш цирюльник пообещал мне сегодня достать моего любимого вина, хотя торговля и закрыта, и принес его, и его подали мне, когда все сели за стол. Все вы пили одно вино, а я — другое, свое, во славу Республики!

— О чем же спор? Не понимаю, — сказал ди Негро.

— Сантинелли говорит, что я вру, а я говорю, что это так! Пристав, только пригубивший для вида вина в начале ужина, был совершенно трезв. Время от времени он поглядывал на одного из слуг и, не видя условленного с ним знака, знал, что цирюльника все еще нет в крепости.

— Успокойтесь, Раффанати, — сказал консул.

Но, разгоряченный вином, Раффанати не унимался:

— Честный солдат, ваша милость, врать не умеет!

С шумом отодвинув кресло, он вскочил на ноги и, подойдя к двери, гаркнул во все горло:

— Эй, кто там из стражи? Разыскать сейчас же цирюльника Родольфо и привести сюда! Живо!

— Сядьте, Раффанати! — строго сказал консул. — Я вижу, вам вредно пить ваше любимое вино.

Все замолкли во время этого разговора. Мессер Якопо, глядя на свою переносицу, похихикивал, грызя, как мышью, мансовую лепешку, д'Анчьяри схватил Раффанати за рукав, стараясь усадить на место, а капеллан давно мирно посапывал. Музыканты тоже было остановились, но старый литавщик, сочтя момент подходящим, дал знак своим товарищам, и гром литавр вовремя затушил разгоравшуюся вспышку.

Скамьи все время брезгливо морщился, нехотя жуя барбарисовый цукат. Ему была противна и солдатская грубость Раффанати и глупая таинственность пристава, с какой он вел себя весь этот вечер. Его беспокоили слова консула, сказанные ему в начале ужина. Откуда он мог узнать? Ведь не волшебник же он, читающий в чужой душе!

Беседа не возобновлялась. По-видимому, все достаточно наелись и напились и предпочли молча жевать сладости или есть фрукты.

Видя, что одни только Раффанати уплетает за обе щеки, а все остальные дремлют, ди Негро решил, что пришло время встать из-за стола.

— Друзья! — сказал он. — Я вижу, что многие из вас утомились за день, и полагаю, что пора закончить нашу трапезу.

Консул встал; все последовали его примеру. Раффанати вскочил, все еще держа в лоснящихся от жира пальцах кусок куропатки. Каждый подходил к консулу и, отвешивая низкий поклон, благодарил за угощение.

Раффанати решил незаметно и осторожно ткнуть капеллана в бок, чтобы помочь ему выйти из неловкого положения, но услуга оказала совсем обратное действие: отец Бартоломео испугался, вскочил и, опрокинув на себя с тарелки остатки соуса, окончательно растерялся.

Воспользовавшись суетой вокруг капеллана, Скампи поспешил уйти. Ушел и расстроенный происшествием с соусом капеллан, поддерживаемый под руку сотником; ушли и оба помощника коменданта. Отпустили и музыкантов.

Слуги стали убирать со стола. Консул сел, пододвинув кресло к догоравшему камину. Сантинелли стоял рядом. Раффанати отошел к другому краю стола и выбирал себе яблоко. Старший слуга потушил свечи, оставив их гореть лишь в одном канделябре. Комната сразу приняла свой обычный, будничный вид.

В дверь спальни консула царапался Персей и скулил, давая понять, что пора освободить его из заключения.

— Выпусти его, — сказал консул слуге.

Собака вылетела стремглав и, визжа от радости, обежала всех, стучая хвостом по мебели. Раффанати вступил с ней в добродушный разговор, угощая чем-то с не убранных еще тарелок.

— Вы видите, ваша милость, — тихо говорил Сантинелли, — что и приказ начальника, — он кивнул в сторону Раффанати, — не помог! Цирюльника нет. Мои люди на местах. Возможно, что это и помешало ему вернуться. Скоро утро, но на всякий случай...

— Я всех отпустил, ваша милость, — перебил его старший слуга. — Не будет ли приказаний?

— Нет, ступай.

— Я думаю, — сказал Раффанати, — и вам, ваша милость, пора на покой. Судя по свечам и камину, время позднее. Пойду проверю караулы, а кстати узнаю, почему же эти канальи не нашли до сих пор цирюльника...

— Вы ошибаетесь, мессер Раффанати, — раздался голос, заставивший всех повернуться к дверям. На пороге стоял Родольфо. — Вы ошибаетесь: солдаты не только нашли меня, но чуть было не притащили силой, боясь вашего гнева. Но я поклялся им, что улажу это дело ради праздника.

— Где ты пропал? — спросил ди Негро.

— Если ваша милость разрешит мне войти, я тотчас же объясню вам.

— Входи.

Родольфо вошел, притворив за собой дверь. Всем бросилось в глаза его бледное, осунувшееся лицо, волосы, беспорядочными прядями свисающие на щеки, и дрожащий от волнения голос.

— Ваша милость, я прошу извинения, что явился к вам в таком виде в такой торжественный день и до сих пор не поздравил вас... Я сопротивлялся приказу мессера Раффанати, потому что не хотел явиться при всех. И очень рад, что застал здесь мессера Сантинелли: у меня для него есть кое-что... Вот! — Родольфо сунул руку за пазуху и, вытащив ключи, протянул их приставу: — Я нашел ключи.

— Вот это подарок! — воскликнул с сияющей улыбкой ди Негро.

— Нет, ваша милость, — сказал Родольфо, — это только ключи от моего подарка вам... И так же, как счастливо здесь оказался мессер Сантинелли, мне повезло застать и мессера Раффанати.

Раффанати стоял выпучив глаза и ровно ничего не понимая из всего происходящего.

— Подарок очень тяжел, — продолжал Родольфо, — и принести сюда его я не в силах. Пусть мессер Раффанати вызовет двух солдат, чтобы помочь мне в этом деле.

— Раффанати, распорядитесь, — сказал консул.

Раффанати вышел, и слышно было, как он гаркнул за дверью.

Когда он вернулся в сопровождении двух солдат, Родольфо сказал:

— Теперь, ваша милость, я попрошу вас и всех остальных пойти за мной.

Взяв канделябр, Родольфо пошел впереди. Боясь всяких неожиданностей, Сантинелли шепнул консулу, чтобы он, выйдя в коридор, отстал и шел между солдатами.

Всех обогнал Персей. Он взбежал по лестнице к двери комнаты под сторожевой башней и нетерпеливо зацарапал по ней лапами. Родольфо толкнул дверь ногой. Собака ворвалась в нее и со взъерошенной шерстью на спине залаяла на лежавшего навзничь на полу незнакомого огромного человека. Пальцы его толстой руки вцепились в воротник камзола, словно пытаясь разорвать его; черная борода торчала вверх. Рядом валялся стул.

Все остановились в изумлении.

— Кто это? — шепотом спросил ди Негро.

Родольфо, высоко державший подсвечник, сделал шаг к лежавшему:

— Купец из Бергамо, ваша милость!

— Кто это? — шепотом спросил ди Негро.

— Он мертв? — еще тише спросил ди Негро.

— О нет, — ответил цирюльник. — Я угостил его по случаю праздника нашим солдайским вином, а он, видимо, к нему не привык. Если эти молодцы помогут, мы перенесем его в более уютное помещение, где мессер Раффанати распорядится приготовить ему соломенную постельку. Он прекрасно проспится к полудню, и мессер Сантинелли сумеет расспросить его подробнее, зачем он попал к нам в крепость.

Солдатам с трудом удалось поднять огромную тушу ломбардца; и еще труднее было волочить ее вниз по винтовой узкой лестнице, тем более что Персей с громким лаем путался у них под ногами, норовя укусить спящего, и не слушался грозных окриков Раффанати, удерживающего его за ошейник. Консул и пристав молча спускались за ними, а Родольфо шел сзади, высоко держа канделябр, освещавший путь этой необычайной процессии, двигавшейся медленно, ступенька за ступенькой. Затем солдаты и Раффанати повернули по коридору к выходу во двор, а остальные вернулись обратно в комнату консула.

В глазах ди Негро светился задорный, совсем юношеский огонек, когда он, улыбаясь, спросил пристава:

— Как вы полагаете, Сантинелли, не подписать ли мне завтра приказ о снятии надзора над Родольфо? По-моему, он теперь заслужил это. Как по-вашему?

И, не дождавшись ответа от сильно смущенного всем происшедшим Сантинелли, консул хлопнул в ладоши и крикнул слуге:

— Подложи-ка дров в камин да принеси нам три кубка вина и какого-нибудь жаркого от ужина на одного человека, пожирней кусок, и сладкого. Поскорей!

Когда слуга кинулся исполнять приказание, он взял Родольфо за плечи и, усаживая его в кресло, сказал:

— Ну, а ты, новеллист, расскажи-ка нам сочиненную тобою повеллу «О купце из Бергамо» с начала и до конца. Только смотри, на этот раз без утайки и со всеми подробностями.

— Ваша милость... ваша милость... — смущенно бормотал Родольфо.

— Садись, садись, — настаивал консул, — не стесняйся! Ведь ты новеллист, обязанный развлекать своего синьора на празднике Святой ночи, а цирюльника нет — он все еще болтается где-то там в харчевне...

И ди Негро снова лукаво взглянул на Сантинелли.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ШЕСТВИЕ

Три месяца продолжалось следствие по делу ломбардца. Допрос и пытки вынудили его во многом сознаться и назвать сообщников. С каждой неделей росли списки подозреваемых в заговоре лиц и показания свидетелей. Нити тянулись от Солдаин к Скуто, от Кафы к Бахчисараю; они тянулись и дальше — за море, к берегам турецкой Пафлогонии, к Синопу и Трапезунду, к берегам Зихии и Золотого Рога. Каждый новый допрос, каждое новое показание все шире и шире раскрывали перед ди Негро ужасающую картину грабежей, убийств, предательств, измены Республике. Покушение на его жизнь было лишь ничтожным звеном в цепи преступлений, опутавших всю Газарию.

Братья да Гуаско, предусмотрительно переселившиеся из Скуто в Кафу, с тупой настойчивостью и злобой продолжали вести борьбу со своим исконным врагом — ненавистным им консулом Солдаин и сами запутались в сетях коварных сарацин.

Узнав о провале заговора и учитывая вес ди Негро в глазах протекторов, кафские чиновники закопошились в страхе разоблачений.

Один за другим, под благовидными предложениями, являлись к консулу синдики и выпытывали подробности следствия, всячески ища возможности поставить самого ди Негро в положение обвиняемого в слабом управлении округом, в потворстве опасному для Республики местному населению.

Консул хорошо понимал, что перед лицом действительной опасности личные счеты и интересы должны быть отброшены, а все внимание должно быть обращено на оборону Солдаин. Дни были считанными, и поэтому он полагал, что не время сейчас предавать огласке все добытые сведения. И снова пришлось ему выдержать несколько столкновений со слишком ретивым в этих делах Сантинелли.

— Неужели, ваша милость, и на этот раз вы воздержитесь от открытого оглашения и пощадите злейших врагов Республики? — восклицал Сантинелли.

— Воздержусь, Сантинелли, — спокойно отвечал ди Негро. — Воздержусь, чтобы не вызвать совсем лишней сейчас суматохи. Вы хотите, чтобы мы с вами стали причиной народных волнений, повторения семидесятого года? И мне, и вам, и всем честным сынам нашей родины надо оставаться на своих местах, а трусливая суматоха господ синдиков может в конце концов привести к перемещению нас с вами на другие посты.

Правитель в их руках и слабovolен, он поступит по их указке. Кто же защитит тогда нашу Солдаю? Нет, Сантинелли, я не уступлю вам и на этот раз. Довольно будет с нас и одного «купца из Бергамо».

Этот разговор происходил в один из первых дней апреля, когда дн Негро скрепил своей подписью приказ о казни ломбардца.

В горных лесах отцвели подснежники, голубые пролески и светло-желтые цветочки кизилия; на полянах краснели пионы, а в прогретых солнцем ущельях цвели фиалки, ландыши и в трещинах скал белели цветы камнеломки. Деревья оделись молодой зеленью, леса журчали речками, звенели ручьями и трелями соловьев. Стучали дятлы, мелькали пестрые сойки. В горных селениях цвели грушевые и яблоневые сады.

Вокруг Солдаи была весна. Розовели молодые побеги пушистых дубов, распускались листья грабов и тополей. В глубине долины, в открытых для солнца и защищенных от морского ветра местах белели фруктовые сады; бурлила мутной водой река, ожпи высохшие русла речек, и ярко зазеленели у их берегов мшистые скалы. Над соснами Соколиной горы грифы кружились в медленном хороводе.

И только море, растревоженное зимними бурями, не улеглось и катило к берегу серые волны, посылая свое холодное дыхание навстречу весне.

Погода стояла светлая, но ранним утром и вечером над ровом вокруг крепости и водоемами, переполненными до краев, клубился туман, окутывая город и предместья. Гулко шумел ручей, широким водопадом низвергаясь в море через открытую плотину. В не прогретых еще солнцем узких уллицах было холодно, пахло затхлой сыростью и низко стелющимся дымом. К полудню чуть ли не все население спешило на соборную и базарную площади — заняться торговлей, а заодно погреться на солнце и набраться новостей и сплетен.

В один из таких полдней шумный гомон базара внезапно утих, и все головы повернулись в одну сторону. По главной улице, окруженная ватагой приплясывающих от восторга чумазых мальчишек, от крепости медленно двигалась небольшая процессия. Впереди шли трубач и барабанщик, а за ними, подбоченясь, восседал на тощей и старой вороной лошади с отвислой губой и проваленной спиной, разукрашенной широкими лентами поводьев и чепраком с серебряными галунами, второй помощник коменданта. Его черный, в сборках у шеи плащ покрывал круп лошади и свисал ниже стремян, оставляя видным медный наконечник на ножнах меча. Круглая бархатная шапочка, сдвинутая на лоб, чинно венчала длинные пряди волос; поднятое худое, бледное лицо и строго скошенные к носу глаза

придавали ему чрезвычайно гордый, презрительно парящий над толпою вид.

Остановив лошадь посреди площади, мессер Якопо подал торжественный знак, и трубач, подняв вверх трубу, пронзительно затрубил, а барабанщик забарабанил.

Распахнулись все окна домов, выходящие на площадь. Вынув из-за широкого кожаного пояса свиток пергамента, мессер Якопо взмахнул им, давая понять трубачу и барабанщику, чтобы они умолкли, затем, подняв свиток высоко над головой, подал знак. Толпа мгновенно утихла.

Свиток был развернут, и нарочито громкий, высокий, с визгливыми выкриками голос с должной торжественностью оповестил население «именем достославного господина консула отличного города Кафы и всего Великого моря в государстве Газарии о злокозненных и преступных замыслах врагов Светлейшей республики и о человеке, подосланном соглядатаями великого визиря, покушавшемся на жизнь могущественного мужа, достопочтенного консула Кристофоро ди Негро, команданта Солдаин. О том, что этот мерзкий и подлый преступник, пойманный, ко славе божней, до совершения им злодеяния и допрошенный со всею беспристрастной тщательностью правосудия, сознался в своей вине и что, на основании законов Светлейшей республики и статей Устава года господня 1449-го, он подлежит позорной казни через повешение на соборной площади города Солдаин года господня 1475-го, в одиннадцатый день апреля. Да будет эта справедливая кара в назидание всякому дерзнувшему пойти по стезе предательства, измены государству, к торжеству врагов христианства, врагов святой матери церкви и да хранит его от погубления души своей, от вечных мук геенны огненной».

Особенно визгливо выкрикнул мессер Якопо последние слова. Он даже привстал на стременах и вытянулся вперед, быть может вообразив себя судьей, оглашающим приговор в трибунале и заранее предвидящим шумное одобрение присутствующих. Но визг его, разлетевшийся по площади, остался без отзвука.

Разбудив рывком повода и ударом каблуков задремавшую лошадь, предшествуемый трубачом и барабанщиком, мессер Якопо медленно двинулся дальше по раздвигавшемуся перед ним проходу в молчаливой толпе. Только мальчишки вприпрыжку бежали перед ним, оглашая воздух веселым гиканьем и свистом.

Стоило облезлому хвосту вороной лошади скрыться за поворотом улицы, как базар снова зашумел разноголосицей, и нашлось немало людей всякого рода, принявшихся толковать о происшедшем.

...Беспокойные слухи о быстроходных турецких галерах все чаще и чаще достигали Солдайи. Привозили их кунны, ездившие за товарами в Кафу или приезжавшие из татарской столицы матросы заходивших в порт кораблей; приносили нищенствующие монахи, обходившие побережье. Слухи эти росли с каждым днем, сопровождаясь неправдоподобными и сверхъестественными измышлениями, и сеяли тревогу и недоброжелательство между местным населением и иноземцами, обостряя их обоюдную ненависть. Не обходилось и без открытых стычек, и патрулям все чаще приходилось умирять на базарах поножовщину. Сантиселли то и дело докладывал консулу о поимке каких-то подозрительных людей, намеренно затевающих драку, разжигающих неприязнь к генуэзцам. Приходилось отводить дополнительные помещения: круглый погреб оказался тесен.

...На далеком конце площади, где было безлюднее и тише, укрывшись от солнца в широкой тени боковой стены мечети, перед расставленными на земле горшками, кувчинами и мисками сидел Игнацио.

Освобожденный цирюльником Родольфо из круглого погреба и очутившись в ту темную ночь за стеной крепости, Игнацио побежал в харчевню — она была совсем близко от башни Румбальдо — и постучал в окно к Джанинне. Переночевав в «Золотом баране», он рано утром пришел домой.

Чего было больше — радости, благодарности цирюльнику или удивления, — трудно сказать. Выслушав рассказ Игнацио, и отец его и брат дивились смелому поступку цирюльника. Как он ухитрился все это сделать?

Ночная тревога в крепости была слышна в предместьях и наделала немало переполоха. Друзья цирюльника — ремесленники, узнав от гончара о поступке Родольфо, тоже пытались дознаться о подробностях. Цирюльник уверял их, что благодарить надо секретаря консула, но он говорил это с такой лукавой усмешкой в глазах, что ему не верили. Одна Симонетта утверждала, что «дядя Родольфо лучше вас всех и все может», а при встрече с ним бросилась ему на шею и так крепко обняла, что чуть не задушила.

Гончарные изделия Сивелли славились своей прочностью и отделкой, и солдайские хозяйки охотно покупали их. Вот и сейчас две женщины чуть не подрались из-за горшка. Он был единственный в своем роде, и каждая из них уверяла, что именно она имеет право на его покупку.

Игнацио пришлось вскочить, отнять у них горшок и самому решить, которой из двух он продаст его. Упрямые хозяйки так и не захотели помириться и с раскрасневшимися лицами и сбившимися на затылок платками разошлись, ничего не купив. А Игнацио, глядя им вслед, смеялся, держа в руках злополуч-

пый горшок. В эту минуту из-за угла мечети появился Родольфо. Он прищурил глаз и, кивнув назад головой, приложил указательный палец к губам. Тотчас за ним из-за угла вышел бедно одетый человек.

— А ну-ка, малый, — крикнул цирюльник, — выбери мне кувшинчик покрасивее да позвончее!

Игнацио стал проворно ударять тонкой палочкой по кувшинам, прислушиваясь к их звуку; выбрав три кувшина, он поднес их цирюльнику. Медленным движением Родольфо брал их у него по очереди и, пощелкивая по ним пальцем, тщательно разглядывал и пробовал гладкость отделки внутренних стенок.

Подошедший вслед за Родольфо человек тоже стал выбирать товар. Так и стояли они оба, разглядывая посуду. Подходили и другие покупатели, выбирали себе нужное, расплачивались и уходили, а эти двое все стояли и рассматривали: один — кувшины, другой — миски.

Игнацио сразу понял знак цирюльника. Понял, что цирюльник хочет сказать ему что-то, чего не должен слышать этот пришедший за ним следом человек. Игнацио медленно поднялся и стал переставлять свой товар, потом снова сел и, зевнув, стал дремать. Он вяло отвечал подходившим покупателям, получал с них деньги и снова принимался дремать, выказывая полное равнодушие к Родольфо и его спутнику.

Выждав терпеливо минут десять, Игнацио обратился к незнакомцу:

— Ну что же, приятель, долго ты будешь выбирать?

Человек, не выпуская из рук миски, быстро отошел в сторону. Уловка эта оказалась неудачной. Игнацио вскочил и, подбежав к незнакомцу, вырвал у него миску:

— Так ты вот что задумал! Воровать?.. Постой, постой!..

Игнацио схватил незнакомца за рубашку у самого горла, но тот вырвался и быстро зашагал прочь.

— Держи его! Держи! — крикнул ему вдогонку Игнацио.

Этот крик заставил незнакомца побежать.

— Подлец! — сказал цирюльник. — Вот что, Игнацио, слушай внимательно, — быстро зашептал Родольфо. — Передашь отцу: в день после казни пусть он придет к Джанинне. Я приду поговорить с ним о важном. Понял?.. Да скажи, чтобы Уберто был осторожен...

К ним подходила женщина.

— На, получай, — сказал Родольфо, протянул Игнацио деньги и ушел.

Издавка донесся бой барабана и звук трубы: торжественное шествие, возглавляемое мессером Якопо, продолжалось.

В отличие от Кафы, публичные казни были редкостью в Солдае, а в годы управления консула ди Негро это была первая казнь, вынесенная за пределы крепости.

Решение об этом было принято ди Негро после совещания с членами Попечительного комитета. Ломбардец сам по себе ничем не отличался от любого другого пьяницы, готового за деньги пойти на любое преступление, но положение в Газарии, и особенно в Солдае, требовало обнародования дела ломбардца. Так сказали представители горожан, и консул с ними согласился. На этот раз казнь должна быть совершена на глазах народа «в назидание всякому, дерзнувшему пойти по стезе предательства и измены государству». Поэтому владельцы домов вокруг соборной площади, богатые купцы, ростовщики и крупные виноделы постарались украсить свои балконы лучшими коврами и сами нарядиться в лучшие платья, чтобы присутствовать при таком интересном для них зрелище. Их жены и дочери за три дня начали суетиться по этому поводу, не давая покоя ни своим мужьям и отцам, ни своим служанкам, первым — почти непрерывной болтовней и спорами, вторым — покрикиванием, тумаками и пощечинами, и с утра до вечера посылали то в один, то в другой дом посмотреть и подслушать, выпытать у соседских служанок, какие наряды готовят себе их госпожи. По краям соборной площади, обычно совсем пустой, появились наскоро построенные из палок и полотен навесы торговцев, а посередине был построен высокий помост с виселицей и лестницей при ней.

Чуть забрезжил свет в день, назначенный для казни, как площадь наполнилась горожанами и окрестными жителями. Посланный приставом усиленный патруль сдерживал натиск толпы, напиравшей со всех сторон на корабельный канат, ограждавший пространство вокруг помоста. На деревья и заборы карабкались мальчишки. По мере того как светлело, толпа все увеличивалась и шумела громче. Когда солнечный свет озарил площадь, балконы ярко запестрели коврами и нарядами богатеев.

Особенно красивый и длинный ковер свисал с перил балкона двухэтажного каменного дома купца Квиниджи. На ковре был выткан замысловатый герб. Щит герба висел на гирляндах из фруктов и цветов; на нем были изображены голуби под перекрещенными стрелами и единорог в венках из лавра, а гирлянды держали в руках крылатые младенцы, окруженные невиданными порхающими птицами. Над перилами балкона виднелась голова хозяина дома в темно-лиловой круглой шапочке,

Его толстое, безбровое лицо с горбатым носом и жирным, тройным подбородком, с отвисшей нижней губой и заплывшими глазами брезгливо и сонно глядело вниз, на месившую грязь толпу. Рука лежала на перилах, и широкая полоса дорогого московитского лисьего меха на рукаве свисала на ковер. Голова рядом, в мягкой суконной шляпе с круглой высокой тульей и загнутыми совочком полями, принадлежала племяннику Квиниджи, недавно приехавшему из Кафы. Его лицо с полными и румяными щеками говорило о самодовольстве молодого человека. Он сидел, повернувшись к своему дядюшке, и над ковром видно было его плечо, покрытое склад-

ками черного плаща, и темно-синее сукно узкого рукава с золотой застежкой. Он барабанил пальцами по перилам, отчего поблескивал дорогой индийский алмаз перстня.

— Ваш «знаменитый» консул, — говорил молодой человек, — спохватился и, кажется, понял, что всю эту грязную чернь надо держать в страхе. Жаль только, что немного поздно. Однако он, кажется, плохо придумал неправдоподобную историю покушения на его жизнь, воображая, что это поднимет его авторитет в глазах подчиненных.

Молодой человек вскочил, так как на балкон в эту минуту вышла его двоюродная сестра; сняв шляпу, он отвесил ей глубокий поклон и уступил место.

Всегда туго набитый кошелек ее отца, сундуки, ломящиеся от обилия ценных мехов, серебряной посуды, золотых изделий и ковров, виноградники и сады, арендуемые им, и нажитый на перепродаже невольников и ростовщических махинациях капитал, вложенный частью в крупные торговые предприятия в Генуе, частью — в венецианский банк (мало ли что может произойти в родной республике!), делали Иларию Квиниджи завидной невестой и заставляли ее поклонников прощать ей своеобразие и гордость.

Выйдя на балкон, мона Илария села не сразу, а, не спеша

подойдя к перилам, оглядела соседние дома и площадь. Ее крутой лоб был украшен жемчужной слезой на тоненькой золотой цепочке, обвивавшей кисейный чепчик с тонкой сеточкой на макушке и краями, спускавшимися на уши и на пучок пышных рыжеватых кос. Поверх темно-синего, облегающего фигуру бархатного платья с мелкими сборками у узкого шарфового пояса и полукруглым вырезом у шеи была надета тоже бархатная ярко-алая накидка, отороченная седым бобровым мехом.

Мона Илария, сильно нарумяненная, с наведенными бровями, не была красива: ее длинный, с горбинкой нос, широкий подбородок и капризно выпяченная нижняя губа повторяли отцовские черты лица. Ей было двадцать лет, и городские кумушки шептались о волшебных приворотных кореньях, покупаемых ею за большие деньги у колдуньи-гречанки.

Следом за моной Иларией вышла ее служанка, старуха в черном длинном платье и белой косынке, закрывавшей лоб и плечи. На руках она держала любимицу госпожи — маленькую белую собачку с мелко завитой, как у барашка, шерстью и круглой смешной мордочкой.

— Отец, — сказала с усмешкой девушка, — посмотрите, какую ленту напялила себе на голову мона Джакопа! Право, она хочет удивить нас своим богатством. А ее достопочтенный супруг так расшил себе живот золотом, что даже больно смотреть. О, посмотрите, посмотрите, братец, это наша первая красавица! Видите — вон там?

— Моя дорогая сестрица, — сказал молодой человек, — зачем мне, будучи подле вас, стараться разыскивать кого бы то ни было? Уверяю вас, что сегодня никто не сравнится с вами ни по красоте, ни по изяществу наряда.

— Посмотрите, — словно не слыша его, продолжала девушка. — А вон за тем ковром с павлином мона Мария и ее духовник и вздыхатель фра Томазо из монастыря францисканцев. Ее муж торгует ладаном и церковными свечами. Они славятся у нас как самые богомольные люди...

Слушая злую болтовню дочери, старый купец только жевал губами и дремал, кутаясь в шубу. Собачка на руках у старухи повизгивала и тянулась к своей хозяйке. Под балконом двигались меховые шапки, чалмы, сукопные шляпы, платки, косынки, лысые и курчавые головы горожан, крестьян, монахов. Гул толпы, то утихая, то усиливаясь, перекачивался от палаток торговцев к помосту.

Мона Илария наконец уселась и занялась рассматриванием виселицы и толпящихся внизу людей.

— До чего скуп ваш консул, — сказал молодой человек, — он даже не распорядился украсить помост! Последний раз в Кафе я смотрел, как рубили голову какому-то проходимцу-татарину,

так, уверяю вас, я загляделся, до чего были красивы гирлянды из зелени, украшавшие помост. Скотившаяся голова запуталась в них и болталась, как живая. Это было так забавно!..

— Бедняжка моя дорогая, как она визжит! Дай мне ее сюда, — сказала мона Илария, протягивая руки к служанке.

Старуха передала ей собачку, которая тотчас же, опершись передними лапками о перила, стала лаять на толпу.

Вскоре и она замолчала вслед за замолкнувшей толпой. В наступившей тишине все резче слышался сухой звук барабана, размеренный, тяжелый шаг лошадей и громыханье повозки. Из-за угла улицы показались четыре барабанщика, шедшие в ряд, за ними — четыре трубача; за ними — торжественная фигура второго помощника коменданта на его вороной лошади, которую вели под уздцы два конюха. На этот раз лошадь была покрыта с головой цветастой попоной, скрывавшей ее худобу и старость. Затем, в сопровождении конного отряда оргузинов, появился секретарь консула на своем сером жеребце, гордо согнувшем лебединую шею и нетерпеливо грызущем позолоченные удила, все в белой пене. Позолоченные шпоры и рукоять меча, расшитый золотом белый камзол и ярко-малиновый плащ, золотистые кудри, развевающиеся из-под низкого стального шлема с крылатым драконом, делали мессера Джорджио поистине великолепным и похожим на изображаемого художниками святого Георгия. Даже мона Илария, ненавидящая Скампи за его равнодушие к ней, не могла сдержать своего восхищения.

— Да, — согласился с ней ее двоюродный брат, — мессер Скампи — единственный из чинов вашей крепости, достойный лучшей участи, чем ведение «благотворительных» дел консула ди Негро.

— Прекрасный молодой человек! — оживленно подхватил старик. — Он просто красавец и очень знатен... — Пожевав губами, он добавил: — Всякая девушка с умом должна бы об этом подумать...

— Везут наконец! Смотрите! — прервала его размышления мона Илария.

Вслед за оргузиями двигалась запряженная парой волов длинная арба, устланная соломой. В ней на коленях стоял человек в рваной рубашке, с непокрытой, опущенной на грудь головой, с взъерошенными черными волосами, густой всклокоченной бородой и руками, связанными за спиной. Впереди, лицом к нему, стоял монах с тонким ободком волос, оставленных на выбритой голове. Одной рукой он держал распятие, другой держался за перекадину арбы, переваливавшейся с боку на бок на выбоинах улицы. За арбой, верхом на тяжелой, с лохматой длинной гривой и широким крупом лошади, ехал молодцеватый

первый помощник коменданта в высоком шлеме и латах поверх кожаного камзола, с длинным мечом, в высоких сапогах с широкими раструбами голенищ выше колен. За ним шел отряд солдат в шлемах и с пиками, во главе с усатым помощником капитана.

Первым взошел на помост второй помощник коменданта для оглашения приговора.

Арба с преступником, скрипя, подъехала к самому помосту. Были слышны голоса начальников, покрикивающих на солдат, окружавших помост. Четыре солдата занялись преступником. Скампи с оргузьями отъехал в сторону и, наклонившись с седла, говорил что-то подошедшему к нему приставу.

— Я первый раз присутствую при казни, — сказала мона Илария. — Как жаль, что мы так далеко от помоста и я не увижу выражения его лица... Посмотрите, он как будто сопротивляется: солдаты еле волокут его из повозки.

Толпа сдвинулась к помосту. Сантиселли оставил Скампи и побежал распорядиться. Молчаливая до сих пор толпа загудела. Сидевшие на балконах встали, разглядывая происходящее.

— А вдруг он вырвется и убежит? — испуганно спросила мона Илария.

— Это только липший раз доказывает, — сказал молодой человек, — что ваш консул не так уж боится этого человека.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула девушка, сбросив свою собачку на пол и опершись руками о перила. — Они все-таки подняли его, но он упирается ногами в ступеньки лестницы.

Солдаты схватили преступника за ноги и за руки и взволкли на помост, где монах, наклонившийся к нему, зашептал что-то, приложив к его губам распятие.

Потом солдаты поставили ломбардца на одну из первых ступенек лестницы, приставленной к виселице. Влезший на брус виселицы солдат закинул на него петлю веревки, другой конец ее, тоже петлей, был надет на шею ломбардца. Затем лестницу выхватили из-под его ног, и тело повисло, медленно раскачиваясь.

Трубачи подняли блестящие на солнце трубы и троекратно протрубили, оповещая о свершившейся казни.

— И это всё? — капризно выпятив губы, с разочарованием спросила мона Илария.

— Пойдемте скорее, я совсем замерз, — сказал Квиниджи и, поднимаясь, наступил на хвост улегшейся у его ног собачки, которая с неистовым воплем унеслась в комнаты.

— Вечно она под ногами! — заворчал старик.

— Я знаю, отец, вы ненавидите ее и нарочно наступаете ей на хвост!

— Помилуй, моя дорогая, зачем ты говоришь такие глупости! Словно у меня нет других дел, как только думать о твоей собачке.

Девушка передернула плечами и быстро ушла с балкона. За ней отправилась и служанка.

— Обойдется,— сказал старик, похлопывая по плечу племянника.

— То есть что обойдется? Хвост или гнев моны Иларии? — засмеялся молодой человек.

— И то и другое... Пойдем, я угощу тебя таким вином, какого у вас и сам правитель не пробовал.

И, кутаясь в шубу, старик ушел, сопровождаемый племянником.

Толпа гудела и растекалась, перенеся свое внимание на палатки торговцев, где и начались толкотня, крик, брань, смех.

Дувший с моря ветер нагнал облака, и тени от них быстро проносились по площади. Накрапывал дождь. Вдоль помоста в плаще ходил солдат с пикой, оставленный сторожить повешенного. Старуха, вышедшая с другой служанкой на балкон дома Квиниджи, чтобы убрать ковер, в суеверном страхе закрестилась и зашептала молитвы: она увидела, как висельник в рубахе, изодранной в клочья, вертелся в воздухе.

Глава XXXII

В ПЕЩЕРЕ

Прошло две недели. Слухи о грозящей опасности росли. Попечительный комитет расширял работы по укреплению и приспособлению к обороне крепостных стен, подготавливал набор горожан в ополчение. Цены на базарах росли с каждым днем, несмотря на штрафы, налагаемые консулом, а продуктов становилось все меньше. Ловкие перекупщики быстро наживали большие деньги, пряча товар, пользуясь растущим спросом запасавшихся продовольствием в долгое путешествие или на случай осады. В мутной воде событий герои легкой наживы добывали себе богатый улов, чтобы потом скрыться с ним в последнюю минуту. На горе и без того бедствующего крестьянина, на несчастье мелкого ремесленника крупные землевладельцы и купцы наживали деньги, набивая и без того пузатые кошельки. Слухи шли то тревожные, то успокоительные, но все это были пока только слухи. Официальных сведений в городе не было никаких, не было их и в консульском управлении.

Ветер со стороны моря стих, стало теплее. Морская гладь лежала обманчиво спокойной. Из нее то и дело показывались

черные блестящие спины дельфинов. Мерный прибой тихо омывал песчаные отмели и прибрежные скалы, покачивая дремлющие на солнце рыбачьи суда. Не тревожимое ветром, неподвижно свисало полотнище знамени над замком Святого Креста.

Дорога на запад вилась лентой у подножия Соколиной горы, по крутому откосу морского берега, узкого и каменистого, то заваленного до самой воды огромными глыбами горных обломков, то заросшего по откосам соснами и кустами можжевельника. На одном из таких откосов, в получасе ходьбы от Солдайи, высоко над морем спрятался в колючих зарослях узкий вход в выдолбленную в песчанике пещеру. Таких пещер тут было несколько. Это были заброшенные кельи древнего византийского монастыря, о чем говорили четырехконечные равносторонние кресты на их стенах. Рыбаки знали эти пещеры и пользовались ими в непогоду. Вот рыбак Паоло и выбрал для тайных собраний своих друзей одну из них, наименее заметную с берега. Из-за усиленной слежки нельзя уже было собираться в «Золотом баране» или где бы то ни было в предместьях.

Уберто усадил Симонетту сторожить дорогу и морской берег. Она вскарабкалась на выступ скалы — оттуда далеко было видно вокруг.

На скале рядом старый карагач угрожающе протягивал свои корявые лапы. Внизу пологом стлался туман. Из него поднимались белые столбы минаретов и черные башни церквей. В крепости чернела Проклятая башня.

Симонетте вспомнилась сказка про эту башню, которую рассказывал ей отец, а ему — старый татарин, приходивший к ним за товаром...

Очень давно владела этой землей царица. Была она красавицей и жила в крепости. Многие знатные, богатые люди хотели взять ее себе в жены, но всем она отказывала. Был у нее военачальник. Полюбил он царицу и хотел взять ее себе в жены. Царица отказала ему, как всем отказывала. Затаил злобу военачальник в сердце своем и носил ее тайно, пока не подплыли корабли заморских врагов, идущих войной на эту землю. Настал час мести для обиженного. Темной ночью, в бурю и грозу, когда море, разбушевавшись, кипело у подножия скалы, военачальник указал иноземцам тайный вход в крепость через одну из башен. Иноземные воины ворвались в город. Царица была в самой верхней башне. Со свистом ветра донеслись ее проклятия до нижней башни и обратили изменника в скалу, а сама царица бросилась в морскую пучину. С тех пор нижняя башня прозвана «Проклятой».

Туман, поднявшись, закрыл башню. Симонетте показалось, что старый карагач движется в ее сторону, протягивая к ней свои страшные, кривые лапы.

...В тот весенний день в пещере собрались рыбаки, гончары, бондары, лудильщики, каменотесы и каменщики, кузнецы и кожевники, колесники, плотники — люди всякого ремесла. Пещера была глубокая, вместительная, но низкая. Густые заросли можжевельника закрывали узкую щель входа. На полу горел фонарь; его тусклый свет слабо освещал собравшихся. В отличие от жаркого дня, в пещере было очень холодно. Капли ледяной воды то и дело падали с потолка, и под ногами был сырой песок. Голоса говоривших звучали странно глухо, придавленные низким, тяжелым сводом.

Никогда еще споры не были так горячи, как в этот день. Одни требовали немедленных и решительных действий, объявления восстания, разоружения крепостного гарнизона, захвата оружия, ареста консула, военачальников и всех служащих консульского управления. Крепостью и городом должны управлять выборные от ремесленников. Другие говорили, что Родольфо и Уберто, взявшиеся руководить восстанием, теряют напрасну время, что объяснения цирюльника о том, что консул «помогает» восстанию, — сущий вздор.

— ...такой же ставленник банка святого Георгия, как и прежний консул, — говорил один из них. — Вспомните, что пообещал ди Негро, когда приехал! Вспомните-ка, что он тогда говорил, выехав к народу на соборную площадь: «Все будет по-новому, по-справедливому, никого не дам в обиду». Не дал, замучив пытками вставших тогда во главе народа! «Не позволю нарушать законы». Он их и не нарушил: как драли с нас три шкуры, так и дерут! Он говорил: «Крепость защитит вас от врага внешнего — защитит и от внутренней несправедливости». Защитила, нечего сказать! Налоги на виноград, вино, воду задушили. А штрафы? Мало, что ли, побросали нашего брата в круглый погреб? Мало нашего брата пошло на пытки по лживым доносам толстобрюхих купцов или вшивых монахов-францисканцев? Вчера еще на базаре люди пристава схватили старика лудильщика с Горной улицы — он «посмел» пожаловаться, что с него содрали за какие-то несчастные виноградные кусты. Пожаловался монаху, а тот донес. Старик больной, полуслепой, а эти псы утащили его в крепость! Она его защитит от несправедливости!.. А вот, слышно, ополчение начинают набирать. Из кого? Из купцов, из знати? А не нашего ли брата туда потянут? Мы же и будем защищать крепость, а не она нас. Синьоры да купцы зовут нас малым народом. Неверно: не малый мы народ, а большой! Подошли бы они без нас, без нашего мастерства. Они должны убраться и дать нам место. Мы — народ, большой народ, мы уничтожим несправедливость и заставим богатеев считаться с нами, мы защитим бедняков. Довольно мы ждали! Да здравствует народ, да сгинут знатные!

Возгласы одобрения поддерживали говорившего. И еще многие говорили о том же, требуя немедленного восстания. Колеблющийся свет фонаря выхватывал тянувшиеся из темноты руки с угрожающе сжатыми кулаками.

Но были иные мнения, иные слова.

Иначе говорил гончар Уберто. Призывая к спокойному, разумному обсуждению, он предостерегал от слишком поспешных и опрометчивых решений.

Иное говорил и рыбак Паоло. Его бесхитростная, подчас неуклюжая речь, проникнутая искренним чувством, близкая и понятная простым людям, брала за душу. Медленная и тихая, она, может быть, была убедительнее горячих и громких призывов. Он сидел на камне возле фонаря, поглаживая свои давно не бритые щеки, и негромко говорил, глядя, как коптит фитиль, словно разговаривал с ним:

— Это так, верно, да не всё. Что же, это, получилось у нас? Шли мы, это, дружно сколько времени, в полном, это, доверии, а как теперь дошли до дела, так, это, вразброд — и доверия друг другу не оказываем. Кому-кому, а Уберто Сивелли небось вся Солдайя верит. Клянусь святым Георгием, таких людей среди нас еще поискать надо! И говорил он сейчас правильно, а вы ему, это, и договорить не дали...

— А зачем отговаривает нас от нашего общего дела? — раздался из темноты чей-то звонкий голос.

— Не видать мне, — продолжал Паоло, — кто это там кричит, только слышу, молодой голос. Вот ты, дружок, по молодости своей погорячился — вздор и сказал: никто тебя не отговаривает, а Уберто говорил правильно — торопиться, это, не зачем.

— Так и будем топтаться, как ослы, на одном месте без толку? — прервал тот же голос.

— Брось! — одернул кто-то кричавшего.

— Опять неверно, — спокойно продолжал Паоло. — Без толку осел не упрямится, а вот кричит, пожалуй что, без толку... Смешок покотился по пещере.

— Говорить гладко и долго я не умею, не выходит у меня. А вот попросту вам скажу: не дело, друзья, идти нам по разным дорожкам, путаться, это, кто куда. Не годится и сбивать других на это. Не годится. Дорога у нас одна, широкая, всем нам на ней места хватит. И надо нам идти по ней, это, дружно. Все за одним делом идем — не за разными...

— Верно! Правильно! — крикнули со всех сторон.

— Вот... А еще обидно мне слушать, как вы, вот, про Родольфо тоже наговорили, не подумавши. Давненько знаю я его, да и не я один. А он за наше дело стоял и стоит крепко, всей душой, и, клянусь святой девой, верю я ему, как самому себе.

— Дорога у нас одна...

Провалиться мне ко всем чертям, если это не так! — выкрикнул напоследок Паоло и даже ударил себя по коленке.

Пещера наполнилась гулом одобрения. Теснее сгрудились люди, встали ближе к Родольфо, который все время стоял молча, опершись о стену у самого входа.

Для Родольфо это был день тяжелых испытаний. Он знал о настроениях ремесленников, знал, что упреки, высказываемые ему с глазу на глаз Уберто в дружеских спорах, здесь, в пещере, будут брошены многими ему в лицо. При всех и надо будет отвечать на них. Что же, снова стараться доказать правоту своих взглядов на консула, хотя он и понимал всю неубедительность этих уверений? Отказаться от них, признав упреки правильными? Правильно ли поступал он до сих пор, не делая выбора между консулом и своими друзьями-ремесленниками? В силах ли он вообще решиться на этот выбор? За последние дни Родольфо стало ясно, что время для восстания, с таким трудом подготовленного им и его друзьями, упущено: по-видимому, турецкие галеры действительно плывут к берегам Газарии. Но говорить об этом сейчас, когда никаких доказательств привести не можешь, он считал преждевременным. Тяжело было на душе у Родольфо, когда он шел в пещеру, — еще тяжелее стало от выслушанных упреков. Слова Уберто и Паоло не смогли умерить их жестокую справедливость. Но Родольфо собрал всю свою волю, и никто не заметил его мучительной душевной борьбы. Его голос был, как всегда, уверенно-спокойным, когда он начал говорить:

— Друзья, две правды были сказаны здесь: первая — что не годится принимать торопливые решения, вторая — что надо идти нам сплоченно, одной дорогой. Из упреков, сделанных вами мне, я понял, что вы считаете мою дорогу иной, чем ваша...

— Иная и есть!

— Дай ему сказать!

— Тише, вы!..

Родольфо подождал, пока говор смолк.

— Неверно, друзья. У меня с вами дорога одна, и другой дороги у меня не было, нет и не будет. Я не стану терять время — у нас его и так мало, — чтобы сызнова объяснять недоверчивым, почему я поступаю так, а не иначе...

— Правильно!

— Затевать никчемный спор я не хочу...

— Правильно! К чему спорить!

— Мы верим тебе! Говори!

— Тише, дай сказать!

— Повторяю: дорога у нас одна, цель у нас одна, трудности и препятствия на этой дороге — одни для всех нас, и преодолеть эти препятствия и эти трудности можно только общими,

дружными усилиями. Всякий спор, всякое малейшее несогласие между нами может погубить все наше общее дело...

— Верно! Верно!

— Сейчас мы дожили с вами до тревожного времени, и нам надо силотиться особенно крепко, потому что падеваются события, предотвратить которые мы не в силах...

— Правильно!

— Скажи, верны ли слухи о сарацинах?

— Правда ли, что соберут ополчение?

— Правда ли, что взята Кафа?

Родольфо поднял руку:

— Пойдите, пойдите, друзья!

— Тихе! Тихе!

— Слух о том, что взята Кафа, конечно, сущий вздор: в крепости об этом ничего не известно. О сарацинах известно только то, что их корабли ушли на юго-восток. А списки для ополчения готовят, это верно, но ведь их и раньше пересматривали несколько раз...

Последние слова Родольфо утонули в поднявшемся общем говоре, обсуждениях, споре.

Тут Родольфо показалось, что плащ зацепился за что-то. Не оборачиваясь, он потянул его рукой и почувствовал, что кто-то упорно дергает плащ и тянет к себе. Он обернулся и в щели входа увидел чью-то маленькую руку, цепко ухватившуюся за его плащ. Пододвинувшись к щели, он увидел Симонетту. Девочка тянула его одной рукой за плащ, а другой делала знаки подойти ближе.

Родольфо подошел к выходу и нагнулся. Симонетта быстро зашептала ему в ухо:

— Дядя Родольфо, два человека идут сюда по берегу! Что-то всё останавливаются и рассматривают землю...

— Откуда идут?

— От Солдайи... И всё наклоняются и рассматривают. И рукой показывают на скалы.

— Сейчас, погоди...

Родольфо быстро вышел из пещеры и, пригнувшись, спрятался за густым кустом можжевельника. Сквозь ветки ему виден был весь берег, уходящий к Солдаие. Действительно, еще довольно далеко медленно двигались два человека. Острый глаз Родольфо сразу узнал в них ближайших к приставу людей — Аццо и Протолеона.

«Нас ищут, гады!» — мелькнуло в голове Родольфо. Он вернулся в пещеру.

— Внимание, друзья! — крикнул он и, когда все настороженно замолчали, сказал: — Сюда идут люди пристава. Нам надо быстрее уйти отсюда. Слушайте меня внимательно. Они

еще далеко. Я пойду им навстречу и займусь ими. А вы выходите по одному, не толпитесь и не шумите, и верхней тропинкой между сосен идите на дорогу и домой.

Родольфо быстро спустился к берегу и его узкой, покрытой галькой полосой пошел навстречу приближающимся людям.

Глава XXXIII

«ПИСЬМА К ЛУЦИЛИЮ»

Ди Негро не знал, доехал ли маэстро Скруччи до Генуи и передал ли он слова консула протекторам банка святого Георгия, но он больше не писал им — он сдержал свое слово: «чиновник стал солдатом».

Сбивчивые сведения о скоплении турецких военных кораблей в восточной части Великого моря и их продвижении якобы к берегам Зихии не усыпляли прозорливой бдительности военачальника Солдаи. Он угадывал стратегическую хитрость Гиедука-Ахмеда-паши, направившего свои галеры на восток, а зная, что Газария кишит соглядатаями великого визиря, распространяющими ложные сведения о намерениях турок, он был удивлен такой дорогостоящей осторожностью врага, хорошо, ка-

залось бы, осведомленного о слабости генуэзских гарнизонов. Нетрудно было догадаться, как поведет себя и татарский хан. Несомненным было и то, что, умный политик и опытный военачальник, Гиедук-Ахмед направит свой первый удар в самую слабую из-за внутренних раздоров и вместе с тем самую важную точку генуэзских владений — Кафу, политический центр и узел торговых дорог. Если он плывет с востока, то может задержаться только у Воспоро. Но надолго ли займет его внимание эта слабая крепость? По последним сведениям, полученным в Кафе, он ведет сто семьдесят три боевые галеры — это значит девятьсот пятнадцать бомбард, он ведет сто семьдесят грузовых судов — это значит тысяча сорок отборных воинов-янычар.

Однообразная и сонная до той поры жизнь крепости резко изменилась: скрип колес, топот и ржание лошадей, грохот сваливаемых камней, досок и бревен, звук топоров, пил и молотков, голоса и окрики людей слышались с утра до вечера.

Утренние часы консула были заполнены теперь проверкой работ набранных из горожан людей, под надзором сотника свозивших камни и дерево и укреплявших обветшалые места башен и стен, парапеты, мостики, помосты. Особенно он заботился об усилении обороны оградной стены у предмостного укрепления, защищавшей ворота — слабейшее место крепости с суши. Отменив свой обычный отдых после еды в полдень, ди Негро занял эти часы дополнительными докладами секретаря и сотника по вопросам о мерах, принимаемых ими по управлению городом и предстоящему военному набору горожан, по составлению соответствующих приказов. В эти же часы он выслушивал и очередные доклады Сантинелли и принимал докучавших ему своими домогательствами кафских синдиков. Конец второй половины дня был снова занят проверкой работ у водопровода и водоемов или по укладке печей и установке котлов для кипятка и смолы.

С наступлением весны и более длинных дней ди Негро сократил количество выдаваемых свечей, строго приказав беречь их и не зажигать более одной. Вот уже скоро два месяца, как консул и у себя зажигал только одну свечу. На днях он отдаст приказ о запрещении топки каминов и печей: надо приберегать и топливо. Каждую ночь теперь, когда были закончены все дела, ди Негро не торопился лечь и, откинув голову на спинку кресла, дремал. Свеча, потрескав, потухала, и слабый отсвет углей в камине еле освещал ближние к нему предметы. Скованные усталостью и дремотой мысли туманились, но неизменно его будило осторожное прикосновение мокроватого, холодного носа собаки к его руке. Выспавшийся к этому времени Персей

приходил, словно чтобы напомнить хозяйину, что пора идти спать.

«Сейчас, сейчас», — говорил ди Негро, глядя голову собаки, и покорно вставал с кресла.

После ужина у консула Скампи вернулся к себе и, сев у стола, освещенного свечой, задумался. Спать не хотелось, это тоже теперь стало обычным. В утомленной за день голове мысли теснились и путались — не хотели встать в нужном порядке. Все почему-то возникало глупое, с косыми глазами, посмеивающееся лицо мессера Якопо — с чем-то он не соглашался и что-то доказывал «на основании постановлений правосудия»; то проплывало уродливое лицо гордячки Иларии Квиниджи, смотревшей, как показалось ему, на него с балкона во время казни ломбардца; то лоснящееся жиром лицо ее отца, всегда расхваливающего ее добродетели в надежде подцепить выгодного жениха; то загадочное, похожее на древнего идола, лицо оргузия Ачипая; то дерзко смеющиеся глаза хозяйки харчевни; то страшное, лиловое лицо висельника... Еще никогда все так не путалось у Скампи в голове!

Мессер Джорджио встал и подошел к маленькой нише в стене, где у него стоял кувшин с вином, настоянным на какой-то «колдовской» траве цирюльника Родольфо. К этому настою мессер Джорджио пристрастился за последнее время — он бодрил и успокаивал его. Выпив кубок, он опять подошел к столу.

Теперь, после вина, он долго не заснет. Что же делать? Вернуться к консулу? Нельзя. Позвать Родольфо? Поздно. Писать? Он взял в руки чистый лист бумаги. На нем проступал водяной знак — три горы с крестом на средней из них. «Горы... могла...» — думалось мессеру Джорджио, и он отбросил лист. Разве теперь он успеет дописать свою книгу! Скампи сел в кресло и, поставив локти на стол, взялся руками за голову. Взгляд его упал на пергаментный переплет книги. Это был отцовский Тит Ливий, привезенный с собой из Генуи. «С присущим тебе здравым смыслом...» — вспомнились слова из письма отца. Раньше ему всегда казалось, что все именно так, как говорит отец. Отец не видел его несколько лет. А может быть, и тогда отец не распознал его, настоящего?

Вспомнились дни в Сестри, дубки и лавровые кусты висячего сада на плоской крыше угловой башни отцовского дома, похожего на замок. С крыши были видны холмы и кровли деревенских домов, беспредельная голубизна моря. Он был тогда двенадцатилетним мальчиком, баловнем матери. Потихоньку пробирался он в комнаты отца, где было много книг, брал из них одну и ту же и убегал на башню; там, спрятавшись в тени

деревьев, он раскрывал книгу и рассматривал пестрые, искусной рукой нарисованные картинки, разбросанные по ее страницам.

До сих пор он помнит некоторые из них. Вот шагают отряды лучников и щитников, вот кипит бой на столкнувшихся галерах, вот двигают стенобитную машину к стенам осажденного города. А вот страшные картинки: на них казни и пытки. Виселицы с повешенными; железные решетки с лежащими на них голыми людьми, которых пытаются раскаленными щипцами; палачи, отрубающие головы преступникам. Знатные горожане глядят на эти казни из окон своих домов. А еще картинки с крылатыми демонами; они носятся над городом и посылают смертоносные стрелы в беззащитных людей, падающих на улицах. Это чума или голод.

Но страшные картинки шли вперемешку с обыкновенными и даже веселыми: молодой человек с соколом в руке стоит под балдахном и к нему подводят девушку в подвенечном наряде. Это жених встречает невесту. А вот город в факелах по случаю конца междоусобной войны.

Скампи вспомнил себя и семнадцатилетним юношей все в том же висячем саду. Но это уже не был жаркий день, а теплая звездная ночь, напоенная душистым и пряным запахом лавровой листвы. Вспомнил молодую рабыню-служанку. Это была стройная девушка с пышными косами русых волос, с лучистыми грустными карими глазами, с белой и нежной кожей. Джорджио слышал от своей кормилицы, что девушку эту похитили в холодной стране москвитов татары и продали в Газарию генуэзским купцам, а те привезли ее в Геную, где синьор протектор и купил ее за сорок венецианских дукатов. Девушка не выучилась иноземному языку, была молчалива, покорна и часто плакала потихоньку, оставаясь одна. Ее крестили в латинскую веру и дали ей имя Аврелия. Какое имя было у нее на родине, никто не знал, да и не пытался узнать. Кому это нужно?

Тогда, ночью, мессер Джорджио нежно шептал рабыне это чуждое ей, новое имя. Потом она быстро ему надоела, ее выдали замуж за конюха и отослали их обоих в какую-то дальнюю горную деревню.

Ленивые занятия науками с учителями, из лести перед знатностью и богатством расхваливавшими его способности родителям, не чаявшим души в своем единственном сыне... Пиршества и охоты, турниры, много праздного потраченного времени, честолюбивые мечты, окрыленные легкостью обеспеченной жизни... Путь в Газарию, который представлялся увеселительной прогулкой к счастливым берегам почета и славы, теперь оказался местом горестных разочарований...

Мессер Джорджио закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Он почувствовал, как комок подкатывает к горлу и душит его, как тяжело дышать, а глаза наполняются слезами от жалости к самому себе, незаслуженно обиженному судьбой. «Взвесил бы и рассудил, как надо будет поступить по долгу и совести», — так писал отец. О, если бы он видел теперь своего Джорджио! Где же тот здравый смысл, о котором говорит отец? Долг, совесть — слова. Долг перед родиной... какой? Уже давно забывшей его, предавшей, обрекшей на бесславную гибель. Какая же это родина!.. Совесть?

Вот тут мессер Джорджио, как всегда, не нашел лазейки и, мучительно ища ее, запутался окончательно. Сердце учащенно билось, кровь начинала стучать в висках, и неотвязно, как в бреду, снова возникали все те же навязчивые образы, бессмысленно рождающиеся один за другим: Якопо, мона Илария, старик Квиниджи, Ачипай, Джанинна, лиловый висельник...

Мессер Джорджио вздрогнул и открыл глаза. Холодная дрожь пробежала по всему телу: ему послышался какой-то шорох за дверью, словно кто-то там, в темноте, шарил рукой, ища кольцо. Он затаил дыхание и прислушался.

Свеча догорала, потрескивая и колебля тени. Шум в ушах, отсчитывающий биение сердца, мешал слушать.

Шорох не повторился. Дверь была занерта изнутри; мессер Джорджио покосился на ее замок. Ключ был повернут так, что бороздка его не закрывала скважины, и стоящий за дверью мог в нее смотреть. Мессер Джорджио перевел взгляд на стол, и рука его потянулась за Титом Ливием.

Раскрыв книгу, он начал водить глазами по строчкам, не читая их. Так он сидел, пока не потухла свеча. Тогда он быстро, стараясь не шуметь, разделся, кинулся в постель и, укрывшись с головой одеялом, притаился. Заснул он только под самое утро и так крепко, что слуга еле достучался.

Когда Скампи, войдя к консулу для утреннего доклада, наклонился над столом, чтобы положить бумаги, ди Негро пристально посмотрел на него.

— Зачем вы пришли? — сказал он. — Помощник коменданта мог бы доложить за вас.

— Мне гораздо лучше, ваша милость, — ответил Скампи, стараясь придать твердость своему голосу.

— Нам предстоит еще большая работа и большие трудности, вы должны поберечь себя для этого. Я прекрасно вижу, как вы изменились даже со вчерашнего дня. Вы опять не спали эту ночь. Не пытайтесь возразить мне, я прекрасно все вижу. Давайте поскорее кончим с этими бумагами, — прибавил консул довольно строго.

Когда последняя бумага была прочитана и распоряжение по

поводу нее отдано, а Скампи сделал на ней соответствующую отметку, ди Негро, указав на кресло рядом с собой, сказал:

— Сядьте, и давайте воспользуемся свободной минутой.

Скампи сразу почувствовал, что разговор пойдет о нем. Ему стало не по себе, и он насторожился, наскоро вспоминая все передуманное за последнее время, всеми силами напрягая мысль, насколько это позволяла ему болевшая, тяжелая голова.

— Помните, — начал ди Негро, — еще осенью, в начале наших тревог, у нас с вами был неприятный разговор? Я прервал его тогда, сказав, что мы продолжим его как-нибудь в другой раз. Теперь настало время продолжить его. Мы стали лицом к лицу с великим испытанием... — Ди Негро коснулся рукой руки Скампи. — Доверие, оказанное мне мессером протектором Скампи в отношении вас, обязывает меня, мой дорогой, сказать вам откровенно все то, что я думаю о вас. Я вижу, как вы изменились за последнее время, и догадываюсь о причине вашего нездоровья. Вы потеряли уверенность в себе. Не так ли?

— Ваша милость!..

— Не бойтесь, мы одни, — сказал ди Негро. — Что бы вы мне ни сказали, я схороню это в своем сердце. И давайте сейчас решим все это. Я жду.

Пока консул говорил, в душе Скампи происходило нечто похожее на бурю, вздувающую волны и несущую корабль на смертоносные скалы. Все передуманное за долгие дни и ночи исчезло, испарилось из памяти. Категорическое требование консула окончательно лишило его способности сообразить что-либо, а не только сказать. Казалось, чья-то крепкая рука сжала ему горло, и снова, как ночью, слезы готовы были хлынуть из глаз.

— Я жду, — безжалостно повторил ди Негро.

Скампи разрыдался.

В эту минуту кто-то постучал в дверь.

— Это Сантинелли с докладом, — сказал ди Негро; быстро встав и взяв Скампи за плечи, он прошептал: — Пройдите лучше ко мне в спальню и подождите пока там.

Скампи поднялся по ступенькам двери и прошел в спальню. Она скудно освещалась небольшим окном высоко в стене.

С коврика в глубине комнаты, лениво потягиваясь и визгливо зевнув, поднялся заспанный Персей, приветливо виляя хвостом, подошел к Скампи и ткнул его носом в руку. Не встретив ответной ласки, собака отошла к двери, опустила голову, прихихиваясь, потом вернулась на свой коврик и, покрутившись, легла, но не заснула, следя глазами за Скампи. Тот подошел к столу, опустил в кресло, провел рукой по глазам, по лбу, отбросил прядь волос, откинулся на спинку кресла, положив руки на подлокотники, и закрыл глаза.

Буря, разбушевавшаяся в душе Скампи, унесла корабль и разбила его о скалы, но и сама мгновенно рассеялась и стихла, излившись слезами. На смену ей явилось чувство поверженного самолюбия и стыд за свое малодушие. Жалость к себе сменилась упреком в неблагодарности консулу, в недостойном для благородного человека поведении. Этого быть не должно!

Скампи ударил ладонями о подлокотники кресла и, встав, взял лежащую на столе открытой книгу. Это был Сенека¹, «Письма к Луцилию». Он опять сел и начал перелистывать книгу. Слова древнего философа словно отвечали на его мысли:

«...Верь мне — ты неизбежно умрешь уже в силу того, что ты родился. В этом роде мы должны рассуждать, если хотим спокойно и твердо встретить последний час, страх перед которым делает мучительными остальные часы нашей жизни...» «О, как глупо строить планы на всю жизнь, не будучи господином даже завтрашнего дня...» «Ни дети, ни сумасшедшие не боятся смерти. Тем постыднее, что разум не может постигнуть ее безвредность, когда она очевидна даже для глупости...»

«Почему эта книга не попалась мне раньше?» — подумал Скампи. Держа книгу в руке, он стал ходить по комнате. Луч солнца осветил зеленое шелковое покрывало кровати, стену над ней и висящий над изголовьем черный крест с фигуркой Христа из слоновой кости.

Дверь отворилась, вошел консул. Персей бросился ему на встречу, визжа и прыгая.

— Ваша милость, — сказал Скампи, — я нашел у вас Сенеку. Позвольте мне взять его на короткое время.

— Берите. Это самое подходящее для вас чтение. Вы разве не читали его раньше?

— Я читал... давно, — солгал Скампи.

— Мне надо скоро уходить, — сказал ди Негро, — и, если вы успокоились, давайте закончим наш неприятный разговор.

— Ваша милость, — взволнованно сказал Скампи, — простите мне мое малодушие! Клянусь вам, ваша милость, что все, что я говорил тогда, при маэстро Скруччи, я могу подтвердить и сейчас!

Скампи сделал движение, словно хотел поцеловать руку консула. Ди Негро отстранил его.

— Хорошо, хорошо, — сказал он, — я верю вам. Выпейте вина, отдохните, может быть, даже уснете. И почаще читайте Сенеку, — добавил он улыбаясь. — Этот старик был похитрее нас с вами.

Скампи хотел возразить, что отдохнуть он успеет и ночью,

¹ Сенека Луций Анней — древнеримский философ.

а сейчас считает своим долгом приступить к работе, но дн Пегро выпроводил его, сказав, что позовет мессера Джорджно, когда тот ему будет нужен, и что не на шутку рассердится, если он ослушается.

Глава XXXIV

ЛЕВ И ГОЛУБИ

В десятый день мая, к полудню, были закончены работы у защитной стены на внешней стороне рва перед главными воротами и установка бомбард в верхнем ярусе двух въездных башен. Солдаты, отряженные в этот день помощником капитана для установки орудия и складывания ядер, спустились во двор. Раффанати был особенно в духе и шутил с солдатами, чем тотчас же воспользовался Луиджи, которому до смерти надоела часовая возня с тяжелой, неповоротливой бомбардой.

— Нельзя ли попросить вас, ваша милость, прочесть нам слова, что высечены вои там, на башне? — спросил он начальника, указывая пальцем на плиту в раме из желтого камня, вделанную высоко в стену. — Из нас никто толком буквы складывать не умеет.

— А зачем тебе?

— Мне про эту надпись говорили, да я забыл, как оно точно. Я хочу, чтобы вот они послушали, а я тогда им расскажу.

— Чудак! — рассмеялся Раффанати. — Что ж, я прочту, слушай.

Солдаты обступили его.

Закинув голову, он медленно, слово за словом, переводил латинскую надпись плиты; его пушистые усы ходили вверх и вниз:

— «Тысяча триста... восемьдесят пятом... в первый день августа... во время управления отличного... и могущественного мужа... господина Якопо Торсело... почтенного консула и коменданта Солдайи...» Ну вот. Что же ты хочешь рассказать?

— А то, ваша милость, что сегодня неспроста кончились работы у ворот именно на этой башне. Мне говорили, что она первая была построена нашим тогдашним консулом, а до нее башен вовсе не было.

— Верно! — подтвердил Раффанати. — А почему ты говоришь «неспроста»?

— Потому что хорошая примета, ваша милость: начало с концом сошлись — значит, будет удача.

— И это верно! — воскликнул Раффанати, ударив Луиджи по спине. — Ты, я вижу, не дурак!.. Ну, отдыхайте, да чтоб мне собраться вовремя, с балестрами, у круглой башни!

И Раффанати ушел, покручивая ус.

— Вон, налево, это герб дожа, не помню, как его звали,— продолжал рассказывать Луиджи, показывая на плиту,— в середине — нашей Республики, а направо — консула... опять забыл!

— А вон лев и голуби,— сказал один солдат.

— Это, наверно, так: лев — это начальство, а голуби — это мы,— сказал Гвидо.

— Похлебка! — закричал третий.

Все заторопились к принесенному из поварни котлу и уселись на сложенные бревна и доски.

Пьетро, севший рядом с Луиджи, спросил:

— Ты говорил, хорошая примета, а вот что похлебку нам стали давать гуще и жирнее, это как, по-твоему?

— Тоже неплохо,— ответил Луиджи, макая усы в оловянную ложку.

— А по-моему,— сказал Пьетро,— это примета плохая.

— Почему?

— А потому, что, когда «голубей» начинают откармливать, это значит на убой.

— И совсем не поэтому,— по своему обыкновению, начал поучать Луиджи,— а потому, что работаем много. То ничего не делали, а теперь работы да ученья...

— А к чему работы да ученья? — вступил в разговор еще один солдат.— Вот вы приметы придумываете, а мне говорил возчик из предместья: вчера колокол в монастыре сам зазвонил. Он клялся святой Агнессой, что сам слышал и видел, как собрался народ. Все видели, как монахи всполошились и побежали на колокольню, а потом вышли из монастыря и подтвердили, что колокола никто не раскачивал. А в толпе была женщина, которая забилась в припадке, призывая святого Гервасия, и кричала, что наступили последние времена и что город и все мы погибнем. Возчик знает и имя этой женщины. Многие ее знают и уважают за благочестие.

— Что же ты думаешь,— сказал Гвидо, обращаясь к Луиджи,— наши начальники нас кормят да работать заставляют для забавы или для нашего удовольствия? «Проголодались, бедняжки, за зиму, нате, похлебайте пожирнее». Как бы не так! Очень им нужно было раньше наше здоровье! Нет, мой дорогой, не такие они болваны, чтобы зря на нас сало тратить. Как почуяли их носы, что пахнет сарацинами, так сразу и давай нас откармливать. Верно говорит Пьетро: «На убой»!

— А я разве спорю? — защищался Луиджи.

— Не споришь, да не то говоришь! — продолжал солдат.— Послушай-ка, что в предместьях творится: толкотня, крик, дав-ка с утра до ночи и с ночи до утра. Говорят, купцы за пару во-

лов с повозкой сто флоринов платят. Это что по-твоему, тоже так себе, для прогулки? Клянусь поповской плешью, не пройдет и недели, как нагрянут сарацины и таких из нас лепешек напекут, что сам дьявол обожрется!

— Придержи язык! — наставительно сказал Луиджи. — Дьявол-то еще неизвестно, обожрется ли, а вот ты, пожалуй, уже объелся.

— А что проку молчать? — не унимался Гвидо.

— А что проку кричать? — перебил его Луиджи.

— Будет вам! — вмешался Пьетро и, взяв Гвидо за плечи, стал уговаривать прекратить бессмысленный спор.

Никому особенно и не хотелось спорить с Луиджи: уже давно никто не верил его глубокомысленным выводам, но они по большей части были успокоительными, и всем хотелось усыпить ими накопившуюся в душе тоску и тревогу.

В полдень работы и ученья прекращались на короткое время. Рабочие-горожане расходились по предместьям, а солдаты ели и отдыхали. Редко кто уходил в казарму: там было холодно и сыро, плесень покрывала стены; солома на парах прела, ее меняли все реже. Разводить огонь в жаровнях запрещали, давно и масло для светильника перестали выдавать.

Солдаты предпочитали оставаться снаружи, где было тепло и светло в эти солнечные дни. Собирались у караульни главных ворот. Пользуясь отсутствием начальников, расходившихся по домам, рассказывали друг другу новости, слышанные от рабочих-горожан, и отдыхали. Месяца два, как обычное увольнение из крепости было запрещено — надо было каждый раз просить особого разрешения, и не всегда его получали, потому что караулы на восточных, северных и западных башнях, стороживших крепость с суши, были усилены.

Пьетро съел похлебку, растянулся на доске, подложив руки под голову, и подставил лицо солнцу.

— Начальник сегодня в хорошем настроении, — сказал Гвидо, — хочу попроситься из крепости. Не знаю только, что придумать. Ничего мне там не нужно, а так просто... Может быть, больше и не придется выйти: скоро ворота опустят надолго — как в тюрьме, насидимся. Как ты думаешь, скоро опустят ворота?.. Да ты спишь, что ли?..

Не добившись ответа, Гвидо встал и пошел к казарме.

Пьетро не спал и слышал, что говорил Гвидо, но отвечать не хотел. Он знал, что каким бы ни было прекрасным настроением у Раффанати, тот не отпустит Гвидо из крепости: не такое сейчас время; а ворота могут закрыть в любой день и в любой час, он тоже это знал. Поэтому Пьетро и притворился спящим: пусть Гвидо думает, что он не слышал его слов. «Начальники нам ничего не говорят, — размышлял Пьетро, — но по всему

видно, что они торопятся закончить работы. Неспроста и предместья полны приезжими из Кафы и других мест: богачи знают, что пора спасать свое имущество. Караулы чаще ставят на северных и восточных башнях. Значит, и отсюда ждут кого-то. Кого же? Татар, что ли? Ну, этим не справиться с нашими стенами!»

Согретый солнечным теплом, Пьетро заснул и видел во сне лазоревое море у родного берега, с сосновым леском и деревней за ним. Но кто-то дернул его за рукав рубахи, и сон улетел. Пьетро приоткрыл глаза и увидел над собой лицо Гвидо, который шептал ему что-то, тараща глаза.

Пьетро недовольно нахмурился:

— Чего тебе?

— Сейчас капелланов Мартино как сумасшедший бежал со второго двора... Я остановил его... он говорит, что сегодня рано утром капеллан уехал...

— Ну так что же?

— Совсем уехал! Вещи погрузили на татарскую повозку... Куда уехал, никто толком не знает. Говорят, на север, а куда, неизвестно... Как же так, Пьетро, уехал?

— Значит, убежал, — спокойно ответил Пьетро. — Что же ты удивляешься?

— Как — убежал?

— Да вот так! Ложись-ка здесь рядом, да давай вздремнем.

— Не могу я спать! — взволнованно сказал Гвидо. — Пойду разузнаю еще.

Пьетро опять задремал и на этот раз был разбужен боем барабана.

Отдых кончился. Солдаты одни за другим вставали, потягиваясь и зевая, и нехотя брели к казарме за балестрами для ученья.

Пьетро должен был сменить караульного на портовой башне. Как ни часты были теперь караулы, все же они казались Пьетро лучше скучных и утомительных учений, брани или однообразных шуток Раффанати.

Смены раньше не обходились без разговора с какой-нибудь прибауткой, теперь они были молчаливыми. Встав с каменного выступа вдоль стены, на котором он сидел подремывая, солдат утренней смены, со впалыми щеками изможденного лихорадкой лица, плотнее закутался в плащ и, глухо закашлявшись, поплелся к лестнице, волоча ноги. «Бедняга», — глядя ему вслед, подумал Пьетро и, прислонив пикку к стене, стал на выступ.

Ровесница приворотной башни, портовая башня значилась в караульном листке под буквой «А», потому что построил ее консул Асгагвера, — построил в четыре стены, разукрасил двадцатью семью древними греческими плитами с изображени-

ем крестов и орнаментами. вывел в двенадцать саженей выши-
ной на высокой скале, чтобы охранять с юга — порт, с севера —
водоемы и подступы от западного предместья. Пьетро любил
эту башню: с какой еще другой увидишь и морской простор,
и галеры, теснящиеся у причалов, и шныряющие рыбачьи лод-
ки, и веселую, пеструю сутолоку порта, и улицы городского
предместья с идущими по ним торговыми караванами? Где
услышишь морской прибой и шум воды, просачивающейся
сквозь плотину, крики погонщиков волов и громкие родные
песни матросов? С какой еще башни виднее всего раскачивае-
мый ветром золотой баран харчевни? А на западе, где стена
ползет на вершину круглой горы, спускается и снова подни-
мается на ее вторую вершину, к крайней башне, замыкающей
укрепления, виднеются отроги Соколиной горы, поросшие та-
кими же соснами, какие растут на далеких родных берегах.

Но как все изменилось за последние дни! Взглянув в пролет
между бойницами, Пьетро увидел безлюдную дорогу к порту
и пустые улицы предместья. Розоватая дымка цветущих фрук-
товых садов, яркая зелень виноградников — все казалось теперь
бессмысленно веселым. Какое тут веселье! Под башней, по обе
стороны склада, два больших водоема со шлюзами, отводящи-
ми воду во рвы крепости, были полны до краев весенней водой,
принесенной ручьями с гор, которая пенилась и шумела у двух
стоков в стене над портом. В воде колыхалось опрокинутое
отражение башни, желтых граней стен храма Двенадцати Апо-
столов и грифа, парящего в синей бездне неба.

Как раньше, бывало, весной радовался Пьетро первым теп-
лым дням! Как после угрюмой зимы легко дышалось на этой
площадке, открытой озорному, пахнущему водорослями мор-
скому ветру и благоуханному ветру цветущих гор! В душевной
тревоге и неумной тоске не нужно было теперь ему ласковое
дыхание ветра, несущего запахи цветения трав, садов и лесов.

Безразлично оглядывая предместье, Пьетро заметил, как из
дверей харчевни вышел Франческино, таща лестницу, как под-
ставил ее под крюк с золотым бараном, долез до него и стал
колотить молотком по крюку. Вышла Джанинна и стояла под-
боченясь, глядя вверх, на мальчугана, потом рукой указала ему
на что-то. Только их двоих и было видно на ближайших
улицах.

Солнце сильно грело, и Пьетро, сняв шлем, пошел вдоль
стенки к противоположному краю площадки. От моря пахнул
свежий поток воздуха, принесший запах морской воды и смолы
от портовых построек. Пьетро взглянул вниз. Заколоченные,
брошенные, с изломанными зимними бурями и никем не ис-
правленными изгородами, с серыми плешинами дворов, стояли
торговые еклады и амбары. В пустой гавани торчала из воды

корма затопленной грузовой лодки и черпели стволы причалов. Порт и гавань были мертвы. Вода казалась неподвижной, только пустая бочка на ней медленно покачивалась у берега. Море лежало огромной спящей равниной, сливаясь на горизонте с небом. Над скалой, упавшей в море, летала одинокая чайка.

Несладкие мысли о родине приходили теперь, глядя на спокойную гладь моря. Что сулит эта тишина, безразличная к человеческому горю? Почему море затихло, а не клокочет, как в зимние дни?

В первый раз за шесть с половиной лет Пьетро пожалел, что пришла весна. Он сошел с выступа и долго шагал вдоль зубчатых стен, глядя на бурые плиты площадки с пробившимися между ними полосками ярко-зеленого мха.

Тулая тоска наполняла душу, и неясные мысли громоздились в голове.

Семь лет прошло, как он нанялся на галеру и покинул родину в поисках счастливых берегов. Что он видел за эти семь лет? Какие океаны и моря, какие волшебные страны, какие чудеса, каких невиданных людей, неведомых животных? Какое добыл себе богатство и счастье? Ни богатства, ни счастья не нашел он в мрачных стенах Солдайи. Кого он может винить? Он сам продал себя этим людям, сам связал свою судьбу с их судьбой. Он сам нанялся в солдаты и вот теперь должен будет защищать крепость от лютых врагов вместе с другими, такими же, как он, неудачниками, обманутыми судьбой или людьми. А если сарацины ворвутся в крепость? Умереть? За что? За свое несчастье или за счастье начальников, за счастье купцов из предместий?

Пьетро вспомнил, как прошлую ночь ему не спалось, а рядом на нарах шептались двое солдат, думая, что он спит.

Один говорил, как больно ударил его на ученье д'Анчьяри только за то, что он замешкался, натягивая тетиву балестры. А другой говорил все то, о чем думалось сейчас Пьетро, и уговаривал товарища бежать: один из татар, возивших лес в крепость, предлагал солдату увезти его, переодев в татарское платье, и даже денег не просил. Солдаты шептались до рассвета, и Пьетро боялся пошевелинуться, чтобы не испугать их. Он хотел было сказать им, что татары — злейшие враги, не лучше сарацин, — они заманят в горы и убьют там или бросят в лесу, откуда не выберешься, где бродят волки. Но не сказал, может быть, потому, что и сам думал о необходимости испробовать все, чтобы спастись от неминуемой гибели...

Долго шагал Пьетро, пока наконец бой барабана не вывел его из тяжелого раздумья. Он стал на выступ и смотрел на дворы крепости. Отсюда, сверху, они казались взбудораженным муравейником: туда и обратно, с одного двора на другой, к во-

ротам, к складам и домам, ко двору замка Святого Креста, к башням и от них, сновали люди, таща бревна, доски, мешки и вязанки хвороста, шагали воли в татарских повозках, проезжали верховые, бегали и ходили люди — горожане и жители крепости. Они встречались, о чем-то говорили и снова расходились. Кончались дневные работы и солдатские ученья.

Пьетро видел, как его товарищи входили в казарму с балестрами, как Раффанати и д'Анчьяри шли к консульскому замку и, видно, спорили о чем-то, потому что Раффанати, сняв шлем с головы, размахивал им перед носом старика, а тот, протягивая вперед руку, сжатую в кулак, словно вколачивал ею что-то. Видел, как в ворота въехал верхом на своей серой лошади секретарь консула, а за ним оргузий на буланом коньке. Восточное предместье кипело пестрой толпой, и в ней что-то вспыхивало красноватым блеском в лучах заходящего солнца.

Оно быстро уходило за вершину Соколиной горы. Тень от западной стены затягивала площадку, и виднее стали по ее краям прорези узких желобов машикул для выливания смолы и кипятка.

Когда Пьетро встал на выступ западной стены, над вершиной горы оставался лишь золотой венец с брызнувшими от него в яркое небо лучами. На горы, на сады, на дома предместья ложилась сумерки. Ветер стих. От водоемов потянуло холодной сыростью — рождался туман. Как странно: глядя на предместье, Пьетро никак не мог разыскать харчевни. Он долго присматривался. Вот, казалось, ее крыша, белая стена и дверь. Нет, не то: нет барана. Куда девалась харчевня?

Становилось холодно. Раздался звон колокола. Прошептав молитву, Пьетро надел шлем. «Я поставлен здесь не барана высматривать», — подумал он и, надев плащ, пошел кругом по выступу, вглядываясь то в дальние, еще светлые, холмы на востоке, то в потускневшую гладь моря.

Глава XXXV

КРЫСА

— Хвала мадонне, мессере, вы выглядите гораздо лучше! Вы здоровы?

— Совершенно, Родольфо, совершенно. Помог твой пастой и Сенека. — Скампи похлопал рукой по книге.

— Это новеллист?

— О нет! Это древний философ.

— Чему он учит?

— Презрению к несчастьям.

— Прекрасное лекарство для всех нас!

Родольфо поставил свой окованный медью ларец на стул, достал из него ножницы и гребенку, обвязал шею Скампи салфеткой и приступил к стрижке.

— Ты молчишь сегодня, Родольфо, это на тебя не похоже. Не может быть, чтобы не было новостей в такое время. Я жду.

— Сейчас, мессере... Не шевелитесь, я могу порезать вам ухо.

Родольфо отошел и, склонив голову набок и прищурив глаз, всматривался в волосы Скампи, продолжая позвякивать ножницами.

— Старые моряки утверждают...— сказал он, растягивая слова,— что в сильную бурю... когда волны... швыряют галеры, а ветер... треплет их и гонит на скалы... первыми с галер спасаются крысы... Они прыгают в воду в надежде доплыть до берега и не утонуть вместе с кораблем...

— Ничего не понимаю! К чему ты это рассказываешь?

— Опять, мессере, вы подставляете ухо под ножницы!

— Хорошо, я не двигаюсь.

Подровняв волосы на виске Скампи, Родольфо снова отошел.

— Сегодня утром отец капеллан трогательно простился со мной...

— Постой!.. Уехал? — воскликнул Скампи, сорвав с себя салфетку.— Кто еще видел его?

— Только я и мессер Якопо, случайно оказавшийся там в самую минуту отъезда его преподобия... Ну, и бедняга Мартино, которого святой отец бросил на произвол судьбы. Это было очень рано утром.

Скампи задумался, теребя руками салфетку, потом, бросив ее на пол, встал и начал ходить по комнате.

— Крыса! Ты прав, Родольфо. Крыса, отвратительная крыса! — Скампи ногой отшвырнул попавшийся ему табурет.— Несомненно, капеллан получил какие-то тревожные сведения и скрыл их от нас.

— Мартино рассказал мне, что накануне вечером капеллан принимал у себя какого-то человека, приехавшего из Кафы. Мартино слышал начало разговора. Человек, по-видимому, принадлежал к нобилям или богатым купцам, судя по одежде. Мартино слышал также, что он упомянул имя Квиниджи.

— Квиниджи?

— Да, мессере. Вы знаете, вероятно, этого добродушного толстячка, так недобродушно грабящего своих должников.

— Кто же его не знает!.. Квиниджи...— повторил Скампи и, задумавшись, сел на прежнее место.— Кончай поскорей стрижку: мне пора идти к консулу.

— Я вижу, мессере, вас расстроила моя новость. Лучше бы я ее не рассказывал...

— Как же мне не расстроиться, Родольфо! Пойми сам, ведь это отвратительно.

— Я согласен с вами, мессере, но, признаюсь, мало огорчен отсутствием его преподобия: крысы морякам не помощь.

Несколько минут прошло в молчании. Родольфо стриг, отходил, звенел ножницами, опять стриг, а Скампи, прижав подбородок к салфетке, отдувал от себя падающие на нее волосы.

— Этот родственник Квиниджи, кажется, жених его дочери, — сказал Родольфо.

— У нее есть жених?!

— Не у нее, мессере, а у ее сундуков и драгоценностей. Сама она, как известно, не отличается привлекательностью. Может быть, этот молодой франт — одна из кафских «крыс». Их много появилось у нас за последнее время.

— Странно! — сказал Скампи. — Бегут жители Кафы, уезжает капеллан, а в нашу канцелярию никаких определенных сведений не поступает. Очень странно!.. Ну, а ты сам, Родольфо, как думаешь? Ты умен и догадлив, ты бываешь в предместьях, слышишь, что говорит народ.

— Не надо быть особенно умным, мессере, чтобы догадаться, почему по улицам предместий и даже площадям сейчас труднее пробраться, чем сквозь заросли колючего кустарника, и достаточно полчаса потолкаться в толпе, чтобы понять, что люди бегут, спасая свою шкуру. А вот удастся ли им ее спасти, об этом они не думают. Много между ними шатается и опасных вралей, от рассказов которых попахивает сарацинским золотом.

— Что же это за люди и что они рассказывают?

— Люди самые обыкновенные: татары, греки, армяне — крестьяне и купцы, странствующие монахи...

— Монахи?!

— Да. Они нашептывают о конце мира и всякие враки про чертей и жаровни. Послушали бы вы их, мессере, вы тоже догадались бы, к чему клонят все эти проходимцы.

— Однако не думаешь ли ты, что во всех этих рассказах есть доля правды? Почему же благородные и образованные люди верят им и тоже собираются уезжать?

— Клянусь святой Агнессой, мессере, в таких случаях благородные бывают глупее всякого необразованного простолюдина. Тому терять нечего, он и смотрит на вещи проще, а они дрожат за свое имущество, за деньги, а главное — за свою спокойную жизнь. Поэтому-то они и трусливее и глупее.

— Так ты думаешь, Родольфо, что все это сильно преувеличено? Сведений у нас пока нет никаких. — Скампи взял со стола зеркало и стал разглядывать свои волосы. — Вот я похвастал-

ся тебе, — сказал он, — что совершенно поправился, а ведь на самом деле я чувствую себя очень плохо, все болит голова. Посмотри, какие у меня синяки под глазами. Меня то и дело знобит, я думаю, что подхватил лихорадку... Да, Родольфо, кстати о твоём рассказе о капеллане: не думаешь ли ты, что тот незнакомый молодой человек, который был у него, и молодой человек на балконе у Квиниджи тогда, в день казни, — одно и то же лицо?

— Возможно, мессере.

— В таком случае, знаешь что, окажи мне услугу — узнай, живет ли этот молодой человек у ростовщика и кто он такой.

— Ничего не может быть легче этого, мессере.

— Да, и потом узнай кстати, собирается ли Квиниджи уезжать. Узнаешь? — Скампи подошел к цирюльнику и положил руки ему на плечи. — Сделай это для меня, Родольфо! Я в долгу не останусь, ты меня знаешь...

Тонкие губы Родольфо сложились в чуть заметную улыбку, серые глаза прищурились. Он почтительно наклонил голову.

— Мессере, можете положиться на своего покорного слугу.

— Ты не слуга, Родольфо, — ты друг, самый настоящий друг! — воскликнул Скампи, заставляя цирюльника выпрямиться. — Ведь мы друзья, Родольфо, правда? Сколько лет мы знаем друг друга и, кажется, ни разу не ссорились. Правда?.. Кстати, что делает наша черноокая красавица Джанинна? Ты видел ее?

— Сегодня она снимает своего золотого барана...

— Снимает? Зачем?

— Она, мессере... уезжает...

— Тоже? — воскликнул Скампи.

— Да, и не хочет, чтобы баран достался кому-нибудь другому.

Скампи отошел к столу и стал перелистывать книгу.

— Я пойду, мессере, — сказал Родольфо, — мне надо успеть исполнить ваше поручение. После «Ave Maria» я зайду к вам. Вы будете у себя?

— Да-да, приходи, я буду ждать.

Цирюльник ушел, оставив Скампи в очень необычном для него за последнее время состоянии.

Если бы кто-нибудь видел, с каким возбужденным и вместе с тем решительным выражением лица мессер Джорджио сначала расхаживал по комнате, затем, щелкнув ключом в двери, поставил стул к сундуку, поднял его горбатую, покрытую вырезанными на ней цветами и фруктами дубовую крышку и деловито стал вынимать, разбирать и снова укладывать в сундук плащи и камзолы, как он особенно тщательно сложил и спрятал малиновый паландрино и как, выбрав самый скромный по от-

делке серый плащ, повесил его за полог кровати, всякий сказал бы, что с мессером Джорджино произошла какая-то неожиданная и решительная перемена. Так же он поступил и с железной и костяной шкатулками; вынимая из них разные предметы, отбирал некоторые из них и клал на стол, другие снова прятал. Он даже, вопреки прежней привычке, аккуратно собрал и сложил листы чистой бумаги и пергамента и страницы своей «знаменитой» книги, тщательно подобрав их по порядку. Закончив все это, он облегченно вздохнул и, сев в кресло, с удовлетворением окинул взглядом комнату, словно добросовестная хозяйка после праздничной уборки. Посидев так некоторое время, он посмотрелся в зеркало, улыбнулся и легкой походкой вышел из комнаты.

В течение дня он рьяно занимался делами, необычайно старательно вникая в содержание всех бумаг, и, к удивлению мессера Якопо, не ушел из канцелярии в час обеда, сказав, что теперь не такое время и существуют дела поважнее еды. Вместо двух докладов консулу он сделал три и, успев побывать вместе с ним на военном ученье набранных горожан и на осмотре работ на восточной стене, рано освободился и задолго до вечернего колокола был уже у себя. Слуге, подававшему ему обед, он приказал доложить консулу, что только что поел и ужинать не придет.

Цирюльник был точен: он явился тотчас после звона колокола.

— Я рад вам доложить, мессере, что поручение ваше исполнил и узнал все, что вы желали.

— Прекрасно, Родольфо! Садись и рассказывай... Свечу я пока не зажигаю, надо нам их теперь приберегать... Хочешь вина?

И, несмотря на упорный отказ Родольфо, Скампи поставил на стол два кубка и налил в них вина:

— Давай выпьем за нашу дружбу!

— Право, мессере...

— Пей, пей, ты меня обидишь. Пей!.. Ну, вот и хорошо, а теперь рассказывай.

— Мессере, вы оказались правы: молодой человек, побывавший у капеллана, не кто иной, как племянник Квиниджи. Я имел удовольствие видеть его сегодня.

— Ты говорил с ним?

— Нет, мессере, я его слушал и, судя по тому, что он говорил, понял, что он убежал из Кафы и намерен сопровождать семью Квиниджи в их поездке на родину.

— Они уезжают?

— Да, мессере, дня через три-четыре, вслед за обозом, который снаряжают сегодня.

— А что же этот молодой человек? Он говорил еще что-нибудь?

— Нет, мессере. Я толкался во дворе между повозками, а он вышел и говорил со слугами. На мой вопрос им, не жених ли он дочери Квиниджи, они сказали, что разговоров об этом в доме нет... Вот и всё, мессере, что я узнал и как сумел исполнил ваше желание.

— Новостей никаких?

— Все то же: сарадины близко. Только это и слышно. Между прочим, мессере, появилась новая порода «крыс». Когда я выходил со двора Квиниджи, к его воротам подъехали две крытые повозки необычного вида и несколько вьючных лошадей. Два дородных всадника, очевидно хозяева обоза, сошли с лошадей и прошли во двор. Один из слуг Квиниджи открывал им ворота и сказал мне, что это москвиты, купцы из Кафы. Тоже, наверно, удирают.

— Москвиты?! — воскликнул Скампи.

Если бы в комнате не было так темно, Родольфо, вероятно, заметил бы волнение на лице мессера Джорджио.

— Москвиты? — повторил он более спокойным тоном. — А как они выглядят? Не был ли один из них молодой, высокого роста, светловолосый и с маленькими усами?

— Не смею уверять вас, мессере, но мне кажется, что один из них был именно таким.

Скампи встал.

— Какая темнота! — сказал он, шаря по столу. — Я не могу найти кремень.

— Вот, мессере.

Достав из кармана кремень, Родольфо выбил огонь и зажег свечу на столе.

— Ты знаешь, Родольфо, это, наверно, мой знакомый москвит, прекрасный малый! Вот с кем я поговорил бы с удовольствием. Он, вероятно, знает все кафские новости. Но в крепость его позвать неудобно — придется мне завтра пойти самому и поведаться с ним.

Родольфо отвесил поклон:

— Желаю вам спокойной ночи, мессере. Теперь я вижу, что вы сегодня все-таки выглядите гораздо лучше.

— Это сейчас так, Родольфо, от вина. Дай я посвечу тебе.

Родольфо вышел, а Скампи стоял на пороге, высоко держа подсвечник. Сырой и холодный ток воздуха, проникший со двора, гасил пламя свечи. Слышно было, как Родольфо медленно ковыляет вниз по лестнице. Потом он остановился и громко выругался.

— Что с тобой? — крикнул ему вслед Скампи.

— Крыса, мессере! — ответил цпрюльник.

Скамни стоял на пороге, высоко держа подсвечник.

СЕРЫЙ ПЛАЩ

С утра напоззли тучи и накрапывал дождь. Это соответствовало и настроению мессера Джорджини и его планам: он хотел как можно незаметнее выйти из крепости, а главное, не привлекать к себе внимания, проходя через соборную площадь. Укутавшись с головой в выбранный им накануне серый плащ, он смело шагал по главной улице предместья и быстро пробрался сквозь толпу, множество повозок и скота, загромоздивших площадь, оглушавших ее криками и скрипом, плачем, мычаньем, ржаньем, блеяньем и грубой бранью на всех языках. Ему не пришлось стучать в дверь дома Квиниджи — она оказалась незапертой.

В полутемной прихожей он чуть было не упал, поткнувшись на опрокинутый сундук. Мимо опрометью, не обратив на Скампи никакого внимания, пробежал растрепанный слуга и, перепрыгнув через сундук, выскочил на улицу. Вслед за слугой прошлепал деревянными сандалиями монах-францисканец. Где-то во втором этаже дома хлопнула дверь и прокричал визгливый женский голос. Все это смутило мессера Джорджини, и он нерешительно стал подниматься по каменной лестнице, ведущей по стене к двери второго этажа. Там в галерее было светло; за мраморными колонками широких сводчатых окон виднелись ветви цветущих яблонь.

В глубине галереи, устланной квадратами красного мрамора, обрамленными белыми полосами, были три двери, одна из которых вела в комнату Квиниджи. Скампи знал это, но забыл, какая именно. Он слышал голоса и шаги, но, как назло, никто не выходил в галерею. Мессер Джорджини хотел было взяться за железного дельфина — кольцо первой из дверей, но в это время третья дверь распахнулась, створка ее ударилась о стену, и тотчас из двери, неистово визжа, вылетел лохматый белый клубок; ткнувшись о противоположную стену, он отскочил от нее под ноги Скампи и, не переставая визжать, умчался на лестницу. Визг клубка сопровождался яростной бранью, несшейся из комнаты. К кольцу двери протянулась мужская рука в синем бархатном рукаве и с треском захлопнула створку, после чего в замке прозвенели два поворота ключа. Скампи понял, что это и была нужная ему дверь. Он подошел к ней и постучал.

— Убирайся к чертям под хвост со своей вшивой сучкой! — услышал он за дверью и узнал хриплый голос Квиниджи.

Скампи постучал еще раз.

— Не отопру, хоть вы все сдохнете! — продолжал кричать купец.

— Мессер Бернардо, — сказал Скампи, придав своему голосу как можно более вежливый оттенок, — это я, Скампи.

— К чертям под хвост! — хрипел старик.

— Мессер Бернардо, вы ошибаетесь... Это я, Скампи, секретарь консула, Скампи!

За дверью зашаркали шаги, и замок со звоном щелкнул два раза.

— Простите меня, мессере, у нас в доме такая суматоха! — говорил Квиниджи, указывая на кресло. — Чем могу вам служить, мессере?

Тяжело отдуваясь и сопя, он грузно опустился в кресло за столом, на котором стояла отлогая дубовая конторка с прикрепленными к ее боку чернильницами и висевшими на гвоздиках ножницами и круглыми очками. За окном, наполовину прикрытым ставней, шумела площадь.

— Кутерьма не только у вас, — сказал Скампи, не решаясь сразу объяснить цель своего прихода.

Он снял плащ и повесил его на спинку кресла.

— Тяжелые времена! — вздохнул Квиниджи, проводя рукой по вспотевшей лысой голове. — Скажу откровенно: погубила нас знаменитая честность вашего консула. Был бы мессер Кристофоро менее честным, было бы лучше и ему и нам. Честность, как и всякая другая добродетель, имеет свои разумные границы. Переходя их, она становится смешной и вредной. Государственным делам, как и торговым, честность только вредит... Однако, мессере, нам сейчас всем некогда. Вы пришли, вероятно, по делу? Я к вашим услугам.

— Мой отец, — начал осторожно Скампи, — писал мне, что, если я буду нуждаться в деньгах... чтобы я обратился к вам...

— Я всегда рад услужить мессеру протектору, — прохрипел Квиниджи. — У нас с ним давнишние связи, не только денежные, но и дружеские. Я высоко ценю его ум и прекрасные качества его благородной души... — Он брюзгливо зажевал губами; нельзя было рассмотреть его заплывших жиром глаз. — Но, мессере, вы выбрали самое неудачное время. Как жаль, что вы не предупредили меня до начала всей этой суматохи! По неопытности вы, конечно, не учли обстоятельств. Я переслал большую часть денег в надежное место, оставив самое необходимое для отъезда.

— Вы уезжаете? — с притворным изумлением воскликнул Скампи.

— Да, и очень скоро. Вы понимаете теперь, почему я припужден отказать вам. С искренним сожалением, мессере, больше того — с болью в сердце, но что я могу сделать!.. Приди вы дней на десять раньше...

— Мне очень не хочется обращаться к кому-либо друго-

му,— сказал Скампи обиженным тоном, хотя отлично знал, что обращаться ему не к кому.— В Кафе есть одно лицо, которое, конечно, не откажет...

— В Кафе? — перебил его Квиниджи.— Я уверен, мессере, что ваши попытки будут напрасны: Кафа давно уже оставлена людьми с достатком. Не сегодня-завтра в море покажутся сарацинские галеры, они уже подошли к Веспоро. Поздно уже думать о Кафе. Я боюсь, как бы мне не очутиться в ловушке: в горах очень неспокойно. Караваны, ушедшие несколько дней назад без надежной охраны, перехвачены и разграблены татарами. Эти собаки нагледят с каждым днем. Я ругаю себя, что был настолько глуп и не уехал вовремя. Простите меня, мессере, но только дураки или мечтатели вроде мессера Кристофоро могут еще надеяться на какие-то небывалые чудеса. А я дурак, самый настоящий дурак!

Лицо старика покраснело, и лысина блестела от пота. Его огромный горбатый нос сопел, как кузнечный мех, а нижняя губа еще больше отвисла, придав лицу плачущее выражение.

В эту минуту раздался сильный стук в дверь, кто-то барабанил в нее кулаками. Истощенный женский голос завопил:

— Куда ты девал Снежинку?! Скажи — или я сейчас же выпущу пух из твоих перин и искромсаю тюфяки! Отвечай же! Куда ты девал Снежинку? И-и-и-и!..

Кулаки барабанили с возрастающей силой. Лицо Квиниджи брюзгливо сморщилось, и он, еще более покраснев и досадливо покачивая головой, поднявшись с кресла, подошел к двери.

— Перестань орать! — крикнул он и сам застучал ладонью в дверь.— У меня гость, ты мешаешь... У меня мессер Джорджио Скампи! Слышишь?!

Голос по ту сторону двери и стук мгновенно стихли.

Тяжело отдуваясь, Квиниджи вернулся на свое место. Его жирные, отвисшие щеки подобрались в улыбке.

— Ваше имя, мессере, действует на мою дочь, как волшебный жезл! Я выгнал ее собачку, вот она и расстроилась. Она, по существу, предобрая девушка, но очень вспыльчивая, две капли воды ее покойная мать... Итак, вернемся к нашему делу. Я должен признаться, мессере, что догадываюсь о вашем похвальном молчании как представителя высокой власти. Ваша просьба выдает вашу благоразумную дальновидность: мало ли как повернется дело...

Квиниджи пожевал губами, посопел и, оглянувшись на дверь, тихо прохрипел:

— Между нами говоря, я бы на вашем месте тоже уехал.

Скампи гордо поднял голову. Пухлая рука старика легла на толстую и узкую счетную книгу.

— Подождите...— сказал он.— Вы единственный потомок

славнейшего и благороднейшего из генуэзских родов. Недаром ваш отец был избран на почетнейшее место одного из их светлостей протекторов банка святого Георгия — этого оплота и блюстителя нашей верховной государственной власти. Поверьте мне, старику: Светлейшая республика может потерять вас вместе с Солдаией, потеря которой, смею вас уверить, несомненна. Мы с вами сидим тут, а Веспоро, вероятно, уже в руках сарацин. Через несколько дней падет Кафа, очередь будет за Солдаией...

— Но Солдаия, мессер Бернардо... — попробовал перебить его Скампи.

— Подождите! — не дал ему говорить старик. — Я знаю, что вы укажете мне на доблесть и мудрость дн Негро. Первой я верю, во второй сомневаюсь. Даже если это и так, что сможет он сделать против врага в сто раз сильнейшего и без малейшей помощи откуда бы то ни было? Уверяю вас, мессер протектор Скампи вряд ли будет доволен, если его единственный сын погибнет из-за глупой ошибки своего недальновидного начальника...

— За честь знамени, — возразил Скампи.

— Мессер Джорджио, вы не мальчуган и при сложившихся обстоятельствах можете сами решить, как должен поступить единственный потомок дома Скампи: должен ли он потерять жизнь, бессмысленно защищая незащитимое, или вернуться на родину. Родина ждет от него подвига, который увенчает его — не простого воина, а государственного мужа — достойными лаврами и продлит блеск благороднейшего из родов. Будьте благоразумны, мессер Джорджио!

Скампи потупил глаза.

— Правда, — сказал он, — мой отец писал мне, чтобы я решал сам...

— Вот видите! Мессер протектор — умнейший из людей. Он далеко от вас, а знает и видит все прекрасно. Будь он здесь, он ни на минуту не колебался бы принять решение, какое приняли все мы. Наша жизнь и имущество ценнее мечтаний мессера Кристофоро... — Квириджи снова оглянулся на дверь, словно боясь, что его подслушивают, и вкрадчиво продолжал: — Вернувшись в Геную, вы поблагодарите меня за добрый совет. О, там вы уже не будете нуждаться в несчастном старике Квириджи! У меня, правда, есть кое-какой денежный счетик с мессером протектором, но неужели мы не уладим с ним это дело! Тем более, что наши семьи в дальнем, правда, но все же родстве. Я не считаюсь с этими уж очень древними связями, и, как человек деловой, предпочитаю связи более реальные, а вот моя Илария постоянно напоминает мне об этом. Она вспыльчива, но, по существу, предобрая девушка...

Квиниджи встал и снова приторно улыбнулся.

— Кстати, мессер Джорджио, не окажете ли вы нам честь пообедать сегодня с нами? Мы вас так редко видим... и к тому же скоро уедем...

— Я боюсь,— сказал Скампи, встав,— что опоздаю в крепость. Я могу понадобиться мессеру консулу.

— Он подождет, а вы скажите ему, что я вас задержал по делу. Я сейчас и распоряжусь...

Старик засуетился. Они вышли в коридор.

— Пожалуйте пока вот сюда... Илария! — крикнул он. — Илария, где ты?

— Я здесь, отец! — раздался голос из открытой в галерею двери, и на пороге показалась мона Илария, в черном с белой отделкой платье, с жемчужной наколкой на волосах.

— Ангел мой,— сказал Квиниджи,— прими мессера Скампи, а я пойду распоряжусь... — Он дружески слегка похлопал Скампи по плечу: — Простите меня, мессере,— такая кутерьма! Я тотчас же вернусь.

И толстяк вперевалку поспешил к лестнице.

Мона Илария пригласила Скампи войти за ней в комнату, о назначении которой трудно было теперь догадаться: она была почти пуста. Высокая решетчатая дверь вела на балкон, другая — в соседние комнаты. Широкий карниз был расписан изображениями голых детей, так называемых путти¹, играющих на лирах, на свирелях, ударяющих в тимпаны, несущих корзины с фруктами и амфоры, ленты и цветы. На полочке стенной ниши лежал хрустальный венецианский кубок с отбитой ножкой. Мона Илария молча и торжественно направилась к двум креслам без подушек и, отшвырнув ногой валявшийся у одного из них ободранный травяной веник, села в кресло, указав Скампи на другое. Дверь в коридор осталась открытой, и были слышны беготня по лестнице, голос Квиниджи и еще чьи-то голоса. Мона Илария сложила губы в презрительную улыбочку.

— С этим отъездом,— сказала она,— мой отец совершенно потерял голову и стал раздражителен до последней степени. Представьте себе, он сегодня так отхлестал по лицу нашего конюха, что выбил ему зуб! Даже такое безобидное существо, как моя собачка, заставляет его совершать безрассудные поступки: он вышвырнул ее, найдя у себя в комнате, и бедняжка от страха забила так далеко, что до сих пор ее не могут найти. Правда, я наобещала пощечину служанке, и теперь она живо ее разыщет...

— Мессер Бернардо обеспокоен не только за себя,— сказал

¹ Путти — изображения маленьких мальчиков; излюбленный декоративный мотив в искусстве эпохи Возрождения (XV—XVI вв. н. э.).

Скампи.— Он, конечно, озабочен вашей безопасностью во время путешествия. Он говорил мне, что в горах нападают шайки татар...

— Чего ему бояться! — вскинув накрашенные брови и поведя плечами, сказала мона Илария.— Мы едем с достаточно сильным отрядом вооруженных людей, кроме того, с нами мой двоюродный брат — человек не из трусливых, а до столицы Татарии с нами едут два москвитя со своими людьми. Отец за ними всячески ухаживает, зная, что это очень опытные в таких путешествиях люди и что татарский хан сейчас в дружбе с князем Москвитии и строго-настрого запрещает трогать его купцов. Вы их сейчас увидите. Отец раздражается и на них, но ничего не может сделать и должен терпеть их присутствие, раз они сейчас нам полезны. Довольно мы насиделись в этой проклятой дыре, где, кроме холода, грязи и невежества, нет ничего! Я удивляюсь, как еще находятся люди, собирающиеся оставаться...— Мона Илария пристально взглянула на Скампи.— Нет,— продолжала она,— довольно с меня! Я всегда ненавидела эти торговые дела отца, приведшие нас в Солдайю. Но хвала пресвятой деве, указавшей нам путь на родину! О, там я наконец заживу так, как подобает жпть и с моим именем, и с моим богатством!..— Снова пристальный взгляд в сторону Скампи.— А вы, мессер Джорджио, остаетесь?

— Я думаю, что в моем положении иного выхода нет,— уклончиво ответил Скампи.

Мона Илария усмехнулась:

— В вашем положении «жертвы благотворительности мессера консула ди Негро»? Так называет вас мой двоюродный брат.

— Я хотел бы видеть этого храброго и остроумного человека,— не без иронии сказал Скампи.

Уловив ее, мона Илария не осталась в долгу:

— Он будет только польщен,— сказала она, слегка наклонив голову.— Быть представленным столь высокой, знатной и добродетельной особе...

Скампи закусил губу, сдерживая готовую сорваться дерзость.

К счастью, в эту минуту в комнату вошла старуха служанка, держа на руках знакомый уже Скампи белый лохматый клубок. Мона Илария вскочила и устремилась ей навстречу. Выхватив собачку из рук служанки, она стала прижимать ее к своей груди и осыпать поцелуями:

— Снежинка, моя дорогая! Где ты была, бедняжка?

Собачка ласково повизгивала и виляла подобием хвостика, потерявшим свою белоснежность.

— Возьми ее, Катерина. Вымой, высуши хорошенько, опрыскай розовой водой и принеси мне.

Мона
Илария

— Мессер Бернардо просил вас пожаловать к столу, мадонна, — сказала старуха.

— Прекрасно, мы сейчас идем... Мессер Джорджо, прошу вас пройти за мной, — сказала мона Илария и, подобрав платье, прошествовала в соседнюю комнату.

Скампи пошел за ней. Пройдя две тоже пустые комнаты с роскошной лепной отделкой пилястров и карнизов, в одной из которых Скампи заметил на полу свернутый и обвязанный веревками ковер, в другой — разбросанные листки исписанной цифрами бумаги и кривой, с отломанной ножкой, табурет, они вошли в большую прямоугольную комнату со столом, накрытым белой, с замысло-

ватой восточной вышивкой скатертью и уставленным серебряными кубками и тарелками.

Еще издали Скампи узнал молодого москвитя, хотя тот и стоял к нему спиной, с кем-то разговаривая. Он был в том же, как и тогда, в татарском доме, черном полукафтаны с кожаным поясом, только вместо меховых сапог на нем были низкие, из мягкой красной кожи, с отвернутыми голенищами.

Квиниджи отдавал приказания слуге, суется вокруг стола.

— Приглашай гостей, ангел мой! — крикнул он дочери. — Не взыщите, мессеры, за сегодняшний беспорядок... все уже уложено, едим кое-как. Такая суматоха с этим проклятым отъездом...

Трое, стоявшие у окна, обернулись и отвесили поклоны. Скампи поклонился и, подойдя к москвитю, протянул ему руку:

— Я очень рад, мессер Андреа, снова встретить вас!

К ним подбежал Квиниджи:

— О святая дева, вы знакомы? Очень хорошо! А вот это Филиппо, сын моего брата. А это соотечественник мессера Андреа, мессер Аббакумо. Очень хорошо!.. Илария, приглашай! Мессер Скампи сядет вот здесь...

И старик побежал к столику у двери, где слуги ставили кувшины и посуду.

Скампи очутился за столом между моной Иларией и незнакомым москвитом. Против них сели москвит Андреа и круглолицый и краснощекий племянник Квиниджи. Сам хозяин дома поместился на конце стола.

Новый москвит был значительно старше первого, маленького роста и худощавый, с темной с проседью бородой и усами и гладкими длинными волосами, постриженными в кружок. На нем был темно-коричневый кафтан латинского покроя, с рукавами, узкими у кисти и широкими в плечах. На поясе висел большой зеленой кожи кошелек, на указательном пальце правой руки поблескивал широкий серебряный перстень с индийским изумрудом. Безбровое, в мелких морщинах лицо со светлыми глазками, тонким носом и поджатыми губами словно все время хитро посмеивалось. Он понимал индосцев, но говорить по-итальянски не умел и только кивал головой им в ответ, теребя свою бородку.

Мона Илария похихикивала, глядя на него. На стол были поставлены блюда с мясом и дичью и по кубкам разлито вино. Квиниджи, подняв свой кубок, предложил выпить, и оба москвита, встав, перекрестились широким крестом, поклонились хозяину, потом его дочери и стоя выпили первый кубок. Мона Илария подтолкнула Скампи локтем и снова фыркнула.

Хозяин просил простить ему скромность угощения (всего пять перемен) из-за спешности сборов.

Обед длился недолго. Разговор шел о предпринимаемом путешествии и его крайней необходимости ввиду очевидности скорого появления сарацин, а также «разбойничьего», как выразился Квиниджи, настроения простолудинов, которым «только бы пограбить», и опасности продвижения обоза в горах. Утешительной была мысль о том, что не все ли равно, где торговать, лишь бы торговать, в чем представители Светлейшей республики имеют вековой и самим господом богом благословенный опыт.

Громче и больше всех говорил Филиппо Квиниджи.

— А каково будет вам теперь с вашей торговлей, если сарацины захватят Кафу? — обратился он к москвитам.

— Страшно это тому, — ответил старший москвит, — у кого земли с комариный нос, а у нас земля обширная, мы по ней найдем пути во все стороны.

— Да уже и нашли, — сказал молодой москвит. — Слышали, может быть, про нашего купца Никитина Афанасия?

— О! — воскликнул Бернардо Квиниджи. — Атаназно? Как же, как же! Я его видел года два назад. Он был в Кафе, возвращаясь из Индии. Как же!

— Прошел он далеко и выведал новый путь к Индостанскому морю, дотоле неведомый, — продолжал москвит. — А нам

этот путь хорош, так что мы теперь и без Кафы обойдемся.

Филиппо Квиниджи сощурил глаза и, высокомерно растягивая слова, сказал:

— Слышал и я про этого вашего купца и про его рассказы. Они напоминают волшебные сказки, которые у нас старухи рассказывают детям. Только старушечьи рассказы правдоподобнее рассказов мессера Атаназियो.

— Чем же они не правдивы? — спросил москвит.

— Ну как же! Он, например, я помню, рассказывал, будто видел где-то неугасимый огонь, выходящий из земли, что где-то какие-то люди делают вино из орехов, а лошадей кормят сладкими лепешками и что у обезьян есть свой князь, который живет в лесу...

Мона Илария расхохоталась, поощрив этим своего самодовольного родственника.

— Я уж и не помню, — продолжал он, — всего нелепого вздора, какой рассказывал тогда этот самый Атаназियो. Судя по этим рассказам, можно вообще усомниться в правдоподобии его путешествия.

Глаза старшего москвиты иголочками впились в Филиппо, и, пощипывая свою бородку, он сказал:

— Насчет обезьянского князя — не знаю, а вот что Афанасий за три моря ходил и путь проложил — это всем ведомо. А ведомо еще и то, что он на чужой земле ото всех посулов и соблазнов уберегся и веры своей и родины своей не продал. Не как иные прочие народы, хотя бы и здесь, в Кафе.

Старик Квиниджи, все время требовавший перевода слов старшего москвиты и с интересом ожидавший его остроумных реплик, на этот раз насупил брови и, под благовидным предлогом дальнейшей пробы редкого вина, предупредил возможный неприятный исход разговора.

По мере того как осушаемые кубки снова наполнялись вином и снова осушались, голоса и лица присутствующих приобретали новые оттенки. Больше других пил и ел сам хозяин дома, утверждая, что надо сегодня же покончить с этим замечательным и дорогим вином его собственных погребов, потому что он не намерен оставлять его в подарок янычарам. Крупные капли пота покрывали его лысую голову и стекали по щекам. Он снова стал обвинять ди Негро во всех происходящих бедствиях. Москвиту снова пришлось перевести слова своего то-

варища, сказавшего, что в священном писании говорится: «Как пастырь, таково и стадо». Старому кунцу это очень понравилось, так как в этом он усмотрел указание на его разумное решение поскорее уехать.

Болтливый вначале, Филиппо Квиниджи стал вдруг молчалив. Его лицо побледнело и приняло мрачное выражение. Он с тревогой поглядывал на свою двоюродную сестру и на Скампи, разговор между которыми заметно оживлялся. Обед завершился поданными сладостями. Служанка принесла пушистую расчесанную собачку, от которой пахло розами. Мона Илария, целуя свою любимицу и пряча свой длинный нос в ее шерсть, как в букете цветов, поднесла ее совсем близко к лицу мессера Джорджио, а старик Квиниджи поднялся с кресла, подошел к ним, поклонился и начал что-то нашептывать то дочери, то Скампи. Его племянник, не прикоснувшись ни к засахаренной айве, ни к орехам, встал из-за стола и вышел из комнаты.

Вино, видимо, подействовало и на маленького москвитя: на скулах его проступили красные пятна. Он следил за племянником Квиниджи, и его серенькие глазки искрились задорным огоньком; в углах глаз собрались веселые морщинки, борода весело подергивалась. Он довольно громко крикнул что-то своему другу, подмигнув ему. К сожалению, и хозяйни дома, и его дочь, и Скампи были слишком заняты собачкой, так что не обратили на это внимания и не попросили перевести сказанное, а москвит Андрей встал, перекрестился и, кивком головы дав понять товарищу, что им пора уходить, подошел к Квиниджи.

— Мы очень благодарны, мессер Бернардо, за ваше угощение и ласку, — сказал он. — Да продлит господь ваши дни в добром здоровье, и да укрепит их добрым здоровьем и счастьем вашей дочери!

— Вот это самое главное! — воскликнул Квиниджи. — Благодарю вас от души, мессер Андреа... И, обратившись к Скампи, он повторил еще раз: — Вот это — самое главное!

Квиниджи знал правила обхождения с москвитями: он поочередно обнял их, по три раза приложил свою жирную, потную щеку к щекам москвитов, а затем пошел проводить их.

Мона Илария опустила собачку себе на колени и гладила рукой ее пушистую шерсть.

— Неужели вы останетесь в этой мерзкой Солдае? — спросила она и как будто невзначай положила руку на руку Скампи. — Конечно, сейчас ехать довольно страшно, вы правы, но все же лучше, чем оставаться запертым в городе без малейшей надежды на спасение.

— С такими провожатыми вам опасаться нечего, — сказал Скампи. — Один ваш двоюродный брат чего стоит!

Мона Илария отдернула руку и встала.

— Я вижу, что Филиппо не дает вам покоя, — сказала она, обидчиво надув губы.

— Он мне совсем безразличен, — ответил Скампи и тоже встал. — Мне пора идти. Позвольте, мадонна, поблагодарить вас и пожелать благополучного путешествия.

В эту минуту вернулся Квиниджи. Он пошатывался и был очень красен.

— Что я слышу, мессер Джорджиньо! — воскликнул он. — Вы собираетесь покинуть нас? А я рассчитывал еще побеседовать... Куда вы так торопитесь?

— Мессер Скампи, — пропически заметила мона Илария, — торопитесь к своим благотворительным делам. Оставьте его в покое, отец, и позаботьтесь лучше об отъезде.

Гордо подняв голову, она вышла из комнаты, а старик расхохотался и, взяв Скампи под руку, захрипел ему в ухо:

— Она всыльчивая, но, по существу... о, по существу!.. Да что мне вам объяснить, вы сами все отлично видите, и я бы на вашем месте... Ха-ха-ха!.. — И он ткнул Скампи большим пальцем в бок.

Скампи было противно горячее дыхание старика, пахнувшее вином и чесноком. Он попробовал высвободить руку.

— Я оставил плащ в вашей комнате, — сказал он.

— Пойдемте, пойдемте! — продолжая смеяться, сказал Квиниджи и повел Скампи, не выпуская его руки.

Как старик ни был пьян, он все-таки позаботился, войдя в свою комнату, плотно закрыть за собой дверь.

— Вот ваш плащ, мессере. Но сядемте еще на минутку, мне нужно сказать вам кое-что, касающееся вашего дела...

Он плюхнулся в кресло, тяжело сопя носом. В окно доносились громкие крики.

— Проклятые! — зашипел Квиниджи. — Слышите? Я вам говорил, надо выбираться отсюда как можно скорее! Попасться в лапы сарацин страшно, но в лапы вот этих наглых мерзавцев еще страшнее. Они могут начать войну, не дождавшись визиря!.. Так вот, мессер Джорджиньо, о чем я хотел с вами поговорить. Поразмыслив над вашим, простите меня, глупым положением, в котором вы очутились благодаря тоже неумному поведению консула дн Негро, я решил пойти вам навстречу, и мне кажется, что я сумею снабдить вас некоторым количеством денег, делая это из искреннего расположения к вам и глубокого уважения к его светлости мессеру протектору Скампи. А получив деньги, вы можете спокойно распорядиться собой. Выбор будет вам предоставлен, и я не сомневаюсь, что вы его сделаете соответственно вашему уму и высокому происхождению. Помните, что в Генуе мы примем вас не по-сегодняшнему.

Подбородки старика затряслись от смеха; он с трудом поднялся с кресла, подошел к занавеске из пестрого, как попугай, индийского шелка и отдернул ее. За ней в стене оказалась низкая ниша, в которой стоял небольшой, окованный железными полосами горбатый сундучок. Отперев его и подняв крышку, старик достал два туго набитых кожаных мешочка. Он протянул их Скампи, похлопывая по ним рукой:

— Вот, мессере, тут вы найдете достаточно золота, чтобы в случае чего совершить любое путешествие. Эти кругляши по вкусу и нашим соотечественникам, и татарам, и всем остальным. Они защитят вас надежнее ваших консульских бомбард... — Передавая мешочки Скампи, он прибавил: — Надеюсь, мы скоро увидим вас в Генуе? И я и Илария будем очень рады. Она только вспыльчивая... Я сам виноват — избаловал ее, неосторожно напоминал ей о ее большом приданом, а женщины, вы знаете, тоже любят эти кругляши... Ха-ха-ха!..

Он снова затрясся в смехе. Скампи молчал. Он был в плаще и, взяв мешочки, поспешил укрыть их под ним, виновато улыбувшись в ответ на шумное веселье старика.

Они молча прошли по галерее к лестнице. Квиниджи был настолько некрепок на ногах, что не стал спускаться. Держась за перила, он с верхней ступеньки опять нагнулся к уху Скампи:

— А мы, наверно, уедем дня через два-три; в случае чего вы еще успеете повидать меня... — И громко прибавил: — Передайте мое нижайшее почтение мессеру консулу, и да благословит вас святая Агнесса Кафская!

Дождя не было, но серые, рваные облака низко неслись со стороны моря. В толпе, у самого дома Квиниджи, шла шумная драка; неистово кричали женщины, плакали дети, кто-то злобно бранился. Люди сгрудились таким плотным кругом, глядя на землю, где, по-видимому, кого-то избивали, что Скампи ничего не мог видеть, да ему было и не до этого. Крепче прижимая к груди мешочки с золотом, пробираясь вдоль стен домов, он спешил выйти из этого неспокойного, тревожного гула, перекатывающегося с одного края площади на другой. Кружилась голова, и мутило от острого запаха пота и сырых испарений земли.

На главной улице ему встретились москвиты. Они шли, весело разговаривая с каким-то армянином в высокой барашиковой шапке.

Поравнявшись со Скампи, москвит Андреа подошел к нему.

— Не слышали ли вы, мессере, чего-нибудь о мастро Скруччи? — спросил он. — В добром ли здоровье доехал он до Генуи?

— Не знаю, — пробурчал Скампи.

- А вы остаетесь здесь, мессере?
- Конечно! — нетерпеливо ответил Скампи, дернув плечом.
- Здесь ходят недобрые слухи, — продолжал московит, — что консул ди Негро хочет сдать крепость без боя.
- Какой вздор! — возмущенно выкрикнул Скампи.
- Я так и знал, что это наговоры турецких соглядатаев, — сказал московит.

Не слушая его, Скампи поспешил дальше. Заметив у предмостной стены цирюльника Родольфо, он быстро прошел мимо него, отвернувшись. Со странным и новым чувством вошел он в крепость, словно она была ему чужой и страшной. Когда он всходил по полутемной лестнице замка, что-то пробежало у него под ногами, тихо повизгивая. Он вздрогнул и перекрестился.

Глава XXXVII ПРОЩАНИЕ

Стоя на верхней ступеньке лестницы «Золотого барана» и прижавшись к стене, чтобы пропустить выходящих, Пьетро посмотрел вниз. В душном чаду харчевни, пропитанном запахом вина, чеснока и подгорелого бараньего жира, копошились люди. Их было так много, что они сидели на скамьях, плотно прижавшись друг к другу. Дневной свет сквозь решетчатое оконце и свет фонаря, тусклый от испарений, плохо освещали столы. Пламя очага бросало на темные своды потолка и людей колеблющиеся мутные отсветы. Разноплеменный говор, выкрики, стук посуды сливались в непрерывный, то стихающий, то нарастающий гомон. По лестнице то и дело сходили и всходили люди, толпились внизу, у столов, протискивались между скамьями, ища свободного места. Были тут и солдайские рыбаки, и ремесленники, и виноградари, и торговцы, и даже татары, никогда ранее сюда не заходившие, но больше всего было приезжих, и среди них женщины, дети, монахи. Нельзя было узнать «Золотого барана», обычно пустовавшего днем.

Да и сам Пьетро в первый раз за все шесть лет идет в «Золотой баран» в полдень. Если бы цирюльник не уговорил Раффанати отпустить солдата, вопреки строжайшему приказу консула, и не взял бы всю ответственность на себя, не увидеться бы Пьетро больше с Джаниной, не проститься бы с ней. Все эти долгие, унылые годы только и освещались редкими и короткими встречами со всегда приветливой Джаниной, веселой, ласковой. Утраченным уютом семьи, заботой матери, дружбой сестры веяло от ее теплых слов. Не он один, а все солдаты, моряки, рыбаки — все, кого только злая судьба при-

гоняла к берегам Газарии, все, он в этом уверен, любили Джанинну вовсе не за вино или вкусно приготовленную баранину, а именно за то, что в харчевне благодаря ей, ей одной, они чувствовали себя свободными и счастливыми. Она хоть на один час возвращала им их семью. Теперь кончилось для них это. И для него... Он обязан на прощанье сказать ей об этом. Пусть хоть так отблагодарит он ее за всё...

Медленно спускаясь по лестнице и вглядываясь во встречаемых, Пьетро заметил их озабоченные, растерянные лица. Спугнутые с насиженных гнезд и вихрем событий занесенные сюда встревоженной, разноголосой стаей, эти необычные посетители «Золотого барана» шумели и двигались пестрой толпой. Синие и красные армяки и высокие бараньи шапки армян в мягких сапогах и разноцветных кафтанах, расшитые серебром безрукавки греков с пузырями широких рукавов белых рубах, в грубошерстных чулках и туфлях с острыми, поднятыми кверху носками; босоногие монахи в грязных, в заплатках, рясах, перепоясанных веревками; черные, белые и пестрые шали и платки женщин, то повязанные шапкой, то накинутые на голову или плечи и спускающиеся до полу, — вся эта базарная пестрота здесь, в харчевне, была тревожным признаком надвигающейся беды.

А вон и начальник! Видно, он выпил уже не одну кружку. Он дружелюбно треплет по щеке Франческино. Бедный мальчуган, у него в каждой руке по пяти кружек, он силится поднять их повыше и расплескивает вино; лицо его мокро от пота, с прилипшими к нему прядками волос. Он вовсе не рад шуткам Раффанати: он старается вытереть лицо рукавом и скорее протискаться к бочкам, где сидят рыбаки. С ними и старик Паоло, а рядом грек-переводчик из консульского управления.

Что-то не видно Джанинны! У бочек темно, и свет от очага, то вспыхивая, то потухая, мешает разглядеть, кто там. Как будто мелькнула рогатая шапка цирюльника Родольфо.

Пьетро торопится пробраться следом за Франческино, перешагивая через чьи-то ноги, мешки, корзины...

В эту минуту Пьетро увидел Джанинну. Она вышла из двери своей комнаты и прошла за бочки. Он поспешил за ней.

— Я пришел проститься с тобой, — сказал Пьетро Джанинне.

— А, это ты! Хорошо. Я сейчас и тебя угощу, садись!

Пьетро удивило, что у Джанинны было такое лицо, словно она справляла какой-нибудь большой праздник: глаза ее блестели, яркий румянец покрывал смуглые щеки, она смеялась.

— Тебе некогда, — сказал он. — Я вот только проститься... а еще хотел сказать...

— Вздор! Вздор! — перебила Джанинца. — Проститься

уедем. Садись вон там с ними... Франческино, нацеди-ка ему вина!

Она взяла Пьетро за плечи и усадила за стол с цирюльником Родольфо и четырьмя другими неизвестными людьми.

— Не упирайся, садись, — сказал цирюльник. — Выпьем за «Золотого барана» и его хозяйку! Ведь теперь неизвестно, когда мы с тобой попадем еще сюда, да и попадем ли вообще... Ты видишь, в какой кромешный ад превратили нашего «барана»? У чертей в преисподней, наверно, больше порядка! Вон и твой храбрый начальник подает нам пример доблестной расправы с вином. Посмотри!

Родольфо засмеялся и подмигнул сидящим против него незнакомцам. Пьетро опасливо оглядывал их, угадывая в них иноземцев, хотя двое были одеты как генуэзцы. Один молодой и красивый, другой постарше, с хитрыми глазами. Он щурил их, улыбаясь, и подергивал свою бородку. А двое других своими густыми бородами и скуластыми лицами напоминали татар, по одежда на них была странная: какие-то грубого сукна халаты с широкими, закинутыми назад воротниками. Что это за люди? А цирюльник, как и раньше бывало, готов болтать с кем угодно, не стесняясь... И Пьетро вспомнился бородатый пьяный ломбардец, которого он потом узнал в повешенном на соборной площади.

Родольфо, обратившись к незнакомцам, начал расхваливать доблесть солдат-генуэзцев, неприступность крепости и силу ее бомбард. Из того, как они слушали, Пьетро заключил, что два незнакомца, одетые по-генуэзски, понимают Родольфо, а вот бородачи вряд ли: они только мигали глазами, уткнувшись в кружки с вином. Он заметил, как один из них, поставив кружку, перекрестился, вытер рукавом рот и, отвернувшись, стал смотреть на сидевших в харчевне, явно не интересуясь рассказом цирюльника.

Франческино принес вино. Глаза мальчика были заплаканы, он испуганно и растерянно оглядывал харчевню, сидящих тут иноземцев и даже Пьетро, словно видел его в первый раз.

Подошла Джанинна и, обняв Франческино за шею, удержала его около себя.

— Ну вот, Пьетро, видишь?.. — Голос ее дрогнул, и глаза заволоклись грустью; овладев собой, она улыбнулась. — Ну вот, — сказала она, понизив голос, — сегодня последний день, и как нехорошо, что так много чужих людей! Мой бедный Маттео, наверно, все это видит оттуда (она подняла голову к потолку), и ему очень неприятно смотреть, во что превратился его «Золотой баран»...

Родольфо увлекся разговором с незнакомцами и не слышал ее, а она, помолчав, продолжала:

— Вот мы с Франческино уедем... попробуем как-нибудь пробраться на родину. Да как еще доедем, да как еще там? Я привыкла к Солдаёе, а Франческино вырос здесь. Он осиротел совсем маленьким, когда мы с Маттео взяли его к себе. Он тоже привык...

Бедный мальчуган не удержался и уткнул свое чумазое лицо в платье Джанинны. Она стала гладить рукой его курчавую голову:

— Перестань, Франческино, не падо! Ты же взрослый мужчина, тебе стыдно плакать... А что ты, Пьетро, хотел мне сказать?

Пьетро смутился, взглянул в сторону Родольфо и незнакомец и привстал. Джанинна поняла.

— Пойдем,— сказала она.— Обойдутся пока без нас.

И, не отнимая руки от шеп мальчика, пошла вместе с ним к двери. Пьетро пошел за ними.

Когда закрыли за собой дверь в комнате Джанинны, назойливый шум харчевни сразу стих. На полу комнаты лежали один на другом большие узлы, возле них стояли две зашитые в полотно корзины и одна — еще пустая, маленький сундучок, обшитый железными полосами. У стены стоял пустой остов кровати. Стульев не было, и все трое стали подальше от двери, у окна. В тишине этой грустно-опустошенной комнаты Пьетро еще больше смутился.

— Теперь ты можешь говорить все, что хочешь,— сказала Джанинна, но, увидав его замешательство, постаралась помочь ему: — Может быть, ты хочешь, чтобы я разыскала там, на родине, кого-нибудь, рассказала о тебе?

Пьетро опустил голову.

— У меня нет никого,— тихо сказал он.— Я как Франческино, только у него... Я вот что,— перебил он самого себя, подняв голову,— я хотел... меня ведь сегодня только одного и выпустили из крепости. Помог цирюльник, и Раффанати мне разрешил, но приказал скорей возвращаться. Вот меня и попросили все товарищи попрощаться с тобой от них, поблагодарить за твое угощение и пожелать тебе счастья. Ведь мы все там сироты, а у тебя были как дома, и никогда мы не забудем ни тебя, ни «Золотого барана»... Вот они меня и просили...

Слова Пьетро взволновали Джанинну. Слушая его нехитро сплетенную речь, угадывая его плохо скрываемое волнение, она смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых светились и ласковость, и грусть, и желание хоть как-нибудь утешить, поддержать этого одинокого человека, обреченного на тяжёлые испытания.

— Пьетро, мой милый,— сказала она, когда он замолчал и снова опустил голову, переступая с ноги на ногу,— спасибо тебе

и всем! Всем скажи, что я благодарю их, что мне очень тяжело покидать всех вас... Но кому мы с Франческино здесь нужны теперь? Я должна скорее спасти его от опасности: сарацины никого не помилуют. Мне страшно даже подумать, что будет с оставшимися, если неверные ворвутся в предместья... О пресвятая дева, молись за нас!

Она перекрестилась, взглянув на пустую, криво висящую на стене подставочку с засохшим веночком можжевельника, и замолчала на мгновение, проведя рукой по лбу, словно отгоняя страшные мысли; потом положила руки на плечи Пьетро и, стараясь улыбнуться, продолжала:

— А вы в крепости — о, вы постоите за себя! С таким капитаном, как ди Негро, с такими молодцами, как Раффанати или тот ваш старик, как его?..

— Д'Анчьяри, — подсказал Пьетро.

— Д'Анчьяри, — повторила Джанинна. — Да, этот старый волк и не таким еще перегрызал горло!.. Только знаешь что, Пьетро, послушай моего совета: верь только им и Родольфо — никого больше не слушай, ни своих, ни чужих. Не слушай рассказов горожан из ополчения — я уверена, среди них есть всякий сброд, кто их знает... А больше всех слушай Родольфо, ты еще не знаешь, какой это человек!..

— Я хорошо знаю, — перебил Пьетро.

— Помнишь, в тот вечер здесь, у входа в харчевню, ты уверял меня, что он колдун и пройдоха? Ну скажи, что заставляет его оставаться с вами, когда даже капеллан и тот убежал? Я знаю, он останется и будет вам всем помогать советом и делом. Держись за него, делай так, как он скажет, и ты, Пьетро, останешься жив, — я чувствую это, как я чувствую, что Солдаия не сдастся. Когда вы прогоните сарацин и ты отбудешь свой срок, приезжай в Геную и разыщи нас. Там в порту есть много старых моряков, которые знали Маттео, они тебе и скажут, где меня найти. А мы каждый день будем ходить в порт и слушать новости. Мы будем всё знать про вас и будем ждать тебя... Правда, Франческино?

Мальчик утвердительно закивал головой.

Слушая эти слова, Пьетро подумал, что, может быть, и в самом деле ему удастся остаться в живых и вырваться наконец из этого тяжелого плена. А мысль о том, что там, на родине, кто-то будет думать о нем и ждать его, возвращала давно утраченную надежду. Глядя в приветливые глаза Джанинны, он улыбался:

— Ты знаешь, Джанинна, я с башни видел, как ты снимала барана. Где он?

— О, я и забыла тебе рассказать! — всплеснула Джанинна руками. — Пойди, пойди сюда! — Она подвела его к окну и ше-

потом, словно боясь, что кто-нибудь подслушает, сказала: — Видишь вон ту корявую яблоню? До нее отсюда двадцать шагов и от нее на север — еще двадцать. Там большущий камень, его не сдвинуть и сотне людей. Под ним мы две ночи копали с Франческино, вырыли яму и в ней похоронили барана. Когда вы прогоните сарацин, выкопай его и повесь опять на крюк — пусть помнят все о Джанинне из Солдаин. Только не проговоришься никому и хорошенько запомни: двадцать шагов от окна прямо и двадцать — на север... Смотри, я тебе верю! — И Джанинна погрозила ему пальцем. — А теперь давай простимся, а то мои новые гости соскучились, наверно, без меня.

На этот раз она обвила шею Пьетро руками и крепко поцеловала его. Пьетро ответил ей тем же. Глядевший на них Франческино скривил рот, и крупные слезы покатались по его щекам. Он бросился к Пьетро, приподнялся на носках и, ухватившись за его шею, тоже крепко поцеловал. Лицо Пьетро залилось краской.

— Вот теперь я не один! — с восторгом сказал он. — Но как же ты поедешь? С кем? Говорят, что в горах грабят татарские разбойники...

— Об этом не беспокойся: Родольфо обещал помочь и поможет, я ему верю. Пойдем к нему.

И Джанинна открыла дверь. Харчевня по-прежнему шумела.

Пьетро наклонился к Джанинне:

— Он снова свел дружбу с какими-то...

— О нет, не бойся, это и есть мои спутники!

Джанинна побежала к рыбакам; ее звал, махая руками, Паоло.

Пьетро сел на свое место и, нахмурившись, исподлобья стал рассматривать незнакомцев. Почему именно их выбрал цирюльник в спутники Джанинне? Особенно вон те угрюмые бородачи не внушали ему доверия, тем более в такое смутное время. Родольфо, не обращая на него внимания, болтал с незнакомцами.

Судя по одежде и золотому перстню на руке одного из них, они должны быть зажиточными людьми — купцы, наверно. А что за люди те, другие, одетые бедно (он заметил на локте одного из них широкую заплату), с которыми, однако, эти сидят рядом, говорят с ними, как с равными, и вместе пьют вино?

Вглядываясь в иноземных купцов, Пьетро невольно обратил внимание на особенное, спокойное выражение лица одного из них, молодого и рослого, не такое, как у всех других сейчас в Солдае, на приветливый взгляд его светлых глаз, смотревших на цирюльника, на его неторопливые движения и медленную речь. Когда Пьетро садился за стол, он слышал, как этот

купец сказал, что у них в стране тоже очень чтут святого Георгия, считают его покровителем коней и коневодов. Какой же они веры? На слова цирюльника о том, что монахи, пугая народ адом, сеют страх и смятение, купец заметил, что самым тяжелым грехом считает невежество, которым, по его мнению, отличается всякий монах-францисканец.

Родольфо неожиданно прервал раздумье Пьетро, повернувшись к нему.

— Я понял, мой дорогой,— сказал он,— что ты пришел проститься с Джаниной... Вот, мессере,— обратился он к незнакомцу,— наш солдат Пьетро, тоже друг здешней хозяйки, как и все мы из крепости, как и те рыбаки, у стола которых, вы видите, она сейчас стоит. Все мы просим вас не отказать ей в вашем высоком покровительстве.

Пьетро смутился и особенно был поражен, когда незнакомец, взглянув на него, приложил руку к груди и поклонился.

— Мессер Андреа, купец из Московии,— объяснил цирюльник,— едет к себе на родину. Он обещал мне захватить с собой Джанину и Франческино и довести их до границ Татарии, а там уже они доберутся сами.

Пьетро молчал, прислушиваясь к ответным словам москвича.

— Дороги в Солдайю хорошо известны нашим купцам,— говорил тот.— За четыре столетия нашей торговли с Газарией мы научились отличать друга от недруга. Нам хорошо известны и изворотливость ваших кунцов и вероломство татар. С ними у нас давние счеты: много они пролили нашей крови на нашей земле, долго стонала она от татарского надругательства, но нашего народа не сломить. Наши предки с незапамятных времен жили по берегам здешнего моря. Народ наш всей здешней землей испокон века владел, и людьми и верой нашей от моря Сурожского до орд степных татарских земля здешняя наполнилась.

— А как же вышло так,— спросил Родольфо,— что ваш народ уступил место другим? Ведь, насколько я знаю, ваших людей теперь можно встретить только далеко в горах.

— Верно,— ответил москвит.— Ушли они от несметной и жестокой орды татарской. А ваши властители тогдашние татарам помогали...— Помолчав, он прибавил: — Но горевать нам не к лицу. Вот покончит наша Москва в степях с ордами татарскими, и наступит спокойствие на земле нашей.

— А если сарадины захватят Газарню?

Москвит улыбнулся:

— Не страшны нам будут сарадины. Как орды метем сейчас, так и сарадин в море сметем... А впрочем, загадывать нечего, на все воля господня. А горевать — так нам, русским, не

Роффанати держал в руках барахтающегося переводчика.

к лицу это... Мальчик, — крикнул он Франческино, — принеси-ка нам всем еще по кружке вина!

Когда вино было подано, он встал и, протянув свою кружку к Пьетро, сказал:

— Выпьем за вашего храброго консула, и да поможет святой Георгий ему и вам всем отбиться от неверных!

Все, что говорил москвит, поражало Пьетро, а еще больше то, что знатный и богатый купец говорит и пьет с ним, простолудным-солдатом, как с равным себе. Однако он не мог поверить в искренность купца; ему все казалось, что тот не в меру, от вина может быть, расхваливал своих соотечественников и с какой-то корыстной целью хвалил консула, как всякий купец идет на всякую хитрость, торгуя словами, лишь бы заключить выгодную сделку. А какая сделка у него с цирюльником, с которым он обращается, как с давнишним приятелем? На какой товар?

Размышления Пьетро были прерваны криками и звуком разбитой посуды у стола, где сидели рыбаки. Там происходила потасовка.

Родольфо вскочил и, перекинув ногу через скамью, схватил Пьетро за рукав.

— Пойдем-ка! — крикнул он.

С трудом протискиваясь сквозь толпу, плотно обступившую дерущихся, они увидели, как с другой стороны, разбрасывая толпившихся и награждая их ударами своего увесистого кулака, движется Раффанати с багровым от вина лицом, надувая щеки и топорща усы. Они увидели, как он достиг середины толпы и, отшвырнув какого-то человека, нагнулся. Через мгновение он снова выпрямился, держа в руках барахтающегося переводчика. Грек силился освободиться, барабанив волосатыми руками по плечам и груди Раффанати и дрыгая ногами в одних чулках. Толстое, потное лицо его было в крови, под выпученным глазом вздулся синий кровоподтек, рукава разорванной рубахи болтались лентами.

Покрывая крики, гремел голос Раффанати:

— Я тебя отдам крысам на закуску, толстобрюхая свинья! Что ты говорил про нашего консула, что ты врал тут про наших солдат?! Как не говорил, когда я сам слышал, что ты проповедовал, чертова плешь! Я тебя научу, чертово пузо, как мутить народ! Предатель!..

Много еще своих любимых словечек, давно знакомых Пьетро по казарме и ученьям, выкрикивал Раффанати, а грек визжал и хрипел, задыхаясь в могучих объятиях.

Когда Родольфо и Пьетро пробрались наконец к месту драки, они поняли из криков рыбаков и Раффанати, что грек уговаривал рыбаков не идти в ополчение, не защищать крепости,

говорил, что консул предался сарацинам; а когда он начал хвалить кротость великого визиря, который якобы не собирается делать никакого зла и не тронет никого, кто останется вне крепости, старик Паоло не вытерпел и ударил грека.

— Отдайте его нам! — кричал Паоло. — Слишком для него много чести кормить ваших крыс — мы его лучше скормим нашим рыбкам, они за зиму проголодались, бедняжки!

— А ну-ка, ты! — крикнул Раффанати, увидев Пьетро. — Держи-ка этого подлеца!

Родольфо с москвитами пришли на помощь, и бородатый москвит, растолкав плечами и локтями прижатых к Пьетро людей, схватил грека в охапку и вынес его из харчевни. Пьетро кинулся за ним.

Яркий дневной свет и тишина, огромная фигура широкоплечего, бородатого незнакомца в меховой шапке с красным верхом, а главное, его рука, как тяжелые клещи держащая за плечи, смирили грека.

— Живей! — буркнул Раффанати Пьетро. — Один справишься?

— Теперь справлюсь.

— Пошли! — сказал Раффанати.

И они быстро зашагали к крепости.

Глава XXXVIII

БЕГСТВО

Рано утром у ворот консульского замка появилась вся взмыленная лошадь с налитыми кровью глазами, широко раздувая ноздри и тяжело и часто поводя боками. Всадник, прискакавший на ней, бросил поводья подбежавшему конюху и быстро пошел в замок. Вокруг конюха, водившего лошадь взад и вперед, толпились люди из городского ополчения, уже вторую неделю жившие лагерем по всем дворам крепости. Конюх ничего не мог ответить на их расспросы, кроме того, что герб, вышитый серебром на чепраке, герб правителя, от правителя и гонец. Вид лошади говорил, с какой поспешностью всадник мчался из Кафы в Солдайю. Скакать так три-четыре часа по крутым, каменистым перевалам можно, только везя важное и спешное поручение, и все поняли, что с хорошей вестью гонец так не мчался бы.

От консульской канцелярии к замку быстрыми шагами шли Скампи и мессер Якопо, оба с непокрытыми головами и без плащей, несмотря на пасмурную погоду и накрапывающий дождь. Скампи шел впереди, опустив голову. Мессер Якопо, сутулясь,

спешил за ним, держа в одной руке свиток бумаг, другой при-
глаживая нависавшие на глаза пряди волос.

Секретарь с помощником коменданта прошли во двор замка.

Уже несколько дней назад мессер Якопо, в сопровождении барабанщика и трубача, снова объехал на своей понурой воро-
ной кляче площади предместий и прочел населению приказ
о запрещении всем мужчинам, способным владеть оружием,
покидать город и выходить за стены без особого на то разреше-
ния, а также велено было явиться в консульскую канцелярию
для занесения имен в списки; все уклонившиеся будут преданы
суровому и позорному наказанию. Уже несколько дней, как
мессер Якопо с утра до вечера подробно расспрашивал являв-
шихся и усердно вписывал их имена, возраст и занятия в тол-
стую канцелярскую тетрадь, им самим сшитую и разграф-
ленную.

Скампи был занят с утра до позднего вечера; его видели
и в канцелярии, и в консульском замке, и в помещении, превра-
щенном в тюрьму, видели на воинских ученьях и в пороховых
погребах, на складах и на стенах крепости, видели беседующим
с солдатами и людьми из ополчения. Он находил время побы-
вать даже там, куда никогда не заходил раньше, и раза два
или три в день выехать в предместья, где он беседовал с кара-
ульными начальниками ворот и приехавшими из Кафы купца-
ми и торговцами; даже однажды видел его выезжающим из
ворот монастыря францисканцев. Всем бросалось в глаза, что
секретарь консула, раньше такой бездеятельный, не устанав-
ливающий никого и двумя словами, в эти дни неожиданно обна-
ружил черты, до сих пор тщательно скрываемые им под маской
высокомерного безразличия к обязанностям своей службы.

В день приезда гонца он с самого раннего утра уже сидел
за столом канцелярии, выслушивая доклад мессера Якопо.
Услыхав топот копыт, а затем увидев лошадь, скачущую к зам-
ку Святого Креста, он прервал доклад и, встав, сказал, что им
обоим надлежит немедленно идти к консулу. На замечание мес-
сера Якопо, не лучше ли подождать консульского посыльного,
он хлопнул рукой по столу и, крикнув в лицо помощнику: «Как
вам будет угодно!», быстро вышел из комнаты. Мессер Якопо
схватил нужные для доклада бумаги и побежал вслед за секре-
тарем.

Все упорнее и упорнее ползли зловещие слухи. Блеянье
и мычанье скота, сгоняемого к крепости, подтверждали неиз-
бежность скорой осады. Приезд гонца закрепил эту уверен-
ность.

Вести были плохие — в этом были уверены все и с этой ми-
нуты стали ждать закрытия ворот. Не существовало в этот день
человека, который не бросал бы тревожного взгляда на лошадь

гонца: ее исчезновение должно будет обозначать наступление последних часов существования пока еще не отрезанной от внешнего мира крепости.

Толки и слухи, во много раз преувеличенные, и страх, ими разжигаемый, превратили предместья в кипящий котел. В довершение всего, дождь, начавшийся с утра, обратил глину дорог в липкую, скользкую грязь.

К концу дня в одной из узких улиц, ведущих от соборной площади к воротам восточного предместья, было особенно тесно и шумно. Там сгоняемый к крепости скот встретился со сплошной вереницей обозов и вьючных животных. Уткнувшись друг в друга, эти два потока остановились, тщетно пытаясь пробиться вперед, каждый в свою сторону. На помощь погонщикам скота прибежали патрульные солдаты и начали вырывать из рук возниц вожжи, бить лошадей по мордам, заворачивать повозки назад. Ехавшие подняли неистовый крик, отбивались ногами, кнутами, соскакивая с повозок, вступали в драку с солдатами, закидывали их грязью, рвали на них одежду. Круто повернутые повозки кренились набок, и из них падали в грязь женщины, дети, старики, узлы, мешки, бочки... Сквозь эту отчаянную сутолоку пробивались коровы и овцы, нахлестываемые погонщиками. Крики людей и животных слились в общий оглушительный стон.

В обозе, пробивавшемся к восточным воротам, были три повозки купца Квиниджи, а за ними — две московитов и их вьючные лошади.

Еще накануне Квиниджи узнал от верного человека о взятии сарацинами Воспоро и о том, что великий визирь, оставив там незначительное количество войска, повел свои корабли к Кафе. А под самое утро прибежал монах и, выпросив несколько аспров, сообщил, что настоятель монастыря францисканцев отправил в крепость, по требованию консула, монаха, чтобы заменить удравшего оттуда капеллана. И, наконец, не успев убежать монах, как явился племянник Квиниджи и стал настаивать на немедленном отъезде во имя сохранения жизни и ценностей.

Старик понял, что медлить больше невозможно: с минуты на минуту может быть отдан приказ о закрытии ворот предместья, и тогда не обойтись без огромной взятки начальнику караула и, что еще неприятнее, мести этой толпы оборванцев, шумящей там, на улицах: в последнюю минуту она может выместить на нем свою «звериную злобу и грязную алчность». Считая благоразумным скрыть ото всех сведения из Кафы и рассказ монаха, он спокойно отдал распоряжение о немедленном выезде.

Внешнее спокойствие хитрого старика не обмануло, однако, его не менее хитрую дочь. Мона Илария имела в доме своих

преданных соглядатаев, которые донесли ей и о человеке из Кафы, шептавшемся о чем-то в комнате с синьором Бернардо, и о монахе, потребовавшем так рано разбудить их хозяина, и о подслушанном ими разговоре с ним мессера Филиппо.

Мона Илария, в свою очередь, делала вид, что она ничего не знает, но сохранять спокойствие у нее не хватало сил. Тотчас же после отданного отцом распоряжения она с неистовством стала собираться в отъезд, бегала по комнатам, мешала слугам укладывать вещи, кричала, визжала, бранилась, била по щекам, швыряла в головы служанок туфли, корзинки, подушки, носилась вниз и вверх по лестнице, то прижимая к груди свою лохматую собачку, то бросая ее в лицо обезумевшей от волнений и страха старухе служанке, плакала и умоляла о чем-то своего двоюродного брата, вешалась ему на шею. Вереница слуг бегала за ней, то завязывая, то опять развязывая по ее приказанию тюки с бельем и платьями. Она приставала к отцу с глупыми советами или с нелепыми требованиями, топала на него ногами. А когда, вконец измотанный этим вихрем дочернего неистовства, он закрыл уши руками и, спасаясь в свою комнату, наступил на хвост Снежинки, мона Илария стала визгливо браниться и объявила, что никуда не поедет. С этими словами она убежала в свою комнату и заперлась.

Со слипающимися от бессонной ночи веками, с головной болью, Квиниджи ушел к себе, где тоже заперся. Там он обмотал голову мокрым полотенцем и решил с горя допить последний кувшин дорогого кипрского вина, прибереженного им на дорогу. Он был в отчаянии: по милости дочери они провели в этой нелепой суете почти половину дня, а времени терять нельзя: завтра уже будет поздно... Сквозь закрытые ставни чуть брезжил мутный свет, с площади доносился гул толпы.

Из этого скорбного состояния его вывел тихий, но настойчивый стук в дверь. Квиниджи думал сначала, что это Илария, но сообразил, что она не стала бы так тихо стучать. Он не откликнулся. Стук повторился, учащенный, но все такой же тихий. «Кто-то чужой, — подумал Квиниджи. — Наверно, вдобавок ко всему, еще одна «успокоительная» новость!»

— Это я, мессер Бернардо, откройте, — раздался за дверью чуть слышный голос.

Тень улыбки скользнула по жирному, вспотевшему лицу старика. Он торопливо отпер дверь. Перед ним стоял монах с головой, покрытой капюшоном.

На широком дворе, обнесенном высокой каменной стеной, утыканной сверху железными зубьями, за глухими дубовыми воротами, обитыми железными полосами и со щитом чьего-то

герба с неясными изображениями, изъеденными столетиями, под навесом давно уже стояли запряженными пять повозок, а у коновязи — семь оседланных лошадей и пять длинногривых коренастых лошадок с вьючными чересседельниками. Шел мелкий дождь. На деревянной колоде сидели трое провожатых, нанятых Квиниджи для охраны его поезда. На тугих вьюках лежали, похрапывая, люди русских купцов. Бородач, вытащивший грека-переводчика из харчевни, деловито выстругивал ножом кнутовище, напевая себе под нос.

Тут же около вьюков, на земле, сидел Франческино и спал, положив руки и голову на узелок с вещами.

...Чуть забрезжил свет, Родольфо был уже в харчевне; раздобыв где-то тележку, он помог Джаннинне перевезти ее узлы и корзины. Все уже было переговорено и повторено за это долгое хмурое утро; вспомнили, кажется, все, что было хорошего за прошедшие годы, все сказали друг другу, и каждый старался утешить и ободрить другого, сам не веря своим словам. Тяжело было на душе у обоих. Произошло страшное и неотвратимое, и теперь они молчали в тревожном ожидании последней минуты расставанья.

Джаннинна проплакала всю ночь и сейчас сидела, неподвижно глядя влажными от слез глазами на падающие дождевые капли, на почерневшие от дождя стволы яблонь, на серую стену купеческого дома, на сновавших и кричавших что-то друг другу слуг, на медленно покачивающуюся от ветра бадью, висящую на изогнутом железном пруте над низким, круглым каменным колодцем, позеленевшим от моха. С соборной площади доносился шум уходивших из предместья обозов.

Родольфо сидел, опершись о мешок. Его рогатая шапка лежала на земле. Большая голова откинулась назад и словно глубже ушла в широкие плечи. Плоское, обезображенное приплюснутым носом лицо было бледно, синие круги под глазами выдавали усталость от бессонных ночей; только половина лба и верх щеки багровели родимым пятном. Тонкие белые губы были крепко сжаты, но в глазах светились не затухавшие искры жизни и напряженной мысли.

Он кивнул в сторону Франческино:

— Неудобно ему, а как крепко спит, бедняга!

Джаннинна не ответила.

Он продолжал:

— Это его богатство, наверно, в узелке?

— Наше с ним вместе, — ответила Джаннинна. — Там моя пресвятая дева, кошелек с деньгами и ключ от «Золотого барана».

Родольфо улыбнулся:

— Зачем же ключ?

Джанинна вздохнула.

— Не знаю! — сказала она и закрыла лицо руками.

Родольфо положил ей руку на плечо:

— Не надо, Джанинна, не надо! Это очень хорошо, что ты взяла ключ с собой, — значит, так приказала тебе пресвятая дева. Вспомни, как ты горячо молилась ей перед тем, как снять ее со стены и уложить в узелок, как просила спасти Солдайо, «Золотого барана» и всех нас в крепости. И душу Маттео просила умолить пресвятую — она, конечно, внемлет его праведной просьбе. И о себе молилась, и о Франческино. Вот она уже и сжалилась над ним: посмотри, как он сладко спит! Все будет хорошо, Джанинна, не надо напрасно плакать...

Пока Родольфо говорил, Джанинна отняла руки от лица и заплаканными, но улыбающимися глазами смотрела на него, жадно слушая тихие, ласковые слова. Простодушно не разгадав его хитрости, она утвердительно кивала головой.

— О да, я молилась ей и просила Маттео, она непременно исполнит его просьбу! Ты все, все угадал, Родольфо, милый!..

Она притянула его голову к себе и поцеловала жесткие волосы.

В это время к широкому окну, выходившему во двор из галереи, подошли московские купцы и племянник Квиниджи. Они с утра были готовы к отъезду. Плохая погода мешала выйти из дому, и они то сидели, беседуя, в опустевших комнатах, то бесцельно бродили по дому, чтобы хоть как-нибудь скоротать время, напрасно теряемое из-за глупой прихоти монаы Иларии. Выйдя на галерею, они видели спину монаха, когда он входил в комнату Квиниджи, и слышали, как дверь была заперта за ним на два оборота ключа.

— Еще один гонец! — усмехнулся Филиппо. — Преподобные отцы францисканцы, разнюхав о скором отъезде дядюшки, второй день не дают ему покоя. За каждую очередную новость получают. Неплохой доход для нищенствующих братьев!.. Так вы говорите, — обратился он к молодому москвиту, — что спрос на ладан и имбирь значительно повысился? Я понимаю теперь, почему ваши купцы в Кафе подняли цены, а я в последнюю минуту прогадал со своим перцем и румянами.

— Спрос не велик на другие товары, однако и они в порядочной цене. Мы вот сейчас навьючили мешки с гвоздикой, шафраном и перцем, — сказал москвит, указывая на лошадей под навесом.

— Опять этот проклятый дождь! — воскликнул Филиппо, выставляя голову в окно. — И не видно, чтобы скоро кончился. Если и за горами так, мы увязнем в грязи! Да и в горах невесело в такую погоду. С причудами сестрицы мы к ночи не доберемся до больших деревень... Пойду-ка растормошу дядюшку!

И Филиппо направился было к двери Квиниджи, но в эту минуту она приоткрылась и, высунув голову, старик громко крикнул: «Джанбатиста! Джанбатиста!» Отмахнувшись рукой от племянника, Квиниджи захлопнул дверь перед его носом. По галерее пробежал слуга и постучал в дверь. Получив приказание из приоткрытой двери, он опрометью помчался обратно.

— Упрямый старик! — с досадой сказал Филиппо, снова подходя к окну. — Надо теперь ему с этим монахом возиться! Мы так и до завтра не уедем... Поглядите, поглядите, мессере, какая трогательная картина! — Он протянул руку, указывая на Родольфо и Джаппину. — Что это за святое семейство? Откуда этот красавец? Он не из дядюшкиной челяди. Взгляните только, какой урод!

— Он пришел проводить эту женщину, она едет с нами, — сказал московит.

— Ого, я вижу, вас занимает не один только перец и гвоздика! Уж не приобрели ли вы и этот товар по дешевке?

— Бог милостив, мессере, мы этими делами не занимаемся.

— Я тоже не пробовал, но почему бы и не заняться? Товар как товар. Недаром торговля рабами, даже крещеными, разрешена святой церковью. Крещеный насильно лишен благодати, и разницы между ним и перцем или каким-либо скотом нет никакой!

— У нас, — сказал московит, — крещеных рабов отпускают на волю.

— В таком случае зачем же вы везете с собой эту женщину? Кто она такая?

— Это ваша соотечественница, хозяйка здешней харчевни, а он, цирюльник консула дн Негро, попросил меня довести ее до границ Татарии.

— О! Неужели дн Негро не мог выбрать рожу покрасивее этого молодчика? А она недурна, клянусь святой Агнессой! Вы не соскучитесь! — воскликнул Филиппо, похлопывая московита по плечу.

Тот отвел его руку:

— Не к чему это говорить. Нехорошо, мессере.

Их разговор был прерван появлением в галерее монаы Иларии. Она, не взглянув в их сторону, быстрыми шагами направилась к отцовской двери и, торопясь, дробно застучала в нее кулачком. Ее впустили, и снова звякнул замок.

— Тут что-то с этим монахом не так, — сказал Филиппо. — Как бы его новость не оказалась поважнее прежних! Подождем-ка выхода сестрицы, я спрошу ее.

Илария не заставила себя ждать. Через минуту она вышла из комнаты отца в сопровождении монаха. Он шел, низко наклонив голову с опущенным на лицо капюшоном. Оба быстро

направились к дальней двери. Филиппо подбежал к сестре с расспросами.

— Случилось только то, мой дорогой, — с раздражением ответила Илария, — что мне некогда с вами разговаривать! Оставьте меня в покое и приготовьтесь к отъезду: мы сейчас уезжаем. — И она захлопнула за собой дверь.

— Святая мадонна! — отскочив, с негодованием воскликнул Филиппо. — Они все с ума сошли!

Глаза пожилого москвитя хитро улыбались. Пощипывая бородку, он тихо сказал своему товарищу:

— На третий раз ему носа не уберечь.

Вслед за моной Иларией выбежал из своей комнаты старик Квиниджи. Позвякивая связкой ключей и отдуваясь, он вразвалку побежал по галерее, бросив в сторону москвитов: «Едем, мессеры! Сейчас едем!»

Филиппо бросился его догонять:

— Дядюшка, что случилось? Что это за монах?

— Потом, потом! — отмахиваясь от него на ходу, ответил старик. — Собирайся, пока Илария не раздумала!

И оба побежали вниз по лестнице. Москвиты пошли вслед за ними.

В доме и во дворе снова поднялась суeta. Все бегали с узлами, корзинами, ящиками и мешками, сталкивались друг с другом, роняли и снова схватывали вещи и, не успев побраниться, бежали дальше.

Как ни странно, спокойнее всех была мона Илария. Она торжественно вышла на галерею и с бесстрастным выражением лица смотрела вниз на толкотню во дворе.

Наконец все было уложено, утыкано и пагромождено на повозки. Мона Илария со своей собачкой и служанкой уселась в первую повозку, самую большую, с высокой полотняной кибиткой, устланную коврами. В остальных разместились служанки и слуги. Лязгнули засовы ворот, тяжелые дубовые створы раскрылись, и поезд тронулся в путь. Первыми двинулись верховые провожатые с длинными плетками в руках, мечами у пояса и луками за спиной. Выехав на площадь, они тотчас начали криками и плетками расчищать дорогу. Следом за ними верхом на высокой и толстой лошади ехал Квиниджи. Уздечка, поводья и ремень от седла были разукрашены металлическими кружками и звездочками. Из-под длиннополой бархатной одежды купца виднелся темно-синий чепрак, расшитый золотой канителью. Квиниджи сидел словно в кресле, откинувшись на высокую заднюю луку в форме полумесяца рожками кверху, обитую кожей и расшитую серебром. Как только выехали из ворот, лицо старика сморщилось и под сдвинутыми бровями забегали по шумящей толпе злые и пугливые глаза.

Подбоченясь и помахивая плеткой, Филиппо с выражением полного превосходства посмеивался, глядя на шумевшую толпу. Он нарочно то заставлял свою лошадь вертеться, угрожая задеть кого-нибудь, то как бы печально ударял кого-нибудь плеткой по лицу, издевательски-вежливо извиняясь. Ярко-алый парчовый чепрак из дорогого луккского шелка украшал его караковую лошадь с вилетеными в ее гриву разноцветными шелковыми ленточками. Подзадориваемая им, она горячилась, грызла удила, разбрасывая в стороны белую пену.

Филиппо пробовал заговорить со своей сестрицей, но она хранила полнейшее молчание, невидимая в сумраке своей кибитки. Филиппо придерживал лошадь, пока с ним не поравнялись москвиты, схватившие за повозками Квиниджи.

— Красивый конь у вас, мессере,— сказал молодой москвит,— только горяч больно. В далеком пути и вас утомит и себя измотает. Праздничный конь.

Самодовольная улыбка разлилась по краснощекому лицу Филиппо.

— Я очень дешево купил его в Кафе, когда все удирали отсюда. Если он у меня дойдет до дому, я буду на нем участвовать в багордо. Это одна из наших любимых военных игр, в которой прежде всего ценится красота лошади и... всадника, конечно,— добавил он, скромно потупив глаза.— Все дело в этом, а опасности нет никакой: вы должны всего-навсего на всем скаку сломать свое легкое копье о землю, о дерево или о стену дома вашей возлюбленной. Это легко. Все дело в красоте...

— Вот я и говорю,— сказал москвит,— для легкой игры он годится, а сейчас надо бы другого, вот хотя бы такого, как у вашего дядюшки.

— Что вы, что вы! — воскликнул Филиппо.— Я на таких жирных кабанах еще никогда не ездил.

Они остановились. Что-то, видимо, преградило дорогу. Крики и брань вокруг усилились.

— Несчастные люди! — сказал москвит, указывая на оборванную, простоволосую женщину, толкавшую перед собой тележку, набитую узлами, поверх которых сидел черномазый, с широко раскрытыми от испуга глазами ребенок.— Несчастные, куда они могут так добраться? Погибнут в дороге...

Филиппо пожал плечами:

— Вот это меня меньше всего беспокоит. Все это отребье сделало бы гораздо лучше, если бы осталось здесь,— по крайней мере, не путалось бы у нас под ногами. Не все ли равно, где они сдохнут!

Родольфо словно не замечал ни дождя, ни сутолоки. Он шел, опустив голову, перекинув плащ через плечо и даже не надев шапки, и держался за край повозки, в которой ехали Джапинна

с Франческино. Бородатый москвит, подхлестывая кнутом своих лохматых лошадей, весело говорил Родольфо непонятные слова, а тот шел молча. Когда рядом закричала женщина с ребенком на тележке, он поднял голову, взглянул на нее и вспомнил свою мать, как везла она его, хромоногого, по пыльным дорогам. А потом вспомнил, как он вот так же, без шапки, шел однажды рядом с повозкой и так же держался за ее край, а на повозке стоял гроб с матерью... Они распрощались с Джаниной еще во дворе Квиниджи, а теперь он идет, только чтобы проводить ее до ворот, чтобы посмотреть, как она скроется за ними, чтобы быть с ней до конца, как тогда со своей матерью...

Гомон ближней толпы умолк, уступив место шуму, нараставшему со стороны восточных ворот. Вместе с другими Родольфо стал прислушиваться. Многие встали в своих повозках и вглядывались в даль. Бородатый москвит тоже встал и, указывая кнутом вперед, говорил что-то Родольфо, прикладывая к голове кулаки с протянутыми указательными пальцами. Родольфо догадался: скот.

Навстречу пробежал человек, крича, что гонят скот и караульные не пускают в ворота, что там идет драка между погонщиками и патрульными солдатами. Слова эти были встречены яростными криками. Каждый решил воспользоваться задержкой и проскочить в ворота.

Безжалостно нахлестываемые лошади, волы и ослы в беспорядке пошли дальше. Невероятный шум и гам снова поднялся в сумятице беспорядочного движения. Повозки, лошади, люди неудержимо двигались, толкая, опрокидывая, давя друг друга. Зубчатый верх ворот виднелся близко впереди, и всем казалось, что вот еще, еще немного, постараться только обогнать других, добраться до ворот, проехать их, а там — большая дорога и уж никакие караульные не остановят, не вернут. Но чем дальше двигались, тем все было теснее; улица, как назло, тоже становилась уже. Опрокинутые скотом и дракой или ставшие поперек повозки, груды вывалившихся из них мешков, корзин, ящиков преграждали путь.

Когда обозы протиснулись наконец почти к самым воротам, у повозок Квиниджи началось настоящее сражение между верховыми-проводатыми и возчиками других повозок.

Серые, нависшие тучи сгустили сумрак, и дождь безжалостно хлынул на эту беспорядочную груду мечущихся людей. В шуме дождя тонули вопли, крики, визги, треск, лязг. С безумными лицами, потеряв человеческий облик, в звериной злобе люди дрались за свою жизнь.

Случилось так, что Родольфо очутился у самых ворот. Его прижали к стене. Он не мог двинуться и беспомощно озирался, стараясь отыскать глазами повозку бородатого москвиты:

Это был мессер Джорджио Скампи.

в сумерках, в дожде, в общей свалке он потерял ее из виду. Потом, совсем близко от себя, он увидел первую повозку Квиниджи. Одна из ее лошадей взметнулась на дыбы, потом, с силой рванув вперед, повернула повозку поперек улицы.

Что произошло потом и как его не расплющила о стену безудержная сила людского потока, Родольфо не мог бы рассказать. Он четко помнил одно: в накренившейся повозке Квиниджи появился монах-францисканец с лицом, закрытым капюшоном; он держался руками за край повозки и, занеся ногу, пытался выпрыгнуть, но в его спину крепко вцепились руки дочери кунца; длинноносое лицо ее было перекошено яростью. В это же мгновение, заглушая крики, раздался дикий, пронзительный свист, и два всадника на бешеном скаку перескочили через преграждавшую им путь повозку. Один из них — Родольфо узнал в нем оргузия Ачипая, — полоснув монаха плеткой по голове, сбил капюшон. Монах торопливо схватился за него руками, сляясь скорее закрыть голову, и Родольфо увидел его лицо: это был мессер Джорджо Скампи. Лошади в испуге дернули к воротам и умчали повозку.

Какие-то еще повозки, всадники, люди потянулись мимо, но стало так темно и дождь так хлестал в лицо, что Родольфо ничего уже не мог разглядеть. Ему показалось, что совсем близко проехал московитский купец и из-за его лошади будто промелькнуло испуганное лицо Франческино. Но, может быть, все это только померещилось? Цирюльник слышал звон колокола, потом бой барабана, окрики караульных и тяжелый лязг железных ворот, смешавшийся со стоном толпы. Потом шум и голоса стали постепенно стихать. Все отодвинулось куда-то назад, в темноту, оставался только шум дождя. И неожиданно возникла страшная мысль, до боли сжавшая сердце, что все задуманное с Уберто и друзьями не может теперь осуществиться: поздно! Невероятная усталость и оцепенение сковали Родольфо, и он продолжал стоять, опершись о стену. Из этого состояния вывел ослепивший его свет поднесенного к лицу фонаря. Это был патрульный.

— О, Родольфо! Да тебя не узнать! Пора забыть про вино. Слышишь, что ли? Домой иди. Скорей, а то ворота закроют! Ступай, слышишь?..

И, взяв цирюльника за плечо, патрульный вывел его на середину улицы.

Все еще без шапки, промокший, медленно побрел Родольфо в темноте по мокрым и грязным улицам предместья, мимо темных домов, мимо серых, безмолвных призраков спящих мертвым сном людей и започевавших обозов.

Еще три дня шумели улицы и по дорогам на север ползли обозы и караваны. Потом предместья умолкли, дороги опустели. Ворота предместий, закрытые на четвертый день вечером, больше не открывались. На пятый день утром ночной караул предмостного укрепления ушел, никем не смененный. За ним подняли мост через ров и опустили тяжелые железные ворота главного входа. Тишина окружила крепость.

Шли первые дни июня — дни уже жаркого солнца, зацветания виноградников, благоухания цветов и свежей листвы долин, напевного журчанья речек, соловьиного щелканья в буковых лесах, теплого ветра с моря и тихого плеска прибоя голубых, чуть пенящихся волн. Наступило лучшее время года, а для крепости Солдайн — тягостные, предсмертные дни.

Тихо было только за стенами крепости; в ее дворах, домах, башнях и на стенах шумели люди. Сбитые в одну кучу, они кричали, ходили с одного двора на другой, перенеся в крепость всю былую базарную сутолоку предместий.

В этот не прекращавшийся с утра до ночи шум врывается то бой барабана, сзывавшего на воинское ученье, то звон колокола, отмечавшего время дня.

Особенно много вооруженных людей было на стенах, примыкавших к башням главных ворот — слабого места обороны. Тяжелые балестры и бомбарды были расставлены по восточной и западной стенам с расчетом на нападение с суши и возможность его отражения продольным обстрелом из межбашенных промежутков. Ядра и запасы стрел были сложены у амбразур парапетов. Были прочищены машикулы, укреплены подъемные мостики и помосты. С внутренней стороны башен, у их вершук, на коротких балках были приделаны блоки для подъема ковней с кипятком и горячей смолой. Дворы были загромождены наскоро сколоченными палатками из жердей и пестрых, разноцветных полотнищ, соломенными шаламами и просто кольями с натянутым на них в защиту от солнца и дождя полотном. В топках печей под котлами для смолы и воды непрерывно поддерживали огонь. Эти печи и костры, на которых готовили пищу для ополчения, чадили, заволакивая все вокруг угарной дымкой тлеющих поленьев. Дворы, защищенные огромной скалой от морского ветра и стенами с остальных трех сторон, в эти тихие дни томились в душной неподвижности дымного воздуха, тяжелого от людской толпы и стад коров, волов и овец, теснившихся в павозной жижке за изгородью, в дальнем углу западной стены.

Встревоженные бегством двух оргузиев, наличием около трех десятков схваченных патрулями людей, запертых в круглом погребе, среди которых было немало татар, дерзких при допросах, словно они знали о неминуемой и скорой победе сарацин, Сантинелли, а вместе с ним и мессер Якопо, заменяющий Скампи, установили тщательную слежку за ополченцами. Военачальники тоже все свое внимание сосредоточили на ополченцах, усердно обучая их воинскому делу.

Постоянным же солдатам крепости был предоставлен относительный отдых; они, как раньше, несли караульную службу на башнях, но на ученье их больше не гоняли и кормили лучше.

Казарма жила своей жизнью, обособленной от людей во дворах. Раффанати и д'Анчьяри редко заглядывали к солдатам, уверенные в них, а если и появлялись, то, побалагурив минут десять, уходили, не делая замечаний. «Не до нас им теперь! Ишь, каких им вояк нагнали, есть кого помуштровать, с кем душу отвести!» — говорили солдаты. Луиджи глубокомысленно рассуждал, что начальство, дескать, знает, что делает, что из ополченцев дурь повыбьют и заставят драться с врагами.

— Вздор ты говоришь, Луиджи! — кричал Гвидо. — Клянись копьем святого Георгия, они попрячутся во все щели от первого сарацинского ядра, в землю зароятся, и нам же придется их оттуда выкуривать потом, как клопов!

— Нехорошо ты говоришь, — возразил Луиджи. — Что же, все они изменники, что ли? Есть же среди них и честные люди! Им тоже небось своя шкура дорога.

— Вот они ее спасать и будут, — продолжал Гвидо. — Перебегут к сарацинам — и всё тут, им на нашу крепость наплевать!

Луиджи улыбнулся, покачав головой:

— Какой ты умник! Через стены, что ли, они полезут? Да какое же им спасенье из этого выйдет? В цепях на галерах, что ли, или на продажу в рабство к поганым?

Как всегда, все соглашались с Гвидо, но и не спорили с Луиджи, давно привыкнув, что всё не так, как он предсказывает.

Все чаще и чаще в казарму доходили слухи о разговорах в палатках и шалашах, о каких-то никому неизвестных людях, которые разжигали недовольство, подстрекали к бунту и сеяли страх и уныние среди ополчения. Слышали и о каждодневном вылавливании таких молодчиков людьми Сантинелли, об их допросах и пытках.

В то утро, когда Пьетро узнал от цирюльника Родольфо, что накануне вечером Джаннина и Франческино уехали с москвитами, он побежал на угловую восточную башню и долго, до боли в глазах, всматривался в медленно ползущую на север змейку обозов. Потом он разыскал цирюльника и заставил как можно

подробнее рассказать об отъезде кунеческого обоза, о том, на какой повозке поехала Джанинна, говорила ли про него, не просила ли что-нибудь передать, кем охраняется обоз. Цирюльник сказал, что Джанинна несколько раз вспоминала всех и просила передать Пьетро привет и пожелание скорого возвращения на родину.

Родина! О ней Пьетро вспомнил снова, когда, стоя ранним утром в карауле на башне Румбальдо, услышал лязг цепей большого подъемного моста и медленное поскрипывание блоков опускавшейся решетки главных ворот. Пьетро почувствовал себя навсегда отрезанным от жизни. Вот когда наступил тот страшный предел всем желаниям, тот ужас заживо погребенного. Родина! Какая бы ты ни была, неприветливая, равнодушная. Свобода! Какая бы ты ни была, нищая, злая. Но без вас всюду — тюрьма, мрак, смерть...

«Ты, Пьетро, останешься жив, приезжай в Геную и разыщи пас...» Пьетро заглянул через бойницу. Призрачно белели пустые дома предместья, как могильные памятники. «Мы его зарыли под камнем... двадцать шагов прямо и двадцать — на север...» Бедная, милая Джанинна! Пьетро помнил каждое слово и совет Джанинны не пренебрегать дружбой с цирюльником: эти первые дни после закрытия ворот они виделись часто...

Темная ночь затаенно молчала. В неподвижном, теплом воздухе пахло гарью. В окне консульского замка горел свет. Родольфо пересек двор, прошел во двор замка. Дремавший у двери солдат вскочил.

— Цирюльник! — сказал ему Родольфо.

Солдат снова сел на камень.

Персей даже не поднял головы — ему был привычен звук шагов хромого человека. Когда цирюльник вошел в комнату и, как обычно, сел на ларь, Персей громко зевнул и снова уткнул морду между протянутыми лапами.

Ди Негро не сразу поднял голову, склоненную над листом бумаги. Положив перо, он взглянул на цирюльника. Родольфо перебирал руками поля рогатой шапки.

— Спокойно ли во дворах? — спросил ди Негро.

— С виду, ваша милость, спокойно.

— А на самом деле?

— А на самом деле — как море: стоит подуть ветру... Осмелюсь сказать, нехорошо себя держит с людьми мессер Якопо. Не на своем он месте, ваша милость.

— Я знаю, но другого человека у меня нет... А как ты думаешь, Родольфо, Скампи, пожалуй, тоже не сумел бы справиться с этими людьми?

— Конечно, нет.

Несколько секунд оба молчали, как молчат, вспомнив недавно умершего.

— А я вот все думаю,— сказал ди Негро,— почему ты вовремя не предупредил меня о его намерениях?.. Слышишь, что я говорю?

Родольфо ответил не сразу:

— Слышу, ваша милость... Я полагал, что мессеру Джорджно лучше уехать...

— Почему?

— Он был бы здесь лишним.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Мессер Джорджно не был бы лучше мессера Якопо.

— Я вижу, что ты не хочешь мне ответить, и отвечу за тебя: ты скрыл от меня намерения Скампи, боясь, что я не позволю ему покинуть крепость. Но на этот раз ты был недогадлив — ты ошибся, не дав мне возможности избавить секретаря консула от позорного бегства у всех на глазах. Жаль! Он мог бы уехать иначе...

Родольфо, не поднимая головы, вертел в руках шапку. Разговор о Скампи не был по душе ни тому, ни другому. Дальнейшая судьба Скампи не беспокоила их, и разговор этот возник исключительно для того, чтобы заменить собою другой, необходимый и в то же время обоими избегаемый. Эта игра в прятки, по молчаливому уговору начатая ими после последних событий, в особенности после закрытия ворот, желание во что бы то ни стало избежать откровенного высказывания своих мыслей заставляли обоих уклоняться от прямодушного объяснения.

Ди Негро, при всем своем строгом отношении к законности, блюститель установленного вот уже двадцать шесть лет назад Уставом генуэзских колоний порядка, строгий до жестокости в назначении кары виновным в нарушении этого порядка, не мог, однако, побороть в себе им же самим осуждаемого как непростительную слабость чувства благожелательности по отношению к цирюльнику Родольфо. Было время, когда он позволил себе роскошь покровительствовать этому простолыдину, поправившемуся ему своим талантливым балагурством и забавным фаптазерством. Цирюльник-поэт — разве такое сочетание не достойно внимания просвященного человека, покровителя искусства в любых его проявлениях?

Когда начались доклады Сантинелли об участии цирюльника почти во всех злокозненных интригах и заговорах братьев да Гуаско и его странно двойственной роли в них, ди Негро отнесся к этому, как к своеобразному проявлению все того же фантазерства, и стал всячески защищать своего любимца от несправедливых, как казалось ему, нападок Сантинелли. Но когда ока-

залось, что цирюльник стоит во главе заговорщиков, готовящих бунт против установлений Светлейшей республики, тут ди Негро понял всю подоплёку странного поведения Родольфо. Грозные события последних дней разрушили планы бунтовщиков, и вот теперь ди Негро думал о том, как судьба переплела жизненные дороги его и этого простолюдина, создав совсем особые взаимоотношения. И как, чуть было не столкнув их для борьбы, предотвратила ее и снова соединила консула и цирюльника в общем для обоих несчастье.

А Родольфо?

Он понимал, что консул не мог не знать о его участии в подготовке восстания. «Лягушка» добросовестно поработал во славу Светлейшей республики. Правда, после случая с кустом можжевельника, из которого он был извлечен каким-то прохожим, он исчез из Солдаин, но его место, вероятно, занял не менее усердный подлец. И, конечно, пристав обо всем докладывал консулу да и прибавлял кое-что от себя для убедительности. Родольфо догадался, что показавшийся ему тогда наивно-великодушным поступок консула на допросе был не чем иным, как ловким «гуманным» приемом парализовать тайную подготовку восстания. Поздно и бесполезно говорить теперь обо всем этом, когда они заперты в окруженной врагами крепости...

Ди Негро встал. Тотчас же вскочил и Персей и, подбежав, заискивающе глядел в лицо хозяина, виляя хвостом.

— У тебя нет больше ко мне никаких дел? — спросил ди Негро.

— Есть, ваша милость, но, может быть, поздно и вам пора отдохнуть...

— Успею. Говори.

Ди Негро снова сел:

— Люди стали болеть, ваша милость. Особенно ополченцы.

— Что с ними такое?

— Озноб, слабость. Жалуются на головную боль, на боль в желудке. Все говорят одно и то же.

— Не притворяются ли?

— О нет, ваша милость! Некоторым помогли мои снадобья, и они чувствуют себя лучше.

— Что же ты думаешь?

— Пока я еще не распознал этой болезни. Думаю, не недостаток ли в пище.

— Какой же недостаток? Насколько я знаю, убой скота идет как надо и люди обеспечены. Овощей тоже довольно. А увеличивать полагающуюся им долю я считаю сейчас несвоевременным. Нам надо беречь продовольствие: впереди много трудных дней. Все, что я могу сделать, это приказать выдавать больным по кружке вина.

— Хотя бы...

Персей не дал договорить: он с лаем бросился к двери.

— Посмотри, кто там, — сказал ди Негро, — да поддержи Персея.

Родольфо поспешил к двери и схватил собаку за ошейник. Персей рвался из комнаты.

— Персей, поди сюда! — строго крикнул ди Негро.

Продолжавший упрямо рваться к двери и рычать, Персей получил от хозяина удар по спине и был изгнан в соседнюю комнату. В эту минуту, без предварительного стука, дверь створилась, и в ней появилась сутулая фигура мессера Якопо, а за ним небольшого роста старик с седой бородкой и черной бархатной шапочкой на лысой голове. Длиннополое темное платье с широчайшими рукавами указывало на высокое положение его владельца. «Либо купец, либо синдик, — подумал ди Негро. — Но откуда он взялся?»

Впалые щеки мессера Якопо розовели пятнами, что всегда выдавало его волнение; его лебезящая улыбка и поспешная, сбивчивая речь подтверждали это.

— Ваша милость... Ваша милость... — затараторил он. — Вот это мессер Скъявенти. Он только что прибыл из Кафы. Новости самые угрожающие... Ради пресвятой мадонны, выслушайте мессера, и я убежден...

— Прекратите болтовню! — строго прервал его ди Негро и обратился к старику: — С кем я имею удовольствие говорить? И каким образом вы прошли в крепость, когда вход в нее без моего разрешения запрещен?

Синдик зажал в кулак свою бородку. Его глаза серыми мышками перебежали от консула к Якопо и обратно.

— Я, право, ваша милость, полагал... Я получил заверение...

— От кого?

Синдик выпустил бородку и стал тщательно разглядывать завернутые концы своих широких рукавов.

Не получив ответа, ди Негро вскинул суровый взгляд на Якопо:

— Вы распорядились опустить мост?

— Я думал, ваша милость...

Ди Негро ударил ладонью по столу:

Синдик
из
Кафы

— Потрудитесь поменьше думать: это у вас плохо выходит!
— Будьте великодушны, ваша милость! — вмешался синдик. — Он поступил так с добрыми намерениями, и уж кого ругать, так это вашего покорного слугу.

— Хорошо, — сказал ди Негро. — Говорите, что произошло в Кафе.

Синдик переплел пальцы рук, прижал их к груди, словно для молитвы, поднял голову и, устремив взгляд в потолок, вздохнул.

— Кафа пала... — сказал он дрожащим голосом.

Ди Негро на мгновение закрыл глаза, и его густые седые брови сомкнулись над переносицей, проведя глубокие складки.

— Да, Кафа пала, — повторил синдик. — Галеры визиря появились в море первого числа этого месяца. Их было по меньшей мере две тысячи. Тотчас же начался обстрел города. Стены не выдержали бесчисленных ударов ядер и пятого числа рухнули в нескольких местах. В городе поднялось невообразимое смятение... Галеры сарацин начали входить в залив. С ними двести, или того больше, грузовых кораблей, наполненных янычарами, лошадьми, обозами. Жители в ужасе ринулись в степь, ища спасения. Но там им преградило путь плотное полукольцо татарского войска, расстреливавшее из луков, как куропаток, всех двинувшихся в степь женщины, детей, стариков. Часть бежавших хотели вернуться, но были истоптаны потоком обезумевших людей, продолжавших пробиваться в степь. А янычары, как звери, бросились на беззащитных горожан. Началась резня, надругания, грабеж, пожары. Я видел, как янычары срывали одежды с мужчин, женщин, детей, заковывали их в цепи и уводили на свои галеры. Видел я, как головы стариков падали с плеч под ударами ятаганов. Янычары не щадят ни греков, ни армян, ни московитов. Иногда только щадят наших земляков, исполняя приказ великого визиря...

Старик перевел дух. Сняв шапочку, он стал обмахивать ею лицо.

— Может быть, ворота были открыты по злоумышлению? — спросил ди Негро.

— Что вы, что вы, ваша милость! Я сам видел! Клянусь святой Агнессой!..

Старик рассказал, как он бросил дорогое, собранное за несколько лет имущество: ковры, книги, меха, столовое серебро, истратив последние сбережения, нанял галеру и, с опасностью для жизни, уплыл ночью в море.

— Все, что мне удалось сберечь, это несколько десятков жемчужин и два изумрудных ожерелья...

Пока старик рассказывал, ди Негро силился припомнить, когда и где он видел его.

Синдик уловил испытующий взгляд консула:

— Посмею напомнить вашей милости, что однажды я сопровождал мессера Уберто Скварчиафико в его поездке в Скуто. Мы заезжали тогда к вам. Я отправился в это путешествие исключительно по настоянию правителя и ни в коей мере, если вы вспомните, не поддерживал синьора да Гуаско...

— Теперь я вспомнил, — сказал ди Негро, и горькая усмешка скользнула по его бледным губам. — Все чиновники Кафы поддерживали да Гуаско, и вы в том числе.

Синдик, как бы защищаясь, взмахнул руками.

— Не пытайтесь оправдываться, — сказал ди Негро. — Говорите, зачем я понадобился вам? Время позднее, а вам надо сегодня же покинуть крепость.

Синдик снова водрузил свою шапочку на лысую голову:

— Я буду краток, ваша милость. После всех ужасов, виденных мною в Кафе, не может быть никакого сомнения, что они повторятся и здесь, в Солдаёе. Стены также не выдержат убийственного шквала ядер. Татары и здесь повторят наступление с суши. Бессмысленно, ваша милость, уповать на чудо, мы его недостойны... Движимый чувством глубокой приязни к вам... — продолжал синдик.

— С каких пор? — перебил его ди Негро.

— Всегда, всегда, ваша милость!.. Я решил уговорить вас не рисковать напрасно. Дело безнадежно.

Ди Негро встал. Брови его сдвинулись.

— Понимаете ли вы, мессер синдик, что вы предлагаете мне, консулу Светлейшей республики? А вверенные мне лица, а присяга?

— О, ваша милость, что случилось с присягой после того, как протекторы предоставили нам свободу действий!

— Да, но в разрешении святой клятвы они не властны.

— Под покровом ночи вы пройдете на галеру незамеченным. Подумайте, ваша милость! На родине вас ждет спокойная жизнь...

Ди Негро терял самообладание. Он вплотную подошел к синдикку, приблизил свое лицо к лицу старика и прошепел трясущимися губами:

— Предатель! Вы подсланы визирем, чтобы сдать Солдаёю без сопротивления! Этого не будет.

Синдик, мелко крестясь, отступал к двери, шепча:

— Безрассудство... безрассудство...

— Убирайтесь тотчас вон! — кричал ди Негро. — И чтобы завтра утром вашей галеры не было у наших берегов, — иначе я прикажу потопить ее бомбардой!.. Уходите, или я затравлю вас собакой!

Синдик выскочил в дверь. Якопо скользнул за ним, но дн Негро поймал его за рукав:

— А вас, мессер Якопо, я отпускаю с мессером синдиком! Сейчас же сдадите дела Родольфо.

— Цирюльнику?!

— Да, цирюльнику. И тотчас же отправляйтесь на галеру. Там вы будете достойным спутником мессера синдика. Убирайтесь!

Втянув голову в плечи, мессер Якопо вышел. За ним вышел и Родольфо.

Глава XL

ВОИНА МЫСЛЕЙ

Военная слабость генуэзцев и их лжесоюзников — татар, разложение и взяточничество высших чиновников той и другой стороны, растерянность кафских властей, напуганных восстаниями простого народа против именитых купцов и помещиков, и недовольство татар ханом как нельзя лучше способствовали нехитрой политической игре султана Магомета на этих противоречиях и шатких настроениях, охвативших Крым. Столь быстрое падение Кафы подтвердило это. Так будет и с Солдаией. Визирь совершает «прогулку». Генуэзцы разбегутся, татары, погрязшие в своих распрях, будут легко подчинены султану. Дороги на Восток и Север будут открыты к богатствам Индии, Китая и Московии. Молитвы повелителя правоверных услышаны. Велик аллах!

Подходя к Кафе, визирь еще волновался, но теперь, после всего происшедшего, оставив в Кафе надежный гарнизон и несколько боевых галер, он действительно совершал приятнейшую прогулку.

Закончив вечерний намаз и налюбовавшись величественной картиной Черной горы, окутанной таинственной дымкой, пронизанной светом луны, Ахмед-паша, плывя к Солдаие в эту теплую июньскую ночь, приказал подать себе на палубу сладкого розового шербета и отпустил рабов. Засыпая под тихий плеск весел и чуть слышный унылый и однообразный напев невольников-гребцов, лежа на мягких коврах и шелковых подушках, он смотрел на звезды и грезил о наградах, сыплющихся на него щедрой рукой султана, о богатствах, так легко добытых им в Кафе, и о молодых невольницах Севера, уже отправленных им в Истанбул¹. Легкий и теплый бриз принес ему спокойный сон.

¹ Истанбул — турецкое название Константинополя.

Утром, когда вдали показалась крепость Солдаи и капитан обратился к визирю с вопросом, какие будут его распоряжения о расположении кораблей, он лениво потянулся и, медленно поглаживая свою широкую волнистую бороду, ответил: «Делайте как знаете». Потом прибавил: «Близко не подходить, стрельбы не открывать до моего приказа», — и снова прищурил глаза, глядя на искрящуюся под солнцем гладь моря. А на раба он просто цыкнул, как на собаку, и раб уполз, не получив обычных утренних приказаний.

Караульный на башне замка Святого Ильи первым увидел у мыса Меганом галеры, появившиеся в золотой дымке тихого утра. Он старался сосчитать их и не мог: их было слишком много, а солнце и море слепили глаза. Над крепостью тревожно прокричали трубы и торопливо затрещали барабаны. Им откликнулись трубы и барабаны со стен предместий.

Крепость закишела, как муравейник. Люди выбегали из домов, палаток, сараев, подвалов, казарм, толпились во дворах, вереницей тянулись к входам в башни, спешили подняться по их лестницам, заполняя площадки, перебегали мостики, расползались по стенам крепости. Солдаты первыми стали на свои места у бомбард и с балестрами — у амбразур в средних и верхних ярусах башен. Небольшой отряд ополченцев остался во дворе, у смоляных печей и пороховых погребов. Дворы опустели. Только из угла, от западной стены, слышалось тоскливое мычанье скота.

Как обычно, колокол оповестил о начале дня. Потом крепость умолкла, насторожившись.

Вышедшие на стены люди молчали. Сотни глаз смотрели в одну и ту же сторону. Там в искрящемся блеске водной равнины легкими призраками едва покачивались галеры, словно стоя огромных дремавших на воде чудовищ. Яркие отсветы солнца и моря вспыхивали на металлических частях и позолоченной отделке кораблей. Обычного блеска брызг воды от весел не было видно. Корабли стояли близко от берега.

Обязанности секретаря консула и письмоводителя, так неожиданно порученные ди Негро своему цирюльнику, не требовали от Родольфо особенной затраты сил. Теперь секретарская работа была не нужна: не было ни Попечительного комитета, ни переписки.

По-прежнему усердный Сантинелли никому не доверял своих протоколов допросов и показаний, а Раффанати с охотой взял на себя учет и хранение боеприпасов.

На долю Родольфо выпало учитывать продовольствие и следить за здоровьем гарнизона, зато появилась и неотъемлемая теперь привилегия свободно, в любой час дня и ночи, посещать замок Святого Креста.

Бороха свитков комитетских бумаг и копий официальной переписки, исписанных красивым, с завитушками, почерком Скампи, и толстые канцелярские книги, испещренные каракулями Тербини, пылились на полках и на полу канцелярской комнаты, превращенной новым секретарем консула в приемный покой.

Там по столам стояли бутылки с настоями трав, банки с мазями, лежали клубки полотняных лент и примитивные инструменты цирюльника-хирурга. Опасения, высказанные Родольфо консулу, оправдались: больных прибывало с каждым днем все больше. Это было следствием чрезмерно жаркой погоды и питья застоявшейся в водоемах воды, недостаточной пищи, скученности ополченцев в палатках, где больные заражали здоровых, а главное — общего подавленного настроения.

Если Родольфо и сомневался иногда во вреде первых причин, то вред последней ему был ясен: какие настои, мази и кровопускания могут убить болезнь в человеке, изо дня в день, из ночи в ночь тоскующем от безысходного и неуемного желания свободы и мирной жизни? Кто и как мог растолковать всем этим людям, сбитым здесь в кучу, загнанным в стены крепости вместе со скотом, цель их труда и лишений?

С утра до вечера, а часто и с вечера до утра беседуя с приходившими к нему за помощью или звавшими его к себе, Родольфо убеждался в правильности своей догадки: люди болели душой больше, чем телом, а знания Родольфо в медицине были слишком скудны. Роясь в книгах, он напрасно искал ответа на мучившие его вопросы.

Вечер накануне появления в море турецких галер был, как и все теперь вечера, душным и уныло-тихим. Сумерки, мгlistые от постоянно тлевших в печах для смолы поленьев, окутали дворы. Люди, уставшие от учений и работ, спали тяжелым сном. Молчала крепость, молчали предместья. Лая собак, песни матроса или загулявшего горожанина — всех этих, таких обычных раньше, звуков не было, как не было слышно голосов у казармы и конюшен и звяканья посуды на комендантской поварне. Даже цикады, таясь где-то в дальних углах крепости, робко потрескивали. Бесшумно проносились низко над землей летучие мыши — длиннокрылые кожаны. Медленно наползала на стены башен и домов, на каменные плиты дворов тень большой скалы. За ней над морем вставал медный диск луны.

Утомленный дневной работой, Родольфо сидел у себя в комнате за столом и перелистывал объемистую книгу Авиценны «Канон медицины», в который раз пытаюсь найти в ней указание о лечении болезней человеческой души. Но тщетны были поиски: древний философ — «князь врачей» — туманно излагал свои догадки об этих недугах.

Родольфо закрыл книгу и устало откинул голову на высокую спинку стула. В комнате было пусто и сыро: солнце не прогревало толстые стены, уходившие глубоко в землю, а лечебные снадобья были перенесены в консульскую канцелярию. Оставшийся на столе человеческий череп скалил длинные желтые зубы в мертвой улыбке.

Несколько лет назад один из землекопов, рывших котлован для фундамента нового склада, выбросил этот череп вместе с землей. Он откатился в сторону, под ноги проходившего мимо Родольфо. Цирюльник подобрал череп, отмыл его от плотного слоя земли и положил к себе на стол. Сперва череп занимал Родольфо, он изучал его кости и швы, потом привык к нему, как к такой же неотъемлемой части стола, как банки, реторты или чернильница с песочницей. Родольфо не замечал его. Сейчас, когда череп остался один на широкой доске стола, он снова привлек к себе внимание Родольфо. Никогда еще череп не улыбался так, никогда его пустые глазницы не смотрели так убедительно-пристально, свет свечи никогда раньше так странно не оживлял его мертвые кости.

Задумчиво смотрел Родольфо на череп. Кто был этот человек? Сколько столетий пролежал в земле его череп? Когда и кем был он зарыт в землю? Никаких других черепов или костей землекопы не находили в широком котловане — об этом Родольфо спрашивал их. Никто никогда не говорил о каком-либо кладбище, существовавшем на этом месте. Кто же был этот человек? Воин ли, павший в сражении с чужеземными захватчиками во имя свободы своей земли? Жалкий ли солдат-наемник, проливший свою кровь вдали от родины из-за корыстной прихоти чужого ему завоевателя? Несчастный ли пленник кровожадного победителя? Невинная ли жертва изверга — владетельного синьора? Оклеветанный ли врагом мирный горожанин? Не преступник ли? Сколько времени пролежал этот череп в земле и почему не обошла его лопата землекопа и снова выбросила на землю, на свет? Во имя чьей правды этот человек остался неизвестным? И почему сейчас череп навязчиво заставляет смотреть на него, словно вызывая на разговор?

Родольфо знает, почему череп хочет говорить с ним и о чем. Он хочет говорить о несправедливости, царящей в мире, о забитости, горе, нищете, несчастье, бесправии простого народа, оплетенного липкой паучьей сетью алчных богатеев и жестокой знати. Он хочет говорить о консуле Солдайн, спрятавшем свое истинное лицо под маской свободомыслия, не мешающей ему, однако, жестоко подавлять малейшие вспышки народного гнева. Он хочет говорить о том, что Родольфо оберегал этого консула, теша себя призрачной надеждой на использование его расположения в целях задуманного восстания, о том, что это в большей

мере и привело к потере драгоценного времени и гибели радужных надежд. Он хочет говорить об ответственности за все это, терзающей совесть Родольфо. О священном долге борьбы за свободу и счастье народа...

«Усталость! — думает Родольфо. — Надо уснуть».

Цирюльник закрывает глаза и старается отогнать назойливые мысли. На мгновение его охватывает бездумье и ощущение спасительного сна. Но только на мгновение, словно в нем же самом что-то, противясь сну, будит его. Взгляд снова обращен на череп, и тотчас возникает мучительная мысль: «А вот так будет и с каждым из нас, и тоже найдут и будут разгадывать, и не разгадают, во имя какой, чьей правды...»

Родольфо зажмурил и снова раскрыл глаза, выпрямился, провел рукой по лбу: «Что это я, в самом деле! Уж не заболеваю ли страшной болезнью, от которой нет лекарств? Пустяки! Усталость, просто усталость... Сегодня долго был на солнце с непокрытой головой. Выпью-ка вина и засну».

Родольфо встал, налил в кубок вина и выпил. Взглянув на череп, он улыбнулся и почти вслух сказал: «Вот так-то, старина! А тебя пока переложим сюда».

Родольфо взял череп со стола и положил его в дальний угол у очага, повернув глазницами к стене.

В эту минуту раздался тихий стук в дверь.

— Войдите! Кто там? — крикнул Родольфо.

Дверь открылась не сразу, будто кто-то опасливо толкал ее. Потом на верхней ступени лестницы появилась фигура старого рыбака Паоло. Он повернулся к двери и, так же медленно закрыв ее, задвинул засов. Молча, боком переступая босыми ногами со ступени на ступень, он сошел в комнату.

— О, Паоло! Ты не спишь? Уж не заболел ли?.. Садись, садись вот сюда...

Паоло уселся к столу и, стараясь прикрыть шею, придерживал воротник рубахи. Его глаза с воспаленными веками часто мигали, глядя на пламя свечи. Родольфо сел рядом со стариком:

— Что случилось?

— Вот только два огонька и осталось, — словно не слыша вопроса, сказал Паоло, — у тебя да у консула... а больше нигде... Увидел я и решил зайти побеспокоить...

Родольфо улыбнулся и положил руку на плечо Паоло:

— Хочешь вина?

Родольфо налил вина в кубок и протянул его Паоло. Тень улыбки скользнула по морщинистому лицу старика.

— Пожалуй, выпью за твоё здоровье... по старой памяти... Помнишь, пили мы, бывало, у Джанинны?.. И где-то она теперь, да поможет ей пресвятая...

Паоло запрокинул кубок, словно залил слова вином.

— Ну, говори, не стесняйся, мы свои люди..:

Старик поглаживал рукой седую щетину щек. Сдвинув брови, он повел взглядом на окно и понизил голос.

— Ты теперь у нас большой начальник... — сказал он.

— Какой там большой!

— А такой, что тебе теперь полагается всё знать. Может быть, и то, что я тебе скажу, ты тоже знаешь. Вот я и пришел... — Старик перевел дыхание. — Так вот... Думал я долго... и днем и ночью думал. Камень у меня на сердце, спать не могу, все думаю... Скоро месяц пройдет, как нас заперли в крепости, я и нагляделся за это время. И думаю, как же это так: кто же отобьется от сарацин? Два десятка наших солдат, друзья наши с тобой из ремесленников — тоже с десятков, да я со своими рыбаками, что ли? Ну, из ополчения сотня людей. Да какие они там вояки — греки, армяне! Ну, бомбард пяток, ну, стены крепкие... А сарацины — три сотни галер, да бомбард — не сочтешь, а янычар — тысячи. Вон еще люди поговаривают, что Кафу татары помогли взять — они и Солдаю помогут взять. Что им, нехристям! Только рады будут от нас избавиться. Ты скажешь — отобьемся да отспидимся и продовольствия хватит. На сколько его хватит? На два месяца, на три... да хоть и на четыре, а дальше что? Какой прок? Дальше народ начнет помирать не от болезней, а от голода. А сколько его останется, народа-то? Там и осень, и холод. А зачем нам отспиваться? Кого ждать, откуда? Галеры, что ли, наши посуху приплывут? Синьоры, что ли, войска приведут?.. Кому мы теперь нужны? Погибнем, как собаки бродячие, никто и не вспомнит... К чему же старались-то?

Старик вздохнул и стал водить рукой по щетине щек.

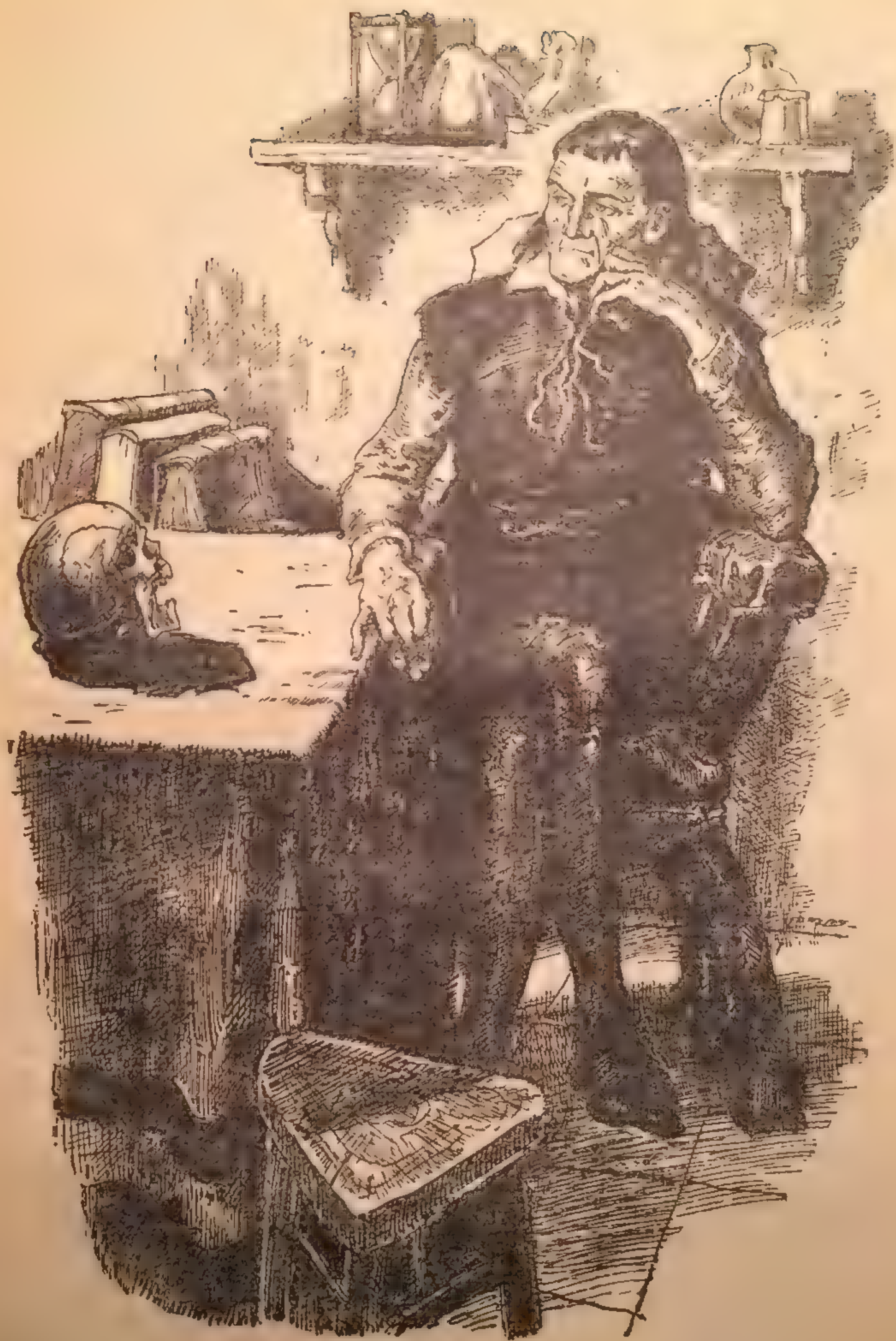
Родольфо слушал его, низко опустив голову. Паоло, каким он простым человеком ни был, догадался обо всем и все понял. Что «никто и не вспомнит» защитников Солдаи, об этом Родольфо только что думал, глядя на череп. Действительно, зачем стараться идти против очевидной неудачи?

Решетчатый прорез окна засветлел бледным светом луны.

— Потуши свечу, — сказал Паоло. — Зачем даром жечь, пригодится.

Родольфо послушно задул свечу. Стало совсем темно, потом прямоугольник окна возник из темноты и чуть заметный тусклый свет наполнил комнату. Подождав еще и убедившись, что Родольфо не отвечает, Паоло приблизил лицо к лицу Родольфо и еще тише стал говорить:

— Вот, вижу я, что угадал и ты все это без меня знаешь, и опять скажу: ты теперь ближе всех к консулу. Что же он-то, верно, тоже знает не хуже нас с тобой? Зачем же он упорствует, на что он-то надеется?

Кто же был этот человек?

— Не поздно ли говорить теперь об этом? — спросил Родольфо.

— Поздно? По-твоему, поздно? По-моему, можно еще успеть вывести людей, пока свободна дорога на запад. Зачем, скажи, обрекать людей на верную смерть?

— Он этого не сделает, — упавшим голосом сказал Родольфо.

— Так вот и надо ему растолковать. А сделать это можешь ты один. Ты сейчас к нему ближе всех.

— Он меня не слушает.

— Почему?

— Не знаю... — уклончиво ответил Родольфо.

Паоло замолчал и, опершись локтем на стол, поглаживал свою лысую голову. За окном послышался отдаленный тоскливый вой.

— Слышишь? — спросил Паоло. — Не к добру это... И откуда собака взялась, давно ни одной не слышать! Будто у нас где-то...

— В предместье где-нибудь, — сказал Родольфо.

Помолчав, Паоло поднялся:

— Пойду, а то еще хватятся... Не хочется приставу на глаза попадаться в такой час. Всю ночь бродит... — Подумав, старик прибавил: — Пробраться бы нам на родину, там мы хоть какую-нибудь пользу принесли бы! А здесь... Ну, вот и всё, пойду.

Родольфо схватил его за руку:

— Подожди! Садись. Теперь ты послушай, что я тебе скажу, и посоветуй ты мне.

Усадив снова старика и не переставая держать его за руку, цирюльник заговорил, волнуясь:

— Твои слова о родине нашей те же, что мои мысли о ней. Ты прав совершенно: там мы принесли бы пользу, там сделали бы то, что не сумели сделать здесь. Слушай, что мне пришло в голову: а что, если мы сами выведем из крепости наших и увезем их на родину?

— Как же вывести? — удивленно раскрыв глаза, спросил рыбак.

— Я знаю потайной ход прямо к морю... — Родольфо притянул Паоло ближе к себе и быстро зашептал.

Паоло, слушая, утвердительно кивал головой, а когда Родольфо кончил говорить, сказал:

— Вот теперь ты снял с моей души камень! За наших людей я ручаюсь — ни один из них не дрогнет, не выдаст. Положись на мое слово, Родольфо, я все сделаю. Лодки есть на берегу, у Соколиной горы. Мои парни ночью приведут их к скале под крепостью, и спрячем их — с моря не увидят. Я сам посмотрю, я там каждый камень знаю. И ты правильно сказал:

как сарацины начнут главные ворота вышибать, значит, конец всему, тут-то и уйти. Хвала святой мадонне, Родольфо, ты снял с моей души камень!

Старик обнял Родольфо и поцеловал; глаза его были полны слез.

Когда старик ушел, Родольфо взял череп с полки и положил его на прежнее место на столе.

Да, именно он, этот напрасно забытый череп, многое подсказал ему в эту ночь и заставил глубже задуматься, а теперь будет напоминать о главном, тоже как будто забытом, не продуманном до конца.

Родольфо сидел, опустив голову на облокоченные на стол руки, и смотрел на череп. Поблекший к рассвету лунный свет туманно белел за окном. Наступило короткое время полной предрассветной тишины.

Гнетущая Родольфо усталость сменилась жгучей работой мысли. Незатейливые слова простого рыбака Паоло разве не справедливейшая из правд, правда простых людей? Да, Родольфо боролся как мог за эту правду, но где? На клочке чужой земли, который случайно оказался в руках его соотечественников и не сегодня-завтра будет вырван из этих рук. Боролся — с кем? С ничтожным количеством людей, из которых большинство остались непобежденными. Какую пользу принес он этим родному народу? Отомстил ли за пытки отца, за смерть матери, сестер и братьев, за тысячи погибших жизней? Мало того, увлекшись призрачными мечтаниями, Родольфо способствовал спасению тех самых людей, против которых должна была быть направлена вся ярость народа. Разве это не преступление? Скамни, отец Бартоломео, купец Квиниджи — вот истинные враги народа! Вернувшись на родину, они безнаказанно будут творить свои кровавые дела, утоная в роскоши и безделье. Зловещей чередой промелькнули в памяти Родольфо страшные воспоминания юности: виселицы, костры, решетчатые клетки, топоры, отсекавшие головы, нищета, убогость угнетенного родного народа...

А консул дн Негро? Его честное упрямство поборника устава, кто знает, лучше ли бесчестного поступка Скамни? За чью правду он ведет людей на верную смерть?

Почему же он, Родольфо, не разглядел этого раньше? Чиста ли его совесть? И не в долгу ли он перед народом? Ведь затяжка с восстанием тоже на его совести...

Да, череп прав, что, смеясь, смотрит на него. Как не смеяться над неудачливым борцом за правду!..

Как просто и ясно сказал Паоло! Конечно, только там, у себя на родной земле, среди своего народа, — только там надо бороться за главную правду!

Вспомнились Родольфо так волновавшие его воображение рассказы отца, знавшего свидетелей победы отважных чесальщиков шерсти, поднявших восстание тысячи рабочих и солдат против ненавистных богатеев и водрузивших народное знамя Справедливости на дворец Синьории во Флоренции. Родольфо помнил, с каким благоговением произносил отец имя вождя флорентийских рабочих Микеле ди Ландо, как загорались обычно тусклые отцовские глаза, когда он, подняв руку и гордо закинув голову, словно сам вместе с этими рабочими нес победное знамя, восклицал: «Да здравствует народ!»

Там, со своим народом, надо быть и ему, Родольфо, там бороться за народное счастье! Смерть в той борьбе почетна. Народ не забывает погибших за его победу. Теперь у Родольфо одна задача: вывести из крепости своих людей — соотечественников.

Все яснее и яснее представлялась цирюльнику возможность исполнения заветной мечты. Так тяжело и тревожно начавшаяся ночь принесла ему неожиданное успокоение.

Усталость брала свое: Родольфо снова ощутил непреодолимое желание сна. Мертвая тишина и белесоватый сумрак комнаты лишили его сил подняться, чтобы дойти до постели. Он заснул, опустив голову на доску стола.

Спал он так крепко, что посыльному консула пришлось долго колотить кулаками в дверь, чтобы добудиться Родольфо, не слышавшего ни труб, ни барабанов.

Глава XLI

РАЗГАДАННОЕ НАМЕРЕНИЕ

Прошло шесть недель со дня появления турецких галер — шесть недель не прекращающейся ни днем, ни ночью борьбы с осаждающими крепость противниками. Под беспощадно палящими лучами июльского солнца, в душном безветрии ночей, в плену пышущих жаром, не остывающих за ночь стен, под угрожающей вой ядер и свист стрел измученные усталостью, полуголодные люди отражали отряды штурмующих, с возрастающей яростью бросавшихся на приступы с востока, с запада, с севера.

Недальновидные расчеты великого взира не оправдались: серая известняковая кладка солдайских стен оказалась куда крепче кафской, и каменные ядра турецких пушек отскакивали от них, как мячи. А немногочисленный гарнизон сражался с необыкновенным упорством, успевая отражать иногда одновременно три приступа с разных сторон. Выдержка и меткость огня генуэзских бомбард и перекрестный полет стрел из башен

вызывали немало удивления и злобы у Ахмеда-паши, не на шутку встревоженного таким неожиданным поворотом дела. Он не переставал быть уверенным в победе над этой дерзкой горсткой неверных собак, участь которых была предрешена, но затягивание осады не входило в его планы: каждый день промедления вызовет недовольство султана, им же самим, Ахмедом-пашой, извещенного о безусловно скором взятии крепости Солдайи. Это и заставляло визиря, после безуспешных полуторамесячных попыток, участить штурмы, не считаясь с числом жертв, тем более что большую часть посылаемых им отрядов составляли татары, которым он «великодушно» пообещал отдать всех пленных и всю добычу, а за голову живого или мертвого консула Солдайи — тысячу золотых.

Не меньше защитников крепости бесило великого визиря поведение его союзника — татарского хана. Не проходило дня, чтобы из Бахчисарая не являлся гонец с посланием от Менгли-Гирея и в нем — приторно-льстивыми выражениями искренней преданности повелителю правоверных, восхищением мудростью великого визиря и доблестью полководца. Но послания эти неизменно кончались выторговыванием новых льгот и преимуществ, испрашиваемых для себя ханом в случае победы над неверными.

В последнем своем послании Менгли-Гирей посмел намекнуть о затянувшейся осаде Су-Дага и невозможности присылки подкрепления своему войску, и так уж сильно пострадавшему. Явно осмелев, он добавлял, что «в глубокой преданности владыке своему — великому падишаху, лобызая следы ног его, осмеливается напомнить, что войско его, хана, охраняет рубежи степные от войск князя Московского, ставшего на рубежах этих с огромной вооруженной силой, и что он, Менгли-хан, приложит все усилия к сохранению мира с князем Московским, посол которого ныне находится в счастливом Сарае и ведет необходимые для этого переговоры». Кому, как не великому визирю, знать двуличную, продажную и предательскую душу татарского хана!

Первая боевая тревога застала Пьетро, еще стоявшего в карауле на башне Астагвера. Сквозь пелену дыма от печей, стлавшуюся над дворами, он видел беготню людей, но долго смотреть не мог, обязанный наблюдать за морем и западным предместьем. По нестройному завыванию труб и беспорядочной трескотне барабанов не только в крепости, но и на стенах предместий он мог догадаться, что тревога поднята не по пустякам, — такой не было за все время его службы в крепости. Значит, появились сарацины, но с моря или с суши, он знать не мог: большая ска-

ла закрывала от его глаз восточную часть моря и бухту с при-
мыкавшим к ней предместьем. Порт и небольшое пространство
моря, видные ему, были пусты. Мелкая рябь воды искрилась
на солнце. Все было по-прежнему безлюдно и тихо.

Раньше Пьетро любил этот ранний утренний час, когда пер-
вые лучи солнца одевают светом башню замка Святого Ильи и
Соколиную гору с густыми шатрами сосен, так напоминающих
родные края. Далеко на темной глади моря появляются розо-
ватые полосы, потом море синее и тут и там на гребнях волн
вспыхивают золотистые всплески. Их все больше и больше, и
вот вся гладь моря просыпается и, ослепительно искрясь, игра-
ет у прибрежных скал взлетающими навстречу солнцу белыми
кудрами волн.

Нет, не радостно сегодняшнее утро. Ни солнечный свет, ни
голубизна моря не отгоняют щемящую тоску.

Пьетро вспомнил вечер на этой самой башне, когда он не
смог найти «Золотого барана». С тех пор и началась эта тоска...
«Мы будем ждать тебя», — сказала Джанинна в день расста-
вания. «Делай так, как он скажет», — сказала она тогда про ци-
рюльника. Где же ему теперь думать о Пьетро! Найдутся дела
поважнее... Заговорить с ним самому? Можно ли и о чем?.. Вот
на днях старый рыбак Паоло толковал о том, что консул дол-
жен вывести людей из крепости, пока еще открыта дорога на
запад. Луиджи поднял его на смех, а армянин из ополчения
поддержал Паоло, да и не только он. Люди видят, что попали
в ловушку. Голодать начали, болеть...

Какой-то далекой-далекой и не такой плохой казалась Пьет-
ро его прежняя жизнь в Солдае. Ведь уж недолго оставалось
до окончания срока его службы. А теперь?..

Пьетро увидел сарацин на следующий день, когда был по-
ставлен к бомбарде на угловой восточной башне замка Святого
Креста. Оттуда была видна вся бухта, весь ее широкий песча-
ный берег, дороги на Кафу и Лусту и весь пояс стен восточного
предместья. У далекого мыса стояли на якоре сарацинские бое-
вые галеры, у самой бухты — тридцать низко сидящих грузо-
вых судов. От них к дальней части берега одна за другой двига-
лись широкие лодки, наполненные людьми и лошадьми,
бомбардами, осадными орудиями и повозками с мешками и
ящиками. Разгруженная лодка тотчас поворачивала обратно за
новым грузом. От лодок к берегу шныряли шлюпки.

Все пространство, от дальних скал берегового мыса, замы-
кающего восточную часть бухты, и до отдельных домиков Сол-
даи, стоящих вне стен предместья, кишело войсками. Белели
полотнища палаток, особенно многочисленных на дальнем краю
бухты. Возле одной из них на высоком шесте развевалось зеле-
ное знамя. У некоторых из ближних палаток были воткнуты

в землю высокие палки с бунчуками¹ наверху — знаки войсковых начальников. Вереницей двигались войска, располагаясь дугой. Доносился звук барабанов. В облаке пыли тянулся длинный обоз к татарской деревушке; ему навстречу — стадо овец, сгоняемое к бухте.

Пылила конница, высадившаяся с лодок. Мелкие отряды ее, отрываясь от своих частей, неслись вскачь в долину, а отдельные всадники, словно для того, чтобы похвастать, мчались на холмы, под самую крепость.

Вот подлетел один из них на стройном вороном арабском коне, покрытом расшитым золотом чепраком, с уздечкой, блестящей густым набором. Всадник, в круглом и низком шлеме с белым султаном, в светлой кольчуге, с колчаном у седла, луком за спиной и круглым щитом у левого плеча, осадив на всем скаку коня, выхватил из позолоченных пожен ятаган, поднял его в сторону крепости, блеснув изогнутым клинком, прокричал что-то и, вздыбив своего коня, ускакал, взметая пыль.

— Ишь рвутся, собаки! — проворчал стоявший рядом с Пьетро солдат.

На крутом помосте с бойницами в деревянной стенке, выдвинутом над кладкой стены, расположились десять ополченцев. До Пьетро доносились их голоса. Он не мог понять гортанной речи армян, горячо о чем-то споривших, тыкая указательными пальцами в отверстие бойницы. Но вот спор утих, и Пьетро услышал слова на родном языке:

— Хвалится, и больше ничего.

— Зачем мне хвалиться? Вот спроси, спроси у Раньеро, он слышал! Я так и сказал сотнику: «Если пошлете меня на вылазку, я сразу сдамся».

— Да тебя первый сарацин зарубит!

— Зачем же рубить, если я сдамся? Ему живой человек нужен.

— Ну, вот в кандалы и закуют.

— Пускай в кандалы, на галеру — куда угодно, все лучше, чем быть убитым или подохнуть здесь, как собака, от голода. А если ворвутся сюда да здесь схватят, вот тогда прощай!

— Что ж ты думаешь, тебя на галере бараниной кормить будут да вином поить?

— Не будут, но жизни не отнимут.

— Какая там жизнь!

— Какая-никакая, а жизнь и надежда. С галеры скорей убежать можно. Я видел таких беглых, и не одного, клянусь святым Георгием!

¹ Бунчук — конский хвост, насаженный на украшенное древко с медной или костяной маковицей. У турок — знак власти и сана пашей.

Пьетро не мог согласиться с тем из них, который хотел сдаться сарацинам, но что уйти из крепости было бы разумным, в этом он не сомневался.

Накопившиеся за последние дни чувства разрывали сердце тоской и неумной жаждой справедливой свободы. Он, конечно, не пойдет рассказывать о своих мыслях Раффанати или д'Анчьи — они просто зарубят его тут же на месте в назидание другим. Снова вспомнились слова Джанини о цирюльнике. Вот единственный человек, к которому надо пойти и все рассказать, а как он скажет, так тому и быть!

Решение это еще более окрепло в сознании Пьетро, когда на третий день после разговора ополченцев он все с той же башни увидел татарское войско.

К тому времени войска сарацин, двигаясь ночью, уже подошли на расстояние полета стрелы от стены предместья и подвезли осадные орудия, охватив Солдайю плотным полукружием от моря до долины у горы Горячих Источников. А несколько десятков боевых галер стали на море перед крепостью и портом.

Первое, что заметил Пьетро, это была пыльная мгла, поднимавшаяся вдалеке, над дорогами в Кафу и Лусту. Сгущаясь, она стлалась низко, заволакивая сады и виноградники. Постепенно сквозь эту все приближающуюся мглу стало что-то черпеть и поблескивать. Потом показалось, что по обеим дорогам во всю их ширь движется многочисленное стадо. Наконец, можно было различить людей, лошадей и высокие татарские повозки.

Когда эти два людских потока соединились вблизи Солдаи, до крепости донеслись скрип повозок, ржанье копей, бой барабанов, завывание рогов, писк зурны, свист и визгливые, гортанные звуки не то песни, не то боевого клича. Впереди обозов с пешими воинами шла конница. Всадники на малорослых лохматых лошадях были вооружены длинными пиками, украшенными конскими хвостами. Кольчуги, надетые поверх пестрых халатов, щиты, изогнутые ножны длинных сабель, колчаны, бунчуки, стремяна и украшения на уздечках — все поблескивало и ярко пестрело на солнце.

Целый день стлалась мгла над дорогами и длинной чередой выползали из нее люди, лошади, обозы и стада овец. Когда начало темнеть, на склонах горы Горячих Источников, в долине, вдоль дорог и на дальних восточных холмах зажглось множество костров. Деревья и скалы, трава и земля, ограды виноградников и деревенские хижины мерцали красноватыми отблесками пламени.

В эту полную тревоги душную июльскую ночь Пьетро удалось найти Родольфо и говорить с ним...

С того времени прошло шесть недель. Шесть недель кровавой

борьбы с врагами, замкнувшими крепость широким кольцом осады: войсками — с суши и галерами — с моря. Из дня в день, из ночи в ночь рвались они на приступы стен.

За две недели перед этим турецкие стенобитные орудия проломил ворота восточного предместья. Тотчас ди Негро отдал приказ увести охрану со стен всех предместий в крепость. Туркам — с востока, татарам — с севера и запада подступы к крепости были открыты. Немало погибло людей в жарких рукопашных схватках на стенах крепости. Погиб лихой Раффанати, искрошив мечом с десяток янычар; умер от ран на руках у Родольфо солдат Лунджи; погиб гончар Уберто, пронзенный татарской стрелой. Умирали от ран, от недоедания, от истощения... В последние дни июля наступило затишье — ночные приступы врагов прекратились.

Ди Негро силился отгадать, чем вызвано такое поведение противника. Правда, безуспешность попыток сарацин пробить стены и проникнуть в крепость, значительные потери в людях, посылаемых на приступ, могли утомить войска и вселить в них недовольство. Будь татары одни, они давно бы ушли, но страх перед грозным союзником, избалованным победами, удерживал их. Визирю хорошо известно ничтожное количество обороняющих крепость и их тяжелое положение. От двух людей из ополчения, предательски сдавшихся в плен, он, конечно, узнал и о недостатке продовольствия, и о голоде, и о болезнях. Нет, Ахмед-паша слишком дальновиден, чтобы позволить себе роскошь такого неоправданного отдыха, грозящего гневом султана. Здесь что-то не так...

Родольфо редко теперь приходил к консулу. Ди Негро знал, что необходимость постоянно оказывать помощь больным и раненым не оставляет цирюльнику свободного времени. Ведь утомлен он не меньше солдат — это ди Негро видит по его осунувшемуся, измученному лицу, по потухшему взгляду. Он знает, что Родольфо не выходит теперь по суткам из канцелярии, куда приносят ему раненых, что он там же и спит, когда можно.

В одну из наступивших теперь тихих ночей Родольфо постучал в комнату консула.

Он вошел и, как прежде, сел на ларь. Ди Негро сидел, склонившись к камину, в котором тлела кучка сожженной бумаги. На коленях у консула лежало несколько свитков. Он развертывал их, пробегал глазами написанное и бросал в камин. Щипцами он разгребал тлевшую бумагу, отчего вспыхивал короткий язычок пламени, быстро потухавший, и от бумаги медленно поднималась струйка дыма. На столе еле теплился огарок свечи. В комнате было темно, и Родольфо не сразу различил на полу у стола Персея. Собака даже не подняла головы,

когда вошел цирюльник, и лежала, растянувшись, на боку. Частое дыхание поднимало выступавшие от худобы ребра.

— Давно ты не приходил! — сказал ди Негро, разглядывая свиток.

Консул наклонился, разгребая бумажный пепел, и вспыхнувшее пламя осветило его худые руки, впалые щеки, заострившийся подбородок и усталые глаза.

Ди Негро повернулся к Родольфо:

— Как ты думаешь, ведь не из-за темных ночей они оставляют нас в покое?

— Такие ночи были и раньше, — ответил цирюльник. — Затевают что-нибудь.

— И я думаю то же. А вот что затевают?.. — Помолчав, он прибавил: — Сядь поближе, я не вижу тебя.

Родольфо пересел на стул у стола.

— Темно очень, — сказал ди Негро. — Берегу свечи. У меня три оставались, одну мыши изгрызли — не уберег, теперь последнюю запер в железный ларчик. — Бледные, тонкие губы старика покривились улыбкой.

Родольфо встал:

— Позвольте, ваша милость, я принесу вам свечу.

— А как же ты? Тебе ведь нужнее с больными.

— Мне хватит. — И Родольфо пошел к двери.

— Постой! — остановил его консул. — Вот, кстати, чтобы не забыть, хотел я тебя попросить... Нет ли у тебя какого-нибудь яда?

— Яда?!

Родольфо быстро подошел к ди Негро.

— Яда? — повторил он изумленно. — Для кого, ваша милость?

— Для кого?.. Вот для него. — Консул показал рукой на Персея. — Жаль его, бедного. Посмотри, на что он стал похож. Кормить его, как прежде, я не могу. Еле ноги таскает и ужасно тоскует. Все воет и воет. Мне больно смотреть на него.

— Его просто можно убить. Позвольте, я отведу его и прикажу кому-нибудь...

— Нет, нет, не надо, чтоб знали, не надо... И именно яд, только яд. Когда надо будет, я сам ему и дам. У тебя есть?.. Ну вот, сейчас и принеси, вместе со свечой!

Родольфо послушалась в этих последних словах особенно настойчивая просьба, больше чем просьба, и странен был взгляд просящих глаз, который ди Негро не отрывал от него, ожидая ответа.

— Хорошо, сейчас, — сказал Родольфо и ушел.

Идя к себе и возвращаясь в замок, Родольфо не мог преодолеть тягостного сознания соучастия в задуманном намерении

консула. Конечно, собака — только предлог. Родольфо понял это и по взгляду ди Негро, и по тому, как дрогнул его голос при последних словах. Медленно, ощупью поднимаясь снова по лестнице замка, Родольфо думал: «Иначе поступить такой человек, как ди Негро, не может. Он прав».

Когда Родольфо вернулся, консул сидел у стола. На столе стояли серебряный кувшин и два кубка.

— Да ты богатый! — сказал ди Негро. — А... то принес?

— Вот.

Родольфо поставил на стол небольшую бутылку. Ди Негро взял ее и поднес к свече, рассматривая мутную жидкость.

— Когда будете давать, — сказал Родольфо, — поднимите ему морду и влейте все сразу. Так пить он не станет: настой очень горький.

Ди Негро встал и, идя с бутылкой к себе в спальню, не оборачиваясь, спросил:

— А мучиться он не будет?

— Нет. Смерть наступит быстро.

— Благодарю тебя за услугу, — сказал, вернувшись, ди Негро. — Давай-ка зажжем твою свечу, уж очень темно... Вот так. А теперь выпьем вина!

Голос ди Негро звучал так бодро, словно ядовитый настой был для него радостным и желанным подарком. И Родольфо удивился, глядя на преобразившееся лицо старика, на засветившуюся улыбку.

Новая свеча, весело потрескивая, разогнала унылые потемки. Привлеченный ее светом, появился большой богомол. Он покружился вокруг пламени, чуть было не опалив свои зеленые прозрачные крылышки, потом сел на стол и, поводя усиками, молитвенно сложил двухколенчатые передние лапки.

— Красивое и такое нежное на вид насекомое... — сказал ди Негро. — А ты видел когда-нибудь, как он пожирает себе подобных? Стремительно набрасывается, хватает лапами поперек туловища и первым делом отгрызает голову. Природа сочла нужным одарить его не менее, чем человека, ловкостью и силой для уничтожения более слабых живых существ. Таков несправедливый закон природы: сильнейший уничтожает слабого.

— Я встречал в книгах, — сказал Родольфо, — упоминание о золотом веке — веке равенства и счастливой жизни людей, не притеснявших друг друга, не ведших войн. Почему же не думать о возможности наступления такого века еще раз?

— Золотой век — причудливая выдумка поэтов древности, — ответил ди Негро, — и заманчивая, но, увы, несбыточная мечта наших современников. Законы природы неизменны.

— Они неизменны для неразумных животных, а человек может и должен восстановить справедливость. Вы хорошо зна-

сте, ваша милость, что люди боролись за это и в древности и борются теперь. Наша родина не единственный тому пример.

Чуть заметная улыбка проскользнула по лицу ди Негро.

— У нас в Газарии, — сказал он, — тоже были попытки, но...

«Сказать? Ответить?» — мелькнула мысль у Родольфо. И тотчас: «Зачем? Оправдываться? В чем? Перед кем? Перед консулом? О нет!..»

И все это мгновению промелькнуло в голове, и говорить он не стал. Затянутый было консулом разговор сходил на нет.

Богомол, опять покружившись вокруг пламени свечи, улетел. Следя за ним глазами, Родольфо сказал:

— Справедливость победит неправду.

— Ты веришь сказкам? — спросил ди Негро.

— Да, верю. В них всегда есть правда.

— И в чудеса веришь тоже?

— Нет. Их не бывает. На свете есть только одно несомненное чудо — это человек.

— О, да ты еще и философ! — сказал, смеясь, ди Негро и налил вина Родольфо. — Выпей еще, новеллист и мечтатель. Ты привел меня в хорошее настроение!

Как ни старался ди Негро затупить в себе мысль о прошедшей перемене отношения к нему Родольфо, как ни старался Родольфо скрыть досаждавшие ему разноречивые чувства, как ни старались они оба придать беседе своей хоть видимость откровенности, это так и не удалось им.

У себя в комнате Родольфо не зажег свечи. Он сидел, еще и еще раз обдумывая намеченный им план своего ухода из крепости. Все ли было именно так, как решили они с солдатом Пьетро и рыбаком Паоло? Затишье в лагере сарацин безусловно таит в себе приготовление к каким-то решительным действиям. Безлунные ночи могут помочь им в этом, но уйти из крепости можно тоже только в безлунную ночь. Молодой рыбак взялся доползти по большой скале до оставленных у гавани больших двухмачтовых рыбацких лодок и привести их. Паоло говорил, что, если плыть только по ночам с парусами, дней через двадцать пять можно прийти в Монкастро...

Весь остаток этой ночи Родольфо так и просидел без сна.

Глава XLII

ОДИНОЧЕСТВО

Ди Негро сидел у себя в комнате, склонив голову. Глубокая складка легла между его бровей. На исхудалом лице, изборожденном морщинами, был отпечаток усталости и грусти. Полужакрыв глаза, он дремал.

Он думал о том, что не верит в мечтания цюрильщика Родольфо в торжество справедливости, в «золотой век», как не верит в существование бога. Нелепой казалась ему знаменитая формула карфагенского философа Тертулиана: «Верю, ибо это невозможно». Вера его, ди Негро, проще и реальнее: человек, поставленный в любые условия, должен честно исполнить свой долг, возложенный на него судьбой. Сознание этого позволит ему скрасить последние минуты его жизни, а смерть есть то же состояние, в каком находился человек до рождения. Слепо верить в предопределенное богом, так же как верить в неправдоподобную мечту о «золотом веке» и стараться изменить жизнь по собственному желанию, нелепо. Прав древний поэт-философ, сказавший: «Жизнь никому не дается в собственность».

Ди Негро взглянул на лежавшего на боку у его ног Персея. Совсем исхудавший, он все больше лежал, тяжело дыша. Глядя на него, ди Негро подумал: «Вот и остался теперь у меня единственный друг...»

Консул протянул руку и провел ею по спине собаки. Она не подняла головы — только открыла налитый кровью глаз, полный грусти и трогательно-жалкой мольбы. Ди Негро встал, налил в глиняную миску воды и поставил ее к самой морде собаки. На этот раз она не открыла глаза и пить не стала.

Скрипнула дверь. На пороге стоял оруженосец консула с его шлемом и мечом в руках:

— Ваша милость, барабаны на западных башнях!

Не торопясь, ди Негро взял шлем и меч:

— Идем.

Многочисленный отряд татар был снова брошен на приступ с запада, между башнями Румбальдо и Марионе. К счастью оборонявшихся, участок был выбран противником неудачно: башня Румбальдо была самой высокой из всех башен, а бойницы на двух первых ярусах башни Марионе выходили в обе стороны и четырехугольное окно третьего яруса было приспособлено для бомбарды. Несмотря на все эти преимущества, борьба была упорная.

Стрелы, смола, кипяток, камни уничтожали врагов. Убитые и раненые, они падали с лестниц, перекинутых ими через ров, в воду. Но на смену им устремлялись другие. Отряд за отрядом рвались они на приступ с целью овладеть этим участком стены.

К исходу третьего часа боя люди, оборонявшие стену, стали изнемогать от усталости, и, когда, несмотря на перекрестный обстрел с башен, первые татарские воины появились на парапете стены и завязался рукопашный бой, а перевес сил стал клониться в сторону нападавших, среди ополченцев нашлись малодушные, поднявшие руки с воплями о пощаде.

Положение спас старик д'Анчьяри, руководивший обороной.

Он тотчас зарубил сдавшихся и кинулся на врагов. Его меч свистел в воздухе, кроша направо и налево. За ним кинулись в бой остальные. Убитые татары, валясь один за другим в ров, сшибали поднимавшихся по лестницам. Д'Анчьяри приказал вылить на них весь остаток горячей смолы и кипятка.

Татары не выдержали этого короткого, но жесточайшего удара. Они падали с лестниц, сшибая друг друга в ров и давя на земле. Наконец они утянули лестницы и еще некоторое время с земли пускали стрелы в защитников стены. Кое-кто был ранен, но возобновлять приступ татары не решились. Вскоре зурна провизжала отбой.

— Так им, поганым псам, и надо! — кричал д'Анчьяри. — Сунутся еще — мы из них накрошим поленты!

Высунув в амбразуру парашета свою черную от солнца лысую голову с окровавленной щекой и выпучив глаза, он что есть силы выкрикнул вдогонку татарам такое отборное ругательство, что даже еле стоявшие на ногах возле него уцелевшие люди рассмеялись.

— А теперь пошли на отдых! — сказал он им. — Каждому из вас по ковшу вина и куску жареной конины!.. Хорошо дрались! Будут помнить татарские собаки!.. Вон, гляди, сам консул идет к нашим башням. Он сегодня приказал резать коня секретаря Скампи. Давно пора, разъялся конь без дела... Пошли скорей навстречу его милости!

И старик зашагал к башне, размазывая кровь по щеке обрывком рукава своего когда-то темно-малинового камзола, окончательно выгоревшего на солнце.

Консул приказал убить не только серого в яблоках жеребца, но и своего белого любимца. В крепости теперь остались только шесть маленьких и плохо кормленных лошадей оргузинов.

Об этом и думал сейчас ди Негро, после отражения приступа отпустив оруженосца и обходя крепость. Думал и о том, что склады с мукой и зерном почти пусты и что, считая и конское мясо, продовольствия хватит не больше, как на две-три недели. Даже воды в колодце скоро не будет. Пытаться сделать вылазку бессмысленно: широкое кольцо вражеских войск вплотную придвинулось к крепости — пробить его не удастся.

В распоряжении ди Негро осталось ничтожное количество людей, разве только с отчаяния способных еще отражать приступы вроде сегодняшнего. Но шли на приступ одни татары. Вряд ли янычары не довели бы такой успех до победы... Нет, ди Негро прекрасно понимал, что терять время на изыскание каких-либо способов добычи продовольствия так же нелепо, как и вообще надеяться на благополучный исход осады. Дело проиграно не сейчас, а давно — когда протекторы отказались поддерживать свои заморские владения людьми и средствами.

Ди Негро остановился у парапета.

Обходя дворы, дома, башни, стены, ди Негро видел людей, вернее, подобие людей, оборванных, жалких, озлобленных, ищущих убежища от жары в смрадном и душном мраке нижних ярусов башен, в тени от стен. Вслед ему с наспех сколоченных нар неслись стоны и проклятия раненых и больных, хрип умирающих. Никто из них не взглянул на него. Он проходил мимо, как чужой им, ненужный, ненавидимый...

На этот раз, совершая свой обычный обход, консул нигде не остановился, ни с кем не заговорил. Даже услышав голос д'Анчьяри, делившего куски конины между ополченцами и выкрикивавшего какие-то прибаутки, он не воспользовался случаем подойти к ним и, ускорив шаги, направился ко двору своего замка.

Он не пошел к себе, а велел слуге вывести к нему Персея. Слуга подвел Персея за ошейник — собака идти не захотела. Персей поднял голову и смотрел на хозяина, словно спрашивая: «Зачем я такой тебе нужен?»

Ди Негро пошел один, а Персей остался стоять.

— Ну, что же ты стоишь? — окликнул его ди Негро. — Пойдем, пойдем гулять!

Персей, пошатываясь, поплелся вслед за хозяином.

Через подъемную дверь и перекидной мостик ди Негро прошел по стене, поднимавшейся по самому краю обрыва скалы над морем, к башне святого Георгия. От нее стена шла вниз, к следующей башне, потом поворачивала и поднималась к замку Святого Ильи — самой верхней точке крепостных укреплений. Подъем был крут, и ди Негро, щадя силы Персея, то и дело останавливался и, обернувшись, подбадривал его. Ди Негро остановился у парапета и смотрел в амбразуру на море. Здесь, на этой высоте дышалось легче. Солнце склонилось к западу. Легкий бриз с моря освежал голову.

Совсем небольшими казались отсюда турецкие галеры. Море было спокойным, и суда стояли неподвижно. Около некоторых из них вились в воздухе чайки, то взмывая вверх, то падая к воде, совсем близко от галеры. Широкая песчаная отмель бухты вся была покрыта войсками турок. Передвигались темные точки людей, белели палатки. Вон у одной из самых дальних ярко-зеленое пятно — знамя у палатки взира. Сколько видит глаз на восток и север, все пространство кишит людьми, пестреет, поблескивает, пылит, вьется дымками.

Переведя взгляд на запад, консул с восхищением смотрел на изумрудную глубину моря, на густую зелень, обвившую серые скалы Соколиной горы, на голубые очертания далеких гор рая древних.

Ди Негро всегда любил эти последние дни августа здесь, в Газарии, — дни изобилия плодов и особой, благостной тиши-

ны природы, словно старающейся сверх меры осчастливить человека своими дарами в предвидении осенних бурь и непогод.

«Я пожалел однажды, — думалось ди Негро, — что имя мое, не попав на одну из плит башен Солдаин, забудется потомками. А может быть, эта причуда судьбы, не позволившая вписать мое имя, благотворна?»

Солнце завершало свой путь, прячась за вершину горы Горячих Источников. Не хотелось спускаться в замок, к заботе и мучительному ожиданию роковой развязки.

Оставив видимо уснувшего Персея, ди Негро вошел в башню замка. Пройдя узким сводчатым коридором, он поднялся по лестнице во второй ярус, толкнул небольшую дверь и по каменным ступеням спустился в небольшое помещение. В единственное продолговатое и узкое окно под сводчатым потолком проникал слабый луч заходящего солнца. Его бледный красноватый свет освещал каменные плиты пола и у стены — каменный высокий алтарь с двумя серебряными подсвечниками на нем. На стене за алтарем была фреска, изображавшая скорбящую богиню. Из окружающих ее облаков семь мечей были направлены в ее сердце.

Это была запасная, на случай войны, капелла. У ди Негро на мгновение мелькнула мысль: не перейти ли заранее сюда, в этот замок — последний оплот и убежище крепости?

Обойдя зал и другие пустынные комнаты замка и взглянув еще раз на сноп лучей, зажатых уходящим за вершину горы солнцем, ди Негро растолкал Персея. Как радостно, бывало, бежал он впереди, возвращаясь вечером с прогулки вместе с хозяином по крепостным стенам! А теперь он, понуро опустив голову, тащился сзади, и ди Негро снова приходилось звать его.

В комнате было совсем темно. Слуга зажег огарок свечи. Теперь в железном ларце осталась только одна свеча. Донесся унылый звон вечернего колокола. С каждым днем старик звонарь раскачивал его все медленнее.

Персей тотчас растянулся у ног ди Негро, сидевшего в кресле. Слуга стал накрывать на стол. Он принес незамысловатый ужин — небольшой кусок жареной конины, кукурузную кашу и лепешки — и поставил кувшин с вином.

Ди Негро съел кашу, а тарелку с кониной протянул слуге: — Я этого не буду, возьми себе.

Слуга смутился:

— Как же это, ваша милость?.. Вы и днем отказались...

— Не заставляй меня повторять два раза, — сказал ди Негро. — Возьми и ступай. Потом приходи, ты мне будешь нужен...

Слуга вышел. Он не торопился вернуться, зная, что консул теперь ложится спать поздно — все разбирает и читает какие-то бумаги и сжигает их в камине.

Было совсем темно и крепость давно молчала, когда слуга тихо постучал в дверь к консулу. Консул сидел у камина, помешивая щипцами тлевшую бумагу.

— Поел? — не оборачиваясь, спросил ди Негро.

— Да, благодарю, ваша милость.

— Все пока спокойно?

— Тихо... — Слуга потоптался на месте, застенчиво улыбаясь. — Осмелюсь сказать...

— Говори.

— Тихо, только очень крысы шумят.

— Какие крысы?

— Они и днем теперь, ваша милость, ничего не боятся, так и шныряют повсюду... Все больше около раненых и больных. А как темно станет... Раньше, бывало, они возле складов шумели, а теперь перешли в дальний угол, к стенам, где раньше скот был. Там ведь теперь... это вот... — слуга замялся, — там ведь теперь зарывают, которых, которые...

— Вот что, — перебил его ди Негро, — поди-ка в спальню, принеси оттуда бутыл, на столе стоит.

Слуга пошел и вернулся, держа в руках бутыл. Ди Негро взял ее.

— Теперь слушай. Это лекарство для Персея. Встань позади него и подними ему голову. Держи ее руками с двух сторон, да покрепче, чтобы он не мог повернуть голову. А я волюю ему в рот лекарство.

Слуга погладил Персея по голове, что-то ласково приговаривая, потом обеими руками высоко поднял его голову.

Ди Негро разжал Персею челюсти и быстро влил ему в рот содержимое бутылки.

Персей не сопротивлялся, он только чуть раскрыл глаза. Когда слуга осторожно опустил его голову на пол, он продолжал лежать спокойно, как прежде.

— Когда ты шел сюда, ты никого не встретил? Все спят?

— Кто же теперь не спит ночью? Разве только вы, ваша милость... — улыбнулся слуга.

Ди Негро сел. Слуге показалось, что консул как-то странно, пристально смотрит на собаку. Потом он увидел, что консул часто моргнул глазами и, зажмурившись, провел по глазам обратной стороной ладони. Тогда слуга посмотрел на собаку. Она часто-часто дышала, точно задыхаясь; потом ноги ее дернулись в судороге, голова мотнулась из стороны в сторону и изо рта побежала слюна.

— Всё! — сказал упавшим голосом консул.

Слуга быстро обернулся к нему. Консул сидел, облокотившись на стол и опустив голову на руки.

— Что вы, ваша милость? — бросился к нему слуга.

Он схватил кувшин и налил кубок вина:

— Выпейте, ваша милость!

Ди Негро высоко поднял голову, выпрямился и глубоко вздохнул, словно глотая воздух.

— Скорей раздобудь что-нибудь, во что его завернуть, — сказал он строго. — Отнесешь его под большую скалу за поварней, только подальше, и зароешь. Поглубже — слышишь? Поглубже и сверху завалишь камнем потяжелее. Чтобы никто не видел. Понимаешь? Никого на подмогу не зови. Ни-ко-го! Сделай все скорей и тише, как можно тише. Ты мне отвечаешь за это.

Слуга только кивал головой в ответ, растерянно раскрыв рот.

— Завтра покажешь мне место. И никому ни слова... Теперь бери его и ступай. Я иду спать.

Ди Негро встал, взял подсвечник и высоко поднял его. Слуга схватил Персея и вынес из комнаты, Он слышал, как консул задвинул за ним засов двери.

Глава XLIII

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СОЛДАЙИ

Следующий день был очень душным. Где-то в горах гремел гром. С севера, из-за плоской вершины горы святого Георгия, выползала темная туча; в ней то и дело сверкали молнии. Башни монастырей и минареты мечетей скрылись за туманной завесой. Казалось, вот-вот хлынет благодатный дождь. Но туча быстро расползлась, не дойдя до Солдайи.

Люди на стенах и во дворах крепости томились в нестерпимой духоте полдня. Они не могли найти тени, камни были горячими, под крышей помостов было еще душнее. Они стаскивали с себя обувь, снимали рубахи и делали из них пологи на пиках и палках. Ложась на камни, они искали места, где проросла трава, чтобы положить на нее голову. Старались не видеть ни моря, ни водоемов, ни воды в крепостном рву. Ненавистным, безжалостным казалось безоблачное небо. На главном дворе толпились у колодца и дрались из-за нескольких глотков мутной воды, вырывая друг у друга из рук ковш с песчаным осадком на дне. Колодец стал давать очень мало воды.

В конце дня старик звонарь, шатаясь от слабости, кряхтя и беззвучно шепча молитву, медленно стал подниматься по темной и ветхой церковной лестнице. Но на этот раз, впервые за много лет, он не дошел до своего колокола. Не успел он дойти до половины лестницы, как услышал звук трубы и бой барабана

и, думая, что начался очередной приступ, повернул обратно, чтобы поскорей вернуться в свою каморку в притворе церкви.

Выйдя во двор, звонарь увидел консула в шлеме и плаще, идущего в сопровождении оруженосца и д'Анчьяри к главным воротам. За ними шли несколько человек из ополчения с пиками в руках. По тому, как петоропливо шел консул, как спокойно шли за ним остальные, звонарь решил, что дело не в приступе, а в чем-то другом. Он приставил ко лбу руку, защищая глаза, и смотрел вслед идущим, пока они не скрылись в двери одной из приворотных башен, еще освещенных заходящим солнцем.

Труба и барабан, которые слышал звонарь, были ответом караула приворотной башни на звук рога подскакавших к предмостному укреплению семерых турецких всадников. Один из них выехал вперед и, держа над головой свернутый свиток бумаги, кричал по-итальянски вставшему на парпет д'Анчьяри, что прислан в качестве толмача при трехбунчужном паше, уполномоченном великим визирем вести переговоры. Паша просит консула ди Негро выйти на башню, а пашу с его толмачом и телохранителем пропустить во двор предмостного укрепления для большего удобства ведения переговоров. Д'Анчьяри ответил, что доложит об этом консулу и даст ответ.

Доложив консулу о посланце визиря, д'Анчьяри прибавил: — Толмач, видно, наш земляк: хорошо говорит по-нашему. Но, ваша милость, клянусь святым Георгием, я где-то уже слышал его голос! Я приглядывался, но никак не мог разглядеть его рожу — тюрбан на нем сдвинут на самые глаза, да еще тень от нашей башни...

— Пойдем посмотрим, — сказал ди Негро.

Поднявшись на площадку приворотной башни, ди Негро приказал впустить турок во двор предмостного укрепления и тотчас закрыть за ними ворота, потом стал в амбразуре парпета. Рядом, в следующем пролете, встал д'Анчьяри. Ополченцы, толпившиеся сзади, тянулись к краю парпета, с любопытством высовывая головы в амбразуры.

Первым в маленький двор предмостного укрепления въехал на вороном коне, покрытом расшитым золотом чепраком, паша в белом тюрбане с поблескивающим полумесяцем и с ятаганом, сверкавшим золотом и драгоценными камнями. Широкий синий кушак опоясывал тучную фигуру старика с небольшой седой бородой и надменно спокойным лицом. В правой руке он держал свиток. По обе стороны пашы ехали воины, держа в руке по бунчуку с тремя конскими хвостами и медным полумесяцем наверху древка; третий, тоже с бунчуком, ехал за пашой. Следом на серой лошади без чепрака ехал толмач в длинном халате, подпоясанном широким черным поясом, и темно-красном

тюрбане. За толмачом ехали два воина с луками за спиной и ятаганами. Телохранители пашы были в кольчугах и круглых низких шлемах.

Остановив коня у самого края рва, паша, не взглянув на верх башни, лишь на мгновение опустил голову и приложил свиток ко лбу и груди. Его боковые телохранители попятили лошадей, и на место одного из них выехал толмач. Пять телохранителей стали в ряд за пашой и толмачом, которому паша передал свиток.

Толмач повторил приветствие, прикоснувшись свитком ко лбу и груди, и громко начал переводить написанное, поднимая голову кверху. Паша сидел, опустив веки. Телохранители смотрели на ди Негро и д'Анчьяри, оглядывали ров и стены и тихо переговаривались.

С первых же слов, взглаго выкрикнутых толмачом, ди Негро узнал голос мессера Якопо. Значит, он не ошибся, прогнав эту гадину вместе с предателем-спидиком! Так вот куда они поплыли на своей галере! Чувство глубокого отвращения к изменнику родине и присяге, осмелившемуся явиться сюда, под стены крепости, наполнило сердце ди Негро. Вот кого он с удовольствием отдал бы в руки Саитинелли! Эти волнующие мысли застилали смысл долетавших до него слов.

Якопо выкрикивал текст послания, бесконечно перечисляя трафаретные восхваления величия аллаха и его пророка, доблесть и мудрость султана, отвагу и добродетели великого визиря и достопочтенного консула Солдайи, и закончил словами:

— «Великий падишах предупреждает доблестного мужа консула солдайского Кристофоро ди Негро, что упорство его в нежелании сдать крепость Солдайи — последнюю из всех крепостей генуэзцев на этом побережье, благоразумно повергших свое оружие к ногам великого победителя стран и морей, — может подать повод к справедливому гневу владыки полумира и подвергнуть защитников крепости жестоким истязаниям. А посему великий падишах через визиря своего Гиедука-Ахмеда-пашу передает консулу солдайскому Кристофоро ди Негро свое милостивое предложение — бросив безрассудство свое и щадя свою жизнь и жизнь своих подчиненных, отворить ворота крепости до полдня следующего после передачи ему этого послания дня и, пропустив в крепость войска падишаха и его союзника Менгли-Гирей-хана, приказать своим людям сложить оружие. В случае исполнения сего великий падишах обещает сохранить жизнь как самому консулу, так и всем людям его, находящимся в крепости. В случае же неисполнения сего в указанный срок великий визирь уполномочен принять меры, необходимые к окончательному уничтожению крепости и людей, в ней находящихся».

За этим последовало снова трафаретное перечисление высоких званий султана и, наконец, оснащенное витиеватою хвалою имя великого визиря, подписавшего послание.

Во все время чтения д'Анчьяри прислушивался к голосу толмача и усердно разглядывал его лицо. По-прежнему мешал тюрбан, но солнце ушло и тень от башни исчезла. И вдруг д'Анчьяри вспомнил, чей это голос, и узнал, кто был турецким толмачом.

— Ваша милость! — крикнул он, перегибаясь за столб амбразуры в сторону консула. — Да ведь это Яконо, наш Яконо! Ах, чертова плешь!..

— Замолчите! — строго оборвал его ди Негро.

Прекратив чтение, толмач свернул свиток и снова проделал им установленные почтительные движения. Затем, обращаясь к консулу, он выкрикнул:

— Ваша милость соблаговолит ответить преславному трехбунчужному паше на прочитанное мной послание!

Наступило молчание. Ди Негро думал с минуту, потом повернулся к д'Анчьяри.

— Скажите им, что ответа не будет, — сказал он и ушел с башни.

д'Анчьяри тотчас ухватился за столбы амбразуры и, выгнувшись вперед, крикнул что есть силы:

— Ответа не будет!.. А тебе, изменник, я не замедлю ответить: чтоб тебе черти отгрызли...

Ополченцы, вскочив в амбразуры и глядя вниз, гикали и свистели. Караульные солдаты открыли ворота двора.

Паша и его телохранители, круто повернув лошадей, ускорили за полукруг стены. Толмач, видимо не совсем уверенно справлявшийся с конем, путался перед мордами лошадей сопровождавших его воинов.

— А ну-ка, дай сюда!

д'Анчьяри выхватил из рук ополченца лук и стрелу.

Когда, наконец справившись с конем, толмач очутился у ворот, его догнала стрела и пронзила шею. Предатель упал с коня, мчавшего его прочь.

Утром следующего дня по морю пошла косая зыбь; белые барашки волн бежали издалека. Дальние окрестности скрылись за серой дымкой, но дождя не было, и теплый ветер пылил по дорогам, не освежая.

Ди Негро понял, что уверения, сделанные визирем в его послании, не что иное, как прием, обычный в такого рода бумагах. Какой пощады и свободы можно ожидать от таких врагов, как турки или татары? Угон в рабство — для них высшая степень снисходительности. Но понял он и то, что визирь не стал бы писать послание, ответ на которое он, конечно, предугады-

вал. Значит, остается предположить, что он сделает это с единственной целью ускорить необходимый ему ход событий и быть формально честным, соблюдая установленные правила ведения осады крепости. Следовательно, надо ждать с минуты на минуту исполнения им своей угрозы.

С раннего утра эти предположения для Негро начали подтверждаться. Сначала сотник, а за ним д'Анчьяри пришли к консулу с сообщением, что всю ночь в войсках врагов, расположенных у северных стен крепости, слышались голоса, скрип колес, ржанье лошадей, мелькали огни фонарей, а когда начало рассветать, стало видно, что за ночь против предмостного укрепления и вглубь, на север, увеличилось количество войска и палаток. Совсем близко были подвинуты стенобитные орудия и подвижные деревянные, скрепленные железными полосами щиты с узкими бойницами для лучников.

Для Негро не мог не согласиться с д'Анчьяри, что все это необычное движение и накопление войск, еще ни разу не принятое врагами в начале приступов, означает, что визирь тщательно готовит решительный удар в лоб. Нечего было спорить о том, что небольшие ворота и стены предмостного укрепления не являются надежной защитой. Это только временная задержка штурмующих.

И консул, и д'Анчьяри, и сотник пришли скоро к полнейшему согласию, что единственная разумная мера — сосредоточить всю живую силу и орудия на приворотных башнях и частях стен, прилегающих к ним. Несомненно, враг бросит свои главные силы к одной, главной для него, точке — предмостному укреплению. Только отсюда он может рассчитывать на взятие главных ворот. Как бы ни было уязвимо это место крепостных укреплений, оно, однако, дает много преимуществ обороняющимся: с приворотных башен удобно перекрестным огнем обстреливать пространство перед предмостным укреплением и вести стрельбу из нескольких бомбард сразу. Даже в случае пробития ворот узость их затруднит продвижение врага, а вместе с тем положение башен и устройство их бойниц и амбразур позволит продолжать обстрел и самого прохода и выхода из него в главный двор крепости.

Это единодушно принятое решение было тотчас же приведено в исполнение. Люди, бомбарды, запасы ядер, кувшины с порохом, все балестры, луки и стрелы были перенесены на приворотные башни вместе с запасами воды для питья. У подножия башен были сложены дрова для костров и заготовлены котлы для смолы.

Консул приказал выйти на башни и прилегающие к ним стены всем имеющимся в наличности людям, вплоть до оргузисов, поваров, поварят и слуг. В карауле он оставил только по

солдату на башне замка Святого Ильи и своего замка и по барабанщику при каждом из них.

Все до единого, вплоть до старика звонаря, бросились исполнять приказ консула. Нетрудно было угадать причину столь дружного подъема всех этих измученных трехмесячной осадой людей: она крылась в понимании каждым из них своей обреченности. Так же как и консул, они не верили в посулы визиря. Кто из них не знал, на что обрекают сарацины покоренных ими людей, как они и татары расправляются не только с побежденными воинами, но и с мирными жителями завоеванных ими стран! Галеры для мужчин и унижительное рабство для женщин и детей, смерть старикам и огонь жилищам, полям и садам — вот их расправа. В сердце каждого теплилась надежда на возможность отбить и этот готовящийся приступ, как были отбиты все предыдущие. Если это удастся, то визирь не подумает возобновить свою попытку, если нет — лучше смерть.

Силы измученной голодом, болезнями и жарой, ничтожной по сравнению с войсками врагов горстки людей в эти семь часов нечеловеческого труда были подкреплены примером их начальников. Д'Анчьяри и ди Негро беспрерывно находились то на приворотных башнях, то во дворах крепости, то на ее стенах. Они следили за правильностью распределения боеприпасов, за установкой бомбард, намечали место каждому, объясняли ему, когда и как он должен действовать. До самого полудня мелькали на лестницах и площадках, во дворах и у складов вылинявший камзол д'Анчьяри и черная одежда консула.

В простоватом, но безгранично отважном старике не угасал боевой дух наемных бродяг Карманьолы. В этот роковой час д'Анчьяри подбадривал работавших своими солеными, непристойными словечками и шутками. Осипшим басом он кричал на бессмысленно путавшегося под ногами Сантинелли. Ди Негро своей неторопливой поступью, ровным и негромким голосом и лицом, полным строгого достоинства, действовал успокоительно на работавших. Все верили в разумность распоряжений своего главного начальника, верили в его честность и непоколебимую твердость духа.

К полудню все было перенесено, расставлено. Люди стояли на своих местах на всех ярусах приворотных башен, на стенах и у печей со смолой, разделенные на отряды, смены которых были установлены самим консулом. Резервный отряд в триста человек, отобранных д'Анчьяри, состоял при консуле и расположился во дворе замка Святого Креста.

Наступило недолгое затишье. Турецкое войско стояло не двигаясь, но как перед сильной грозой или бурей настороженно затихает природа, так и здесь с обеих сторон наступила угрожающая тишина. Видимо, визирь не торопился со штурмом.

Лом
ни п
как
лучш
Перг
с гор
от ме
сти т
ли ог
нас т
или а
ву —
сраже
закоп
ображ
Д'А
нуту в
бараба
и встал
Мае
больш

Д'Анчьяри

В крепости воспользовались этим затишьем и легли отдохнуть; многие крепко уснули. Родольфо и Паоло поспешили обойти своих друзей-генуэзцев, десятка два ремесленников и рыбаков и объяснить им, чтобы они, в случае штурма турками главных ворот и снятия их защитников для отхода в глубь крепости, были готовы быстро собраться во дворе замка Святого Креста и ждать там их распоряжений.

У одной из амбразур среднего яруса приворотной башни, на сложенных у бомбард ядрах, уселся д'Анчьяри и рассказывал собравшимся вокруг него солдатам ополчения о своей прежней боевой жизни:

— ...а наш Карманьола был самым храбрым из всех военачальников. В двадцать седьмом году мы ходили с ним в Ломбардию, под стены Макало. Такого боя я не видел ни раньше, ни после. Длится он пять суток и днем и ночью. Дрались мы как львы и разбили войска миланского герцога. А привели их лучшие военачальники: Франциско Сфорца, Анджело де ла Перголла, Николо Пиччинино и Гвидо Торелло. Де ла Перголла с горя умер после этого сражения. Когда рубились ночью, огонь от мечей сверкал, как молния. На шестой день ручей поблизости тек не водой, а кровью. Трупы убитых людей и коней лежали огромным холмом на поле... Когда мы вернулись в Венецию, нас там встречали с триумфом, а нашему Карманьоле построили арку, обвитую лаврами. Попрасновали мы тогда на славу — неделю целую не прекращался праздник!.. Вот в этом-то сражении под Макало меня и изукрасили этой полоской, — закончил свой рассказ д'Анчьяри, указывая на свой висок, обезображенный глубоким пунцовым шрамом.

Д'Анчьяри вовремя кончил рассказывать: как раз в эту минуту в турецком войске забили барабаны. Ударил в барабан и барабаник на приворотной башне. Люди вскочили на ноги и встали по своим местам.

Масса турецкого войска заколыхалась. К глухому звуку больших барабанов присоединились звуки сигнальных рожков;

над головами воинов взвились хвостатые бунчуки и знамена. Все громче и отчетливее слышались выкрики команд, и с каждым мгновением нарастал тысячеголосый крик: «Аллаиль-алла!..»

Огромное турецко-татарское войско двинулось на штурм главных ворот солдайской крепости.

Опережая движение отрядов, полетели каменные ядра. Они били по предмостному укреплению, вздымая пыль, поднимая столбы щебня и осколков камней. За короткое время ядра пробили центральную часть полукруглой стены, и она рухнула вместе с воротами. По войску прокатился торжествующий крик, и передовые отряды турок ринулись на предмостное укрепление. Турецкие ядра стали бить теперь по приворотным башням и главным воротам крепости. Некоторые из ядер, встретив саженную толщу башенных стен, отлетали обратно, падая в гущу своих войск; другие падали в ров, поднимая столбы воды. Ядра, попадавшие в поднятый мост, пробивали его; железо ворот гудело под их ударами.

Защитники крепости засыпали нападавших стрелами. Бомбарды били в глубину наступающих отрядов, круша тесные ряды неприятеля. С каждой минутой крепло ожесточенное стремление врага во что бы то ни стало преодолеть ров. Росли крики, визг рожков, лязг цепей и скрип пододвигаемых стенобитных орудий, вой ядер, гром ударов по воротам. Взметались столбы воды. Сгущалась мгла от пыли и порохового дыма. Росли вопли раненых, росло нагромождение тел убитых. Но медленно и упорно двигался отряд за отрядом, и ядра за ядрами били в ворота и башни.

Средние ярусы приворотных башен, откуда велся обстрел бомбардами, были полны порохового дыма, плохо вытягиваемого небольшими амбразурами, высеченными лишь в передних стенах. Скучный свет застилало дымом. В почти полной тьме, в душном смраде дыма, в нестерпимой жаре голоса людей не могли перекрычать грохота выстрелов бомбард и гула от ударов неприятельских ядер.

Неутомимый д'Анчъяри перебегал из одной башни в другую и кричал в уши полуоглохших людей, работавших у бомбард. В спешке распоряжений он ухитрялся ввертывать свои соленные словечки, подбадривая уставших, рассылал посыльных к колодцу, к смоляным печам и в замок Святого Креста — к консулу, налаживал доставку воды и сам окатывал ею людей у бомбард.

Прошло не менее пяти часов непрерывного боя. Твердая стойкость защитников, огромные потери среди штурмующих, тщетные попытки турок форсировать ров и продвинуть свои громоздкие тараны к главным воротам — все говорило о неиз-

бежном провале штурма. Люди на площадках башен с радостной надеждой смотрели, как затуманенный дымкой диск солнца перешел за большую скалу замка Святого Ильи, склоняя свой путь к западу. Кроме того, они заметили, что растаявшие передовые турецкие отряды стали отходить назад и сквозь их ряды все чаще просачивались татарские воины в высоких ушастьях шапках и длиннополох халатах. Да и неприятельские ядра и стрелы стали реже долетать до стен и ворот. Замолкли рожки, замолк скрип колес турецких таранов.

Увидав подходящий отряд татар, д'Анчьяри крикнул:

— О, земляки, милости просим! Вас только нам и не хватало! Видно, у ваших хозяев зацепало кое-какое место от нашего гороха, если они вас посылают!.. Подходи, подходи! Вам-то мы живо брюхо набьем!

День шел к концу, и с каждым часом слабел натиск неприятеля. С башен было видно, как даже некоторые тыловые отряды турок уходят по направлению к бухте.

Д'Анчьяри распорядился прекратить стрельбу из одной бомбарды, а из другой стрелять реже. В первый раз за целый день старик вышел на площадку башни, оглядел окрестности и сел на выступ парапета.

— Вот как воюют солдаты Франческо Карманьолы! — сказал он стоящим рядом.

Его лицо, совсем черное от пороховой копоти, лоснилось от пота, и глаза светились задорной улыбкой.

С наступлением сумерек обстрел главных ворот прекратился. Ветер, потянувший с гор, развеял завесу пыли и дыма. Отряд татар, укрывшихся за подвижными щитами, стоял на месте. Не двигаясь, стояли и турецкие тараны. Стрельба прекратилась с обеих сторон.

Д'Анчьяри разрешил людям отдохнуть, а караульным на башнях приказал зорко следить за противником.

Ди Негро вызвал д'Анчьяри к себе в замок для обсуждения дальнейших мер обороны и приготовлений к возможному повторению штурма на следующий день, потом они вместе вышли из замка. Ди Негро хотел пойти на приворотную башню, чтобы на месте дать д'Анчьяри более точные указания по укреплению и защите главных ворот. До наступления темноты консул оставался у башен.

Его разговор с д'Анчьяри был прерван частой дробью барабана на приворотной башне. Сбежавший с башни солдат сказал, что отряды противника, пододвигая стенобитные орудия, вновь движутся к главным воротам. Д'Анчьяри побежал в башню, ди Негро пошел к замку.

Подходя к замку, ди Негро услышал выстрелы бомбард с приворотных башен и нарастающий крик. Он понял, что, вос-

пользовавшись темнотой, визирь хочет преодолеть ров и подвезти стенобитные орудия.

Со стороны главных ворот доносились всё усиливающиеся крики, стрельба и смешавшиеся с ними гулкие удары, похожие на короткий гром. Эти удары были равномерными и словно ближе и громче выстрелов бомбард. «Ворота!» — мелькнуло в голове у консула. Он быстро сошел вниз и отдал приказ поднять свой отряд. Через несколько минут ди Негро вел его для подкрепления к главным воротам.

Оказалось, что, сумев создать видимость отхода своих отрядов и замены их татарами, под защитой сгустившихся сумерек туркам удалось перекинуть через ров помосты и перекатить через них тараны, которые и били сейчас по воротам.

Стоя со своим отрядом по другую сторону ворот, отделенный теперь от противника только имп, ди Негро слышал оглушительные удары таранов и стонущий гул железа. Расположив свой отряд так, чтобы в случае пробития ворот его люди тотчас же могли броситься туда и вступить в бой с противником, ди Негро хотел отойти, чтобы послать солдата разыскать д'Апчьяри и сказать ему о приведенном отряде.

В эту минуту кто-то схватил его за руку. Ди Негро узнал Родольфо:

— Что... что тебе?

— Ваша милость... вот плащ... — Цирюльник говорил быстро, с трудом переводя дыхание. — Укройтесь с головой.

— Зачем? Чего ты от меня хочешь?

— Потом, потом... Идемте скорей!

— Куда?

— Вы видите, всему конец!.. Потайным ходом из замка. Лодки готовы, мы уходим в море. Мы вас будем охранять!

— Ты забыл, что я сказал тогда синдику?

— Но, ваша милость, тогда была надежда...

— Нет, Родольфо, ее не было у меня и тогда.

— Но ведь это безумие! — воскликнул Родольфо.

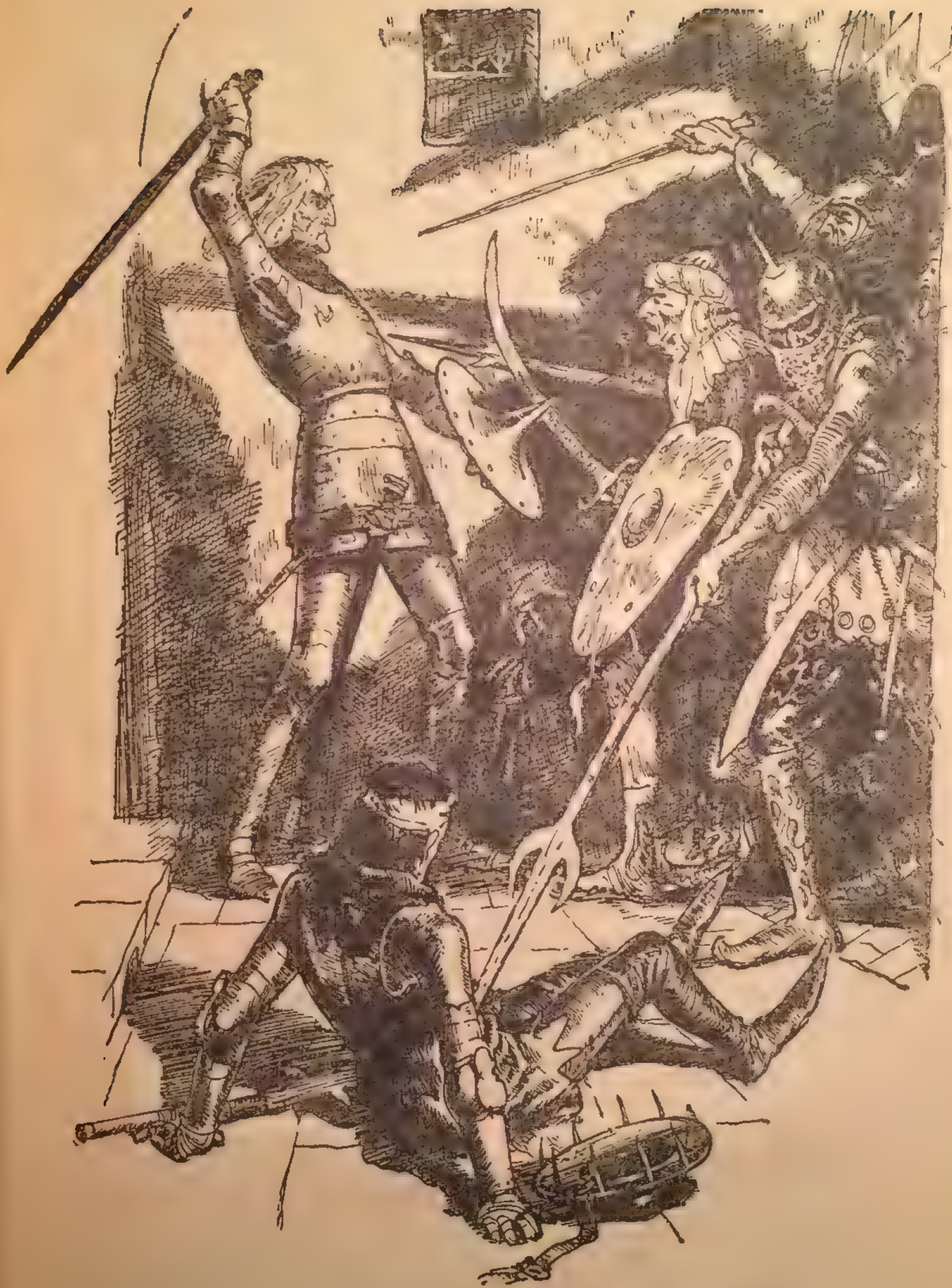
— Ступай скорей, Родольфо, а я останусь... так надо. Прощай! Будь счастлив и скажи в Генуе...

Его последние слова были заглушены громовым грохотом и лязгом рухнувших железных ворот и диким, торжествующим воплем янычар.

Родольфо бросился ко двору консульского замка. Там ждал его Пьетро.

— Все прошли, — сказал он. — Скорей!

И маленькая железная дверца, ведущая в подземелье, захлопнулась за ними. Турки усилили удары таранов, сбили ворота и, хлынув в крепость, быстро заполнили ее дворы. Часть воинов устремилась к замку Святого Креста, другая

Ди Негро, крепко держа меч, взметнул его над головой.

бросилась к складам и домам в надежде захватить пленных и добычу.

Д'Анчьяри удалось отойти и ударить на янычар с фланга. Растерявшись, они стали было отступать, но устояли, отчаянно сопротивляясь.

Соединившись, отряды д'Анчьяри и ди Негро с боем медленно отходили к замку Святого Креста. Пользуясь темнотой и хорошо им известным расположением замка, его двора, стен и башен, последние защитники солдайской крепости всю ночь до рассвета бились с вдвое, вчетверо сильнейшим врагом. Бились за каждую сажень двора, за каждую ступеньку лестницы, стену, переход. Бились и отходили к башне святого Георгия, а оттуда — к замку Святого Ильи, устилая каменные плиты стен трупами янычар и сами погибая под ударами изогнутых ятаганов, обливая своей кровью камни стен и ступени лестниц.

Когда бледная полоска утренней зари протянулась по краю неба, у замка Святого Ильи еще шел бой. Горстка уцелевших защитников крепости во главе с ди Негро и д'Анчьяри, теряя последние силы, отбивалась от окружившего их кольца янычар.

Старый солдат Карманьолы дорого продал свою жизнь: его меч зарубил не один десяток янычар. Наконец одному из них удалось отсечь д'Анчьяри правую руку; другой обхватил д'Анчьяри и поднялся с ним на край парапета стены, чтобы сбросить в море. Но старик стиснул ему горло уцелевшей рукой и с такой силой рванулся в сторону пропасти, что они вместе упали в нее.

В это время ди Негро, четверо солдат и оруженосец консула, рубя мечами, отступали к двери в замок. Узкий и темный коридор мешал наступлению янычар. Пропустив ди Негро вперед, солдаты пятились, яростно отбиваясь, и отступали за консулом в глубь коридора. Один из них упал, трое продолжали отступать. Коридор кончился, у двери в капеллу стало просторнее. Янычары усилили натиск.

Ди Негро, крепко держа меч, взметнул его над головой, чтобы еще раз обрушить смертельный удар на врага, но янычар опередил его.

Ди Негро упал, заливая кровью порог капеллы.

Наступил день, такой же мглистый, как и накануне. Серая дымка прятала солнце.

Дворы крепости были тесно уставлены лошадьми и татарскими повозками; дым от многочисленных костров стлался над ними. Крепость шумела выкриками сотен людей, ржаньем коней и скрипом колес.

Скудной оказалась пожива новых завоевателей Солдаии:

с тн
выпущ
Н т
требу
ли. Он
же нам
Знам
ром с ба
водруже
Тдет
не было
ную виз
бе на со
начальн

Ярки
ра. Ее п
покосив
досками
лись и п
кренивш
денного
реговым
на это по
возвраща
ний в Ар
судно бы
садалов
и малаба
клинкам
ками или
всем тем,
фарфором
и арабски
димо, нем
схваток. И
этого суди
товаров ве
Во всем
сытной те
в два после
11 Последней

сотни две раненых, больных и десятка два истощенных людей, выпущенных из погреба.

К торжественно въехавшему в крепость под бой барабанов трехбунчужному паше подвели связанного веревкой Сантинелли. Он был схвачен еще ночью, в начале боя, в крепости своими же помощниками Аццо и Протолеоном.

Знамя Светлейшей республики Генуи было сброшено янычаром с башни Консульского замка в море, а на его место было водружено зеленое знамя пророка.

Тщетно разыскивали турки консула дн Негро — его тело не было найдено. Забыли ли убившие его янычары про обещанную визирем награду, выбросили ли его в море в звериной злобе на сопротивлявшегося, а потом побоялись признаться в этом начальникам, осталось неизвестным.

Глава XLIV

ГВИДО

Ярким летним полднем в порт Генуи вошла торговая галера. Ее паруса, грязные, в разноцветных заплатах, висели на покосившихся мачтах, а бока во многих местах были обиты досками в темных смоляных подтеках. Вяло, вразброд, опускались и поднимались длинные весла. Галера шла медленно, накренившись на один бок. Если бы в сутолоке порта, загроможденного галерами, корабельными шлюпками, рыбачьими и береговыми лодками, кто-нибудь случайно и обратил внимание на это покосившееся судно, то сразу догадался бы, что оно возвращается из далекого плавания у берегов турецких владений в Аравии или на Геллеспонте. Судя по глубокой осадке, судно было тяжело нагружено всякими товарами: может быть, сандаловым деревом и слоновой костью, молуккской гвоздикой и малабарским перцем, индийским кашемпром или арабскими клинками из Дамаска, а может быть, чернокожими невольниками или светлоглазыми людьми страны москвитов, — словом, всем тем, что вместе с цейлонскими рубинами или китайским фарфором попадает в руки генуэзских купцов от их турецких и арабских братьев. Судя по ее печальному виду, галера, видимо, немало претерпела от морских бурь или абордажных схваток. Не исключена была возможность, что и сам капитан этого судна не брезгал пополнить по дороге свой груз за счет товаров встречных галер венецианских купцов.

Во всем этом не было ничего невероятного в те годы ненасытной торговой лихорадки, охватившей Средиземноморье в два последние десятилетия XV века, когда и сами деньги ста-

ли предметом торговли. Вот почему никого и не могла удивить эта потрепанная галера, неуклюже подходившая к дальним причалам восточной части порта. К тому же был полдень — время отдыха, когда люди на воде и суше прячутся от солнца.

Галера не подошла вплотную к причалам, а бросила якорь поодаль от них. Видимо, ее капитан нарочно выбрал именно такое время и это отдаленное место. Выгружать товар он сразу не стал, и до ночи на судне было тихо.

В течение дня только несколько людей ненадолго показывались на палубе галеры. На них были изодранные рубахи и штаны. Лица их, густо обросшие бородами, были измождены и угрюмы. Вяло переступая костлявыми босыми ногами, они медленно подходили к борту, щурили глаза и, прикрыв их от слепящего света, смотрели на раскинувшийся на гористом берегу широким полукругом город, изрезанный путаницей узких улочек, со множеством церквей, древним собором, башнями и мраморными дворцами в густой зелени садов, с оливковыми рощами и сосновыми лесами, уходящими в синюю дымку далеких гор. Крутые улочки сбегали к самому берегу моря, и их маленькие, из бурого камня дома, покрытые черепицей, в беспорядке теснились по полукружью залива к старому молу. Над складами и торговыми конторами порта гордо высился дворец банка святого Георгия.

Время от времени выходил на палубу и рослый бородатый человек в широкой рубахе и длинных шароварах, в красной феске, лихо сдвинутой на самый затылок. За широким турецким поясом торчала плеть. Если он замечал, что матросы собирались кучкой и, как ему казалось, о чем-то перешептывались, он выхватывал плеть и безжалостно хлестал ею по спинам «провинившихся».

В тесном и грязном трюме, в нестерпимой духоте и смраде тесно ютилось несколько десятков людей, нуждой и несчастьями загнанных на полукупеческую-полупиратскую галеру. Были среди них и африканские негры, и арабы ливийской пустыни, и люди далекого Севера земли; немало было и итальянцев. Были тут проданные на невольничьих рынках, были и сами продавшиеся в неволю, чтобы спастись от неминуемой гибели.

Который раз за это утро плеть обжигала еле прикрытую рваной рубахой спину одного из людей, вышедших на палубу! Наконец жестокий блюститель хозяйских интересов схватил непокорного и, притащив к лестнице в трюм, что есть силы пнул его ногой. Человек скатился в трюм и уполз в темноту.

Тринадцать лет назад уроженец горной деревушки лигурийских Апеннин ушел от горькой нищеты искать себе счастья. Спустившись по горным дорогам к морю, он очутился в богатой и шумной своей торговлей Генуе, где очень скоро, соблазнен-

ный посулами вербовщиков банка святого Георгия, наобещавших ему золотые горы, был отправлен в далекую Кафу, а оттуда — в крепость Солдайи. Это был Гвидо, друг солдата Пьетро.

Гвидо был одним из немногих уцелевших защитников крепости. Он был взят в плен турками и отправлен на галеру. Больше девяти лет он был гребцом на галере и испытал весь ужас тягчайшей неволи, унижений рабства, звериной жестокости поработителей, постоянного голода и изнуряющих болезней. Ему удалось бежать с ненавистной галеры. Это было в Измире¹, где он и затерялся в людском водовороте крупнейшего турецкого торгового порта. Гвидо повезло: очень быстро он встретил турка, набравшего матросов на генуэзскую торговую галеру. Турок напоил его вином и выведал у него всю правду, потом, пригрозив выдать его турецким властям, обещал не делать этого, если Гвидо даст согласие служить матросом без жалованья. Он прибавил, что галера уходит на следующий же день в Геную и решать надо тотчас.

Иного выбора не было. Вернуться на родину, как можно скорее увидеть родной берег — вот неизменная мечта многих лет. Что значат еще два-три месяца неволи! Гвидо, не задумываясь, согласился. Турок обманул его: галера не пошла в Геную. Восемнадцать месяцев она ходила вдоль африканских берегов, потом, идя в Геную, простояла месяц в порту острова Крит.

За пустую чесночную похлебку, за прогорклое копченое сало и горсть сухарей, в неистовую жару день и ночь работал Гвидо — и матрос и грузчик, а в короткие часы отдыха валялся на грязном полу душного, кишящего крысами трюма. От жары и голода, от непосильного труда и безжалостных побоев Гвидо терял силы. Он уже не был «черным солдатом» — его курчавые волосы были седыми, изможденное лицо обросло белой бородой. Только брови остались черными. Живые когда-то глаза потухли. Гвидо казался стариком. Только надежда вернуться на родину поддерживала волю к жизни.

Галера становилась на якорь вдали от берегов, и никому из матросов и гребцов не разрешалось сходить на берег. Хозяин-купец боялся растерять ничего не стоящие ему рабочие руки. Свои темные торговые делишки он предпочитал обделывать под покровом темноты и выгрузку товаров производил по ночам. Один из его помощников съезжал на берег и приводил лодки. Люди с галеры спускали товар на канатах, не входя в лодки. Так должно было быть и в порту Генуи.

Гвидо решил бежать. План побега давно созрел. Лишь бы не заболеть к этому дню, лишь бы хватило сил! Когда он вы-

¹ Измир — турецкое название города Смирны, в Малой Азии.

бежал на палубу и, впившись взглядом в берег, жадно стал вдыхать знакомые запахи родной земли, доносимые ветром, пряность эвкалиптовых и лавровых деревьев, сладковатый аромат тамарисков, когда увидел округлые шапки сосен и широкое устье реки, берущей свое начало в его родных горах, Гвидо охватило чувство безумного счастья. Казалось, все существо его наливается соками жизни. Но это было лишь мгновение, быстро сменившееся гнетущей слабостью. Когда, брошенный в трюм, Гвидо ударился о ступени лестницы, он чуть было не потерял сознание. Придя в себя, он решил не выходить на палубу, чтобы не попадаться больше на глаза надсмотрщику, и пролежал в трюме дотемна.

Разгрузка началась поздно ночью. Вместе с другими Гвидо обвязывал тюки канатом и спускал их в лодки. Под страхом жестоких наказаний были запрещены всякие разговоры. Работавшие тихо копошились на темной палубе. Бесшумно уходили и возвращались лодки.

Гвидо рассчитал, что эта тишина должна помочь ему бежать: нуждающийся в ней хозяин галеры не станет нарушать ее погоней, которая будет стоить ему куда дороже потери одного матроса. У Гвидо хватило выдержки поработать некоторое время; он даже раза три вплотную подходил к надсмотрщику, чтобы тот видел его.

Наконец чуть побелел восточный край неба.

Как бросился он за борт и как, выбиваясь из последних сил, доплыл до берега, какого напряжения воли стоило ему, до крови изодрав руки и ноги, вскарабкаться по скользкой стене причала, в который он уткнулся, плывя в темноте, он плохо помнил. Очнувшись, лежа в грудe гнилых досок и разбитых бочек, прятанных его от моря. Первое, что увидел он, было посветлевшее небо, первое, что услышал, — звон церковного колокола.

Пошевелившись, Гвидо почувствовал сильную боль в руках и ногах. Тело горело и дрожало в ознобе. Надо было скорее найти себе пристанище подальше от берега. Гвидо поднялся на ноги и огляделся. Тихое утро розовело на верхушках деревьев, на башне древней церкви.

Церковь привлекла внимание Гвидо. Он побрел к ней, шатаясь, держась о заборы и стены домов. У входа в церковь он встал в ряд с нищими и протянул проходящим худую, в ломотях грязной рубахи, запачканную кровью руку. Так он думал уберечься от глаз людей с галеры. Невыносимо болело все тело, горело и тряслось в ознобе. Рот пересох в мучительной жажде, в глазах наплывали красные пятна. Тянуло лечь, уснуть. Гвидо напрягал последние силы, борясь со слабостью. Прошло немало времени, пока он решился пойти дальше.

Гвидо хорошо помнил эту припортовую часть города, где он жил перед отъездом в Кафу. Вон на той улице, выше, церковь Косьмы и Дамиана, за ней — площадь Святого Георгия; там есть фонтан, из него можно напиться холодной, светлой воды.

Солнце начинало печь. В гору идти было трудно, словно ноги закованы в цепи. Вот так было на турецкой галере, когда он был прикован к скамье гребцов...

Голова кружится. В глазах все плывет — дома, деревья, небо. Гвидо, опираясь о стены домов, плетется, шатаясь как пьяный. Прохожие сторонятся этого страшного нищего старика в грязных лохмотьях.

Так Гвидо дошел до церкви и упал на ее ступени. Сердобольная старуха принесла ему воды. Паперть была в тени. Из дверей церкви тянуло прохладой. Гвидо поднял голову. Улица была пустыня, но какой-то неясный шум нарастал со стороны площади Святого Георгия. Вот с гиканьем промчалась туда стайка мальчишек, пробежали и несколько человек взрослых, на вид — ремесленников. Что там такое?

Не зная, зачем он это делает, в полубреду, Гвидо встал и пошел навстречу шуму. Ему казалось, что все это он видит во сне. Ведь идти он не может, а идет. Вот уже и площадь Святого Георгия, вот фонтан... Но почему такой шум и столько людей? Над их головами значки ремесленных цехов. Вон корабль, вон ткацкий станок, а там зеркало. И что это за человек, который взобрался на край фонтана и, подняв руку, заставил толпу замолчать? Мгновенно стало тихо, и человек на фонтане заговорил... Какой, однако, странный сон! Голос человека показался Гвидо знакомым. Где он слышал его? Лица человека он различить не может, слов — тоже. Но вот человек громко и ясно выкрикивает: «Да здравствует народ! Да сгинут знатные!» — и высоко над головой поднимает рогатую шапку.

— Родольфо! — радостно кричит Гвидо, протягивая руки к человеку на фонтане.

— Родольфо! Родольфо! — вторит ему толпа.

— Да здравствует народ! — кричит Гвидо.

— Да здравствует народ! — кричат сотни голосов.

Родольфо подхватывают на руки и несут. Толпа двигается за ними следом, увлекая с собой Гвидо...

«Какой странный сон!» Гвидо сидит на земле, опершись спиной о стену дома. На узкой улице пусто и тихо. И как будто не так уж жарко — день, что ли, идет к концу? Снова мучит жажда, перед глазами туман то наплывает, то рассеивается. «Надо встать, — думает Гвидо, — непременно встать и попросить кого-нибудь пустить на ночь. Здесь спать нельзя: стража может взять — и тогда вернут на галеру... Только бы не заснуть здесь!..» Но слабость непреодолимо клонит ко сну.

Гвидо чужится конский топот. Медленным шагом приближаются две лошади в богато изукрашенных уздечках и чепраках. На одной лошади — знатная синьора в темно-красном бархатном платье, расшитом золотом, в белой повязке на голове. Конец повязки широкой лентой спадает на спину лошади. На другой лошади — нобиль в белом атласном камзоле, расшитом серебром. Поверх камзола малиновый паландрино. Пряди белокурых волос выются из-под круглой белого шелка шапочки в золотых блестках.

Увидав Гвидо, синьора останавливает лошадь.

— О пресвятая дева! — восклицает она. — Посмотри на этого несчастного старика! — указывает она на Гвидо и опускает руку в кошель у пояса.

Синьора очень некрасива: у нее длинный горбатый нос и сильно выпяченная нижняя губа.

Гвидо всматривается во всадника.

— Да ведь это... мессер Скампи! — говорит он.

— Он знает тебя? — спрашивает изумленная синьора, поднимая покрашенные брови, и кидает монетку Гвидо.

— Простой народ хорошо знает и уважает нашу семью, Илария, — с гордостью отвечает мессер Джорджио.

В эту минуту сзади подбегает ватага мальчишек с криками: «Да стигнут знатные!» Один из мальчишек хватает камень и бросает в коня Скампи. Получив удар в круп, конь взметывается на дыбы и делает бросок вперед. Шапка Скампи слетает с его головы и падает к ногам Гвидо. Синьора истошно взвизгивает. Всадники мчатся прочь. Мальчишки со свистом и гиканьем бегут за ними следом.

«Конечно, сон, — думает Гвидо. — Непременно надо встать...» Он поднимает голову и видит розовую верхушку тамариска. «Солнце садится. Нельзя оставаться на улице. Скорей!» Его взгляд падает на лежащую на земле шелковую шапку, он берет ее в руки. «Значит, не сон».

Цепляясь за выступ стены, Гвидо поднимается на ноги, опирается о стены и идет по улице. Дойдя до угла, он замечает вдали над дверью какую-то вывеску; она поблескивает в луче заходящего солнца. «Скорей туда! Еще три дома... Вот первый... второй... третий... Вот дверь с вывеской...» Гвидо поднимает голову. — Что это? Тот самый «Золотой баран»!

Из последних сил, цепляясь за косяк, входит Гвидо в дверь. Каменная лестница ведет в подвал. В глазах потемнело, нога сорвалась со ступеней, и Гвидо, потеряв сознание, скатился вниз...

Двое суток Гвидо находился в полузабытьи, спал, бредил, опять спал. На третьи сутки, поздно вечером, пришел в себя. Он лежал на деревянной кровати. Поодаль на столе горела

свеча. У ног Гвидо сидела женщина. Увидав, что он открыл глаза, она поднялась, пошла к столу, взяла кружку и, взяв больного за руку, наклонилась.

— Выпей, — сказала она тихо и ласково.

Гвидо жадно прильнул к кружке. Это было вино, холодное и душистое.

— Тебе полегче теперь? — так же тихо спросила женщина.

Проведя рукой по его влажному лбу, она пригладила упавшую прядь волос.

Он кивнул головой.

— Как звать тебя? — спросила она.

— Гвидо... — чуть слышно прошептал он.

Женщина отошла к столу и спросила:

— Откуда ты?

— Из Солдайи...

Кружка стукнула о стол, и женщина быстро вышла из комнаты. В открытую дверь ворвалась полоса света и шум голосов. Гвидо повел взглядом по стене и увидел над собой обвитую плющом фигурку богоматери в кружевной мантии и золотой короне, а под ней большой дверной ключ. Женщина вернулась. За ней вошел мужчина в короткой безрукавке, с виду ремесленник. Они подошли к Гвидо.

— Ты из Солдайи? — спросил мужчина.

— Да.

— Из предместья?

— Нет, из крепости...

— Из крепости?!

Мужчина наклонился совсем близко и стал всматриваться в обросшее бородой лицо больного.

— Как тебя звать? — И, не ожидая ответа, радостно крикнул: — Постой, постой!.. Да ведь ты Гвидо!

— Да...

— А я солдат Пьетро! Пьетро! Помнишь? — Он сел на кровать и, взяв Гвидо за плечи, поцеловал его. — А ее не узнал? — взволнованно спросил Пьетро, указывая на женщину.

Она стояла, держа ладони сложенными на груди, как для молитвы, и слезы блестели в ее глазах. Улыбаясь, она шептала:

— Святая дева, молись за него!

Гвидо, взглядевшись в ее лицо, тоже улыбнулся и, глубоко, облегченно вздохнув, прошептал:

— Джанинна!..

С этого вечера началась его поправка. «Сон» Гвидо оказался самой настоящей действительностью. Он узнал об этом, когда Джанинна и Пьетро рассказали ему, что оба они — Джанинна с Франческино, а Пьетро с цирюльником Родольфо — благополучно добрались до Генуи и нашли друг друга. Они пожени-

лись. Пьетро работает в порту на постройке судов, а Джанинна хозяйничает в своей харчевне, названной ею в память о Солдае «Золотым бараном». А цирюльник Родольфо занимается своим ремеслом и лечит больных; кроме того, он стоит во главе генуэзских ремесленников. Они уважают и любят его, считают своим вождем. Своими пламенными речами он разжигает в их сердцах волю к борьбе за их права — права людей труда, поработанных знатью и богатеями и их несправедливыми, жестокими законами. Пользуясь своими связями среди купцов и знати, Родольфо делает много добра. Не один десяток бедных семейств он спас от голодной смерти, не один десяток людей спас от галер и тюрьмы. Простой народ Генуи зовет его «Непреклонным».

В тот вечер, когда Гвидо без сознания скатился по ступеням лестницы харчевни, оказавшийся там Родольфо помог ему своими снадобьями, пустил кровь и научил Джанинну, как ухаживать за больным. С тех пор цирюльник каждый вечер приходил и осматривал больного.

Начав поправляться, Гвидо чувствовал себя счастливым. Окруженный заботой друзей, он был вознагражден за долгие годы несчастий и жестокого одиночества в чужих краях. Силы возвращались с каждым днем. Он с неизменным нетерпением ждал прихода Родольфо; всегда бодрый, цирюльник развлекал его своими веселыми рассказами. Они вместе вспоминали свою жизнь в Солдае, вместе мечтали о лучшем будущем.

Однажды Родольфо разрешил больному подняться и сесть на постели, после чего выпроводил из комнаты Джанинну, таинственно сказав ей, чтобы она не входила и никого не пускала, пока он не разрешит. Для верности он даже запер дверь на крючок. После этого цирюльник раскрыл знакомый Гвидо по Солдае ларец и приступил к стрижке волос и бритью его бороды. Когда все было закончено и больной снова был уложен, в комнату были допущены все желающие. Их оказалось трое: Джанинна, Пьетро и Франческино — рослый двадцатипятилетний парень, работающий зеркальщиком.

— Что вы скажете? — сказал им Родольфо, указывая на Гвидо и глядя на него, склонив голову набок, как делает живописец, любясь своей картиной. — В Солдае высокие начальники считали меня новеллистом, а вы — колдуном. Я хитрил, разувая в этом и тех и других, а на самом деле я, конечно, и то и другое. Смотрите: полчаса назад на кровати лежал старик, я прочитал над ним заклинание — и вот перед вами сорокалетний молодчик!

Джанинна, всплеснув руками, уселась на край кровати:

— Теперь и я узнала тебя! Ты стал совсем настоящим, совсем прежним Гвидо... Однако мне надо и за своим хозяйством смотреть!

И она ушла хлопотать в харчевне.

Пьетро и Франческино уселись за стол. Родольфо снял с гвоздя на стене белую шелковую шапочку и вертел ее в руке.

— Давно хотел я спросить тебя, — сказал он Гвидо, — откуда взялась у тебя эта шапочка? Джанинна говорила, что, когда ты упал с лестницы, ты крепко держал шапочку в руке.

Гвидо усмехнулся:

— А я про нее и забыл совсем! Это шапка Скампи. Она упала тогда на улице с его головы прямо на меня.

Джанинна принесла каждому по кружке вина.

— О! — воскликнул Родольфо. — Джанинна, принеси, пожалуйста, еще одну кружку — у нас сегодня знатный гость!

Родольфо на стуле у стола соорудил из своего плаща подобие человеческой фигуры и водрузил на нее белую шапочку.

— Смотри, Джанинна! Не узнаешь? — И, изменив голос, сказал: — Джорджио Скампи к вашим услугам!

Под общий смех Родольфо разыграл целую сцену своего мнимого разговора со Скампи:

— «Ах, Родольфо, ты друг, настоящий друг! Если я в Солдаيه когда-нибудь и смеялся, так это только от твоих рассказов».

«Боюсь, мессере, что в Генуе от моих «рассказов» вам скоро придется поплакать».

«Не пугай меня, Родольфо!»

«Что вы, ваша милость, разве можно напугать вас, храбрейшего из храбрых!»

«Ты льстишь мне, Родольфо».

«Что вы, что вы, мессер Джорджио! Кому-кому, а уж мне хорошо известно, что, если бы не ваша несчастная любовь к моне Иларии Квиниджи, вы были бы в первых рядах защитников солдайской крепости! Жестокая красавица погубила вас. Но любовь, мессере, любовь!.. Кто-кто, а уж я хорошо знаю, как вы пылко полюбили Джанинну, и, если бы не мой проклятый кувшин, вы непременно покорили бы сердце строптивой вдовушки...»

Франческино рассмеялся:

— Я очень хорошо помню, как я бежал за ним по лужам с этим кувшином и какая у него была злая рожа, когда я ему его передал...

— А ведь он был очень красивый! — сказала Джанинна, хитро поглядывая на Пьетро.

— Кто? — нахмурился Пьетро.

— Кувшин, конечно! — рассмеялась Джанинна и, чмокнув Пьетро в щеку, убежала в харчевню.

Через несколько дней Родольфо разрешил больному вставать. Гвидо ходил по комнате, смотрел в окно на небо и вер-

хушки деревьев, думал о своей деревне, садился за стол есть. Но время от времени ложился на кровать и дремал.

Однажды вечером Гвидо задремал, ожидая Родольфо, и был разбужен чьим-то покашливанием. Он открыл глаза и увидел стоявшего у двери незнакомого ему человека в длиннополой черной одежде, с длинными седыми волосами, делающими его бритое морщинистое лицо похожим на лицо старухи. Заметив, что Гвидо смотрит на него, он, улыбаясь, шагнул к столу, где, как обычно, горела свеча, и Гвидо смог рассмотреть его толстый и очень красный нос, изобличавший любителя фалернского и прочих крепких вин, прославивших Италию.

Когда удивленно глядевший на незнакомца Гвидо сделал попытку подняться с кровати, тот протянул к нему руки, подняв ладони:

— Нет-нет, лежи, лежи, друг мой! Я знаю, ты болен...— Сев на стул у стола, он добавил: — Не удивляйся, я давний посетитель «Золотого барана». Меня хорошо знает Джанинна, она-то и разрешила мне сейчас войти к тебе. Знаю я давно и цирюльника Родольфо (кто не знает его в Генуе!). И тебя я знаю по его рассказам. Он приходил ко мне за лекарствами для тебя, а я — аптекарь. Давно я хочу побеседовать с тобой. Теперь тебе лучше, и сегодня твоя строгая «стража» пропустила наконец меня к тебе.

Аптекарь рассмеялся, показав ряд редких темных зубов. Он достал из глубины кармана свиток бумаги, гусиное перо и отстегнул от пояса чернильницу.

— Вот,— сказал он, разглаживая рукой на столе бумагу.— Я не только аптекарь, а еще и писака. По поручению одного богатого купца я пишу хронику нашей прекрасной Генуи. Я не лезу в богословы и большие мастера — куда мне, неученому! Но за свою долгую жизнь я кое-чему научился, да и здравомыслием бог не обидел. Писание мое простое и для людей простых. Родольфо говорил мне, что ты бился с сарацинами в нашей газарийской крепости Солдае до последнего ее часа. Расскажи мне, как это все было, а я запишу... Как звать тебя и откуда ты родом?

Аптекарь окунул перо в чернильницу.

Сперва неохотно и неумело, а потом увлекшись воспоминаниями, с волнением рассказывал Гвидо про оборону крепости, про печальную участь ее защитников. Аптекарь внимательно слушал и записывал, прерывая рассказ лишь там, где Гвидо упоминал о генуэзцах, и просил не торопиться и получше вспомнить их имена и занятия на родине.

Оба увлеклись настолько, что, когда открылась дверь и вошел шум харчевни, а в комнату один за другим вошли Родольфо, Пьетро, Джанинна и Франческино, аптекарь не поднял

головы от бумаги, а Гвидо не прервал своего рассказа. Входящие не перебивали его и тихо садились у стола.

Джаннина прошла на цыпочках и осторожно села на краешек кровати, с радостью глядя на ожившее после болезни лицо Гвидо, а слушая его рассказ, где и ей и «Золотому барану» — тому, настоящему, — было отведено немалое место, не раз с грустью поднимала глаза к ключу на стене. Так сидели они молча, поглощенные воспоминаниями о далекой, не существующей уже теперь Солдае...

Потрескивала нагоревшая свеча, колебля тени. Поскрипывало перо усердного аптекаря.

Наконец он заложил перо за ухо и, опершись руками о край стола, выпрямился, покряхтывая.

— Ну, а куда же девался консул ди Негро? — спросил он.

— Нас человек десять шло за ним, отбиваясь, к замку Святого Ильи, — ответил Гвидо. — Дошли туда пять человек. Я помню только, что у двери в капеллу сарацин взмахнул мечом и консул упал. Как раз в ту самую минуту два сарацина схватили меня сзади, связали мне за спиной руки и потащили из замка. Оттуда — к морю, бросили в лодку — и на галеру... Вот и все, что я помню, мессере. Не мастер я рассказывать...

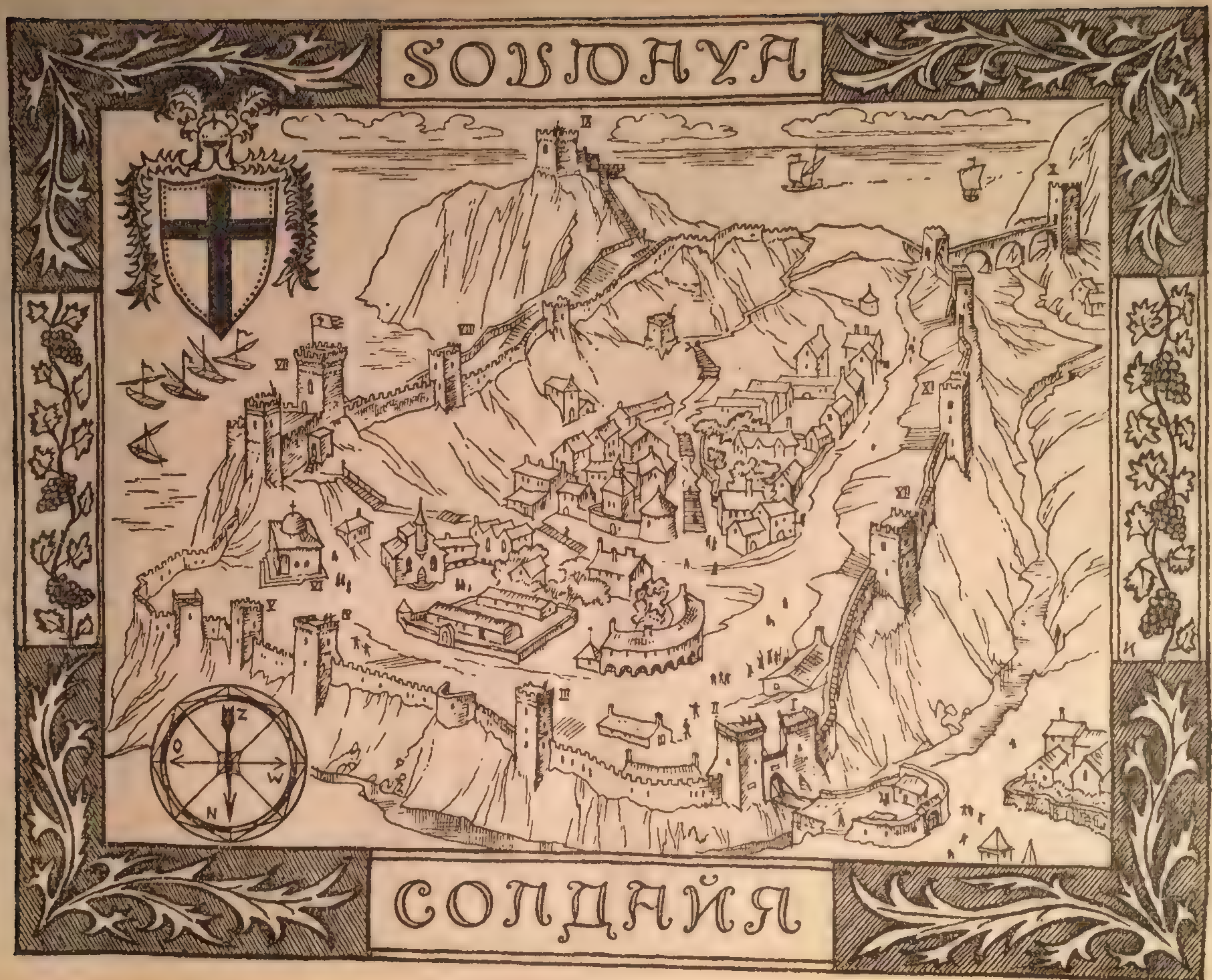
— Прекрасно! Прекрасно! — перебил его аптекарь. — Это все, что мне было нужно. — Он снова взял перо и нагнулся над бумагой. — На этом мы и закончим. Смерть консула ди Негро послужит прекрасной подробностью для заключения хроники. Без таких украшений, мой дорогой, хроник не пишут, и денег за такие хроники не платят. Вот ты мне рассказал просто, а разве не лучше будет увенчать твой рассказ о консуле ди Негро такими словами?..

Аптекарь поднял руку с пером, закинул голову и, замурив глаза, продекламировал:

— «И он умер с мечом в руке на пороге капеллы своей Солдаи!..» А? Разве не лучше?

Аптекарю никто не ответил.

I — Башня Торсело; II — Башня Франки; III — Башня Джудиче; IV — Башня Флиско; V — Башня Чичала; VI — Замок
 Св. Креста; VII — Консульский замок; VIII — Капелла; IX — Замок Св. Ильи (Башня Девы); X — Башня Астагвера;
 XI — Башня Румбальдо; XII — Башня Марионе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В восточной части Крыма, в Феодосии и Судакe, высоко на скалах сохранились остатки старинных каменных башен и стен... Это развалины крепостей, построенных итальянцами-генуэзцами в XIV — XV веках.

Крымский полуостров, носивший название «Таврида», был узлом торговых путей между Востоком и Западом — путей, шедших из Черного моря в Средиземное.

Глубоко врезавшиеся в берег бухты, огражденные от холодных ветров горами, были удобны для стоянки судов, широкие заливы с отлогими берегами делали Крымский полуостров превосходной торговой базой с множеством прекрасных мест для устройства складочных пунктов.

Богатые природные условия Крыма способствовали виноградарству и садоводству, леса и горы давали хороший материал для постройки селений и городов.

Еще в VII веке до нашей эры на побережье Крыма появились греческие города, получившие в античном мире широкую известность как центры мировой торговли.

Много веков подряд велась ожесточенная борьба за Крымский полуостров. Греки и римляне, скифы и готы, хозары и половцы, византийцы и татары, итальянцы и турки — кто только не оспаривал права владеть этой сокровищницей Черноморья!

Крым был связан с Русской землей. Связывали их реки Днепр, Дон, Кубань, связывали и степи, южно-русские и крымские. И коренным населением Крыма с IX века были русские, и Черное море называлось другими народами Русским, а Керченский пролив — Русской рекой. А у нас Черное море звали тогда Сурожским, по русскому названию Судака — Сурож.

Так было до XIII века, пока в Крым не вторглись монголы, заставившие русское население уйти в горные районы полуострова.

В XIV—XV веках в Западной Европе вырос торговый капитал. В Италии он способствовал образованию городов-республик и поддерживал их борьбу с отживающими свой век феодалами. Первое место в международной торговле того времени занимали итальянские города Венеция и Генуя.

Еще в XIII веке в Черном и Азовском морях стали появляться торговые галеры купцов — венецианцев и генуэзцев. Купцы устраивали свои торговые фактории в устьях Дона и в Крыму, стремясь овладеть рынками сырья и торговыми путями. Генуэзцы захватили в свои руки ряд бывших греческих городов в Крыму. Так возникла генуэзская Газария, названная по имени древнего Хазарского каганата. Столицей Газарии сделалась Кафа, основанная генуэзцами на месте греческой коло-

при Феодосии. Кафа стала главной торговой и военно-морской базой.

Поскольку европейская торговля с Индией и Ближним Востоком, а также Китаем шла в средние века преимущественно через Азовское и Черное моря, Газария, владея ключевыми позициями на этом торговом пути, к XV веку достигла небывалого экономического расцвета и могущества, несмотря на почти непрерывные военные столкновения со своими соперниками по торговле — венецианцами, а также татарами. Венецианцы захватили в Крыму Судак (Су-Даг) с окружающими его селениями и назвали его Солдаией. В 60-х годах XIV века генуэзцы, разбив венецианский флот, захватили Судак. В 1380 году они заключили с татарским ханом Тохтамышем договор, отдавший им во владение и Судак и все Крымское побережье, и остались почти на столетие его единственными хозяевами.

Генуэзцы превратили Солдаию в военный опорный пункт. В ряду нескольких крепостей, построенных генуэзцами на Крымском побережье, крепость Солдаия была внушительнее других и по своему местоположению, и по своим боевым качествам, позволявшим считать ее почти неприступной.

Почти шестисотлетние остатки ее башен и стен, пощаженные временем и дожившие до наших дней, говорят о мастерстве строителей и полноценности материала. Средневековая зубчатая башня крепости, стоя над морем на пятидесятидвухметровой скале, венчает этот прекрасный исторический памятник.

В XV веке в разных местах Италии, наряду с постоянной борьбой городов-республик между собой, происходят восстания городских ремесленников, требующих защиты своих прав. Эти революционные настроения перебрасываются и в генуэзские колонии в Крыму, где в 1454 и в 1471 годах в Кафе, и в 1470 году — в Солдаие происходят восстания ремесленников, и не только итальянцев.

Причиной этих восстаний была жестокая эксплуатация ремесленников и крестьян знатными феодалами-генуэзцами. В основу восстаний было положено то же, что и в Италии, — борьба со знатью и требование ввода представителей простого народа в городские самоуправления. Готовившееся восстание ремесленников в Солдаие, описанное в романе «Последний консул», было сорвано кровавым турецким захватом.

Со второй половины XV века начинается быстрый закат генуэзских колоний в Крыму. В 1453 году турки захватили Константинополь и проникли в Черное море, закрыв проливы. Генуэзские колонии оказались отрезанными от своей метрополии и рынков сбыта в средиземноморских странах.

К этому времени Московское государство уже выросло и окрепло. Великий князь Иван III завязывал политические

и торговые связи с Западной Европой и Востоком. Русское государство выдвигалось в один ряд с крупнейшими европейскими державами. «...Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли подозревавшая о существовании Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от московитов надменные речи», — писал К. Маркс.

Захват турками проливов Босфора и Дарданелл вызвал усиленные поиски новых путей для торговли европейских стран с Востоком. В 1469 году знаменитый русский путешественник Афанасий Никитин открывает путь в Индию, из Московии. Он возвращался на родину через Кафу, его рассказы о путешествии в Индию в обход турецких владений не могли не привлечь внимания генуэзских купцов, заинтересованных в новых путях для торговли с восточными странами.

В 1475 году турецкий флот подошел к берегам Крыма. Овладев генуэзскими крепостями, турки захватили генуэзские колонии и держали Крым в своих руках до присоединения его в 1783 году к России.

Роман В. Н. Владимирова «Последний консул» рассказывает о последнем годе владения генуэзцами Крымским побережьем — с осени 1474 до осени 1475 года.

Образ «последнего консула» крепости ди Негро, сурового солдата, верного своему долгу и мужественно умирающего на боевом посту, образ цирюльника Родольфо — мечтателя и поэта, занятого подготовкой народного восстания против господствующего феодального класса в Солдаيه, образы солдат, рыбаков, ремесленников, молодой трактирщицы Джанины и других простых людей нарисованы автором с большим художественным мастерством.

Роман исторически правдиво воспроизводит драматический момент в жизни крымской крепости Солдаи накануне захвата ее турками, увлекательно рассказывает о жизни и гибели ее последних защитников.

Проф. Н. В. Водовозов

О Г Л А В Л Е Н И Е

Об авторе этой книги	3	Глава XXII. Дождь	148
Глава I. Солдат	7	Глава XXIII. Заступница	157
Глава II. Святой отец	14	Глава XXIV. Допрос	164
Глава III. Консул	21	Глава XXV. Ключи	171
Глава IV. Виноград	25	Глава XXVI. Двойник	179
Глава V. «Как нельзя кстати!»	32	Глава XXVII. Кувшин	186
Глава VI. «Золотой баран»	40	Глава XXVIII. Святая ночь	191
Глава VII. Человек с распоротым животом	45	Глава XXIX. «Купец из Бергамо»	198
Глава VIII. Куст можжевельника	52	Глава XXX. Торжественное шествие	207
Глава IX. Круглый погреб	62	Глава XXXI. Казнь	212
Глава X. Философия мессера Джорджио	65	Глава XXXII. В пещере	217
Глава XI. Последние указания	72	Глава XXXIII. «Письма к Луццилю»	224
Глава XII. Ветер	77	Глава XXXIV. Лев и голуби	231
Глава XIII. Башня Румбальдо	84	Глава XXXV. Крыса	237
Глава XIV. Клубок разматывается	92	Глава XXXVI. Серый плащ	244
Глава XV. Неприятный разговор	97	Глава XXXVII. Прощанье	256
Глава XVI. Охота	102	Глава XXXVIII. Бегство	265
Глава XVII. Письмо	110	Глава XXXIX. Синдик	277
Глава XVIII. Скрутки продолжает рассказывать	121	Глава XL. Война мыслей	285
Глава XIX. Клятва гибеллина	129	Глава XLI. Разгаданное намерение	294
Глава XX. Неурочный доклад	135	Глава XLII. Одиночество	302
Глава XXI. Три исповеди	143	Глава XLIII. Последние дни Солдайи	309
		Глава XLIV. Гвидо	321
		Послесловие	333

Д л я с р е д н е г о и с т а р ш е г о в о з р а с т а

Владимиров Владимир Николаевич. ПОСЛЕДНИЙ КОНСУЛ

Исторический роман

Ответственный редактор Г. А. Дубровская. Художественный редактор Н. Г. Холодовская. Технический редактор Г. А. Подольная. Корректоры Э. Л. Лофенфельд и С. П. Мосейчук. Сдано в набор 11-IV 1967 г. Подписано к печати 5-VII 1967 г. Формат 60 × 90^{1/16}. Печ. л. 21. Уч.-изд. л. 21,79. Тираж 50 000 экз. ТП 1967 № 457. Цена 75 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 556.

ждь	143
ступница	157
прос	164
очи	171
ойник	179
увшин	186
вятая ночь	191
упец из Бер-	198
оржественное	207
нь	212
пещере	217
исьма к Лу-	224
и голуби	231
са	237
ый плащ	244
ощанье	256
гство	265
дик	277
ыслей	285
инное наме-	294
ество	302
дни	309
	321
	333

зраста

ул

Холодовская
П. Мосейчук.
1/16. Печ. л. 21.
4. № 2.
ика Детская
тров РСФСР.

Цена 26 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

В. ВЛАДИМИРОВ ПОСЛЕДНИЙ КОДЕКС